

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал

2020 год Том 13 Выпуск 6

Учредитель и издатель

Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

Главный редактор

Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ №ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

В номере:

Социология
Экономика
Философия

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067

Ответственный секретарь

И. И. Сальникова

Верстка и редакция

В. Г. Рыжкова

Адрес редакции и издателя

346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Подписано в печать 25.12.2020 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чанчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Карстен Флэйшер, Dr.-Ing., Университет прикладных наук Южной Вестфалии, Хаген, Германия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Российский экономический университет имени В. Г. Плеханова, Москва, Россия;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Московский государственный социальный университет, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвиров Борис Владимирович, д.э.н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновскова Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стуглинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)
СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

2020 год Том 13 Выпуск 6

Содержание

Contents

Колонка главного редактора	Editor-in-chief's Column
<i>Воденко К. В.</i> К читателям.....7	<i>Vodenko K. V.</i> To the Readers.....7
Теоретическая и прикладная социология	Theoretical and Applied Sociology
<i>Волков Ю. Г., Курбатов В. И.</i> Этнический капитал мигрантов: формирование, продвижение и динамика развития.....10	<i>Volkov Yu. G., Kurbatov V. I.</i> Ethnic Capital of Migrants: Formation, Promotion and Development Dynamics.....10
<i>Бабинцев В. П., Федотова М. А., Полушин П. В.</i> Системное управление командной работой на основе гуманитарного развития концепции социального технопаketирования.....28	<i>Babintsev V. P., Fedotova M. A., Polushin P. V.</i> System Management of Team Work Based on the Humanitarian Development of the Concept of Social Technology Packaging.....28
<i>Бахтин В. А.</i> Теоретико-методологические основания изучения этнокультуры медицинского туризма.....39	<i>Bakhtin V. A.</i> Theoretical and Methodological Foundations Studies of Ethnoculture of Medical Tourism.....39
<i>Захарова В. А.</i> Перспективы развития экологического поведения российской молодежи в контексте «поздней» современности.....45	<i>Zakharova V. A.</i> Prospects for the Development of Environmental Behavior of Russian Youth in the Context of «Late» Modernity.....45

Иванченко О. С. Транспрофессионализм в системе профессиональной подготовки и адаптации молодых ученых в условиях мобильного мира.....54	Ivanchenko O. S. Transprofessionalism in the System of Professional Training and Adaptation of Young Scientists in a Mobile World.....54
Кривоусков В. В., Первякова Р. Н. Общественный контроль как механизм воздействия на власть в социологическом дискурсе.....62	Krivopuskov V. V., Pervyakova R. N. Public Control as a Mechanism of Influence on the Government in the Sociological Discourse.....62
Курбатов В. И., Волков Ю. Г. Социальная сплоченность мигрантов: проявление в социальных сетях в условиях глобальных социальных изменений.....69	Kurbatov V. I., Volkov Yu. G. Social Cohesion of Migrants: Manifestation in Social Networks in the Context of Global Social Changes.....69
Литвинцев Д. Б. Жилищно-коммунальное хозяйство в России: социальные законы, гипотезы и теоремы в действии.....81	Litvintsev D. B. Housing and Communal Services in Russia: Social Laws, Hypotheses and Theorems in Action.....81
Нор-Аревян О. А., Черевкова А. И. Профессиональная династийность как стратегия воспроизводства медицинской профессии.....89	Nor-Arevyan O. A., Cherevkova A. I. Professional Dynasties as a Strategy for Reproducing the Medical Profession.....89
Петрулевич И. А. О влиянии российской правовой культуры на социальное поведение индивидов.....96	Petrulevich I. A. On the Impact of Russian Legal Culture on the Social Behavior of Individuals.....96
Рожабова К. Э. Молодежный туризм в фокусе социологической рефлексии.....102	Rozhabova K. E. Youth Tourism in the Focus of Sociological Reflection.....102
Ростовская Т. К., Пискалова-Паркер М. П., Безвербная Н. А. Система профилактики семейного насилия глазами экспертов: анализ авторского социологического исследования.....111	Rostovskaya T. K., Pisklakova-Parker M. P., Bezverbnaya N. A. Family Violence Prevention System Through the Eyes of Experts: Analysis of the Author's Sociological Research.....111
Синютин А. А. Трансформация ритуалов в условиях развития интернет-технологий.....120	Sinyutin A. A. Transformation of Rituals in the Context of the Development of Internet Technologies.....120
Шилкина Е. Л., Енина В. В. Государственная семейная политика в контексте минимизации демографических проблем.....127	Shilkina E. L., Enina V. V. State Family Policy in the Context of Minimizing Demographic Problems.....127

Чернобровкина Н. И.
Экспертная оценка социальной
справедливости в контексте интеграции
этнических общностей
Краснодарского края.....136

Chernobrovkina N. I.
Expert Assessment of Social Justice
in the Context of Integration
of Ethnic Communities
of the Krasnodar Region.....136

Экономика и управление

Economics and Management

Вегнер-Козлова Е. О.
Организационно-правовые аспекты эколого-
индустриального взаимодействия.....144

Wegner-Kozlova E. O.
Organizational and Legal Aspects
of Ecological and Industrial Interaction.....144

**Голощанова Л. В., Савина Н. П.,
Винидиктова К. А.**
Опыт внедрения информационных
технологий в сфере здравоохранения:
проблемы и перспективы.....154

**Goloshchapova L. V., Savina N. P.,
Vinidiktova K. A.**
Experience in Implementing Information
Technologies in Healthcare:
Problems and Prospects.....154

**Зацаринная Е. И., Чумакова Н. В.,
Голубев К. М.**
Анализ рейтингов эффективности
закупочных систем регионов России.....163

**Zatsarinnaya E. I., Chumakova N. V.,
Golubev K. M.**
Analysis of Performance Ratings
of Purchasing Systems in Russian Regions...163

Камына М. В.
Исследование структуры экономики
Республики Беларусь и мониторинг
тенденций ее развития в сравнении
с общемировыми экономическими
показателями.....172

Kamyna M. V.
Study of the Structure
of the Belarusian Economy and Monitoring
of Its Development Trends in Comparison
with Global Economic
Indicators.....172

Корнеев Д. В.
Направления развития
вспомогательного аппарата механизма
оценочно-прогнозного моделирования
в интеграционных системах управления
рисками.....185

Korneev D. V.
Directions of Development
of the Auxiliary Apparatus of the
Mechanism of Estimation and
Forecast Modeling in Integrated
Risk Management Systems.....185

Рагулина Ю. В., Литвинова А. И.
Перспективные направления развития
комплаенс в бизнесе в условиях
цифровой экономики.....193

Ragulina Y. V., Litvinova A. I.
Promising Directions for Development
of Compliance in Business
in Digital Economy.....193

Мещанинова Е. Г., Чернова А. И.
Рынок агрострахования:
возможен ли рост?.....202

Meshchaninova E. G., Chernova A. I.
Agricultural Insurance Market:
Is Growth Possible?.....202

Овчинникова Н. Г., Алиева Н. В.
Основа системы рационального
использования земельных участков.....211

Ovchinnikova N. G., Alieva N. V.
The Basis of a Rational Use
System Land Plots.....211

Поletaев И. Ю. Анализ и методы координации мероприятий по энергоэффективности экономики регионов.....217	Poletaev I. Yu. Analysis and Methods of Coordination of Regional Energy Efficiency Measures.....217
--	---

Хубаев Г. Н. Сокращение бюджетных ассигнований субъектов рынка путем унификации деловых процессов одного назначения.....224	Khubaev G. N. Reduction of Budget Allocations of Market Entities by Unifying Business Processes for a Single Purpose.....224
---	--

Философская инноватика

Philosophical Innovation

Матяш Т. П., Матяш Д. В. Национальный быт vs идея «плавильного котла»: социально-культурный аспект.....234	Matyash T. P., Matyash D. V. National Life vs the Idea of a «Melting Pot»: Socio-Cultural Aspect.....234
--	--

Васьков М. А., Мирошниченко А. В., Поливина М. А. Фейковые новости как фактор влияния на психическое здоровье российского населения.....245	Vaskov M. A., Miroshnichenko A. V., Polivina M. A. Fake News as a Factor of Influence on the Mental Health of the Russian Population.....245
---	--

Крольман М. Л., Косарева Е. С., Дементьев С. А. Детерминанты и самодетерминанты общественной жизни в российском обществе.....254	Krolman M. L., Kosareva E. S., Dementiev S. A. Determinants and Self-determinants of Public Life in Russian Society.....254
--	---

Левандина И. А., Липчанская И. В., Самыгин С. И. Современное российское неоязычество: определение, классификация, основные течения.....264	Levandina I. A., Lipchanskaya I. V., Samygin S. I. Modern Russian Neo-Paganism: Definition, Classification, Main Trends.....264
--	---

Матецкая А. В. Десекуляризация в российском обществе: предпосылки и проявления.....275	Matetskaya A. V. Desecularisation in Russian Society: Prerequisites and Manifestations.....275
--	--

Научная жизнь

Scientific life

Дятлов А. В., Ковалев В. В. Диссертация как научно-квалификационная работа: реализация алгоритма замысла соискателя.....282	Dyatlov A. V., Kovalev V. V. Thesis as a Scientific Qualification Work: Step-By-Step Scenario of Writing a Text.....282
---	---

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые читатели, коллеги!

Представляем Вам шестой и завершающий этот непростой для всех 2020-й год номер нашего журнала. Хотелось бы начать презентацию настоящего номера со слов искренней благодарности как авторам, так и членам редакционной коллегии за плодотворный труд, результатом которого являются содержательные и проблемно ориентированные выпуски нашего периодического научного издания. Благодаря высокому уровню публикуемых материалов и слаженной работе авторов, редакционной коллегии и редакции мы сумели в 2020 году трансформировать и преобразить журнал «Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки». В качестве приоритетной так же остается социально-экономическая тематика журнала, хотя уже на протяжении нескольких номеров мы развиваем рубрику, в которой обсуждаются важные философские проблемы — это все то, что мы называем философской инноватикой. Таким образом, в нашем издании успешно развиваются три научных отрасли: социологические, экономические и философские науки.

Непрерывное функционирование настоящего издания — результат многолетнего успешного развития в ЮРГТУ (НПИ) социально-гуманитарной научной школы, которая создана д.ф.н., профессором В.А. Чулановым. Создание социально-гуманитарной научно-педагогической школы в вузе тогда было обусловлено необходимостью разработки теоретических концепций и поиска путей и методов выхода общества из кризисного состояния переходного периода. В 2020 году деятельность научной школы была поддержана грантом Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2582.2020.6). В рамках научной школы реализуется проект на тему «Государственная политика в сфере высшего образования и развитие инновационного потенциала молодежи: экономические и неэкономические детерминанты и механизмы в условиях регионализации социального пространства и становления индустрии 4.0». Публикации в рамках данного проекта не раз были представлены на страницах нашего журнала.

Настоящий номер и раздел *«Теоретическая и прикладная социология»* открывается статьями известных отечественных социологов и представителей Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН — Ю.Г. Волкова и В.И. Курбатова. Так, в первой статье рассматривается формирование этнического капитала мигрантов, местом и средством которого являются социальные сети, служащие способом организации и самоорганизации этнических сообществ и одновременно важным исследовательским инструментом изучения миграционных процессов. Делается вывод о том, что этнический капитал мигрантов может быть дополнением приобретаемого мигрантами социального капитала и этим способствовать успешной адаптации мигрантов. В другой статье этих же авторов обсуждается социальная сплоченность мигрантов, формирующаяся как дополнение этнической сплоченности в результате понижения уровня доверия у мигрантов к принимающему обществу и государству в условиях глобальных социальных изменений, в том числе и в условиях пандемии COVID-19.

Кроме того, в номере в рамках научной специальности «Экономическая социология и демография» коллектив авторов так же из ФНИСЦ РАН (Т.К. Ростовская, М.П. Писклакова-

Паркер и Н. А. Безвербная) в своей статье на основе авторского социологического исследования предложили систему профилактики семейного насилия глазами экспертов, а вопросы государственной семейной политики в контексте минимизации демографических проблем продолжили обсуждать Е. Л. Шилкина и В. В. Енина.

Хотелось бы акцентировать внимание на статье под руководством ведущего российского социолога В. П. Бабинцева. Авторы представили вниманию научного сообщества концепцию системного управления командной работой на основе социального технопаketирования. Ими приводится краткое описание классического варианта концепции «технопаketов», предлагается расширение списка основных понятий концепции, вводятся новые типы технологий и др.

Также в настоящем номере представлены и другие статьи по социологии управления (общественный контроль как механизм воздействия на власть (В. В. Кривоусков и Р. Н. Первякова)), социологии культуры (теоретико-методологические основания изучения этнокультуры медицинского туризма (В. А. Бахтин), влияние российской правовой культуры на социальное поведение индивидов (И. А. Петрулевич), трансформация ритуалов в условиях развития интернет-технологий (А. А. Синютин)).

В рамках научной специальности «Социальная структура, социальные институты и процессы» обсуждается тематика развития экологического поведения российской молодежи в контексте «поздней» современности (В. А. Захарова), транспрофессионализм в системе профессиональной подготовки и адаптации молодых ученых (О. С. Иванченко), жилищно-коммунальное хозяйство (Д. Б. Литвинцев), профессиональная династичность в медицине (О. А. Нор-Аревян и А. И. Черевкова), молодежный туризм (К. Э. Рожанова), социальная справедливость в контексте интеграции этнических общностей (Н. Н. Чернобровкина).

Достаточно интересна и содержательна в номере рубрика «*Экономика и управление*». Так, Е. О. Вегнер-Козлова обсудила организационно-правовые аспекты эколого-индустриального взаимодействия, Л. В. Голощапова, Н. П. Савина и К. А. Винидиктова — опыт внедрения информационных технологий в сфере здравоохранения, Е. И. Зацаринная, Н. В. Чумакова и К. М. Голубев — рейтинги эффективности закупочных систем регионов России, Д. В. Корнеев — направления развития вспомогательного аппарата механизма оценочно-прогнозного моделирования.

Интересна статья нашей белорусской коллеги. К исследованию структуры экономики Республики Беларусь и мониторингу тенденций ее развития в сравнении с общемировыми экономическими показателями обратилась М. В. Камына. Одним из важных результатов исследования является утверждение, что Беларусь выдерживает сравнение с другими странами по экономическим показателям, в том числе и со странами-лидерами.

Новационно и оригинально исследование ученых из Российского университета дружбы народов Ю. В. Рогоулиной и А. И. Литвиновой по проблеме развития комплаенс в бизнесе в условиях цифровой экономики. В центре внимания статьи находится проблема неопределенности сущности и характера влияния цифровой экономики на бизнес-комплаенс. Статья нацелена на решение этой проблемы посредством определения перспективных направлений развития комплаенс в бизнесе в условиях цифровой экономики. Для решения поставленной проблемы автором проводится комплексное экономико-математическое моделирование влияния различных факторов государственного и корпоративного управления цифровой экономикой на выраженность результатов в области бизнес-комплаенс с применением метода корреляционного анализа.

Авторы в настоящем номере исследуют и другие многочисленные вопросы теоретической и прикладной экономики: рынок агрострахования (Е. Г. Мещанинова, А. И. Чернова), систему рационального использования земельных участков (Н. Г. Овчинникова, Н. В. Алиева), координацию мероприятий по энергоэффективности экономики регионов (И. Ю. Полетаев), бюджетные ассигнования субъектов рынка (Г. Н. Хубаев).

Раздел «*Философская инноватика*» последних номеров представлен научными специальностями «Социальная философия» и «Философская антропология, философия культуры». А в текущем выпуске он открывается интереснейшей статьей ведущих российских мысли-

телей Т. П. Матяш и Д. В. Матяш на тему «Национальный быт vs идея “плавильного котла”: социально-культурный аспект». Авторы поставили цель — изучить роль национального быта в практической реализации идеи слияния культур, которая в XX веке обозначена метафорой «плавильный котел». На основе реконструкция идей славянофилов и их последователей авторы утверждают что быт («плавильный котел») более долговечен, чем породившая его культура, что смысловые наполнения форм быта устанавливаются не юридическим законом, а являются отражением идеального мира культуры.

Также в на страницах журнала обсуждаются и другие интересные философские проблемы: фейковые новости в современном мире (М. А. Васьков, А. В. Мирошниченко и М. А. Поливина), детерминанты и самодетерминанты общественной жизни (М. Л. Крольман, Е. С. Косарева, С. А. Дементьев), современное российское неоязычество (И. А. Левандина, И. В. Липчанская, С. И. Самыгин), десекуляризация в российском обществе (А. В. Матецкая).

В разделе *«Научная жизнь»* наши ростовские коллеги-социологи В. В. Дятлов и В. В. Ковалев, исходя из представления о том, что диссертация есть не просто способ выразить идеи и обосновать их, используя арсенал методических средств, а это еще и своего рода научный тренинг, представили алгоритм написания текста диссертации по социологическим наукам как особого научно-квалификационного жанра. Это особо актуально в условиях необходимости повышения качества социологических исследований и развития социологической исследовательской культуры.

Хотелось бы поблагодарить членов редакционной коллегии журнала, сотрудников редакции и, конечно же, многочисленных авторов нашего журнала за эффективную и плодотворную работу в уходящем 2020 году. Несмотря на все сложности и проблемы этого года, мы смогли на всем его протяжении представлять научному сообществу содержательные и проблемно-ориентированные выпуски журнала. Надеемся на интенсивную и интересную работу в новом году.

Поздравляю уважаемых авторов, читателей и членов редакционной коллегии журнала с наступающим Новым 2021 годом и хочу искренне пожелать всем в первую очередь здоровья и, конечно же, новых научных и творческих достижений!

*Главный редактор журнала
«Вестник Южно-Российского государственного
технического университета (НПИ).
Серия: Социально-экономические науки»
профессор К. В. Воденко*

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.444

10.17213/2075-2067-2020-6-10-27

ЭТНИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ МИГРАНТОВ: ФОРМИРОВАНИЕ, ПРОДВИЖЕНИЕ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

© 2020 г. Ю. Г. Волков, В. И. Курбатов

*Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью исследования в настоящей статье является анализ этнического капитала мигрантов в этнических социальных сетях.

Методологической основой исследования этнического капитала мигрантов в социальных сетях являются следующие принципы: во-первых, принципы сетевого анализа, характеризующие выражение в социальных сетях форм социальных отношений, социальной коммуникации и ее контента; во-вторых, принципы оценки этнических социальных сетей согласно концепциям Э. Дикера, М. Смита, М. Ю. Небрата, Д. Хансона, В. Шандермана и других авторов как социальных медиа; в-третьих, принципы оценки этнических социальных сетей, исходя из анализа контента смысловых единиц информационно-коммуникационного взаимодействия в этнических социальных сетях как выражение методов контент-анализа, в котором смысловыми единицами анализа являются употребляемые в коммуникативном взаимодействии в социальных сетях понятия и термины, тексты и темы, события и факты, имена людей и названия организаций.

Результаты исследования. В статье рассматривается формирование этнического капитала мигрантов, местом и средством которого являются социальные сети, служащие способом организации и самоорганизации этнических сообществ и одновременно важным исследовательским инструментом изучения миграционных процессов. Продвижение этнического капитала мигрантов выражается в развитии таких качеств этнических сообществ, как упрочение этнических ценностей и традиций, этническое сплочение, этническая солидарность, сетевая самопрезентация и сетевая виртуальная этническая идентичность. Этнический капитал мигрантов может быть как дополнением приобретаемого мигрантами социального капитала и этим способствовать успешной адаптации мигрантов, так и противостоящей альтернативой ему в той социальной ситуации, когда мигранты ощущают дефицит социального капитала, т. е. дефицит социального доверия и равноправного социального партнерства со стороны принимающего общества, а рост ксенофобных, мигрантофобных и расистских настроений части населения принимающего общества, особенно в условиях глобального социального кризиса, чем является пандемия COVID-19, может усугублять данную ситуацию.

Ключевые слова: мигранты; миграционные процессы; социальные сети; этнические социальные сети; социальный капитал; этнический капитал мигрантов; этническая община; этническое сплочение; этническая солидарность; сетевая идентичность.

ETHNIC CAPITAL OF MIGRANTS: FORMATION, PROMOTION AND DEVELOPMENT DYNAMICS

© 2020 Yu. G. Volkov, V. I. Kurbatov

*South-Russian branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

The purpose of the research in this article is to analyze the ethnic capital of migrants in ethnic social networks.

The methodological basis for the study of the ethnic capital of migrants in social networks is the following principles: first, the principles of network analysis, which characterize the expression in social networks of forms of social relations, social communication and its content; secondly, the principles of assessing ethnic social networks, according to the concepts of E. Dicker, M. Smith, M. Yu. Nebrat, D. Hanson, V. Shanderman and other authors, as social media; thirdly, the principles of assessing ethnic social networks, based on the analysis of the content of semantic units of information and communication interaction in ethnic social networks as an expression of the methods of content analysis, in which the semantic units of analysis are concepts and terms, texts and topics used in communicative interaction in social networks, events and facts, names of people and names of organizations.

Research results. The article discusses the formation of the ethnic capital of migrants, the place and means of which are social networks, which serve as a way of organizing and self-organizing ethnic communities and at the same time an important research tool for studying migration processes. The promotion of ethnic capital of migrants is expressed in the development of the qualities of ethnic communities, such as the strengthening of ethnic values and traditions, ethnic cohesion, ethnic solidarity, network self-presentation, and network virtual ethnic identity. The ethnic capital of migrants can be both a complement to the social capital acquired by migrants and thereby contribute to the successful adaptation of migrants, and it can also be an opposing alternative to it in the social situation when migrants experience a shortage of social capital, i. e. the lack of social trust and equal social partnership on the part of the host society, and the growth of xenophobic, migrant-phobic and racist sentiments of part of the host population, especially in the context of the global social crisis, which is the COVID-19 pandemic, can aggravate this situation.

Key words: migrants; migration processes; social networks; ethnic social networks; social capital; ethnic capital of migrants; ethnic community; ethnic cohesion; ethnic solidarity; network identity.

Актуальность и степень разработанности темы. По оценкам ООН, которые приводятся в статистике Аналитического Центра Института Цифровых Трансформаций и Исследований Экономических Трендов,

каждый 35-й житель планеты является мигрантом, а в развитых странах это уже каждый 10-й. В Российской Федерации, по оценкам специалистов, число международных мигрантов достигло цифры порядка 12–15 мил-

лионов человек, что составляет от 8 до 10% населения страны. Самая крупная этническая община — это выходцы из Узбекистана, их численность насчитывает от 5,5 до 5,7 млн. человек; вторая по численности крупнейшая этническая диаспора — таджики, их численность только официально достигает 3,6 млн. человек; на третьем месте украинцы, их численность оценивается в 3,5 млн. человек. Кроме них, крупные этнические общины представляют Азербайджан, Казахстан, Армения и Грузия [1].

Приток мигрантов на территорию принимающего общества, как отмечают такие отечественные исследователи, как И.М. Кузнецов, В.И. Мукомель, Е.А. Трушкова, Н.В. Явкин, во многом связан с наличием этнических социальных сетей, которые облегчают их адаптацию [2–4]. Одним из ведущих трендов миграционных процессов в настоящее время выступает языковая, культурная и этническая концентрация. На это указывают такие отечественные и зарубежные исследователи, как Д.В. Житин, Т.С. Кондратьева, А.И. Краснов, Е.А. Трушкова, С.Э. Мани, П.В. Миллер, Б.Р. Чисвик и другие [5–9]. Это выражается в совместном размещении, расселении и локализованном обустройстве производства для самозанятости различных этнических групп, а также в формировании анклавов, общин, диаспор и социальных сетей.

Этническая концентрация помогает мигрантам более успешно решать свои проблемы, такие как поиск работы и трудоустройство, помощь в бытовых вопросах, юридическая и эмоциональная поддержка, выражается в языковой, этнокультурной, коммуникативной взаимосвязи с членами общины, анклава или диаспоры и проявляется в этническом взаимодействии и этнической солидарности. Этнические сообщества и этнические анклавы, как отмечают Е.Б. Бедрина, С.А. Медякова и О.А. Персидская, представляются как группа людей одной этнической принадлежности, проживающих на территории принимающего общества в соответствии со своими обычаями и культурными традициями [10–11].

Исследования, в частности, монография «Комплексная оценка влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории в вопросах формирования региональной миграционной по-

литики» под редакцией А.Г. Шеломенцева, показывают, что этническая концентрация и выбор мигрантами локализации размещения в принимающем обществе обусловлены следующими предпочтениями и предпосылками: 51% респондентов обращался за помощью к друзьям и родственникам, 32% занимались поиском самостоятельно и 15% обращались к работодателю. Кроме того, на вопрос «кто проживает совместно с вами» 59% респондентов ответили — близкие родственники и семья, 23% — друзья. Что касается круга общения, то в основном это члены семьи — 38%, коллеги по работе — 19%, соседи по дому — 21% [12].

Одним из следствий этнической концентрации является создание этнических социальных сетей. Социальная сеть — это электронная платформа, ставшая медийной системой, предназначенная для организации социального взаимодействия. Согласно общепринятому определению, социальная сеть есть социальная структура, состоящая из группы центров информационной связи, так называемых узлов, которыми являются различные социальные объекты: коммуникативные и координационные центры, организации, люди.

Актуальность исследования этнических социальных сетей как формы самоорганизации этнических сообществ мигрантов, способа формирования, продвижения и проявления этнического капитала и механизма изучения процессов миграции обусловлена тем, что миграция стала глобальным явлением.

Применительно к российским мигрантским цифровым платформам специфика исследования ориентирована на множество сообщений (текстов) в социальных сетях, выражающих социальное информационно-коммуникационное взаимодействие мигрантов по широкому спектру вопросов, выражающих сложившиеся мигрантские социальные практики, что превращает социальные сети в важный исследовательский инструмент, использование которого в изучении данной сферы социальных отношений является практически и теоретически актуальным и значимым.

Понятие этнической социальной сети стало широко обсуждаться в исследовательской литературе в конце прошлого века пос-

ле работ Дж. Аранжо, Г. Хьюго, Д. Массея и других авторов, которые определили данное понятие как форму организации трудового устройства, социального взаимодействия и межсемейной поддержки этнических сообществ мигрантов [13–14]. Этническая социальная сеть, как отмечают такие исследователи, как Дж. Блуменшток, М. Порос, С. В. Рзаева, Ч. Тан, Г. Ши, — это социальная структура, состоящая из группы узлов, которыми служат различные социальные объекты. Этими объектами являются координационные информационные центры, отдельные люди, группы людей, этнические общины, анклав, диаспоры, различные этнические сообщества, этнические организации. В самом общем смысле этническая социальная сеть — это сообщество людей, представляющих некоторый этнос, объединенных общими интересами, связанными с предпринимательством, занятостью на производстве и самозанятостью, информационным и эмоциональным межсемейным взаимодействием, обменом новостями, поддержанием этнических, в том числе и религиозных традиций и обычаев, бытом и взаимопомощью [15–17].

С информационно-технологической точки зрения, социальная сеть есть веб-сервис, позволяющий пользователям создавать открытые, публичные профили пользователей, список тех, кто состоит с ними в информационной связи, и вести с ними интерактивный диалог. С философской точки зрения, социальная сеть представляет собой систему информационно взаимосвязанных объектов, находящихся в непрерывном информационном интерактивном взаимодействии. Социология рассматривает этнические социальные сети как множество взаимосвязанных специфических респондентов, выражающих свое мнение посредством сетевой коммуникации и информационно-коммуникационного взаимодействия; социально-антропологическая позиция в этом отношении, выраженная цифровой трансформацией природы мигранта, как отмечают такие исследователи, как О. В. Ахметова, М. Н. Бычкова, А. П. Глухов, И. В. Гужова, И. П. Кужелева-Саган, С. Мани, С. С. Носова, Ю. Стаховская и другие авторы, характеризует этнические социальные сети, как информационные сети цифровых диаспор, а самих акторов этих сетей — как

цифровых маргиналов и цифровых кочевников [18–19]. Обсуждение специфики этнических социальных сетей в отечественной и зарубежной исследовательской литературе показывает, что они являются местом и средством формирования, продвижения и проявления этнического капитала мигрантов.

Цель и предмет исследования. Целью исследования в настоящей статье является анализ этнического капитала мигрантов в этнических социальных сетях, что определяет ее предмет, которым выступает информационно-коммуникационное взаимодействие мигрантов, выражающееся в контенте информационных сообщений в этнических социальных сетях, характеризующее формирование, продвижение и проявление этнического капитала мигрантов как форме организации и самоорганизации социальных отношений в мигрантских сообществах и способе их изучения.

Авторская гипотеза. Авторской гипотезой является предположение о том, что этнические социальные сети являются формой организации и самоорганизации этнических сообществ мигрантов, в которой формируется этнический капитал мигрантских сообществ, выражающийся в этнической сплоченности, этнической солидарности, этнической сетевой самопрезентации и сетевой идентичности, что дает возможность трактовать этнические социальные сети не только как механизм социальной адаптации мигрантов, но и как способ формирования, продвижения и проявления этнического капитала, что также характеризует этнические социальные сети как важный инструмент изучения миграционных процессов с точки зрения количественных параметров (количество постоянных членов в сетевых этнических группах, их национально-демографические параметры), структурно-функциональных черт (сетевая организационная и социально-информационная структура) и содержание информационно-го взаимодействия (контенты сообщений). Формирование и продвижение этнического капитала может быть как дополнением социального капитала, так и этнической альтернативой ему в социальных условиях дефицита социального капитала у мигрантов.

Методология исследования. Методологической основой исследования этнического капитала мигрантов в социальных сетях являются следующие принципы: во-первых, принципы сетевого анализа, характеризующие выражение в социальных сетях форм социальных отношений, социальной коммуникации и ее контента, разработанные такими исследователями, как К. Кадушин, П. Карлос, В. Ной [20–22]; во-вторых, принципы оценки этнических социальных сетей как социальных медиа согласно концепциям Э. Дикера, М. Смита, М. Ю. Небрата, Д. Хансона, В. Шандермана и других авторов [23–25]; в-третьих, принципы оценки этнических социальных сетей, исходя из анализа контента смысловых единиц информационного-коммуникационного взаимодействия в этнических социальных сетях как выражение методов контент-анализа, в котором смысловыми единицами анализа являются употребляемые в коммуникативном взаимодействии в социальных сетях понятия и термины, тексты и темы, события и факты, имена людей и названия организаций.

В работе также используется синтез принципов антропологии интердисциплинарности и транснационального подхода в современных миграционных исследованиях согласно формулировкам В.Т. Ананьиной, Р. Баубоко, П. Кивисто, А.М. Степанова и других авторов, что дает возможность сопоставления российских миграционных процессов с общемировыми трендами и позволяет оценивать мигранта не только как человека, оторванного от своей страны, но и как субъекта, обладающего полиидентичностью [26–29].

Обсуждение. Этнический капитал, как показывают современные отечественные и зарубежные исследования, является формой социального капитала, который либо дополняет социальный капитал мигрантов, либо является его альтернативой. В соответствии с этим следует рассмотреть понятие социального капитала, выявить его роль в адаптации мигрантов и прояснить вопрос о том, каким образом этнический капитал мигрантов является его дополнением либо альтернативой.

Социальный капитал представлен обычно концепциями Р. Путнэма, П. Бурдые и Дж. Коулмана. Так, согласно Р. Путнэму

социальный капитал есть социальная организация, такая как сеть, включающая в себя нормы, правила и социальное доверие, которые облегчают координацию и сотрудничество для взаимной выгоды. С точки зрения П. Бурдые, это совокупность фактических или потенциальных ресурсов, которые институционализируют отношения взаимности и признания. Для Дж. Коулмана социальный капитал определяется его функцией: это множество разных сущностей, имеющих две общие характеристики — все они состоят из некоторого аспекта социальной структуры и способствуют определенным действиям отдельных лиц, входящих в структуру [30–35].

Однако этим содержание данного многоаспектного понятия не ограничивается. Так, согласно Н. Лин социальный капитал — это ресурсы, встроенные в социальную структуру, которые доступны и/или мобилизованы в целенаправленных действиях. С. Айер, М. Китсон и Б. Тох квалифицируют социальный капитал как институты, отношения и ценности, регулирующие взаимодействие между людьми. С. Адридж, Д. Хэлперн и С. Фицпатрик включают в понятие социального капитала нормы, отношения, ценности и неформальные санкции, которые определяют количество и кооперативное качество социальных взаимодействий общества. С. Рейс, Дж. Джиованнони и А. Томсон определяют социальный капитал как многочисленные ресурсы, полученные в результате социального взаимодействия между людьми и группами. П. Кук, Н. Клифон и М. Олеага называют социальным капиталом применение социальных норм взаимности, доверия и обмена в политических или экономических целях. С точки зрения Д. Штолля, социальный капитал есть потенциальная готовность граждан сотрудничать друг с другом и коллективно участвовать в гражданских начинаниях [36–41].

В обобщенном виде социальный капитал, как отмечают М. Блок, Н.А. Головин и А.Н. Татарко, может быть представлен, как такой баланс личных и общественных интересов, который возникает и растет на индивидуальном, групповом и общественном уровне в результате взаимодействия участников контактов и их коллективных действий [42, 43].

Исследование этнических социальных сетей как способа самоорганизации этнических мигрантских сообществ и форм социальных отношений, социальной коммуникации и ее контента, как отмечают Х. Вонг и С. Маани, выявляет формирование этнического капитала, выражающегося в этнической сплоченности, солидарности, социальном партнерстве, этнической сетевой идентичности [44–46]. Понятие этнического капитала было введено в исследовательскую литературу в 90-е годы прошлого столетия Г. Боржасом и использовалось для описания социальных связей между мигрантами, которые основаны на общих ценностях, нормах и правилах, способствующих доверию, солидарности и взаимовыгодному социальному сотрудничеству [47].

Этническая сплоченность, как отмечает Дж. Джамнат, характеризует взаимодействие между членами этнической группы, основанное на установках, нормах и правилах, базисом которых выступают доверие и чувство принадлежности к этой группе [48].

На острие исследовательского интереса находится вопрос о сущности этнических социальных сетей. Мы согласны с мнением Рианна Деккера и Годфрида Энгберсена, утверждающих, что этнические социальные сети — это не только новые каналы коммуникации, но и социально-информационный механизм, который способствует формированию миграции, создает не только новую инфраструктуру, но и новую информационную культуру, способствует развитию социальных отношений, является богатым источником инсайдерских знаний о миграции, что делает этнические социальные сети важным средством изучения миграционных процессов [49, 50]. С.В. Рзаева полагает, что этническая социальная сеть есть механизм миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающем обществе, а изучение этнической социальной сети в контексте миграционных процессов выражает описание сущности миграции и поведения мигрантов [51]. Понимание сущности миграции неотделимо от понимания этнических социальных сетей как инструмента для изучения миграционных процессов в разных сферах общественных отношений: в производстве, предпринимательстве, самозанятости, образовании, повседневной жизни, на что ука-

зывают такие исследователи, как О.Е. Васильева, Е.И. Самофалова, В.С. Удовенко и другие авторы [52, 53]. Описание, основные характеристики и функции социальных сетей можно найти, в частности, у К. Леви-Стросса, Р. Мертона, П. Холланда, Х. Уайта, М. Грановеттера и П. Бурдые. Это понятие также исследовалось М. Кастельсом, Ф. Фукуямой, Э. Тоффлером. Социальные сети как метод социологического исследования рассматривались в работах М. Грановеттера, Г.В. Градосельской и других авторов [54, 55]. Солидаризация с членами этнического сообщества в этнических социальных сетях на основе форматов этнического капитала, как отмечают М.А. Панарина и И.А. Лавров, является базисом формирования идентичности [56]. Идентичность, формирующаяся в социальных сетях, как показывают исследования Л. Басха, К. Блан-Сзантона, А. Саглара, Н. Шиллера, конечно, зависит от следующих характеристик: раса, этнос, национальность, класс, пол и т.д., а также от их восприятия в принимающей стране. И хотя расовые, этнические и национальные категории объединяют людей в соответствующие общности, на этническую идентичность оказывают влияние такие характеристики, как образование, профессия, ценности, идентичность, культурный репертуар, социальная роль [57, 58].

В тех или иных случаях приоритетом может быть исключительно этническая и национальная идентичность, но в основном идентичность формируется как взаимодействие разных культур. Как отмечает Р. Путнэм, «...устоявшиеся культурные обычаи индивидов будут воспроизводиться посредством объединения и укрупнения социальных связей, а укрепление этих связей, скорее всего, предоставит возможности для последующих изменений» [59, с. 256].

Дополняя собою социальный капитал, этнический капитал играет важную роль в организации миграционных процессов, обеспечивая более легкий и менее затратный доступ к информации о местном рынке труда, помогает мигрантам адаптироваться к окружающей среде в принимающей стране на основе общей культуры, языка и социальных норм. Обсуждение вопросов роли социальных сетей в формировании, продвижении и проявлении этнического капитала мигрантов поз-

воляет сделать следующие выводы о причинах формирования этнического капитала как альтернативы социальному капиталу.

Во-первых, это дефицит социального капитала мигрантов, понимаемый как социальная организация, включающая в себя нормы, правила и социальное доверие, совокупность фактических или потенциальных ресурсов, которые институционализируют отношения взаимности и признания, как социальный институт, регулирующий взаимодействие между людьми, и как ресурсы, встроенные в социальную структуру, которые доступны и/или мобилизованы в целенаправленных действиях мигрантов, является основной причиной того, что как альтернатива ему формируется и продвигается этнический капитал.

Во-вторых, дефицит социального капитала мигрантов выражается в дефиците доверия и равноправного социального партнерства, что связано с самыми разными причинами, среди которых причины экономические (по данным «Левада-центра», до 64% россиян считают, что они или их родственники могли бы выполнять работу, которой занимаются мигранты), причины психологические и социокультурные (связаны с распространением суждений типа «мигрантов становится все больше», «мигранты никогда не впишутся в российский социум, так и останутся чужаками», «из-за мигрантов в России повышается уровень преступности» и т.п.).

В-третьих, это устойчивые ксенофобные настроения части россиян, в соответствии с которыми свыше 70% россиян хотели бы ограничить проживание какой-либо этнической группы в России, 55% россиян согласны с лозунгом «Россия — для русских», свыше 30% — за то, чтобы сократить число мигрантов из Средней Азии, выходцев с Кавказа — более 30%, украинцев — около 20%. При этом 64% граждан уверены, что их родственники могли бы выполнять работу, которой занимаются мигранты. Помимо высокой степени поддержки лозунга «Россия — для русских», радикальные ксенофобы поддерживают ограничение притока трудовых мигрантов, а также одобряют дискриминационные объявления о сдаче жилья или о найме на работу по этническому или религиозному признаку, говорится в исследовании (результаты опроса показали массовое распростра-

нение таких объявлений; до 87% россиян заявили, что встречались с такими объявлениями) [60].

В-четвертых, настроения мигрантофобии усилились в условиях пандемии COVID-19, охватившей весь мир. Она существенно осложнила жизнь практически всех людей, сказавшись на их экономическом благополучии, и в подобных условиях, как показывает историческая практика, всегда усиливаются подобные настроения в диапазоне от ксенофобии до расизма. Однако, субъектами ксенофобных установок являются далеко не все россияне. Социологические исследования феномена ксенофобии и интолерантности, проводимые до пандемии, представленные В.И. Мукомелем, показывают четкую взаимосвязь между ухудшением материального положения и ксенофобными установками. В частности, субъекты ксенофобных установок связаны, прежде всего, с ухудшением своего материального положения. Данные исследований показали, что 76,9% «ксенофобов» отметили ухудшение своего материального положения в течение последнего года. Приверженцы ксенофобных установок боятся потерять работу больше других: их выявлено 87,8%. Установлена еще одна зависимость, которая выражает взаимосвязь между владением человеческим капиталом и ксенофобными установками: ксенофобные установки больше распространены среди лиц, не получивших хорошего образования [61–63].

Важным индикатором роста ксенофобных настроений среди россиян является оценка вклада мигрантов в общественную жизнь. Так, по данным Н. Мاستиковой, которая ссылается на материалы Европейского социального исследования (ESS), 60% россиян негативно оценивают изменения, приносимые мигрантами в культуру, экономику и жизнь страны. Эти исследования также подтверждают корреляцию уровня жизни населения и уровень мигрантофобии: в странах с низким уровнем ВВП, низким уровнем жизни отношение к мигрантам будет хуже, чем в странах с высоким уровнем жизни и ВВП. Применительно к России следует отметить, что молодежь относится к мигрантам более радикально, а наиболее негативно относится к мигрантам группа 25–29-лет-

них. Следует вывод: мы можем ожидать, что чем более нестабильна экономическая ситуация в стране, чем меньше уровень зарплат, тем больше коренные жители будут видеть угрозу, конкуренцию в мигрантах за рабочие места [64–66].

Пандемия COVID-19 существенно ухудшила материальное положение некоторой части россиян. Так, во второй половине апреля до 42% выросла доля россиян, чье материальное положение ухудшилось. Серьезное снижение доходов отмечают 20% граждан. Отмечается также, что свыше половины опрошенных жалуются на рост расходов. В частности, 33% назвали причиной повышения расходов рост цен, 9% — необходимость тратить больше из-за того, что постоянно приходится находиться дома в период самоизоляции. Согласно апрельскому опросу об отказе от привычных товаров заявили 28% респондентов, а теперь об этом заявляют уже 44% опрошенных [67].

INTERFAX.RU отмечает, что опросы общественного мнения показали существенное снижение потребления. Доля респондентов, сообщивших о сокращении расходов и отказе от привычных товаров и услуг, выросла с 28% (в начале апреля) до 44%. Сильнее всего сокращали расходы на привычные траты те, у кого серьезно ухудшилось материальное положение (69%) [68].

Пандемия создает тот кризисный социальный фон, на котором произрастают ксенофобные настроения. Эта тенденция, как показывают материалы о пандемии, является транснациональной и иллюстрируется ростом мигрантофобии и откровенного расизма в странах Западной Европы и в Америке [69]. Указанные обстоятельства способствуют тому, что этнический капитал мигрантов, формирующийся в социальных сетях, служит не только и не столько сплочению и солидарности членов этнических общин, сколько альтернативой социальному капиталу, что не способствует успешной адаптации мигрантов в принимающем обществе.

Результаты. Обобщенный контент сообщений в этнических социальных сетях можно сгруппировать следующим образом:

— сообщения, касающиеся трансляции национальной культуры (религия, поэзия,

музыка, живопись, танцы, кухня, прикладное искусство) через использование графического, аудио- и видеоконтента;

— контент сообщений в этнических социальных сетях показывает, как формируется, продвигается и появляется этнический капитал мигрантов и как он функционирует, создавая основы этнической сплоченности и этнической солидарности;

— вопросы сохранения национального языка через общение в ленте активности, группах и сообществах, в том числе часто и на национальном языке;

— координация деятельности национальных оффлайн-сообществ и анонсирование культурно-национальных мероприятий, национальных и религиозных праздников;

— поддержание культурных связей диаспоры с исторической родиной, трансляцию национальных новостных поводов;

— эмоциональная поддержка соотечественников и выражение этнической солидарности;

— формирование религиозно-мусульманского этнодискурса;

— формирование, продвижение и проявление этнического капитала в условиях дефицита социального капитала мигрантов (отсутствие социального доверия со стороны принимающего общества, неравноправное социальное партнерство, рост ксенофобных и мигрантофобных настроений) приводит к тому, что этнический капитал мигрантов формируется не как дополнение к их социальному капиталу, а как альтернатива ему, а это не способствует успешной социализации и адаптации мигрантов.

Литература

1. Аналитический Центр Института Цифровых Трансформаций и Исследований Экономических Трендов: Исследование населения РФ: численность, гендерная и возрастная структура, межрегиональная миграция [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo/s/argumenti.ru/society/2020/05/666466> (Дата обращения: 20.05.2020).

2. Кузнецов И. М., Мукомель В. И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. — М.: Ин-т социологии РАН. — 2005. — 51 с.

3. Трушкова Е. А. Феномен этнических анклавов и его отражение в научных исследованиях [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2018. — Т. 11. — Вып. 3. — С. 377–392. — Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.308>.
4. Явкин Н. В. Взаимодействие мигрантов и принимающего сообщества // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре: сборник статей. — Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный ун-т, 2016. — С. 30–34.
5. Житин Д. В., Краснов А. И. Территориальная концентрация этнических групп населения в Санкт-Петербурге // Известия Русского Географического Общества. — Москва: Изд-во РАН, 2015. — Т. 147. — №2. — С. 56–72.
6. Кондратьева Т. С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/diaspory_v_sovremennom_mire_evolyucija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm (Дата обращения: 15.05.2017).
7. Трушкова Е. А. Феномен этнических анклавов и его отражение в научных исследованиях [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2018. — Т. 11. — Вып. 3. — С. 377–392. — Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.308>.
8. Chiswick B. R., Miller P. W. Immigrant earnings: Language skills, linguistic concentrations and the business cycle // Journal of Population Economics. — 2002. — Pp. 31–57.
9. Maani S. A. Ethnic networks and location choice of immigrants [Electronic resource]. — URL: <https://wol.iza.org/articles/ethnic-networks-and-location-choice-of-immigrants/long> (Date accessed: 06.2016).
10. Бедрина Е. Б. Этнические анклав мигрантов в городском пространстве российских регионов // Российские регионы в фокусе перемен. Сб. докладов XII Международной конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. — Екатеринбург: Изд-во ООО УМЦ УПИ, 2018. — С. 697–704.
11. Madiukova S. A., Persidskaia O. A. Ethnic enclaves as a social and territorial phenomenon (based on the city of Novosibirsk) // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2017. — Т. 10. — №7. — С. 983–994.
12. Комплексная оценка влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории в вопросах формирования региональной миграционной политики: монография / Ин-т экономики УрО РАН; под ред. А. Г. Шеломенцева. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2015. — 151 с.
13. Massey D. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. — 1993. — Vol. 19. — №3. — Pp. 431–466.
14. Massey D. S. Worlds in Motion: International Migration at the End of the Millennium (with J. Arango, G. Hugo, A. Kouaouci, A. Pellegrino, and J. E. Taylor). — Oxford, 1998. — 362 p.
15. Рзаева С. В. Социальная сеть этнических мигрантов как фактор, влияющий на создание и поддержание этнических границ в принимающем обществе / С. В. Рзаева // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: материалы Международной научной конференции (IX Колосницинские чтения), 16–17 апреля 2014 года. — Екатеринбург: Гуманитарный университет. — 2014. — С. 263–266.
16. Blumenstock J., Chi G., Tan X. Migration and the Value of Social Networks [Electronic resource]. — URL: http://www.jblumenstock.com/files/papers/migration_networks.pdf (Date accessed: 01.2019).
17. Poros M. What Are Migrant Networks and How Are They Different? [Electronic resource]. — URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/migrant-social-networks-vehicles-migration-integration-and-development#:~:text=Migration%20researchers%20have%20typically%20defined,ties%20also%20exist%20for%20migrants.> (Date accessed: 30.03.2011).
18. Кужелева-Саган И. П., Глухов А. П., Ахметова Л. В., Бычкова М. Н., Гужова И. В., Носова С. С., Окушова Г. А., Стаховская Ю. М. Цифровые диаспоры мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей / науч. ред.

И. П. Кужелева-Саган. — Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. — 168 с.

19. *Maani S.A.* Ethnic networks and location choice of immigrants [Electronic resource]. — URL: <https://wol.iza.org/articles/ethnic-networks-and-location-choice-of-immigrants/long> (Date accessed: 06.2016).

20. *Carlos A.R.P.* Social Network Analysis in Telecommunications. — Hoboken: John Wiley & Sons, 2011. — P. 4. — 288 p.

21. *Wouter de Nooy.* Fields and networks: Correspondence analysis and social network analysis in the framework of Field Theory [Electronic resource] // *Poetics: journal.* — 2003. — Vol. 31. — №5. — Pp. 305–327. — URL: [doi:10.1016/S0304-422X\(03\)00035-4](https://doi.org/10.1016/S0304-422X(03)00035-4).

22. *Kadushin C.* Understanding social networks: Theories, concepts, and findings / *Sammes A.J.* — New York: Oxford University Press, 2012. — 252 с.

23. *Небрат М.Ю.* Роль социальных медиа в маркетинге [Электронный ресурс] / М.Ю. Небрат // Молодой ученый. — 2019. — №22 (260). — С. 558–560. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/260/60061/> (Дата обращения: 11.06.2020).

24. *Diker E.* Social Media and Migration // Review of Political and Social research Institute of Europe — 2015. [Electronic resource]. — URL: <http://ps-europe.org/social-media-and-migration/> (Date accessed: 30.10.2016).

25. *Hansen D., Shneiderman B., Smith M.A.* Analyzing Social Media Networks with Node XL. — Burlington: Morgan Kaufmann, 2010. — P. 32. — 304 p.

26. Антропология интердисциплинарности: тезисы международной А72 научной конференции «Второй Томский антропологический форум» (Томск, 11–13 октября 2018 г.). — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. — 148 с.

27. *Степанов А.М.* Транснациональный подход в современных миграционных исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2018. — Т. 11. — Вып. 1. — С. 116–127.

28. *Kivisto P.* Theorizing transnational immigration: a critical review of current efforts // *Journal of Ethnic and Racial Studies.* — 2010. — Vol. 24. — №4. — Pp. 549–577.

29. *Baubock R.* Towards a Political Theory of Migrant Transnationalism // *International*

Migration Review. — 2003. — Vol. 37 (3). — Pp. 700–723.

30. *Бурдые П.* Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. Май, 2005. — Т. 6. — №3. — С. 60–74.

31. *Bourdieu P.* The Forms of Capital // *Richardson J.G. (ed.). Handbook of Theory and Research for Sociology of Education.* — New York: Greenwood, 1985. — Pp. 241–260.

32. *Coleman J.* Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology.* — 1988. — Vol. 94. — Pp. 95–120.

33. *Putnam R.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. — Princeton: Princeton University Press, 1993.

34. *Idem.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. — Princeton: Princeton University Press, 2000.

35. *Putnam R.D.,* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. — NY: Simon and Schuster, 2000.

36. *Aldridge S., Halpern D., Fitzpatrick S.* Social capital: a discussion paper. London, England: Performance and Innovation Unit. — 2002.

37. *Cooke P., Clifton N., Oleaga M.* Social capital, firm embeddedness and regional development // *Regional Studies.* — 2005. — №39(8). — Pp. 1065–1077.

38. *Iyer S., Kitson M., Toh B.* Social capital, economic growth and regional development // *Regional Studies.* — 2005. — №39 (8). — Pp. 1015–1040.

39. *Lin N.* A network theory of social capital. *The Handbook of Social Capital.* — 2008. — №50 (1). — P. 69.

40. *Reyes S., Giovannon G., Thomson A.* Social capital: Implications for neurology. *Brain and Behavior.* — 2018.

41. *Stolle D.* The sources of social capital. In *Generating social capital* Springer. — 2003. — Pp. 19–42.

42. *Блок М., Головин Н.А.* Социальный капитал: к обобщению понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Вып. 4. Теория, методология и история. — 2015. — С. 99–111.

43. *Татарко А.Н.* Социальный капитал и аккультурационные стратегии как факторы социокультурной адаптации мигрантов из Центральной и Средней Азии в московском регионе [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. — 2018. —

Т. 14. — №2. — С. 33–43. — Режим доступа: doi:10.17759/chp.2018140204.

44. Wang X., Maani S. A. Ethnic capital and self-employment: A spatially autoregressive network approach // IZA Journal of Migration. — 2014. — №18.

45. Maani S. A. Ethnic networks and location choice of immigrants [Electronic resource]. — URL: <https://wol.iza.org/articles/ethnic-networks-and-location-choice-of-immigrants/long>.

46. Maani S. A., Wang X., Rogers A. Network Effects, Ethnic Capital and Immigrants [Electronic resource]. — URL: <http://ftp.iza.org/dp9308.pdf> (Date accessed: 20.08.2018).

47. Borjas G. J. Ethnic capital and intergenerational mobility // Quarterly Journal of Economics. — 1992. — 107:1. — Pp. 123–150.

48. Janmaat J. G. Social Cohesion as Real-Life Phenomenon: Assessing the Explanatory Power of the Universalist and Particularist Perspectives // Social Indicators Research. — 2011. — Vol. 100. — Pp. 58–64.

49. Виды социальных сетей: классификация и представители [Электронный ресурс] // Dark Site of Marketing. — Режим доступа: <https://darksiteofmarketing.com/stati/vidy-socialnyh-seteiklassifikacija-i-predstaviteli.html> (Дата обращения: 10.02.2019).

50. Dekker R., Engbersen G. How social media transform migrant networks and facilitate migration // IMI Working Papers Series. — 2012. — №64. — Pp. 88–102.

51. Рзаева С. В. Этническая социальная сеть как механизм миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающем обществе: о понятии и устройстве [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — №395. — С. 60–66. — Режим доступа: B01:10.17223/15617793/395.

52. Самофалова Е. И. Социальные сети как инструмент для изучения структуры высшего образования и образовательной миграции: социологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2014. — №1 (25). — С. 187–199.

53. Удовенко В. С., Васильева О. Е. Социальные сети как механизм изучения миграционных процессов // Гуманитарные чтения в Политехническом университете. — Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. — С. 236–243.

54. Грановеттер М. Сила слабых связей: пер. с англ. З. В. Котельникова // Экономическая социология. — 2009. — Т. 10. — №4. — С. 31–51.

55. Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии: учеб. пособие [Электронный ресурс] / под ред. Г. С. Батыгина. — М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. — 248 с. — Режим доступа: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/gradoselskaja_setevie/02.aspx (Дата обращения: 07.02.2014).

56. Панарина М. А., Лавров И. А. Роль социальных сетей в формировании идентичности мигранта [Электронный ресурс] // Цифровая социология / Digital Sociology. — 2019. — №2 (4). — Pp. 25–30. — Режим доступа: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-4-25-30>.

57. Schiller N. G., Caglar A. Locating migrant pathways of economic emplacement: Thinking beyond the ethnic lens // Ethnicities. — 2013. — №13 (4). — Pp. 494–514.

58. Schiller N. G., Basch, L., Blanc-Szanton C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // Towards a Transnational Perspective on Migration. — 1992. — Pp. 1–25.

59. Putnam R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. — NY: Simon and Schuster, 2000. — 544 p.

60. Мигрантам здесь не место. Почему большинство россиян против приезжих [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://proexpedition.ru/layfhaki/migrantam-zdes-ne-mesto-pochemu-bolshinstvo-rossiyan-protiv-priezzhih.html>.

61. Онодэра Ю. Как россияне относятся к мигрантам [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.the-village.ru/village/city/news-city/362417-kak-rossiyane-otnosyatsya-k-migrantam> (Дата обращения: 18.09.2019).

62. Расизм и ксенофобия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/250653-racism-and-xenophobia> (Дата обращения: 18.06.2020).

63. Мукомель В. И. Ксенофобия на Юге России: носители интолерантных установок // Гуманитарий Юга России. — 2017. — Т. 6. — №5. — С. 29–47.

64. Мукомель В. И. Региональные особенности интеграции внутрироссийских иноэ-

тичных мигрантов // Федерализм. — 2018. — №2. — С. 141–160.

65. *Пупия К.* Интолерантность и ксенофобия [Электронный ресурс] // Левада-центр. Пресс-выпуск. 2016, 10 ноября. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya/> (Дата обращения: 17.07.2017).

66. *Мастикова Н.* Чтобы прекратить естественную убыль населения, России нужно полмиллиона мигрантов в год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/166801-natalya-mastikova-ob-otnoshenii-rossiyan-k-igrantam> (Дата обращения: 22.02.2020).

67. Почти половина россиян заявили об ухудшении материального положения в период пандемии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://newizv.ru/news/society/07-05-2020/pochti-polovina-rossiyan-zayavili-ob-uhudshenii-materialnogo-polozheniya-v-period-pandemii> (Дата обращения: 7.05.2020).

68. Хроника пандемии коронавируса // INTERFAX.RU [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/707509> (Дата обращения: 6.05.2020).

69. COVID-19 Crisis Through a Migration Lens [Electronic resource] // Migration and Development Brief. — №32. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33634> (Date accessed: 06.05.2020).

70. *Guadagno L.* Migrants and the COVID-19 pandemic: An initial analysis Source MOM [Electronic resource]. — URL: <https://reliefweb.int/report/world/migrants-and-covid-19-pandemic-initial-analysis> (Date accessed: 22.04.2020).

71. *Pylas P., Jordans F., Leicester J.* Anti-racism protesters rally around world, topple statue [Electronic resource]. — URL: <http://www.tribtown.com/2020/06/07/eu-america-protests-global/> (Date accessed: 6.07.2020).

References

1. Analiticheskiy Tsentri Instituta Tsifrovyykh Transformatsiy i Issledovaniy Ekonomicheskikh Trendov: Issledovaniye naseleniya RF: chislenost', gendernaya i vozrastnaya struktura, mezhregional'naya migratsiya [Analytical Center of the Institute of Digital Transformations

and Research of Economic Trends: Study of the population of the Russian Federation: size, gender and age structure, inter-regional migration] [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://yandex.ru/turbo/s/argumenti.ru/society/2020/05/666466> (Date accessed: 05.20.2020).

2. *Kuznetsov I.M., Mukomel V.I.* Adaptatsionnyye vozmozhnosti i setevyye svyazi migrantov i etnicheskikh men'shinstv [Adaptation opportunities and networking of migrant ethnic minorities]. — Moscow: In-t sotsiologii RAN. — 2005. — 51 p.

3. *Trushkova E.A.* The phenomenon of ethnic enclaves and its reflection in scientific research [Elektronnyy resurs] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology]. — 2018. — Vol. 11. — Issue 3. — Pp. 377–392. — URL: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.308>.

4. *Yavkin N.V.* Vzaimodeystviye migrantov i primayushchego soobshchestva [The interaction of migrants and the host community] // Traditsii i innovatsii v stroitel'stve i arkhitekture: sbornik statey [Traditions and innovations in construction and architecture: a collection of articles]. — Samara: Samarskiy gosudarstvennyy arkhitekturno-stroitel'nyy un-t, 2016. — Pp. 30–34.

5. *Zhitin D.V., Krasnov A.I.* Territorial'naya kontsentratsiya etnicheskikh grupp naseleniya v Sankt-Peterburge [The territorial concentration of ethnic groups in St. Petersburg] // Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva [Bulletin of the Russian Geographical Society]. — Moscow: Izd-vo RAN, 2015. — Vol. 147. — №2. — Pp. 56–72.

6. *Kondratyeva T.S.* Diaspory v sovremennom mire: evolyutsiya yavleniya i ponyatiya [Diasporas in the modern world: evolution of the phenomenon and concept] [Elektronnyy resurs]. — URL: http://www.perspektivy.info/book/diaspory_v_sovremennom_mire_evolyutsiya_yavleniya_i_ponatiya_2010-02-27.htm (Date accessed: 05.15.2017).

7. *Trushkova E.A.* Fenomen etnicheskikh anklavov i yego otrazheniye v nauchnykh issledovaniyakh [The phenomenon of ethnic enclaves and its reflection in scientific research] [Electronic resource] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology]. — 2018. —

Vol. 11. — Issue 3. — Pp. 377–392. — URL: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.308>.

8. *Chiswick B. R., Miller P. W.* Immigrant earnings: Language skills, linguistic concentrations and the business cycle // *Journal of Population Economics*. — 2002. — P. 31–57.

9. *Maani S. A.* Ethnic networks and location choice of immigrants [Electronic resource]. — URL: <https://wol.iza.org/articles/ethnic-networks-and-location-choice-of-immigrants/long> (Date accessed: 06.2016).

10. *Bedrina E. B.* Etnicheskiye anklavy migrantov v gorodskom prostranstve rossiyskikh regionov [Ethnic enclaves of migrants in the urban space of Russian regions] // *Rossiyskiye regiony v fokuse peremen. Sb. dokladov XII Mezhdunarodnoy konferentsii. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii; Ural'skiy federal'nyy universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yel'tsina* [Russian regions in the focus of change. Sat reports of the XII International Conference. Ministry of Education and Science of the Russian Federation; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin]. — Yekaterinburg: Izd-vo OOO UMTS UPI, 2018. — Pp. 697–704.

11. *Madiukova S. A., Persidskaia O. A.* Ethnic enclaves as a social and territorial phenomenon (based on the city of Novosibirsk) // *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnyye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Ser. Humanitarian sciences]. — 2017. — Vol. 10. — №7. — P. 983–994.

12. Kompleksnaya otsenka vliyaniya trudovoy migratsii na sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye prinyimayushchey territorii v voprosakh formirovaniya regional'noy migratsionnoy politiki: monografiya [A comprehensive assessment of the impact of labor migration on the socio-economic development of the host territory in the formation of a regional migration policy: monograph] / In-t ekonomiki UrO RAN. In A. G. Shelomentsev (eds.). — Yekaterinburg: IE UrO RAN. — 2015. — 151 p.

13. *Massey D.* Theories of International Migration: A Review and Appraisal // *Population and Development Review*. — 1993. — Vol. 19. — №3. — P. 431–466.

14. *Massey D. S.* Worlds in Motion: International Migration at the End of the Millennium (with J. Arango, G. Hugo, A. Kouaouci, A. Pel-

legrino, and J. E. Taylor). — Oxford, 1998. — 362 p.

15. *Rzayeva S. V.* Sotsial'naya set' etnicheskikh migrantov kak faktor, vliyayushchiy na sozdaniye i podderzhaniye etnicheskikh granits v prinyimayushchem obshchestve [The social network of ethnic migrants as a factor influencing the creation and maintenance of ethnic borders in the host society] / S. V. Rzayev // *Rossiya i Vostok: kul'turnyye svyazi v proshlom i nastoyashchem: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (IX Kolosnitsynskiy chteniya)*, 16–17 aprelya 2014 goda [Russia and the East: cultural ties in the past and present: materials of the International Scientific Conference (IX Kolosnitsyn Readings), April 16–17, 2014. — Yekaterinburg: Humanitarian University. — 2014. — Pp. 263–266.

16. *Blumenstock J., Chi G., Tan X.* Migration and the Value of Social Networks [Electronic resource]. — URL: http://www.jblumenstock.com/files/papers/migration_networks.pdf (Date accessed: 01.2019).

17. *Poros M.* What Are Migrant Networks and How Are They Different? [Electronic resource]. — URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/migrant-social-networks-vehicles-migration-integration-and-development#:~:text=Migration%20researchers%20have%20typically%20defined,ties%20also%20exist%20for%20migrants> (Date accessed: 30.03.2011).

18. *Kuzheleva-Sagan I. P., Glukhov A. P., Akhmetova L. V., Bychkova M. N., Guzhova I. V., Nosova S. S., Okushova G. A., Stakhovskaya Yu. M.* Tsifrovyye diaspory» migrantov iz Tsentral'noy Azii: virtual'naya setevaya organizatsiya, diskurs «voobrazhayemogo soobshchestva» i konkurentsia identichnostey [Digital Diasporas of Migrants from Central Asia: a Virtual Network Organization, the Discourse of the «Imaginary Community» and the Competition of Identities] / In I. P. Kuzheleva-Sagan (eds.). — Tomsk: Izdatel'skiy Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. — 168 p.

19. *Maani S. A.* Ethnic networks and location choice of immigrants [Electronic resource]. — URL: <https://wol.iza.org/articles/ethnic-networks-and-location-choice-of-immigrants/long> (Date accessed: 06.2016).

20. *Carlos A. R. P.* Social Network Analysis in Telecommunications. — Hoboken: John Wiley & Sons, 2011. — 288 p.

21. *Wouter de Nooy*. Fields and networks: Correspondence analysis and social network analysis in the framework of Field Theory [Electronic resource] // *Poetics: Journal*. — 2003. — Vol. 31. — №5. — P. 305–327. — URL: doi:10.1016/S0304-422X(03)00035-4.
22. *Kadushin C.* Understanding social networks: Theories, concepts, and findings / *Sammes A. J.* — New York: Oxford University Press, 2012. — 252 p.
23. *Nebrat M. Yu.* Rol' sotsial'nykh media v marketinge [The role of social media in marketing] [Elektronnyy resurs] / *M. Yu. Nebrat // Molodoy uchenyy [Young scientist]*. — 2019. — №22 (260). — Pp. 558–560. — URL: <https://moluch.ru/archive/260/60061/> (Date accessed: 06.11.2020).
24. *Diker E.* Social Media and Migration // *Review of Political and Social research Institute of Europe* — 2015 [Electronic resource]. — URL: <http://ps-europe.org/social-media-and-migration/> (Date accessed: 10.30.2016).
25. *Hansen D., Shneiderman B., Smith M. A.* Analyzing Social Media Networks with Node XL. — Burlington: Morgan Kaufmann, 2010. — 304 p.
26. Antropologiya interdistsiplinarnosti: tezisy mezhdunarodnoy A72 nauchnoy konferentsii «Vtoroy Tomskiy antropologicheskii forum» (Tomsk, 11–13 oktyabrya 2018) [Anthropology of interdisciplinarity: theses of the international A72 scientific conference «Second Tomsk Anthropological Forum» (Tomsk, October 11–13, 2018)]. — Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2018. — 148 p.
27. *Stepanov A. M.* Transnatsional'nyy podkhod v sovremennykh migratsionnykh issledovaniyakh [Transnational approach in modern migration studies] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology]*. — 2018. — Vol. 11. — Issue 1. — P. 116–127.
28. *Kivisto P.* Theorizing transnational immigration: a critical review of current efforts // *Journal of Ethnic and Racial Studies*. — 2010. — Vol. 24. — №4. — Pp. 549–577.
29. *Baubock R.* Towards a Political Theory of Migrant Transnationalism // *International Migration Review*. — 2003. — Vol. 37 (3). — P. 700–723.
30. *Bourdieu P.* Formy kapitala [Forms of capital] / *P. Bourdieu // Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic sociology]*. May, 2005. — Vol. 6. — №3. — Pp. 60–74.
31. *Bourdieu P.* The Forms of Capital // *Richardson J. G. (Ed.) Handbook of Theory and Research for Sociology of Education*. — New York: Greenwood, 1985. — Pp. 241–260.
32. *Coleman J.* Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. — 1988. — Vol. 94. — P. 95–120.
33. *Putnam R.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. — Princeton: Princeton University Press, 1993.
34. *Idem.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. — Princeton: Princeton University Press, 2000.
35. *Putnam R. D.*, *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. — NY: Simon and Schuster, 2000.
36. *Aldridge S., Halpern D., Fitzpatrick S.* Social capital: a discussion paper. — London, England: Performance and Innovation Unit, 2002.
37. *Cooke P., Clifton N., Oleaga M.* Social capital, firm embeddedness and regional development // *Regional Studies*. — 2005. — №39 (8). — Pp. 1065–1077.
38. *Iyer S., Kitson M., Toh B.* Social capital, economic growth and regional development // *Regional Studies*. — 2005. — №39 (8). — Pp. 1015–1040.
39. *Lin N.* A network theory of social capital. *The Handbook of Social Capital*. — 2008. — №50 (1).
40. *Reyes S., Giovannoni G., Thomson A.* Social capital: Implications for neurology. *Brain and Behavior*. — 2018.
41. *Stolle D.* The sources of social capital. In *Generating social capital* Springer. — 2003. — Pp. 19–42.
42. *Block M., Golovin N. A.* Sotsial'nyy kapital: k obobshcheniyu ponyatiya [Social capital: to a generalization of the concept] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg University]*. Ser. 12. Issue 4. *Teoriya, metodologiya i istoriya [Theory, methodology and history]*. — 2015. — Pp. 99–111.
43. *Tatarko A. N.* Sotsial'nyy kapital i akkul'turatsionnyye strategii kak faktory sotsiokul'turnoy adaptatsii migrantov iz Tsentral'noy i Sredney Azii v moskovskom regione [Social capital and acculturation strategies as factors of socio-cultural adaptation of migrants from Central and Central Asia in the Moscow region] [Elektronnyy resurs] //

Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]. — 2018. — Vol. 14. — №2. — P. 33–43. — URL: doi:10.17759/chp.2018140204.

44. Wang X., Maani S. A. Ethnic capital and self-employment: A spatially autoregressive network approach // IZA Journal of Migration. 2014. — №18.

45. Maani S. A. Ethnic networks and location choice of immigrants [Electronic resource]. — URL: <https://wol.iza.org/articles/ethnic-networks-and-location-choice-of-immigrants/long>.

46. Maani S. A., Wang X., Rogers A. Network Effects, Ethnic Capital and Immigrants [Electronic resource]. — URL: <http://ftp.iza.org/dp9308.pdf> (Date accessed: 08.20.2018).

47. Borjas G. J. Ethnic capital and intergenerational mobility // Quarterly Journal of Economics. — 1992. — 107:1. — Pp. 123–150.

48. Janmaat J. G. Social Cohesion as Real-Life Phenomenon: Assessing the Explanatory Power of the Universalist and Particularist Perspectives // Social Indicators Research. — 2011. — Vol. 100. — P. 58–64.

49. Vidy sotsial'nykh setey: klassifikatsiya i predstaviteli [Types of social networks: classification and representatives] [Electronic resource] // Dark Site of Marketing. — URL: <https://darksiteofmarketing.com/stati/vidy-socialnyh-seteiklassifikacija-i-predstaviteli.html> (Date accessed: 02/10/2019).

50. Dekker R., Engbersen G. How social media transform migrant networks and facilitate migration // IMI Working Papers Series. — 2012. — №64. — Pp. 88–102.

51. Rzayeva S. V. Etnicheskaya sotsial'naya set' kak mekhanizm migratsionnykh protsessov i adaptatsii migrantov v prinimayushchem obshchestve: o ponyatii i ustroystve [Ethnic social network as a mechanism of migration processes and adaptation of migrants in the host society: on the concept and structure] [Electronic resource] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. — 2015. — №395. — Pp. 60–66. — URL: B01:10.17223/15617793/395.

52. Samofalova E. I. Sotsial'nyye seti kak instrument dlya izucheniya struktury vysshego obrazovaniya i obrazovatel'noy migratsii: sotsiologicheskii analiz [Social networks as a tool for studying the structure of higher education and educational migration: a sociological analy-

sis] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. — 2014. — №1 (25). — Pp. 187–199.

53. Udovenko V. S., Vasilieva O. E. Sotsial'nyye seti kak mekhanizm izucheniya migratsionnykh protsessov [Social networks as a mechanism for studying migration processes] // Gumanitarnyye chteniya v Politekhnichestkom universitete [Humanitarian readings at the Polytechnic University]. — Saint-Petersburg: POLITEKH-PRESS, 2019. — Pp. 236–243.

54. Granovetter M. Sila slabykh svyazey [The strength of weak ties] Trans. from English Z. V. Kotelnikova // Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic Sociology]. — 2009. — Vol. 10. — №4. — P. 31–51.

55. Gradoselskaya G. V. Setevyye izmereniya v sotsiologii: textbook [Network measurements in sociology] [Elektronnyy resurs] / In G. S. Batygin (ed.). — Moscow: Izdatel'skiy dom «Novyy uchebnik», 2004. — 248 p. — URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/gradoselskaja_setevie/02.aspx (Date accessed: 02.07.2014).

56. Panarina M. A., Lavrov I. A. Rol' sotsial'nykh setey v formirovaniy identichnosti migranta [The role of social networks in the formation of migrant identity] [Elektronnyy resurs] // Tsifrovaya sotsiologiya [Digital Sociology]. — 2019. — Vol. 2 (4). — Pp. 25–30. — URL: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-4-25-30>.

57. Schiller N. G., Caglar A. Locating migrant pathways of economic emplacement: Thinking beyond the ethnic lens // Ethnicities. — 2013. — №13 (4). — Pp. 494–514.

58. Schiller N. G., Basch L., Blanc-Szanton C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // Towards a Transnational Perspective on Migration. — 1992. — Pp. 1–25.

59. Putnam R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. — NY: Simon and Schuster, 2000. — 544 p.

60. Migrantam zdes' ne mesto. Pochemu bol'shinstvo rossiyan protiv priyeezhnikov [Migrants do not belong here. Why are most Russians against visitors] [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://proexpedition.ru/layfhaki/migrantam->

zdes-ne-mesto-pochemu-bolshinstvo-rossiyan-protiv-priezzhih.html.

61. *Onodera Yu.* Kak rossiyanе otnosyatsya k migrantam [How Russians relate to migrants] [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://www.thevillage.ru/village/city/news-city/362417-kak-rossiyanе-otnosyatsya-k-migrantam> (Date accessed: 09.18.2019).

62. Rasizm i ksenofobiya [Racism and xenophobia] [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/250653-racism-and-xenophobia> (Date accessed: 06.18.2020).

63. *Mukomel V.I.* Ksenofobiya na Yuge Rossii: nositeli intolerantnykh ustanovok [Xenophobia in the South of Russia: carriers of intolerant attitudes] // *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. — 2017. — Vol. 6. — №5. — Pp. 29–47.

64. *Mukomel V.I.* Regional'nyye osobennosti integratsii vnutrirossiyskikh inoetichnykh migrantov [Regional features of integration of domestic non-ethnic migrants] // *Federalism*. — 2018. — №2. — Pp. 141–160.

65. *Pipia K.* Intolerantnost' i ksenofobiya [Intolerance and Xenophobia] [Elektronnyy resurs] // *Levada-tsentr. Press-vypusk*. 2016, November 10. — URL: <http://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya/> (Date accessed: 17.07.2017).

66. *Mastikova N.* Chtoby prekratit' yestestvennyuyu ubyl' naseleniya, Rossii nuzhno polmilion migrantov v god [To stop the natural population decline, Russia needs half a million mi-

grants a year] [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://realnoevremya.ru/articles/166801-natalya-mastikova-ob-otnoshenii-rossiyan-k-igrantam> (Date accessed: 22.02.2020).

67. Pochti polovina rossiyan zayavili ob ukhudshenii material'nogo polozheniya v period pandemii [Almost half of Russians reported a deterioration in their financial situation during the pandemic] [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://newizv.ru/news/society/07-05-2020/pochti-polovina-rossiyan-zayavili-ob-uhudshenii-materialnogo-polozheniya-v-period-pandemii> (Date accessed: 7.05.2020).

68. Khronika pandemii koronavirusa [Chronicle of the coronavirus pandemic] // *INTERFAX.RU* [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/707509> (Date accessed: 06.05.2020).

69. COVID-19 Crisis Through a Migration Lens. Migration and Development Brief. — №32. [Electronic resource]. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33634> (Date accessed: 06.05.2020).

70. *Guadagno L.* Migrants and the COVID-19 pandemic: An initial analysis Source MOM [Electronic resource]. — URL: <https://reliefweb.int/report/world/migrants-and-covid-19-pandemic-initial-analysis> (Date accessed: 22.04.2020).

71. *Pylas P., Jordans F., Leicester J.* Antiracism protesters rally around world, topple statue [Electronic resource]. — URL: <http://www.tribtown.com/2020/06/07/eu-america-protests-global/> (Date accessed: 06.07.2020).

Поступила в редакцию

15 октября 2020 г.

Волков Юрий Григорьевич — Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований ИСиР ЮФУ. Научный руководитель Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН). Действительный член Российской академии социальных наук, действительный член Нью-Йоркской академии наук (1995). Специалист в области исследований социологии креативности и креативного класса в российской социологической науке, социальной имитации, гуманистической идеологии, формирования идентичности. Основатель и руководитель научной школы «Многоуровневая идентичность и идеология инновационного развития российского общества». Лауреат премии им. И.Г. Петровского, награжден серебряной медалью им. П. Сорокина за вклад в развитие социологии в России, серебряной медалью им. П. Сорокина за вклад в науку, серебряной медалью «Джим Торосян». Общий стаж научно-педагогической работы составляет более 50 лет.

Volkov Yury Grigoryevich — Honored scientist of the Russian Federation, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University. Scientific Supervisor of the South Russian Branch of Science of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Member of the Russian Academy of Social Sciences, Member of the New York Academy of Sciences (1995). Specialist in the field of research on the sociology of creativity and the creative class in Russian sociological science, social imitation, humanistic ideology, identity formation. Founder and head of the scientific school «Multilevel identity and ideology of innovative development of Russian society». I. G. Petrovsky prizewinner, was awarded P. Sorokin silver medal for his contribution to the development of sociology in Russia, P. Sorokin silver medal for his contribution to science, «Jim Torosyan» silver medal. The general experience of scientific and pedagogical work is more than 50 years.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Курбатов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского Социологического центра Российской Академии наук. Область научных интересов: логика и методология социального познания, социальное проектирование и прогнозирование, социология коммуникации, социальная коммуникация в информационном обществе. Автор более 100 научных публикаций, в том числе 5 с грифом Министерства. Общий стаж работы в отрасли высшего образования — более 30 лет.

Kurbatov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher of the South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Research interests: logic and methodology of social cognition, social design and forecasting, sociology of communication, social communication in the information society. Author of more than 100 scientific publications, including 5 with the stamp of the Ministry. Total work experience in the field of higher education is more than 30 years.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: kurbashy@list.ru

УДК 331.1, 316.3, 316.4
10.17213/2075-2067-2020-6-28-38

СИСТЕМНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КОМАНДНОЙ РАБОТОЙ НА ОСНОВЕ ГУМАНИТАРНОГО РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ТЕХНОПАКЕТИРОВАНИЯ

© 2020 г. В. П. Бабинцев*, М. А. Федотова**, П. В. Полушин***

**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия*

***Московский авиационный институт (национальный
исследовательский университет), г. Москва, Россия*

****Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, г. Москва, Россия*

Целями исследования являются: обоснование возможности моделирования управления несколькими (сетью) технопакетами, формирующими макропакет; анализ практических результатов моделирования адаптивного управления/стратегирования технопакетами «управление командной работой» и «проектное управление».

Методологическую базу исследования составляют вопросы, связанные с развитием и практическим использованием в социальном управлении концепции технопакетирования («технопакетов») (С. Переслегин, Б. Кудрин, К. Перес, Г. Малинецкий, У. Ульрих, М. Джексон, Дж. Олига и др.).

Результаты исследования. Приводится краткое описание классического варианта концепции «технопакетов», предлагается расширение списка основных понятий концепции, вводятся новые типы технологий/субпакетов — «оптимизирующая» и «развивающая» технологии, исследуются возможности их применения в социальном управлении. Анализируются возможности синтеза инструментов технопакетирования и «мягких» вычислений (МАИ-технология Т. Саати).

Перспективы исследования. Рассматриваются основные проблемы управления технопакетами, предлагаются новые перспективные направления развития концепции «технопакетов» на основе неклассических логик.

Ключевые слова: технопакет; система/сеть технопакетов (макропакет); субпакеты/технологии технопакета; оптимизирующая и развивающая технологии технопакета; МАИ-технология «мягких» вычислений; SMC-framework проектного управления; адаптивное управление/стратегирование макропакетом.

SYSTEM MANAGEMENT OF TEAM WORK BASED ON THE HUMANITARIAN DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF SOCIAL TECHNOLOGY PACKAGING

© 2020 V. P. Babintsev*, M. A. Fedotova**, P. V. Polushin***

**Belgorod State University, Belgorod, Russia*

***Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia*

****Academy of the State fire service of the EMERCOM of Russia, Moscow, Russia*

Objectives of the study are: the feasibility of modeling manage multiple (network) technoratti forming the macro package; analysis of simulation results of adaptive control/strategizing technorattanu the «management team» and «project management».

The methodological basis of the research is issues related to the development and practical use of the concept of technopackaging («technopackets») in social management (S. Pereslegin, B. Kudrin, K. Peres, G. Malinetsky, W. Ulrich, M. Jackson, J. Oligo, etc.).

Research result. A brief description of the classical version of the concept of «technopolitan», proposed expanding the list of key concepts concept introduces new types of technologies/subpackages — «optimizing» and «developing» technology, explores the possibilities of their application in social management. The possibilities of synthesis of technopackaging tools and «soft» computing (MAI-technology of T. Saati) are analyzed.

Prospects of the study. The main problems of managing technopackages are considered, and new promising directions for the development of the concept of «technopackages» based on non-classical logics are proposed.

Key words: technopath; system/network technopathic (the macro package); subpackages/technology tehnomarket; optimizing and developing technology tehnomarket; MAI-technology soft computing; SMC-project management framework; adaptive management/strategizing a macro package.

Введение. Концепция «технопакетов», основы которой были заложены С. Переслегиным [10], наряду с теорией техноценоза Б. Кудрина [4], технолого-инвестиционных циклов К. Перес [9] и нелинейной социодинамики Г. Малинецкого [7] как естественно-го развития теории социального управления позволяет связывать стратегию социального развития с генезисом и развитием технологий различных видов — ускоряющих/физических, управляющих и коммуникационных [10]. Технологическим пакетом (ТП) в концепции «технопакетов» С. Переслегина является «генетически и структурно функционально связанная совокупность различных технологий системного характера, реализующая одну из социально значимых потребностей» [10]. Как продукт техногенной цивилизации, концепция «технопакетов» является чисто технологическим инструментом управления со всеми присущими ему недостатками, прежде всего, отсутствием субъектности управления. Эту проблему авторы статьи предлагают решать с помощью использования концепции соционавигации как наиболее общей социальной практики в рамках социогуманитарной цивилизации [5, 15], в которой процесс технопаketирования осуществляется на базе эмансипационного системного подхода (Ульрих У., Джексон М., Олига Дж.) [6].

Как было показано в более ранних работах авторов статьи [15, 20], дифференциация концепции технопакетов (элементов/

технологической среды) позволяет повысить эффективность управления социальными процессами (вследствие закона кибернетики У. Эшби об адекватности управляющей и управляемой систем). Продолжая тему развития технологизации социального управления и опираясь на уже полученные результаты, авторы стремились более детально раскрыть содержание ранее предложенных инноваций и показать их управленческую эффективность на конкретных примерах. Речь, прежде всего, пойдет о двух ранее предложенных авторами понятиях ТП — «оптимизирующая» и «развивающая» технологии/субпакеты [15], а также о расширении понятия «базовая» технология как технология формирования объекта ТП (для ТП «управление командной работой», такой технологией является технология формирования и диагностики команд).

Методология и методы. Основная гипотеза статьи состоит в том, что дифференциация понятий концепции «технопакетов», их расширение и развитие позволяют повысить эффективность управления как отдельными ТП, так и сетью ТП (макропакетами). Трансформация объекта ТП, лежащего в основе базовой технологии ТП, позволяет концептуально развивать весь ТП. Подобная трансформация объекта достигается путем использования неклассических логик. Наиболее подходящими методами моделирования управления ТП и макро-ТП являются

методы «мягких» вычислений, например, МАИ/МАС-технологии Т. Саати, позволяющие осуществлять адаптивное управление/стратегирование ТП/макро-ТП в режиме бриколажа «здесь и сейчас».

В новой редакции «базовая» технология (БТ) может быть представлена как технология, формирующая объект ТП и делающая пакет «физически» возможным, создающая субстанцианальность/«вещественность» ТП. Развитие такой БТ в конечном счете привело к формированию ТП. Именно работа с объектом БТ задает формирование и дальнейшее концептуальное развитие ТП. Трансформация объекта ТП осуществляется с использованием математического аппарата неклассических логик.

В этом свете понятие «продуктовые» технологии/субпакеты ТП формируют предметную часть/части объекта ТП, представляясь в виде физических/гуманитарных (управляющих) технологий, обеспечивающих управление, производство, обмен и реализацию/утилизацию конечных товаров услуг, социоформ проектов, в т. ч. самих команд как «продуктов» социального проектирования и конструирования на базе концепции соционавигации как социальной практики в условиях неравновесности [15].

«Замыкающая» технология/субпакет (ЗМТ) — технология, связывающая набор технологий (базовой и продуктовых) в единую целесообразную систему, как правило, по экономическому критерию. В нашем примере ЗМТ — технология управления образовательной-карьерной и деловой (аутсорсинг) траекторией (ОКТ) команд. Наличие аутсорсинга и «биржи» команд приводит к целесообразной, экономически выгодной трансформации социальной среды, позволяющей эффективно развивать технопакет (в этом случае решение является собственной функцией среды).

«Закрывающие» технологии/субпакеты (ЗТ) — технологии, позволяющие реализовывать потребности на принципиально ином качественном уровне, например, с меньшими затратами ресурсов, более высокой социально-экономической и технологической эффективностью, а также нежелательными эффектами и последствиями. В нашем примере ЗТ — технология управления командной работой на основе искусственного интеллекта (АИ).

«Оптимизирующие» технологии/субпакеты (ОТ) характеризуют «внутреннюю» (внутрипакетную), прежде всего, организационно-экономическую эффективность ТП, позволяя рационализировать/оптимизировать параметры используемых «базовой» и «продуктовых» технологий (объекта и предмета ТП). В этом случае объект БТ узнается «как тот же самый» [17].

«Развивающие» технологии/субпакеты (РТ), в свою очередь, характеризуют «внешнюю» социальную и технико-технологическую эффективность ТП, что связано, как правило, с развитием «замыкающей» или «закрывающей» технологии ТП, в последнем случае, как правило, через разрешение парадокса.

Наибольший эффект от работы с оптимизирующими и развивающими технологиями, как будет показано ниже, возникает в случае работы с сетью ТП — макропакетом. «Оптимизирующими» и «развивающими» технологиями/субпакетами могут быть как физические, так и гуманитарные (управляющие) технологии. Общая схема структуры технопакета представлена на рисунке 1.

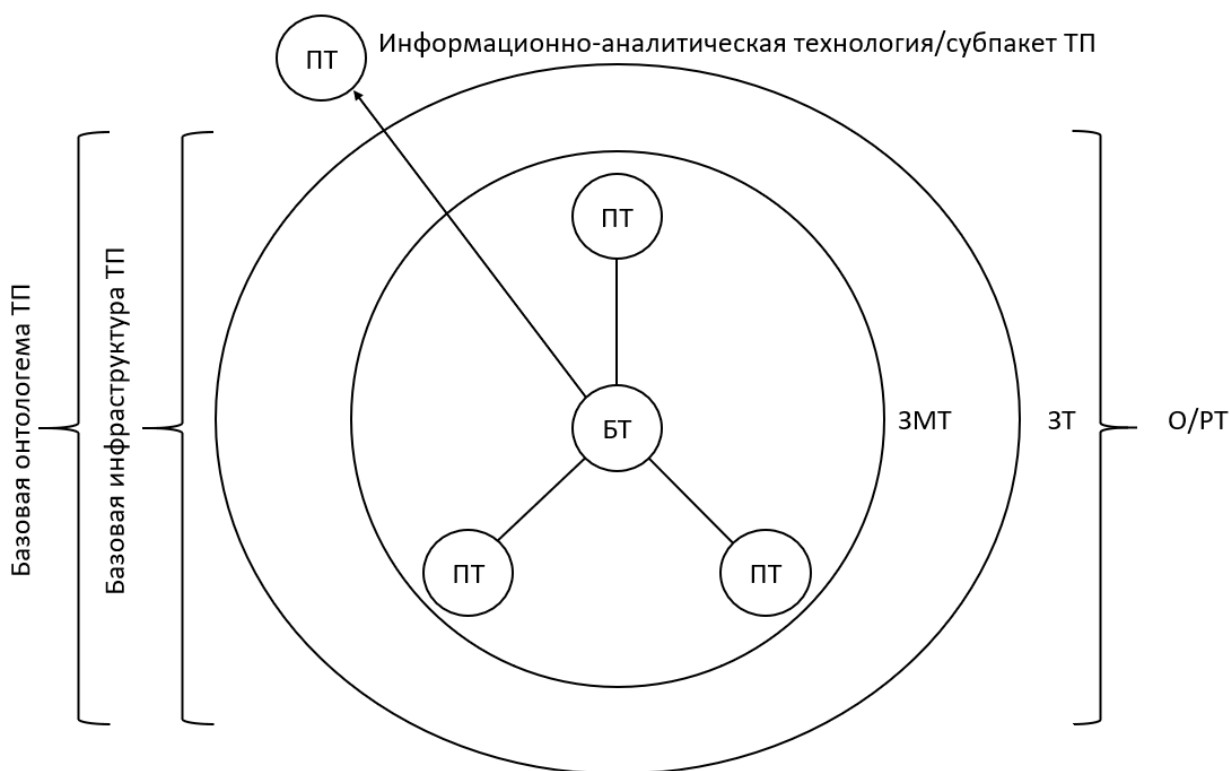
Наглядным примером такого управления является деятельность компании SpaceX И. Маска, связанная с ТП1 «космос» (проект ракеты многократного использования Falcon9 — минимизация затрат на космические запуски) и ТП2 «интернет» (проект Starlink — минимизация затрат на создание дешевого и скоростного низкоорбитального интернета). Подготовка ракеты Falcon9 к повторному запуску сейчас занимает несколько месяцев, после отладки процесса (поточного метода) на нее потребуется меньше месяца. Многократность первой ступени Falcon9 — это оптимизация БТ — запуска космического аппарата в ТП «космос», но это лишь первая часть сетевого управления технопакетами. SpaceX планирует развернуть спутниковую группировку в количестве 11943 спутников, что позволит снизить раздачу интернета с орбиты в 36 тыс. км (задержка радиосигнала от 0,5 сек) до 340 км, при этом пинг станет, как у обычных провайдеров. В этом случае SpaceX становится спутниковым интернет-монополистом. Сравнение выручки от реализации обоих ТП приведено на рисунке 2 (выделено светло-серым — планируемая выручка SpaceX от пусков Falcon9, черным —

от мирового рынка низкоорбитального интернета). Многообразие первой ступени Falcon9 обеспечивает дешевую замену спутников (жизненный ресурс каждого около 6 лет) для эффективного поддержания группировки в космосе. Этот пример еще раз показывает основную проблему современного управления — отсутствие эффективной системы управления. Научиться управлять сетью ТП и макропакетами — значит научиться управлять эффективностью социально-экономических процессов в целом. Используя две оптимизирующие технологии в каждом из ТП, SpaceX достигает огромного синергетического эффекта для макропакета из двух ТП в целом. При этом нельзя забывать военную составляющую этого макропакета. «Закрывающей» технологией для ТП1 является технология орбитального запуска (вне земной гравитации).

Научные результаты и дискуссия. Поиск наиболее эффективных оптимизирующих и развивающих технологий в предлага-

емой авторами методике управления ТП осуществляется с помощью технологий «мягких» вычислений, в нашем случае — МАИ-технологии Т. Саати в схеме адаптивного планирования/управления (стратегирования) проблемными ситуациями (ПС) [11]. Схема использования представлена на рисунке 3.

Обобщенный сценарий для «прямого» прогона на рисунке 2 (левая иерархия) может включать в себя несколько параметров (frame), характеризующих, например, альтернативные варианты минимизации затрат на запуски космических аппаратов, начиная от физических/технично-технологических характеристик таких аппаратов и заканчивая схемой вывода аппарата/спутника на орбиту и его приземления, подготовку и организацию запуска (экваториальные запуски и т.д.). В практическом исследовании сетевого управления технопакетами «управление командной работой» и «проектное управление» обобщенный сценарий включал в себя параметры состояния BSC-метрик (сбалансированная система показателей): финансовые,

Рис. 1. Общая схема структуры ТП
(БТ — «базовая» технология, ПТ — «продуктовые» технологии,
ЗМТ — «закрывающая» технология, ЗТ — «закрывающая» технология,
О/РТ — «оптимизирующие/развивающие» технологии)

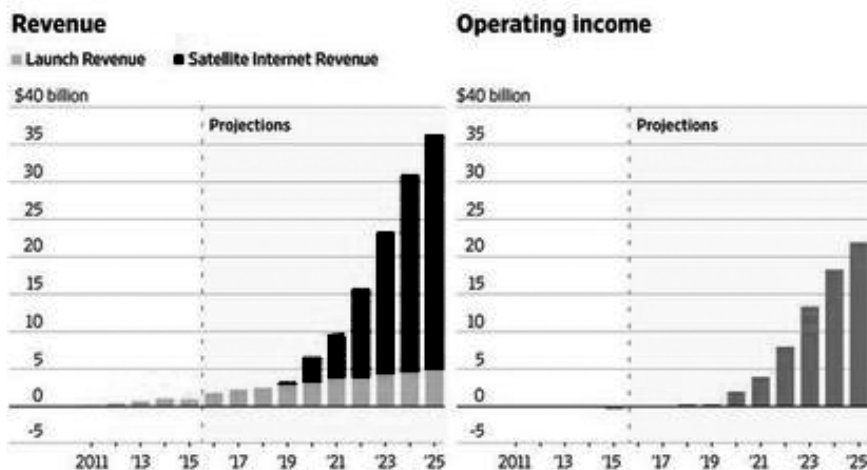
маркетинговые, процессные и персональные. Следует отметить, что альтернативы, имеющие различное содержание (физическая или гуманитарная/управленческая) могут дополнять друг друга, создавая синергетический эффект. В рассмотренном выше примере используется эффект двух оптимизирующих технологий/субпакетов — минимизация затрат на запуски позволяет увеличить число последних, которая позволяет нарастить количество интернет-спутников на орбите, что, в свою очередь, позволяет снизить их орбиту, уменьшая время интернет-сигнала. В этой ситуации глобальный интернет-проект Starlink становится вне конкуренции.

Предлагаемая в статье технология управления технопакетами имеет другую, более сложную, конфигурацию, представленную на рисунке 3. Эта технология управления макропакетом основана на двух развивающихся технологиях — развитие базовой технологии (объекта БТ — команды) ТП1 «уп-

равление командной работой» и производственной технологией (ПТ) ТП2 «проектное управление». Данная технология управления макропакетом предназначена для разрешения ключевого противоречия управления проектами: ориентация команды только на проект (развитие проекта) и одновременная необходимость развития самой команды. В существующих технологиях проектного управления, а также формах и форматах командной работы данное противоречие не может быть разрешено. Однако, используя понятие «развивающаяся» технология при управлении ТП1 и ТП2, противоречие можно разрешить в виде совмещения/суперпозиции процессов проектирования и обучения (метод дробления и восстановления на новой основе ТРИЗ) [17] с медиатором в виде единого креативного поля (ЕКП) команды [8]. В этом случае получается новое решение в виде специального формата управленческого проектирования (SMC-framework), основанного на широко-

Reaching for the Stars

SpaceX projects that soaring revenue from its planned satellite-internet business will dwarf its launch revenue.

On the Launchpad

The company forecasts a dramatic increase in launches in coming years. Accidents in 2015 and 2016 caused planned launches to be delayed.

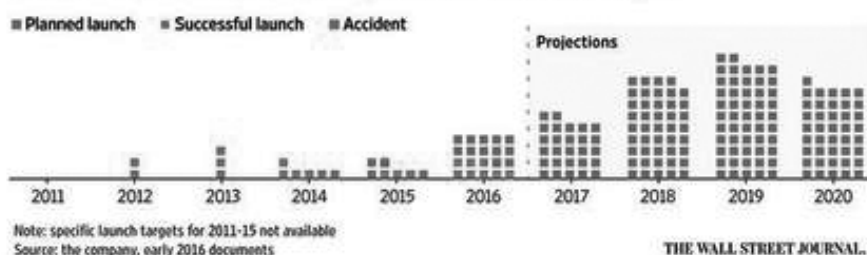

Рис. 2. Сравнение выручки от реализации ТП «космос» и ТП «интернет» компании SpaceX

используемой технологии SCRUM с добавлением еще одного исключительно важного принципа — «команда важнее проекта». Для того чтобы получить SMC-framework, необходимо изменить объект в БТ ТП1 «управление командной работой» путем использования моделей неклассических логик: объектом БТ ТП1 является команда (напомним, что БТ заключается в процессе формирования и/или диагностики такой команды). В настоящее время любая команда состоит из нескольких участников — людей (HR), т.е. в конечном счете объект-команда состоит из HR. Если развить объект (а — одно) до схемы (AI) R, мы получим противоположный объект (не а — другое, как правило, противоположное), далее мы можем перейти к схеме (а & не а — и одно, и другое) — (H&AI) R, потом к схеме не (а & не а) — ни одно, ни другое, а третье: (H') R, где H' — измененное состояние сознания (ИСС) [2, 14, 22] участников/команды, которая реализуется в среде ЕКП (H' является временным, сформированным с использованием специальных технологий состоянием). Далее переходим к схеме не (а & не а) — ((H → H') & AI) R и т.д. Разумеется, изменение объектов БТ в ТП1 в настоящее время реально возможно лишь в схеме (H → H') R, которая реализована в ТФ командах [19].

Системное моделирование управления командной работой включает в себя, кроме МАИ-иерархий выбора оптимальных для каждого этапа управления альтернатив (статический/квазидинамический аспект — параметр

времени в этих моделях присутствует неявно/дискретно), оптимальные/рационализирующие модели корректировки этих альтернатив в процессе их реализации (динамический аспект — параметр времени входит в эти модели в явном виде). Например, если вы выбрали оптимальной альтернативой (стратегией) объекта БТ ТП1 схему (H → H') R, реализующуюся в среде ЕКП ТФ-команды, то архиважно определиться с тактикой использования этой схемы при реализации конкретного управленческого проекта (наиболее интересна тактика поведения команды в ситуациях когнитивного «тупика»/блокады) [3]. В этом случае нужен другой тип моделей, например, когнитивные модели [1], позволяющие учесть динамический аспект процесса управления командами [16]. Дополняя когнитивные модели анализом организации командного мышления [3], можно определить индивидуальные паттерны мышления и поведения команд с целью их дальнейшего развития. Как уже было показано в [20], наиболее эффективным инструментом управления командной работой, начиная от ее формирования/диагностики и заканчивая разработкой и продвижением HR-бренда команды и ее образовательно-карьерной траекторией (ОКТ), являются «гибридные» системы моделей (ГСМ), включающие в себя как классические методы, например, статистический и регрессионный анализ, так и неклассические — методы искусственного интеллекта (ИИ). Такая ГСМ должна обеспечивать эффективность решений всего комплекса задач

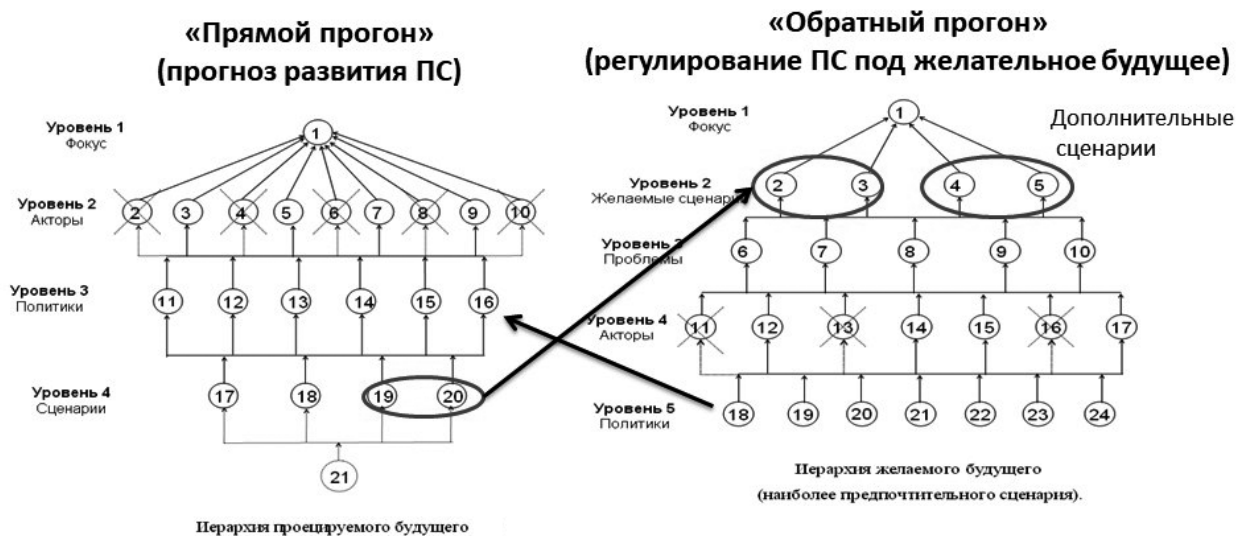

Рис. 3. Управление/стратегирование проблемными ситуациями в технопакетах

управления командами. Кроме аналитических методов, ГСМ включает в себя (на этапе формирования/диагностики команды) батарею психологических тестов (МБТИ, TSI — структура интеллекта, невербальные тесты Торренса и др.), характеризующих ведущие индивидуально-типологические особенности (ВИТО) [12] как отдельных участников команд, так и команд в целом (например, модифицированный тест самовосприятия Р. Белбина, позволяющий оценить внутрикандный уровень ролевого восприятия участниками друг друга), технологии метасценарирования со сценарными пространствами различной сложности (S0, S1, S2, S3) [13], а также классические методы стратегического анализа — PESTE, МІЕР, STEPLE, SWOT и др.

Выбор конкретной «траектории» использования методов определяется исходя из оценки уровня неравновесности системы-среды (К-уровня) и комплекса поставленных в исследовании задач [19]. Как и другие социальные практики, технология «технопакетов» тесно привязана к К-уровню, характеризующему конкретную проблемную ситуацию ПС (развитие технологических сред и т.д.) [10], ориентируясь на общие принципы креативного менеджмента: чем ближе к «кромке» хаоса, тем больше внимания уделяется поиску новых возможностей, чем дальше — тем больше внимания решению существующих проблем [18].

Управляющим субпакетом (гуманитарной технологией) ТП1 «управление командной работой» является информационно-аналитический субпакет «интегральная система моделей управления ТП», предназначенный

для системного моделирования и управления технопакетом в целом. Такая система моделей управления ТП приведена на рис. 4, где $optA_j^i$ — оптимальная выходная характеристика на i -м этапе процесса системного управления командной работой, используемая как входной параметр на смежном $(j + 1)$ -м этапе, например, наиболее привлекательный вид деятельности для организации при работе командами (управленческий консалтинг, сопровождение проектов, диагностика команды, развитие метакомпетенций команды и т.д.) используется как входной параметр для выбора оптимальных форм (ролевых, организационно-деятельностных игр, хирам, хакатонов, знаниевых реакторов и т.д.) и форматов организации мышления и поведения (мозговой штурм, синектика, шесть шляп Э. де Боно, системно-креативное мышление, ТРИЗ и т.д.) командной работы.

Синтез знаний в такой системе моделей/субпакете проводится с помощью использования выходных характеристик, полученных на одном этапе управления отдельными субпакетами и технопакетом в целом во входные параметры моделей, используемых на других этапах, например, выбор наиболее привлекательных направлений командной работы влияет на выбор форм и форматов проектной работы команд, которые, в свою очередь, влияют на выбор методов управленческого проектирования и эффективность командной работы. По завершении одного цикла управления технопакетом процесс повторяется по схеме адаптации (см. рис. 3) до получения необходимого результата (достижения желаемого заказчиком проекта будущего).

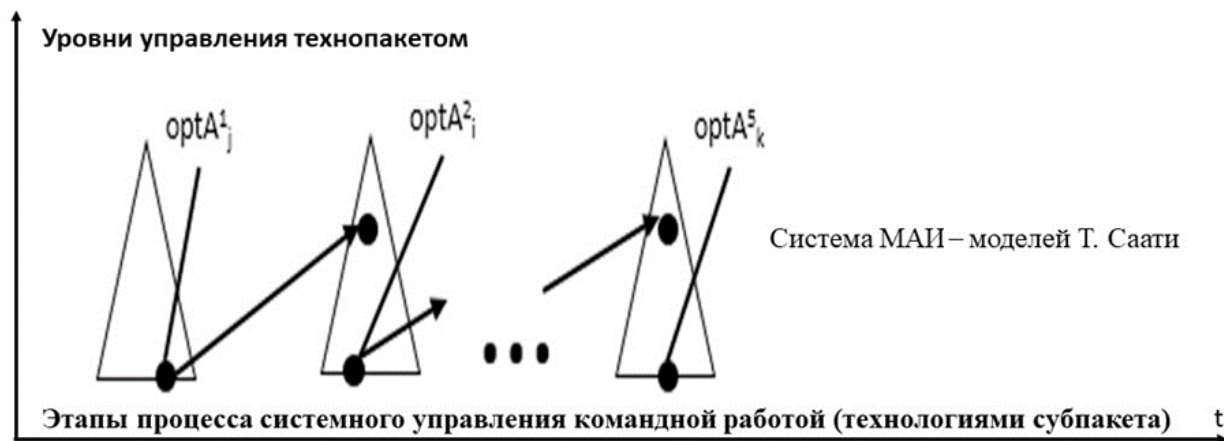

Рис. 4. Интегральная система моделей ТП «системное управление проектной командой»

Заключение. В заключение можно сделать несколько выводов.

1. В условиях посттехногенной цивилизации (В. Лепский) и концепции соционавигации, при переходе от классического целевого к постнеклассическому атрибутивному проектированию и управлению особое значение приобретают технологии социального управления, основанные на модифицированной концепции «технопакетов» С. Переслегина.

2. Введение в концепцию «технопакетов» новых понятий «оптимизирующая» и «развивающая» технологии позволяет расширить и дифференцировать («тюнинг») инструментарий управления проектной командной работой, предоставляя дополнительные возможности управления системой/сетью технопакетов, создавая эффект синергии.

3. Развитие понятия «базовая» технология позволяет технологизировать трансформацию объекта технопакетов, что, в свою очередь, приводит к эволюционированию самого технопакета.

4. Предлагаемое развитие концепции технопакетов включает в себя различные взаимодействующие типы моделирования: «мягкие» вычисления, когнитивное моделирование и технологии искусственного интеллекта;

5. Синергетический эффект может быть достигнут не только за счет управления всеми этапами командной работой, но и за счет управления сетью технопакетов с использованием технологий системной аналитики и системно-креативного мышления.

Литература

1. Авдеева З.К., Коврига С.В., Макаренко Д.И. Когнитивное моделирование для решения задач управления слабоструктурированными системами (ситуациями) // Управление большими системами: сборник трудов. — 2006. — №16. — С. 26–39.

2. Гроф С. Области человеческого бессознательного. — М.: Институт трансперсональной психологии, 1994. — С. 280.

3. Зарецкий В.К. Если ситуация кажется неразрешимой. — М.: Форум, 2019.

4. Кудрин Б.Н. Исследования технологических и технических систем как сообществ изделий-техноценозов. Системные исследования. — М.: 1982.

5. Лепский В.Е. Системные основания для перехода от техногенной цивилизации к социогуманитарной цивилизации. Проблемы цивилизационного развития, (1). — 2019. — С. 33–48.

6. Локтионов М.В. Критика применения критической теории и критический системный подход в современных концепциях развития общества // Философская мысль. — 2014. — №11. — С. 86–106.

7. Малинецкий Г.Г. Синергетика: Будущее мира и России. — М.: Либроком, 2008.

8. Михеев В.А., Федотова М.А., Шевырев А.В. Рабочая команда как сетевая структура, индуцирующая единое креативное поле. Экономические стратегии, (5). — 2013. — С. 64–67.

9. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. — М.: Дело, 2013.

10. Переслегин С.Б. Дикие карты будущего, форс-мажор для человечества [Электронный ресурс]. — М.: Алгоритм, 2015. — С.407. — Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=582662&p=1>.

11. Синюк В.Г., Шевырев А.В. Использование информационно-аналитических технологий при принятии управленческих решений: учебное пособие. — М.: «Экзамен», 2003. — С. 157.

12. Собчик Л.Н. СМЛ (ММР). Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. — М.: Речь, 2009.

13. Сценарный стратегический прогноз. Пермский край, Россия и мир — 2030. — М.: ИНЭС РАН, 2016.

14. Уилбер К. Око духа: интегральное видение для слегка свихнувшегося мира. — М.: «Изд-во АСТ», 2002. — С. 476.

15. Федотова М.А. Постнеклассическое стратегирование проблемных ситуаций в концепции соционавигации: переход от целевого управления к атрибутивному конструированию. Экономические стратегии, 21(8(166)). — 2019. — С. 94–101.

16. Федотова М.А. Системное управление командной работой: эволюция представлений и перспектива развития. Научный результат. Социология и управление, 4(4). — 2018. — С. 137–151.

17. Шевырев А.В. Технология творческого решения проблем (эвристический

подход). — Белгород: Крестьянское дело, 1995. — Т. 2.

18. *Шевырев А.* Креативный менеджмент: синергетический подход. — Белгород: ЛитКараВан, 2007.

19. *Шевырев А. В., Михеев В. А., Шаламова Н. Г., Федотова М. А.* Системная аналитика в управлении. Введение в научно-исследовательскую программу (под общей редакцией Шевырева А. В.). — Белгород: ЛитКараВан, 2016. — С. 384.

20. *Fedotova M., Khromova S., Argunovskiy D., Polushin P.* Hybrid Systems of Soft Computing Technologies in Designing Team Decision for Supply Chain Management Systems of Organizations. *International Journal of Supply Chain Management*. — Vol. 9. — №4, August 2020.

21. *Konstantinov I., Fedotova M., Yin Bin.* Modeling of training program development (determination of key metacompetencies, forms and formats) for international educational business project management: practical research results. *International Journal of Supply Chain Management (IJSCM)*. — №5. — 2020.

22. *Tart C. T.* Consciousness, altered states, and worlds of experience. *The Journal of Transpersonal Psychology*, 18 (2). — 1986. — P. 159–170.

References

1. *Avdeeva Z. K., Kovriga S. V., Makarenko D. I.* Kognitivnoe modelirovanie dlja reshenija zadach upravlenija slabostruktirovannymi sistema (situacijami) [Cognitive modeling to solve management tasks semi structured system (situations)] // *Upravlenie bol'shimi sistemami: sbornik trudov* [Managing large systems: collection of papers]. — 2006. — №16. — P. 26–39.

2. *Grof S.* Oblasti chelovecheskogo bessoznatel'nogo [Human unconscious]. — Moscow: Institut transpersonal'noj psihologii, 1994. — P. 280.

3. *Zareckij V. K.* Esli situacija kazhetsja nerazreshimoj [If the situation seems unsolvable]. — Moscow: Forum, 2019.

4. *Kudrin B. N.* Issledovanija tehnologicheskikh i tehniceskikh sistem kak soobshhestv izdelij-tehnocenzov. Sistemnye issledovanija [Research technology and technical systems as

communities products-technocenos. System research]. — Moscow: 1982.

5. *Lepskij V. E.* Sistemnye osnovanija dlja perehoda ot tehnogennoj civilizacii k sociogumanitarnoj civilizacii. Problemy civilizacionogo razvitija, (1) [System bases for transition from technogenic civilization to socio-humanitarian civilization. Problems of civilizational development, (1)]. — 2019. — Pp. 33–48.

6. *Loktionov M. V.* Kritika primeneniya kriticheskoj teorii i kriticheskij sistemnyj podhod v sovremennyh koncepcijah razvitija obshhestva [Critique of the application of critical theory and critical system approach in modern concepts of society development] // *Filosofskaja mysl'*. — 2014. — №11. — Pp. 86–106.

7. *Malineckij G. G.* Sinergetika: Budushhee mira i Rossii [Synergetics: the future of the world and Russia]. — Moscow: Librokom, 2008.

8. *Miheev V. A., Fedotova M. A., Shevyrev A. V.* Rabochaja komanda kak setevaja struktura, inducirujushhaja edinoe kreativnoe pole. Jekonomicheskie strategii, (5) [Working team as a network structure that induces a single creative field. Economic strategies, (5)]. — 2013. — Pp. 64–67.

9. *Peres K.* Tehnologicheskie revoljucii i finansovoj kapital. Dinamika puzyrej i periodov procvetaniya [Technological revolutions and financial capital. The dynamics of bubbles and periods of prosperity]. — Moscow: Delo, 2013.

10. *Pereslegin S. B.* Dikie karty budushhego, fors-mazhor dlja chelovechestva [Wild cards of the future, force majeure for humanity] [Elektronnyj resurs]. — Moscow: Algoritm, 2015. — P. 407. — URL: <https://www.litmir.me/br/?b=582662&p=1>.

11. *Sinjuk V. G., Shevyrev A. V.* Ispol'zovanie informacionno-analiticheskikh tehnologij pri prinjatii upravlencheskih reshenij: uchebnoe posobie [The use of information and analytical technologies in managerial decision making: a tutorial]. — Moscow: «Jekzamen», 2003. — P. 157.

12. *Sobchik L. N.* SMIL (MMPI). Standartizirovannyj mnogofaktornyj metod issledovanija lichnosti [SMIL (MMPI). Standardized multi-factor method of personality research]. — Moscow: Rech', 2009.

13. Scenarnyj strategicheskij prognoz. Permskij kraj, Rossiya i mir — 2030 [Scenario strategic forecast. Perm region, Russia and the world — 2030]. — Moscow: INJeS RAN, 2016.

14. *Uilber K.* Oko duha: integral'noe videnie dlja slegka svihnuvshegosja mira [Eye of spirit: integral vision for a slightly crazy world]. — Moscow: «Izd-vo AST», 2002. — P. 476.

15. *Fedotova M.A.* Postneklassicheskoe strategirovanie problemnyh situacij v koncepcii socionavigacii: perehod ot celevogo upravlenija k atributivnomu konstruirovaniju [Post-non-classical strategizing of problem situations in the concept of socionavigation: transition from target management to attribute design]. *Jekonomicheskie strategii*, 21 (8 (166)). — 2019. — Pp. 94–101.

16. *Fedotova M.A.* Sistemnoe upravlenie komandnoj rabotoj: jevoljucija predstavlenij i perspektiva razvitija. Nauchnyj rezul'tat. Sociologija i upravlenie, 4 (4) [System management of team work: evolution of ideas and development prospects. Scientific result. Sociology and management, 4 (4)]. — 2018. — Pp. 137–151.

17. *Shevyrev A.V.* Tehnologija tvorcheskogo reshenija problem (jevristsicheskij podhod) [Technology of creative problem solving (heuristic approach)]. — Belgorod: Krest'janskoe delo, 1995. — Vol. 2.

18. *Shevyrev A.* Kreativnyj menedzhment: sinergeticheskij podhod [Creative management:

a synergetic approach]. — Belgorod: LitKaraVan, 2007.

19. *Shevyrev A.V., Miheev V.A., Shalamova N.G., Fedotova M.A.* Sistemnaja analitika v upravlenii. Vvedenie v nauchno-issledovatel'skuju programm [System Analytics in management. Introduction to the research program] In *Shevyrev A.V.* (eds.). — Belgorod: LitKaraVan, 2016. — P. 384.

20. *Fedotova M., Khromova S., Argunovsky D., Polushin P.* Hybrid Systems of Soft Computing Technologies in Designing Team Decision for Supply Chain Management Systems of Organizations. *International Journal of Supply Chain Management*. — Vol. 9. — №4, August 2020.

21. *Konstantinov I., Fedotova M., Yin Bin.* Modeling of training program development (determination of key metacompetencies, forms and formats) for international educational business project management: practical research results. *International Journal of Supply Chain Management (IJSCM)*. — №5. — 2020.

22. *Tart C.T.* Consciousness, altered states, and worlds of experience. *The Journal of Transpersonal Psychology*, 18 (2). — 1986. — P. 159–170.

Поступила в редакцию

11 сентября 2020 г.

Бабинцев Валентин Павлович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Babintsev Valentin Pavlovich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social technologies, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod State University».

308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
85 Pobedy st., 308015, Belgorod, Russia
E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Федотова Марина Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Управление персоналом» Московского авиационного института (национального исследовательского университета).

Fedotova Marina Alexandrovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department «Human resource management», Moscow Aviation Institute (National Research University).

125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4
4 Volokolamsk highway, 125993, Moscow, Russia
E-mail: fedotova-ma@yandex.ru

Полушин Петр Владимирович — заместитель начальника учебного отдела учебно-методического центра Академии Государственной противопожарной службы МЧС России.

Polushin Petr Vladimirovich — Deputy Head of the Training Department of the Training Center, Academy of the State fire service of the EMERCOM of Russia.

129366, г. Москва, ул. Бориса Галушкина, 4
4 Boris Galushkin st., 129366, Moscow, Russia
E-mail: petr-poluchin@rambler.ru

УДК 316.74

10.17213/2075-2067-2020-6-39-44

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРЫ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА

© 2020 г. В. А. Бахтин

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Целью исследования является установление теоретико-методологических оснований, необходимых для проведения исследований в сфере этнокультуры медицинского туризма.

Методологическая база исследования в общетеоретическом плане основывается на социологических теориях этноса в социокультурном аспекте, имеющих потенциал для изучения этнокультуры медицинского туризма.

Результаты исследования. Важнейшим аспектом проведенного анализа, позволяющим прийти к теоретически и эмпирически значимым результатам, является установление социокультурного смысла признаков этноса с позиций их соотношения со здравоохранительными и конкретно медицинскими проблемами. Этничность глубоко укоренена в культуру. Это приводит к тому, что различные этносы обладают разными формами реагирования в определенных видах деятельности. Эти формы зависят от ценностей, стереотипов, установок, традиций, паттернов и т. д. В полном объеме подобный вывод касается и такой сферы, как медицина. Поведение социальных акторов в сфере медицины обусловлено социокультурными факторами, которые в значительной степени опосредуются категорией этничности, поэтому мы убеждены, что процессы, протекающие в сфере медицинского туризма, зависят от сложившегося комплекса, где в равной мере смешиваются социокультурные основания, этнические и медицинские. Причем последние в значительной степени зависят от ресурсов, которые имеются в каждом конкретном социуме. Эти ресурсы определяют траектории медицинского туризма, корректируемые этничностью в рамках заданных социокультурных границ.

Перспективы дальнейших исследований авторы усматривают в применении сконструированных теоретико-методологических оснований к изучению потенциала медицинского туризма в разных этнических практиках.

Ключевые слова: медицинский туризм; этнос; этнокультура; теоретико-методологические основания; лингвистическое пространство; общность культуры; этнические символы.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS STUDIES OF ETHNOCULTURE OF MEDICAL TOURISM

© 2020 V. A. Bakhtin

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

The aim of the study is to establish the theoretical and methodological foundations necessary for conducting research in the field of ethno-culture of medical tourism.

The methodological base of the research in general theoretical terms is based on the sociological theories of ethnos in the socio-cultural aspect, which have the potential to study the ethno-culture of medical tourism.

Research result. The most important aspect of the analysis, which allows us to come to theoretically and empirically significant results, is the establishment of the socio-cultural meaning of the signs of an ethnic group in terms of their relationship to health and, specifically, medical problems. Ethnicity is deeply rooted in culture. This leads to the fact that different ethnic groups have different forms of response in certain activities. These forms depend on values, stereotypes, attitudes, traditions, patterns, etc. In full, this conclusion applies to such areas as medicine. The behavior of social actors in the field of medicine is determined by socio-cultural factors, which are largely mediated by the category of ethnicity. Therefore, we are convinced that the processes taking place in the field of medical tourism depend on the existing complex, where socio-cultural, ethnic and medical grounds are equally mixed. Moreover, the latter largely depend on the resources that are available in each particular society. These resources determine the trajectories of medical tourism, adjusted by ethnicity within the given socio-cultural boundaries.

Prospects of the study. The authors see prospects for further research in the application of the constructed theoretical and methodological foundations to the study of the potential of medical tourism in different ethnic practices.

Key words: medical tourism; ethnos; ethnoculture; theoretical and methodological foundations; linguistic space; community of culture; ethnic symbols.

Введение. Вопрос о привлечении иностранных граждан в лечебные учреждения России продолжает оставаться очень острым. Здесь возможны новые подходы, которые пока не применяются. Имеется в виду, что медицина — это часть культуры, и она не может не испытывать на себе влияние традиций, национального менталитета. Приезжающие из-за рубежа пациенты могут испытывать определенные трудности в культурной адаптации (лингвистические проблемы, незнание местных обычаев, настороженность при употреблении блюд национальной кухни и т.п.). Следовательно, необходимы меры по этнокультурной адаптации медицинских туристов. Это будет способствовать формированию положительных установок на лечение в России.

Все сказанное подтверждает необходимость научного изучения возможности использования этнокультурных факторов в медицинском туризме. В категориальном поле медицинских наук это сделать нельзя из-за отсутствия соответствующей проблематики и терминологического аппарата. В контексте медицинских наук можно только описать методы лечения болезней в тех или иных кли-

никах. Но социология культуры предоставляет возможность изучить проблему и как медицинскую, и как культурологическую, и как этнологическую, поскольку обладает методологией научного синтеза всех перечисленных областей знания.

Основная часть. Самоутверждение этноса путем сохранения единой, отличной от других, культуры, культурные коды этнической самоидентификации реализуются в условиях поливариантности этнических миксаций. Контрадикция мультикультурализма и инкультуральности придает указанному процессу новый смысл, который нельзя оценивать однозначно. Существуют положительные эффекты нового «великого переселения народов», когда взаимопроникновение культур способствует их расцвету и взаимообогащению, но существуют и риски утраты этнической культуры, которые порождают стремление защитить ее социально агрессивными способами. Особенно мучительным становится противоречие между этими двумя тенденциями, когда предметом спора выступают высшие ценности — жизнь и здоровье, поэтому феномен медицинского

туризма в данных условиях требует глубокого анализа и выработки единой точки зрения. Не препятствует ли усилиям по сохранению и восстановлению здоровья стремление к защите этнокультуры конкретными странами и народами? Не является ли коммерческая составляющая медицинского туризма скрытой угрозой для сохранения уникальной этнической культуры? Не ущемляются ли этнические интересы и свобода развития этнической культуры при ориентации здравоохранения в конкретной стране на все более широкое предоставление медицинских услуг иностранцам? Возможно, ответы на эти и другие подобные вопросы смогут помочь и в решении общей проблемы сохранения этнокультур в современном полиэтничном обществе. Но прежде чем отвечать на них, необходимо определиться с дефинициями основных понятий, поскольку здесь также нет устоявшегося единодушия исследователей. Мы постараемся определить, что понимается в работе под терминами «этнос», «этнокультура», «медицинский туризм», «лечебный туризм».

В своем исследовании мы будем опираться на позицию Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилева, выражающих единую точку зрения о пяти признаках этноса: территория расселения, обеспечиваемая эндогамией, язык, общность культуры, единство хозяйственной жизни, самоназвание и самосознание [1, 2] — с включением выдвинутого Н. Н. Седовой шестого признака этноса — генетической определенности [4]. Очевидно, что каждый этнос как биосоциальное образование именно в своей биологической природе содержит признаки, по которым его представители внешне отличаются друг от друга. А это явный показатель наличия генетических отличий. Сейчас уже достаточно хорошо разработаны этнические портреты этносов, хотя проблем здесь еще много [5]. Важно отметить, что культурный профиль этноса может теоретически включать установку на сохранение своей генетической определенности. Следовательно, социокультурный портрет здоровья будет конструироваться на основе представлений о генетической уникальности, что в свою очередь будет закрепляться в традициях, обычаях, нормах поведения. Их отражение в духовной культуре закономерно. Правда, здесь стоит вопрос об объекте ценностного

отношения к здоровью: будет ли это здоровье индивида, общества или этноса? Это важно для понимания принятия/непринятия практик медицинского туризма.

Следует отметить, что лингвистическое пространство медицинского сообщества недифференцировано, поскольку включает единый для всех медицинских работников латинский и греческий языки, да и абсолютное число заболеваний — общее для представителей любых этносов, хотя есть и специфические болезни, которые встречаются у определенных этносов и не бывают у других. В отношении групп болезней с середины 50-х гг. прошлого века накоплен достаточный материал в этногенетике [7].

В медицинской литературе часто отмечается, что связь этничности и заболеваемости — опосредованная, через влияние социальных условий жизни и воспитания, а также через воздействие этнических традиций, прежде всего, в области гигиены. Другими словами, нельзя сказать, что представители конкретного этноса обязательно будут страдать специфическим для данной популяции заболеванием. Все зависит от внешних факторов и личностных особенностей. Например, у малых народов севера, как известно, легко возникает алкогольная зависимость в связи с отсутствием в организме ферментов, расщепляющих алкоголь. Она формируется уже после первого употребления алкоголя, но ее никогда не будет, если человек ни разу не употребит алкоголь. Безусловно, исключением являются наследственные болезни. Таким образом, этническая предрасположенность к определенным заболеваниям — это *возможность*. Действительностью она становится по социальным причинам. Все сказанное позволяет заключить, что связь между здоровьем и этнической принадлежностью существует и является лично и социально значимой.

Сообразуясь с этой схемой, можно описать социокультурный смысл признаков этноса с позиций их соотношения со здравоохранительными и конкретно медицинскими проблемами (табл. 1).

Мы согласны с профессором Н. Н. Седовой в том, что «вопрос о персонификации конъюнкции этнических и наднациональных ценностей медицины представляется соци-

ально значимым и требующим выработки единого подхода» [4, с. 23], но не согласны с тем, что таким подходом может стать биоэтика, если будут эксплицированы ее этические смыслы. Нам представляется, что это слишком узкий подход. Поясним эту мысль.

Современное развитие биомедицинских технологий, безусловно, содержит социальные риски гуманитарного характера. Конвергенция живого и неживого в перспективе

открывает большие возможности для лечения самых проблемных заболеваний и совершенствования организма человека. Но одновременно возникает вопрос о том, будет ли этот совершенный человек *человеком*? Естественно, общество обращается к результатам этической экспертизы новых биотехнологий. Биоэтика востребована, она активно развивается. Однако интерес для общества представляют не только этические, но и эс-

Таблица 1

**Социокультурный смысл признаков этноса
с позиций их соотношения со здравоохранительными проблемами**

Признак этноса и его актуализация в медицине и здравоохранении	Культурологические проблемы актуализации признака этноса в медицине и здравоохранении
<i>Территория расселения</i>	
Основная переменная в теоретической и практической эпидемиологии. Одна из переменных в персонализированной медицине.	Право на охрану здоровья некоренных этносов и мигрантов. Противопоставление коренных и некоренных народов. Сохранение природных факторов здоровья (связь с экологической этикой).
<i>Единство хозяйственной жизни</i>	
Уровень развития здравоохранения. Уровень оказания медицинской помощи и ее структура. Уровень научного обеспечения медицины. Доступность медицинской помощи.	Национальные модели здравоохранения и их плементарность. Компаративная биоэтика. Финансирование здравоохранения. Этические стимулы для развития национальных медицинских школ
<i>Общность культуры</i>	
Традиции культуры, определяющие внутреннюю картину болезни. Отношение к медицине вообще и к врачам как социальной группе. Народная медицина.	Иерархия моделей врачевания, статус врача. Проблемы стигматизации при социально значимых болезнях. Пределы применения народной медицины, вопросы самолечения.
<i>Самосознание и самоназвание</i>	
Возможность учета национальности пациента при оказании медицинской помощи. Медицинская статистика. Медицинский туризм.	Самоидентификация в процессе потребления медицинских услуг (особенно в случае детей, рожденных в межнациональных браках). Этнические предпочтения врачей в процессе оказания медицинской помощи.
<i>Язык</i>	
Диалог с пациентом. Международные связи в медицинском сообществе. Ведение медицинской документации.	Практика медицинской лингвистики. Врачебные ошибки вследствие языковой неадаптированности. Ситуация врача и/или пациента в иноязычной среде.

тетические, религиозные, лингвистические ценности, историческая преемственность обычаев и традиций, рефлексия происходящего в художественной литературе и т.п. Другими словами, внедрение новых биотехнологий затрагивает комплекс духовных ценностей, отношение к ним меняется, они сами модифицируются, не говоря уже о том, что в условиях цифровой цивилизации принципиально изменяются способы передачи этих ценностей и закрепления их в мировоззрении нового поколения. Поэтому мы считаем, что конъюнкция этнических ценностей и ценностей здоровья наиболее полно может быть объяснена только в научном поле социологии культуры и духовной жизни. Пока исследований на эту тему явно недостаточно, но уже можно говорить о том, что этнические феномены современной медицины и здравоохранения названы, описаны и получили аксиологическую интерпретацию, правда, пока только на уровне обыденного сознания.

Системообразующим признаком этноса является его культура. Это связано с тем, что она суть аксиологическая экспликация всех остальных признаков. Этнической культуре посвящено много исследований, особенно в последнее время, как в этносоциологии, так и в социологии культуры [6]. Можно сказать, что изучение этнокультуры является кросс-дисциплинарным полем для этих дисциплин. Авторы интересуются конкретными проблемами культуры этносов, соотношением этнокультуры и национальной культуры, отдельными элементами этнокультурного облика народов и т.п., но все они едины в понимании того, что такое этнокультура. Здесь мы не нашли разногласий, более того, часто в разных работах даются идентичные определения этнокультуры. Приведем здесь пример такого типичного определения.

«**Этнокультура** — это совокупность традиционных ценностей, отношений и поведенческих особенностей, воплощенных в материальной, духовной, социальной жизнедеятельности этноса, сложившихся в прошлом, развивающихся в исторической социодинамике и постоянно обогащающих этнической спецификой культуру в различных формах самореализации людей». И далее: «**Этнокультура**, включая в себя ряд структурных элементов (традиции, ценности,

нормы, обычаи, ритуалы, нормы), образует систему, которая выполняет в социуме взаимодействующую функцию. Одним из наиболее значимых и универсальных **этнических символов является язык**. Именно он формирует национальное самосознание» [3]. Мы выбрали данное определение не только потому, что оно является типичным, но и потому, что содержит указание на связь этнокультуры с другими признаками этноса.

Связь этнокультуры и здоровья достаточно очевидна. Традиции и обычаи отдельных народов в отношении здоровья и болезни различаются, поэтому различаются и образцы поведения, гигиенические и здоровьесберегающие технологии. Хотя в век высокотехнологичной медицины и господства рыночных отношений унификация медицинских практик является закономерностью, можно отметить сохранение переданных предками установок, навыков и символов, связанных со здоровьем и болезнью.

Выводы. В заключение можно сделать следующие выводы.

1. Этнокультура каждого народа включает медицинские обычаи, традиции, знания и во многом определяет мировоззрение самих медицинских работников.

2. Этносоциология до сих пор не уделяла внимания медицинским компонентам, хотя характеристики моделей врачевания у того или иного народа в этносоциологических исследованиях имеются.

3. Отношение к здоровью в контексте этногенеза целесообразно изучать в терминах социологии культуры, поскольку оно включено в культурные стереотипы на индивидуальном уровне.

Литература

1. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. 3-е изд., исправленное. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009. — 436 с.

2. *Гумилев Л. Н.* Этнос — состояние или процесс? (Ландшафт и этнос: XI) // Вестник ЛГУ. — 1971. — №12. — Вып. 2. — С. 86–95.

3. Истории происхождения термина: этнос, этнокультура [Электронный ресурс] / Мультикурс. — Режим доступа: <https://multiurok.ru/blog/istorii-proiskhozhdeniia->

termina-etnos-etnokul-tura.html (Дата обращения: 13.12.2018).

4. *Седова Н. Н.* Биоэтика этноса или этническая биоэтика? // *Биоэтика*. — 2013. — №2. — С. 3–9.

5. *Степанов В. А.* Геномы, популяции, болезни: этническая геномика и персонализированная медицина // *Acta naturae*. — 2010. — Т. 2. — №4 (7). — С. 20–27.

6. *Тарбастаева И. С.* Коллективные права этнических сообществ как условие сохранения этнокультурного разнообразия // *Сибирский философский журнал*. — 2018. — Т. 16. — №3. — С. 143–151.

7. *Cann R. L., Stoneking M., Wilson A. C.* // *Nature*. — 1987. — Vol. 325. — P. 31–36.

References

1. *Bromlej Ju. V.* Oчерки теории jetnosa [Essays on the theory of ethnos]. 3-e izd., ispravlennoe. — Moscow: Knizhnyj dom «Librokom», 2009. — 436 p.

2. *Gumilev L. N.* Jetnos — sostojanie ili process? (Landshaft i jetnos: HI) [Ethnos — state or process? (Landscape and ethnos: XI)] //

Vestnik LGU. — 1971. — №12. — Issue 2. — Pp. 86–95.

3. Istorii proishozhdenija termina: jetnos, jetnokul'tura [The history of the origin of the term: ethnos, ethnic culture] [Jelektronnyj resurs]/ Mul'tikurs. — URL: <https://multiurok.ru/blog/istorii-proiskhozhdeniia-termina-etnos-etnokul-tura.html> (Date accessed: 13.12.2018).

4. *Sedova N. N.* Biojetika jetnosa ili jetnisheskaja biojetika? [Bioethics ethnic group or ethnic bioethics?] // *Biojetika [Bioethics]*. — 2013. — №2. — Pp. 3–9.

5. *Stepanov V. A.* Genomy, populjicii, bolezni: jetnisheskaja genomika i personificirovannaja medicina [Genomes, populations, diseases: ethnic genomics and personalized medicine] // *Acta naturae*. — 2010. — Vol. 2. — №4 (7). — Pp. 20–27.

6. *Tarbastaeva I. S.* Kollektivnye prava jetnisheskih soobshhestv kak uslovie sohraneniya jetnokul'turnogo raznoobrazija [Collective rights of ethnic communities as a condition of maintaining ethno-cultural diversity] // *Sibirskij filosofskij zhurnal [Siberian philosophical journal]*. — 2018. — Vol. 16. — №3. — Pp. 143–151.

7. *Cann R. L., Stoneking M., Wilson A. C.* // *Nature*. — 1987. — Vol. 325. — P. 31–36.

Поступила в редакцию

28 октября 2020 г.

Бахтин Виктор Александрович — преподаватель кафедры «Сервис, туризм и индустрия гостеприимства» Донского государственного технического университета.

Bakhtin Viktor Alexandrovich — Lecturer of the Department «Service, Tourism and Hospitality industry», Don State Technical University.

344000, г. Ростов-на-Дону, ул. 24-я Линия, 2/5
2/5 24th Liniya st., 344000, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: bakhtinvictor@icloud.com

УДК 316

10.17213/2075-2067-2020-6-45-53

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ «ПОЗДНЕЙ» СОВРЕМЕННОСТИ

© 2020 г. В. А. Захарова

*Крымский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Симферополь, Россия*

Цель исследования заключается в изучении перспектив развития экологического поведения российской молодежи в контексте «поздней» современности.

Методологическую базу исследования представляет синтез современных методологических подходов: структурно-функционального институционализма, «понимающей» социологии (культуросоциологии), рискологического и социально-воспроизводственного направлений социологических исследований.

Результаты исследования. Экологическое поведение молодежи находится в тесной зависимости от культурных паттернов восприятия и отношения к собственной природной среде. Большое внимание к среде обитания будет наиболее актуальным, особенно в условиях крупных городских агломераций, способных инвестировать достаточные средства в дальнейшее экологическое обустройство. При этом экологическое поведение молодежи, главным образом представляющей «средние» и достаточно образованные классы общества, будет направлено на формирование и дальнейшее развитие экологической культуры.

Перспективы исследования. Намеченные тенденции восприятия молодежью экологической повестки могут сохраниться в ближайшие десятилетия, при этом само экологическое поведение будет выстраиваться в реалистической плоскости конструирования культуры повседневности, включая рационализацию собственных экономических возможностей, в том числе в связи с обустройством собственных домохозяйств.

Ключевые слова: молодежь; российское общество; экологическое поведение; «поздняя» современность.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL BEHAVIOR OF RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF «LATE» MODERNITY

© 2020 V. A. Zakharova

*Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center,
Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia*

The purpose of the study is to study the prospects for the development of environmental behavior of Russian youth in the context of «late» modernity.

The methodological basis of the research is a synthesis of modern methodological approaches: structural and functional institutionalism, «understanding» sociology (cultural sociology), risk-based and socio-reproductive areas of sociological research.

Research result. The ecological behavior of young people is closely dependent on cultural patterns of perception and attitude to their own natural environment. Greater attention to the

environment will be most relevant, especially in large urban agglomerations that can invest sufficient funds in further environmental development. At the same time, the environmental behavior of young people, mainly representing the «middle» and sufficiently educated classes of society, will be aimed at the formation and further development of environmental culture.

Prospects of the study. *The outlined trends in young people's perception of the environmental agenda may continue in the coming decades, while environmental behavior itself will be built in a realistic plane of constructing a culture of everyday life, including the rationalization of their own economic opportunities, including in connection with the arrangement of their own households.*

Key words: *youth; Russian society; ecological behavior; «late» modernity.*

Введение. Человеческие способности в целом развиваются, откликаясь на воздействие технологий, обеспечивая тем самым обратную связь между мирами природы и культуры, поэтому и экологическое поведение молодежи, несмотря на свою рационализацию, не может рассматриваться по аналогии с актами абсолютно-свободной самостоятельности, поскольку оно всегда сопряжено и зависимо от развития самой экологической культуры. Следовательно, экологическое поведение, находящееся в зависимости от социально-классовой (социально-демографической) идентичности, является совокупностью (причем не всегда) осознанных реакций на вызовы опосредованного культурой природного окружения. «Разум не может оставаться пассивным, сталкиваясь с технологическими и экономическими условиями, связанными с природным окружением. Он не просто отражает эти условия, он реагирует на них и претворяет их в логическую систему. К тому же разум не только реагирует непосредственно на окружающие условия, но также отдает себе отчет в том, что существуют различные природные среды, на которые обитатели их реагируют по-своему. Все эти среды интегрируются в идеологические системы, которые послушны другим — ментальным — ограничителям, заставляющим группы с различными взглядами следовать одной и той же схеме развития» [6, с. 344]. Таким образом, можно согласиться с мнением, что экологическое поведение молодежи имеет общие социальные рамки, которые могут программироваться эпохой, но при этом обладать и своими отклонениями, связанными с теми или иными трендами эпохи. В свою очередь каждая эпоха чревата новыми

рисками, преодоление которых является очередным шагом развития цивилизации.

Специфика восприятия экологических проблем в эпоху «поздней» современности. При этом в условиях «поздней современности» происходит расширение самого экологического опыта, который открывает новые горизонты взаимодействия человека с техникой и микромиром. Беспокойство в сочетании с психическими фрустрациями, в том числе порожденными страхом перед глобальной экологической катастрофой или даже страхом перед повседневными и «вездесущими» вирусами, становятся органической частью экологического поведения и заботы о себе. В данной связи британский социолог Э. Гидденс справедливо отмечал, что «мы не выходим за пределы модернити, но переживаем эпоху ее радикализации. ... Ее наиболее заметные черты — крах эволюционизма, исчезновение исторической телеологии, признание радикальной, конститутивной рефлексивности, а также утрата Западом своей привилегированной позиции — переносят нас в новый и беспокойный универсум опыта» [3, с. 113–114]. Комплекс экологических проблем и в целом актуальность экологической повестки также выступает важной составляющей не только паттернов поведения современной российской молодежи, но и начинает играть ключевую роль в формировании их идентичностей.

Перспективы развития современного экологического поведения молодежи найдутся в плоскости формирования индивидуалистических установок, связанных с поиском себя и даже отчасти проявляющихся как способности противостоять коллективу и мнению

«большинства»), включая представителей старшего поколения. Зачастую экологическое поведение молодежи может испытывать дефицит рациональности, который приводит к более эмоциональному восприятию природы и своего места в ней. «Будучи как все в обществе, производным от человеческих действий, современность, когда она становится доминирующей, четко выраженной и укоренившейся, сама оказывает на эти действия встречное влияние. Наиболее сильным проявлением такого влияния можно считать формирование индивидуальности, своеобразного типа личности *современного человека*» [11, с. 585]. Наиболее восприимчивы к трендам индивидуализированного общества оказываются именно молодые люди, поведение которых важно также рассматривать сквозь призму экспрессивности и самовыражения. Следовательно, можно вполне согласиться с мнением, что молодежь любого общества находится как бы на переднем крае прогресса и необратимых социальных изменений.

Однако, стремление к выражению и подчеркиванию собственной индивидуальности имеет свою обратную сторону, которая заключается в распространении релятивизма и его активном проникновении в массовое сознание. Так, например, представители «Франкфуртской школы социальных исследований» полагали, что в условиях поздней современности действия людей в большей степени приобретают характер автоматизма, в этом они видели главную угрозу для свободы и безопасности человека в XXI веке. «Постепенно человек, — писал М. Хоркхаймер, — стал более независимым от абсолютных стандартов поведения и универсальных идей. Считается, что он теперь настолько свободен, что не нуждается ни в каких стандартах, кроме тех, которые он устанавливает себе сам. Но парадоксальным образом этот рост независимости привел к одновременному росту пассивности. В то время как расчеты человека в отношении используемых им средств стали крайне изощренными, в выборе целей, раньше определявшихся верой в объективную истину, он утратил всякую изобретательность — очищенный от всех остатков мифологий (включая и мифологию объективного разума), индивид теперь реагирует на все автоматически, в соответствии

с общепринятыми моделями адаптации» [10, с. 113–114]. Таким образом, сложившаяся в последнее время ситуация может существенным образом помешать современному человечеству сформировать, согласовать, а главное — реализовать глобальный проект, способный минимизировать риски экологической катастрофы.

Исследователи полагают, что с учетом роста рефлексивности по моральным вопросам удастся снизить в том числе и экологические риски, поэтому уже сейчас экология в связке с социологией, социальной антропологией и другими дисциплинами выступает важным субъектом изучения экологических проблем. Вместе с тем наблюдается процесс глобальной интеграции экологических вызовов в систему повседневной этики молодых людей, однако и он в свою очередь характерен прежде всего для наиболее развитых в экономическом отношении стран мира. Разнообразный экологический опыт молодых людей будет раньше осознаваться и подвергаться рефлексии, исходящей одновременно из обязанностей безопасности и требований социального статуса, поэтому экологическое поведение молодежи, в целом рассмотренное сквозь призму ценностно-рациональной деятельности, в будущем будет в большей степени ориентировано на личностный опыт, отражающий способы формирования идентичности в условиях современного информационного общества. При этом ясно, что экологическое поведение молодежи в эру всепроникающих цифровых технологий будет существенно отличаться от натуралистического экологизма молодежных движений середины прошлого века (например, от движений «битников» или «хиппи») [5].

Для многих молодых людей в России ориентация на экологическую культуру и соответствующие практики поведения становится способом актуализировать новую идентичность, которая сможет (по крайней мере, в моральном плане) защитить от вызовов и рисков технократической цивилизации. По мнению З. Баумана, особую ценность приобретает «проблема, мучающая людей на исходе века», которая «состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя

сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [2, с. 117]. Таким образом, экологические ценности играют важную роль в конструировании идентичности современной российской молодежи, открытой в отношении мировых культурных тенденций, которая в свою очередь нуждается в соответствующих практиках экологического поведения и образа жизни.

Социалистические идеи в условиях общества позднего модерна все больше приобретают экологический характер. Теперь важно, чтобы люди имели равный доступ к необходимым рекреационным ресурсам. Можно согласиться с мнением, что «на протяжении истории радикально меняется стиль жизни и образ мышления. Эти изменения улучшили качество жизни для одних и ухудшили для других. Мировое сообщество нуждается в таком порядке, который позволил бы осуществить равный доступ к благам окружающей среды без превышения ее потенциальной емкости» [1, с. 32]. Однако в социальной реальности, как в глобальном масштабе, так и в России, продолжает увеличиваться разрыв между классами в плане доступа к разнообразным экологическим благам.

Нельзя отрицать, что экологическое поведение молодежи, как и представителей других групп населения, имеет ценностно-этическое измерение, связанное в идеале с глубинным чувством биофилии вида *homo sapiens*, которое, однако, само должно постоянно культивироваться. «Мы должны прийти к пониманию: текущий глобальный кризис окружающей среды есть результат системы ценностей, основанной на человеческой жадности и ошибочном представлении, что наука и техника может решать все наши проблемы. И если мы не пересмотрим наши ценности и убеждения, эти условия приведут к дальнейшей деградации окружающей среды и разрушению природных систем, которые поддерживают жизнь. В этом нам должна помочь познавательная культура» [1, с. 32]. Вместе с тем самая возвышенная экологическая риторика должна подтверждаться делами, причем такими, которые будут способствовать развитию прибыли, извлекаемой из эксплуатации сегментов «зеленой экономики».

Экологическое поведение молодежи может вполне основываться на обновленном знании человека о своих собственных пределах развития и технологического роста. Речь, таким образом, уже давно идет не о «сверхчеловеке», а об индивиде, который нацелен на гармонизацию собственных отношений с природной средой. Если и возможно говорить о коллективном разуме современного человечества, необходимо в то же время признать его непропорциональное распространение по телу планеты. «В настоящее время существует потребность по-новому определить образ мира и место человека в нем, чтобы увязать мышление и видение человека, знание и этику. Поэтому приоритетные направления инвайронментальной философии должны исходить из потребностей нашего общества, находящегося в процессе глубоких социальных преобразований, охватывая всю картину развития экологических знаний в контексте познавательной и всей культуры» [1, с. 32], поэтому важно признать необходимость синтеза экологических знаний на основе диалога и общения различных культур, в том числе обнаруживаемых на территории отдельно взятого государства. Так, например, Россия является во многом полиэтнической страной, которая способна мобилизовать этнические и даже этноцентрические культуры на поиск выхода из сложившихся экологических проблем.

Ведущие тренды и векторы развития экологического поведения современной российской молодежи. Основные тенденции экологического поведения российской молодежи, относящиеся к развитию ведущих институтов социализации, находятся в плоскости совершенствования и применения различных технологий, связанных с личной гигиеной, экологическим потреблением и способностью сортировать отходы в согласии с требованиями отечественных и мировых стандартов. Таким образом, важно, говоря о перспективах реализации практик экологического поведения молодежи, учитывать два основных обстоятельства, необходимых для устойчивого развития. «Первое входит в сферу экологической культуры, второе — в сферу социальной культуры. Только единство знаний об этих эволюционных процессах

позволит выработать адекватную политику самоуправления на уровне человечества. В целом можно сделать вывод о том, что преодоление опасности глобального экологического кризиса видится не на пути искусственного торможения развития человечества, а через целенаправленное его ускорение, что, возможно, позволит «проскочить» опасный период дестабилизации биосферы, связанный с текущим ростом совокупного материального потребления» [12, с. 12]. При этом само потребление при соответствующей его коррекции, исходящей из идей устойчивого развития, может принять экологический характер, реализуя отчасти экономический (рыночный) запрос на ценности натурализма.

Можно предполагать, что само потребление будет и в дальнейшем трансформироваться в сторону каких-то экологических стандартов, направленных на сохранение жизни на земле. Более того, институциональное воспитание подрастающего поколения будет строиться вокруг идеи воспитания «грамотного» и одновременно «экологически-ориентированного» потребителя. Оказывается, что в условиях нового экологического запроса внешние «стимулы изменяют “черный ящик” клиента. Потребитель по-новому определяет причины покупки и иначе воспринимает процесс приобретения товара. Наряду с социальными, культурными, личностными, психологическими факторами, воздействие начинает оказывать сложившееся внутреннее представление, сознание человека» [9, с. 69]. Рассматривая перспективы развития рынка экологических товаров и услуг, необходимо признать, что на сегодняшний день наряду с этическими императивами они являются наиболее эффективными инструментами регуляции и координации экологического поведения современной российской молодежи, которая посредством включения в глобальную экономику вполне реально воспринимает возможности «зеленого консюмеризма».

Нельзя исключать, что, возможно, уже в ближайшей перспективе более востребованным станет опыт незападных стран и культур в преодолении экологического кризиса. В данной связи Россия может воспользоваться своими преимуществами в качестве государства с обширной (евразийской) территорией, где обнаруживается множество самых разных

этнических культур. Как отмечал И. Р. Пригожин, «ничего удивительного в том, что новые вопросы, влияющие в науку свежие силы, часто исходят из традиций вопрошания, коренящихся в совсем иных культурах. А тот факт, что сегодня самые разные культурные образования принимают участие в развитии научной культуры, является для нас источником новых надежд» [8, с. 49]. Экологическое поведение россиян будет по-прежнему ориентировано на мировой опыт, скорее, даже на опыт наиболее развитых (и экологичных) европейских стран. Но вместе с тем можно предполагать, что в отношении экологических решений ведущих стран Евросоюза будет по-прежнему осознаваться опыт отставания и дистанции в институциональном решении экологических проблем.

Развитие экологической культуры в России не будет свободно от противоречий, которые проистекают из сразу нескольких образов будущего страны и ее места в системе мирового разделения труда, ведь неустойчивое (скачкообразное) развитие — это отчасти базовое свойство страны — пройти модернизацию как бы рывками, после которых экономика оказывается в кризисе и длительной стагнации. В обществе, которое выбирает устойчивое развитие, происходит коррекция ориентации, где «прогресс и инновационность заменяются установками на стабильность, равновесность, устойчивое развитие с учетом пределов роста. От отношений господства, конкуренции, соревновательности намечается движение к идеалам сотрудничества, кооперации, сосуществования» [7, с. 143]. Но такой сценарий для России все-таки представляется не столь вероятным, поскольку доступ к целому ряду гражданских технологий на сегодняшний день существенно перекрыт режимом санкций. Однако в будущем можно предполагать смягчение санкционного режима, происходящего на фоне дальнейшей интеграции России в глобальную экономику, в которой существенным образом снизится доля так называемых стран коллективного запада.

Рассуждая о будущем, можно уверенно говорить о том, что экологическое поведение молодежи будет находиться под возрастающим влиянием экологических ценностей. Причем важно отметить, что сами эколо-

гические ценности в значительной степени будут инструментализированы и станут восприниматься не как некоторые моральные требования, а будут рассматриваться как важные компоненты социального статуса и социально-экономической состоятельности. «Если в целом культура — это совокупность материальных и духовных ценностей, а также способов человеческой деятельности, обеспечивающих общественный прогресс, то экологическая культура — обеспечение прогресса общества в его единстве с природной средой» [4, с. 7]. Можно также предположить, что сама экологическая культура станет более рациональной, с одной стороны, ориентированной на «зеленые» сегменты экологии и сохранение биоресурсов, а с другой, например, — на защиту прав животных, либо те или иные экологические практики молодежи от повседневных и бытовых до направленных на борьбу за сохранение рекреационных ресурсов в большей степени будут отражать и актуализировать глобальную экологическую повестку.

Очевидно, что между экологическим поведением российской молодежи и общим уровнем развития экологической культуры в стране существует неразрывная связь, что не исключает также возможность дисгармоничного развития. Эпоха Нового времени была ознаменована интерпретацией культуры в качестве инстанции, противостоящей природе. В условиях поздней современности делаются попытки дать неальтернативные трактовки человеческой культуры, где существенно будет сглажен обозначенный ранее радикальный разрыв с природой. «Если в целом культура отражает меру преодоления человеком природного начала путем его познания и освоения, то экологическая культура обуславливает соответствие социальной деятельности и законов природной целостности (в частности, соответствие человеческой активности и такого качества природной среды, как ее жизнепригодность)» [4, с. 7]. Оказывается, что экологическое поведение молодежи в целом перенимает установки, способствующие, по крайней мере, индивидуальной защите от последствий загрязнения и разрушения природной среды.

В условиях поздней современности даже массовая культура в той или иной степени

впитывает в себя экологические аспекты и мировую природоохранную повестку. Важно учитывать, что экологическое поведение молодежи все в большей степени будет мотивироваться информацией, получаемой посредством сети Интернет, при этом не стоит удивляться тому, что экологический активизм молодежи начнет принимать вполне досуговые и вместе с тем виртуальные формы. Произойдет появление огромного числа экологических проектов, которые окажутся настолько вписанными в виртуальную среду, что их создатели и участники — молодые люди — будут стремиться изменить экологическую ситуацию в лучшую сторону посредством создания интернет-контента (например, записи очередного экологически ориентированного ролика).

Продолжится слияние экологической культуры, продуцирующей преимущественно тип традиционного действия, с экологическими практиками молодежи, что, возможно, приведет к созданию новых экологических традиций и способов восприятия мира. «Экологическая культура включает в себя экологическое знание, безопасные или даже благоприятные для природного равновесия технологии деятельности, нормы и ценности, навыки поведения, созерцание и чувства и распространяется на всю систему активности людей. Уровень развития экологической культуры становится в современных условиях одним из важнейших показателей зрелости и прогрессивности общественной системы» [4, с. 7]. Таким образом, российская молодежь в своем поведении сможет в ближайшие годы ориентироваться на синтез знаний и общий фон культурных предпочтений населения страны.

Вместе с тем ключевая роль молодежи в обновлении экологической культуры сохранится за данной социально-демографической группой, а возможно, даже усилится по мере дальнейшей глобализации экологической повестки. Молодые люди в целом будут также полагать, что само «новое мышление, признающее, что люди и общество не являются властителями природы, не стоят вне ее, не доминируют и не контрастируют с биосферой, а являются частью экологического цикла природы» [13, с. 697]. Важно отметить, что в ближайшее время может произойти ин-

тенсификация экологической повестки, что связано как с осознанием реальности экологического кризиса, так и с развитием политических движений, в центре которых окажутся, скорее, проблемы здоровья и адаптации, чем собственно идеология или борьба за финансовые потоки. Но в то же время не стоит забывать, что демографический кризис (тесно связанный с экологическим кризисом) может существенно снизить функцию российской молодежи в качестве субъекта инновационных преобразований.

Заключение. В заключении статьи можно сделать вывод о том, что, несмотря на специфику российской экономики, экологическое поведение молодежи страны будет находиться в русле мировых трендов, даже если в ближайшее время не произойдет сдвиг в сторону создания эколого-экономической инфраструктуры страны, рассчитанной на опережающее внедрение экологических производств, в том числе основанных на новых источниках энергии. Вместе с тем нам точно неизвестно, когда, например, проблема глобального потепления будет актуализирована в общественном сознании россиян. Скорее всего, для этого потребуются особая политическая воля государства, появление которой может опять же быть связано с изменениями в базе российской экономики, когда будет осознана необходимость постепенного ухода от почти тотальной зависимости страны от экспорта углеводородов. Таким образом, экологическое поведение молодежи по-прежнему будет находиться в тесном взаимодействии и взаимозависимости от культурных паттернов восприятия и отношения к собственной природной среде. Большое внимание к среде обитания будет наиболее актуальным, особенно в условиях крупных городских агломераций, способных инвестировать достаточные средства в дальнейшее экологическое обустройство. При этом экологическое поведение молодежи, главным образом представляющей «средние» и достаточно образованные классы общества, будет направлено на формирование и дальнейшее развитие экологической культуры. Вполне очевидно, что намеченные тенденции восприятия молодежью экологической повестки могут сохраниться в ближайшие десятиле-

тия, при том, что само экологическое поведение будет выстраиваться в реалистической плоскости конструирования культуры повседневности, включая рационализацию собственных экономических возможностей, в том числе в связи с обустройством собственных домохозяйств.

Литература

1. *Алилова К. М.* Экологическая культура в контексте познавательной культуры // *Гуманитарные и социально-экономические науки.* — 2015. — №3 (82). — С. 30–33.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2005. — 390 с.
3. *Гидденс Э.* Последствия модернити // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология.* — М.: Academia, 1999. — 640 с.
4. *Гирусов Э. В.* Восхождение к экологической культуре: необходимость и сущность // *Библиотечное дело.* — 2010. — №3 (117). — С. 6–11.
5. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. — М.: Новое издательство, 2011. — 464 с.
6. *Леви-Стросс К.* Структурализм и экология // *Первобытное мышление.* — М.: Республика, 1994. — 384 с.
7. *Лисеев И. К.* Новый образ природы и новые ценности цивилизации сотрудничества и ненасилия // *Философия. Биология. Культура (работы разных лет).* — М.: ИФРАН, 2011. — С. 128–148.
8. *Пригожин И. Р.* Философия нестабильности // *Вопросы философии.* — 1991. — №6. — С. 47–52.
9. *Трофимова Я. В.* Формирование экологического поведения потребителя // *Педагогический журнал Башкортостана.* — 2014. — №2 (51). — С. 62–71.
10. *Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. — 224 с.
11. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. — М.: Логос, 2010. — 664 с.
12. *Ячменев В. А.* Устойчивое развитие: взаимосвязь экологической и социальной культур // *Социум и власть.* — 2017. — №5 (67). — С. 7–13.

13. *Duong Thi Huong*. Ecological Culture and Educational Issue of Ecological Culture — Motivation for the Human Development // *American Journal of Educational Research*. — 2018. — №6 (6). — P. 694–702.

References

1. *Alilova K.M.* Jekologičeskaja kul'tura v kontekste poznavatel'noj kul'tury [Ecological culture in the context of cognitive culture] // *Humanitarnye i social'no-jekonomičeskie nauki* [Humanities and socio-economic Sciences]. — 2015. — №3 (82). — Pp. 30–33.

2. *Bauman Z.* Individualizirovannoe obshhestvo [Individualized society]. — Moscow: Logos, 2005. — 390 p.

3. *Giddens Je.* Posledstvija moderniti [Consequences of modernity] // *Novaja postindustrial'naja volna na Zapade. Antologija* [New post-industrial wave in the West. Anthology]. — Moscow: Academia, 1999. — 640 p.

4. *Girusov Je. V.* Voshozhdenie k jekologičeskoj kul'ture: neobhodimost' i sushhnost' [Ascent to ecological culture: necessity and essence] // *Bibliotechnoe delo* [Library business]. — 2010. — №3 (117). — Pp. 6–11.

5. *Inglhart R., Vel'cel' K.* Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija [Modernization, cultural changes and democracy]. — Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011. — 464 p.

6. *Levi-Stross K.* Strukturalizm i jekologija [Structuralism and ecology] // *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. — Moscow: Respublika, 1994. — 384 p.

7. *Liseev I.K.* Novyj obraz prirody i novye cennosti civilizacii sotrudničestva i nenasilija [New image of nature and new values of civilization of cooperation and non-violence] // *Filosofija. Biologija. Kul'tura (raboty raznyh let)* [Philosophy. Biology. Culture (works of different years)]. — Moscow: IFRAN, 2011. — Pp. 128–148.

8. *Prigozhin I.R.* Filosofija nestabil'nosti [Philosophy of instability] // *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. — 1991. — №6. — Pp. 47–52.

9. *Trofimova Ja. V.* Formirovanie jekologičeskogo povedenija potrebitelja [Formation of ecological behavior of the consumer] // *Pedagogičeskij žurnal Bashkortostana* [Pedagogical journal of Bashkortostan]. — 2014. — №2 (51). — Pp. 62–71.

10. *Horkhajmer M.* Zatmenie razuma. K kritike instrumental'nogo razuma [Eclipse of the mind. To the critique of the instrumental mind]. — Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 2011. — 224 p.

11. *Shtompka P.* Sociologija. Analiz sovremenogo obshhestva [Sociology. Analysis of modern society]. — Moscow: Logos, 2010. — 664 p.

12. *Jachmenev V.A.* Ustojčivoje razvitie: vzajmosvjaz' jekologičeskoj i social'noj kul'tur [Sustainable development: the relationship between environmental and social cultures] // *Socium i vlast'*. — 2017. — №5 (67). — Pp. 7–13.

13. *Duong Thi Huong*. Ecological Culture and Educational Issue of Ecological Culture — Motivation for the Human Development // *American Journal of Educational Research*. — 2018. — №6 (6). — P. 694–702.

Поступила в редакцию

15 сентября 2020 г.

Захарова Вера Александровна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Специалист в области исследования экоправового воспитания, экологических практик и экологического поведения. Соисполнитель ряда региональных социологических исследований.

Zakharova Vera Alexandrovna — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences. Specialist in the field of environmental education research, environmental practices and environmental behavior. Co-executor of a number of regional sociological studies.

295021, г. Симферополь, ул. им. газеты «Крымская правда», 4
4 st. Name of the Newspaper «Crimean Truth», 295021, Simferopol, Russia
E-mail: zakharova7vera@mail.ru

УДК 316

10.17213/2075-2067-2020-6-54-61

**ТРАНСПРОФЕССИОНАЛИЗМ В СИСТЕМЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ И АДАПТАЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ В УСЛОВИЯХ МОБИЛЬНОГО МИРА¹**

© 2020 г. О. С. Иванченко

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Цель исследования. В данной статье актуализируется проблема транспрофессионализма в системе подготовки научных кадров.

Методология исследования. В рамках поставленной цели автор опирается на трансдисциплинарную парадигму, базирующуюся на конвергенции знания и навыков различных областей профессиональной деятельности.

Результаты исследования. Феномен транспрофессионализма является адекватным современной эпохе с ее революцией в мире профессий, ее высочайшей динамикой инноваций и перемен. Однако для эффективного распространения этого явления в обществе, в профессиональной среде необходимы определенные условия, прежде всего, связанные с профессиональной подготовкой такого рода специалистов, способных к полипрофессиональной деятельности и понимающих все перспективы именно транспрофессиональной подготовки.

Перспективы использования результатов исследования. Проблема транспрофессионализма уже привлекла внимание многих исследователей, но такая профессиональная группа, как ученые, еще не попала в оптику этого предметного поля. Результаты данного исследования могут использоваться для управленческих решений на всех уровнях власти.

Ключевые слова: молодежь; профессия; молодые ученые; транспрофессионализм; трансфессия; профессионализация; образование; рынок труда.

**TRANSPROFESSIONALISM IN THE SYSTEM
OF PROFESSIONAL TRAINING AND ADAPTATION
OF YOUNG SCIENTISTS IN A MOBILE WORLD**

© 2020 O. S. Ivanchenko

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Purpose of the research. This article actualizes the problem of transprofessionalism in the system of training scientific personnel.

---

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2582.2020.6) на тему «Государственная политика в сфере высшего образования и развитие инновационного потенциала молодежи: экономические и неэкономические детерминанты и механизмы в условиях регионализации социального пространства и становления индустрии 4.0».

Research methodology. *Within the framework of this goal, the author relies on a transdisciplinary paradigm based on the convergence of knowledge and skills of various areas of professional activity.*

Research result. *The phenomenon of transprofessionalism is adequate to the modern era with its revolution in the world of professions, with its highest dynamics of innovation and change. However, for the effective dissemination of this phenomenon in society, in the professional environment, certain conditions are necessary, first of all, related to the professional training of such professionals who are capable of multiprofessional activities and understand all the prospects of transprofessional training.*

Prospects for using the research results. *The problem of transprofessionalism has already attracted the attention of many researchers, but such a professional group as scientists has not yet got into the optics of this subject field. The results of this study can be used for management decisions at all levels of government.*

Key words: *youth; profession; young scientists; transprofessionalism; transfession; professionalization; education; labor market.*

Введение. В профессиональной сфере, как и в любой другой, в современном динамично меняющемся мире происходят значимые перемены. Их связывают с третьей профессиональной революцией, когда именно люди, способные выйти за пределы своей изначально выбранной и полученной в учебном заведении профессии, достигают вершин успеха, а узкоспециализированные профессионалы испытывают трудности в процессе адаптации к новым условиям рынка труда. Эти новые условия определяются тем, что появляются новые профессии, становятся невостребованными прежние, традиционные; меняются требования со стороны работодателей к специалистам, к молодым работникам; возрастает спрос на транспрофессионалов, готовых к постоянному профессиональному движению, профессиональному обновлению, получению новых профессиональных знаний и умений. «Привычные представления о развитии начинают рассыпаться на глазах: у отдельно взятого работника одновременно оказывается сразу несколько “траекторий развития” (“карьерных путей”), прочерчиваемых в одной или нескольких сферах деятельности» [1].

Сама система образования должна измениться. Она должна стать инструментом для проектирования учащимися, будущими специалистами, самих себя, причем на протяжении всей профессиональной жизни, что в науке получило название метапознания как умения управлять собственным обучением [2].

Однако возникает вопрос: в каждой ли сфере профессиональной деятельности можно стать транспрофессионалом? В каждой ли нужно им стать? Является ли это явление универсальным с точки зрения мира профессий? В данной работе мы хотим обратиться к молодым ученым, которые так же, как и представители других профессиональных сфер, оказались в сложных условиях рынка труда, адаптации к его динамичным изменениям и непростым экономическим реалиям российского общества.

Транспрофессионализм как предмет научных исследований. Прежде чем перейти к ответу на поставленные относительно молодых ученых вопросы в контексте такого явления, как транспрофессионализм, имеет смысл рассмотреть характер научного дискурса, развернувшийся относительно данного явления, которое в научном пространстве представлено также в виде трансфессионализма.

Транспрофессионализм как понятие, символизирующее глубинную трансформацию профессионализма, глобальную профессиональную революцию, переход к новым формам организации (самоорганизации) профессиональной деятельности, в том числе совместной [1], все чаще попадает в пространство научного дискурса. Данное явление рассматривается учеными как «готовность и способность осваивать и выполнять деятельность (действия) различных видов

и групп профессий» [3]. Транспрофессионализм в науке получил разные названия: мультипрофессионализм, профессиональная многомерность, радикальный полипрофессионализм, но, как указывает А. Г. Кислов [4, с. 54–57], важно то, что этот феномен стал чрезмерно востребованным и его эффективность зависит от того, какие две или более профессии осваиваются — смежные или далекие друг от друга. Именно освоение несмежных профессий дает эффект полипрофессионализма, и дело не только в расширении диапазона профессиональных возможностей, сколько в способности и готовности выйти за пределы своей профессии и сформировавшихся за время ее получения стереотипов.

Э. Ф. Зеер разводит понятия «трансфессия» и «транспрофессионализм»: под первым он понимает «вид трудовой активности, реализуемой на основе синтеза и конвергенции профессиональных компетенций, принадлежащих к разным специализированным областям», а под вторым — «способность к выполнению широкого радиуса специализированных видов деятельности», которая является профессионалогической характеристикой трансфессий [5, с. 47]. Особое значение транспрофессионализм, с точки зрения данного автора, имеет для профессий социномической направленности, ориентированных на изучение людей, разных общностей, социальных групп, социальных отношений и систем, и связанных со сферой управления, социального, медицинского, информационного обслуживания, правовой и социальной защиты. Методологической основой их деятельности с точки зрения транспрофессионализма выступает трансдисциплинарная парадигма, базирующаяся на конвергенции знания и навыков различных областей профессиональной деятельности, а в качестве инструментальных компонентов транспрофессионализма этого вида профессий Э. Ф. Зеер выделяет регулятивную, профессионально-образовательную, информационно-коммуникативную, гуманитарно-технологическую компоненты и трансфессиональную направленность [5, с. 50].

«Транспрофессионалы — это люди, не привязанные к одной узкой специализации, которую получили в университете. Они обладают широкими знаниями и навыками

в различных профессиональных областях за счет того, что активно занимаются саморазвитием, постоянно обучаются», а узкие специалисты, по мнению исследователей, обречены — «они нужны, но больше того, что имеют сейчас, получать не будут. Специализация хороша, когда учишься» [6]. И, видимо, стоит прислушаться к словам о том, что общество вступило в «эпоху так называемых транспрофессионалов — людей, подготовленных междисциплинарно, ориентирующихся на объект в целом, а не на какую-то одну его сторону» [7].

Наступление этой эпохи и распространение транспрофессионализма обусловлены самой реальностью с ее информационной революцией, цифровым взрывом. Меняется социально-профессиональная среда, трансформируется представление о профессии и профессионализации, а также о профессиональной и социальной мобильности.

В мире, в котором мобильность сама по себе есть критерий современности [8, с. 197–252], человек должен стремиться отвечать этому критерию и, прежде всего, в профессиональной сфере, непрерывно развивая свои профессиональные навыки в парадигме трансдисциплинарности и межпрофессиональной коммуникативистики [3]. Соответственно, университеты, следуя мнению специалистов, должны стать другими, способными готовить специалистов будущего, т.е. транспрофессионалов или трансфессионалов, способных жить поверх профессиональных границ, менять профессию, меняться вместе с профессией, чтобы быть конкурентоспособными и профессионально успешными [2].

Раскрывая особенности подготовки трансфессионалов в условиях современной магистратуры, уже имеющей трансфессиональную направленность, В. И. Кабрин полагает, что для этого необходимо использовать методы коммуникативной креативности, творческой коммуникации и креативного лидерства в рамках синтеза холистического и ноэтического подходов [9].

Теперь от молодых специалистов, только приступивших к своей профессиональной деятельности, требуется не столько наличие приобретенных во время обучения в образовательном учреждении знаний и навыков,

сколько готовность выйти за пределы своей профессии, быть профессионально многогранными, ориентированность на трансфессию и транспрофессиональную идентичность. Но готова ли система образования к подготовке такого рода профессионалов? Многие исследования говорят об обратном. В них отмечается значительный разрыв между образованием и рынком труда, низкая эффективность вузов в подготовке кадров [10, с. 114–122], отставание еще консервативной по своей сути российской системы образования от требований современной эпохи и изменений, происходящих в мире профессий, от передовых технологий в подготовке молодых специалистов, в том числе и в сфере научно-исследовательской деятельности [11, с. 323–326].

Молодые ученые в России: профессионализация, трансфессионализация или депрофессионализация? Многочисленные источники по проблеме профессиональной самореализации молодых специалистов в России убедительно показывают, что этот процесс характеризуется множеством проблем. Особенно актуально это для тех, кто впервые выходит на рынок труда [12, с. 95–105]. Число выпускников российских вузов, работающих по специальности, постоянно сокращается [10, с. 114–122]. По-прежнему остро стоит проблема интеллектуальной миграции среди молодежи, в том числе и той, которая выбрала для себя путь ученого [13, с. 60–68]. Этот путь очень непростой в российских условиях, в том числе в сравнении с мировыми университетами и особенностями организации в них исследовательской работы молодых ученых. Об этом пишут многие исследователи, приходя к выводу о дефиците как профессиональных ориентиров среди российских молодых ученых, так и ресурсов поддержки для качественной исследовательской работы [14, с. 144–154].

Надо сказать, что молодые ученые являются довольно специфической профессиональной группой, которую характеризуют иные механизмы профессионального выбора и формирования профессиональных предпочтений, а также необходимость государственной поддержки для реализации научно-исследовательской деятельности и про-

фессионального роста, создания адекватных условий для такого рода профессиональной деятельности. Эти условия, судя по тому, что молодежь, приходя в науку, ненадолго задерживается в ней [15, с. 9–24], не созданы. Об этом говорит также небольшой процент заканчивающих аспирантуру с защитой диссертации [16, с. 87–108], а также тех, кто после этого остается в академической среде.

Таким образом, освоение новых видов профессиональной деятельности молодыми учеными зачастую связано с вынужденной мерой, со сложностями трудоустройства и закрепления в академической и научной сфере. А если учесть, что путь, который проделывают молодые ученые, приходящие в науку, мотивированные не столько материальными стимулами, сколько стремлением к самореализации [17, с. 187–198], жадной оставить след в науке, очень непростой, предполагающий несколько ступеней образования (магистратура, аспирантура, докторантура), разрушенные профессиональные планы, надежды и перспективы данной профессиональной группой представляются более трагичными как для самих молодых специалистов, так и государства, которое выделяет на подготовку молодых ученых определенные финансовые ресурсы и нуждается в молодых научных кадрах.

Определенно, необходимо принимать меры, способствующие более эффективной адаптации молодых ученых в профессиональном поле, которое в научной сфере для профессионального роста и успеха в качестве обязательных элементов включает механизмы профессиональной мобильности. К ним относятся различные формы международного сотрудничества, интеграции в исследовательские коллективы, проекты, организации, участие в крупных российских и международных научных мероприятиях, в разработке перспективных научных направлений при помощи научных фондов и др. Для этого многое делается в зарубежных странах в рамках поддержки молодых ученых и их интеграции в научно-исследовательские сообщества, ассоциации, проекты. Также наши российские специалисты обращают внимание на такую положительную зарубежную практику, как регулярные мониторинги проблем, ожиданий, карьер-

ных стратегий аспирантов, уровня их удовлетворенности образованием, условиями обучения и т. д., и призывают применять эту практику и в России [18, с. 89–97].

Пока же мы можем констатировать, что научная сфера в современной России развивается по кризисной траектории. Ее отличают низкий уровень финансирования со стороны государства, падение уровня академической культуры, невысокий престиж профессии ученого и преподавателя, снижение доли молодых в возрастной структуре российской науки, высокий уровень интеллектуальной миграции, в которой значительную часть составляет молодое поколение.

Сложности в профессиональной самореализации могут стать источником разочарования в профессии. Вероятность этого тем больше, чем больше надежд и перспектив связывалось с будущей профессией. Д. Л. Константиновский указывает на то, что разочарование в выбранной профессии настигает многих еще на уровне обучения в вузе по причине неоправдавшихся ожиданий от профессии и низкого качества образования [19, с. 160], в результате чего происходит последующая смена профессии, а порой и череда подобных профессиональных «миграций». Однако, как правило, такая стратегия профессиональной адаптации не приводит к транспрофессионализму как профессиональному качеству, повышающему конкурентоспособность молодого специалиста, поскольку делается это стихийно, вынужденно, не в рамках специального профессионального самопроектирования, призванного повысить профессиональный статус личности до уровня транспрофессионала.

Такая (незапланированная, вынужденная) профессиональная миграция может привести к формированию профессионального инфантилизма, когда утрачивается интерес к какой-либо профессиональной деятельности, а основной целью становится выживание на рынке труда и заработная плата. И в подобных случаях, просматривая риски повышенной динамики такого поведения в молодежной среде, исследователи говорят о депрофессионализации молодежи как одной из самых негативных тенденций современного российского общества [20, с. 88–94].

Заключение. В качестве ключевого вывода мы хотим обратить внимание на несколько позиций. Во-первых, сам феномен транспрофессионализма является адекватным современной эпохе с ее революцией в мире профессий, ее высочайшей динамикой инноваций и перемен. Однако для эффективного распространения этого явления в обществе, в профессиональной среде необходимы определенные условия, прежде всего, связанные с профессиональной подготовкой такого рода специалистов, способных к полипрофессиональной деятельности и понимающих все перспективы именно транспрофессиональной подготовки. Очевидно, российская система образования пока не готова к подготовке такого рода и уровня профессионалов, несмотря на формальное соответствие тем или иным формам обучения, в частности, в магистратуре, предполагающих формирование транспрофессионализма у молодых специалистов.

Во-вторых, проблема формирования транспрофессионализма у молодых ученых требует особого анализа в силу специфики самой профессиональной группы ученых, а также сложностей адаптации в академической и научной среде в кризисных реалиях образования и науки в России. В большинстве случаев молодыми учеными реализуется не стратегия транспрофессионализма при попытке выйти за пределы своей профессии, а смена профессии чаще всего вынужденного характера.

На этом основании можно заключить, что транспрофессионализм в российских реалиях профессионализации и рынка труда есть следствие, как правило, вынужденной стратегии профессионализации в рамках адаптации к неблагоприятным условиям рынка труда, а потому его следует рассматривать как искаженную форму профессионализации, граничащую с депрофессионализацией. И среди молодых ученых эта тенденция только возрастает.

Литература

1. *Малиновский П.* Транспрофессионализм как критерий эффективности управления человеческим потенциалом [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.shkp.ru/lib/actions/ss/malinovsky/publications/1>.

2. *Субботина А.* Как подготовить «транспрофессионала» XXI века? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.nkj.ru/open/32497/>.
3. Транспрофессионализм субъектов социально-профессиональной деятельности [Электронный ресурс]: монография / В.С. Третьякова [и др.]; под ред. Э.Ф. Зеера, В.С. Третьяковой. — Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. — 142 с. — Режим доступа: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0668-6>.
4. *Кислов А.Г.* От опережающего к транспрофессиональному образованию // Образование и наука. — 2018. — Т. 20. — №1. — С. 54–74.
5. *Зеер Э.Ф.* Методология развития транспрофессионализма субъектов социальных профессий // Образовательные технологии. — 2018. — №3. — С. 46–59.
6. *Виноградова Е.* Транспрофессионалы — люди будущего? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.uralstudent.ru/articles/career/2237349>.
7. HR XXI века — транспрофессионалы наступают и выигрывают [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://hr-portal.ru/article/hr-xxi-veka-transprofessionalynastupayut-i-vyigryvayut>.
8. *Урри Дж.* Мобильности // Мониторинг общественного мнения. — 2012. — №5(111). — С. 197–252.
9. *Кабрин В.И.* Становление потенциала креативного лидерства транспрофессионалов в образовательных пространствах магистратуры [Электронный ресурс] // Педагогика и просвещение. — 2019. — №4. — Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30766.
10. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодые специалисты: проблема подготовки и положение на рынке труда // Социологические исследования. — 2015. — №5. — С. 114–122.
11. *Чигишева О.П.* Роль исследовательской грамотности в профессиональной деятельности ученого // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — №3 (24). — С. 323–326.
12. *Чередниченко Г.А.* Положение на рынке труда выпускников вузов (по материалам опроса Росстата) // Социологические исследования. — 2018. — №11. — С. 95–105.
13. *Ащеулова Н.А., Душина С.А.* Академическая карьера молодого ученого в России // Инновации. — 2012. — №7 (165). — С. 60–68.
14. *Другова Е.А., Андраханов А.А., Бельбасова Л.А., Коричин Д.А.* Профессиональный рост молодого ученого: дефицитные ресурсы поддержки // Университетское управление: практика и анализ. — 2017. — Т. 21. — №2. — С. 144–154.
15. *Бедный Б.И., Миронос А.А., Рыбаков Н.В.* Как российская аспирантура выполняет свою главную миссию: наукометрические оценки // Высшее образование в России. — 2019. — Т. 28. — №10. — С. 9–24.
16. *Бекова С.К., Джафарова З.И.* Кому в аспирантуре жить хорошо: связь трудовой занятости аспирантов с процессом и результатами обучения // Вопросы образования. — 2019. — №1. — С. 87–108.
17. *Душина С.А., Ломовицкая В.М.* Социальные детерминанты карьеры молодых ученых в период реформирования российской науки (на материалах полевого исследования) // Социологический альманах. — 2016. — №7. — С. 187–198.
18. *Груздев И.А., Терентьев Е.А.* Данные против мифов: результаты социологического исследования // Высшее образование в России. — 2017. — №7 (214). — С. 89–97.
19. *Константиновский Д.Л.* Новая молодежь в новой реальности образования // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. Сборник научных трудов. — М.: Центр социологических исследований, 2016. — С. 106–162.
20. *Растегаева А.В.* Депрофессионализация трудовых ресурсов в современной России // Вестник Поволжского института управления. — 2017. — Т. 17. — №3. — С. 88–94.

References

1. *Malinovskij P.* Transprofessionalizm kak kriterij jeffektivnosti upravlenija chelovecheskim potencialom [Transprofessionalism as a criterion for the effectiveness of human potential management] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.shkp.ru/lib/actions/ss/malinovsky/publications/1>.
2. *Subbotina A.* Kak podgotovit' «transfessionala» XXI veka? [How to prepare a «transmissional» of the XXI century?] [Ele-

ktronnyj resurs]. — URL: <https://www.nkj.ru/open/32497/>.

3. Transprofessionalizm subektov social'no-professional'noj dejatel'nosti [Transprofessionalism of subjects of social and professional activity] [Jelektronnyj resurs]: monografija / V.S. Tret'jakova [et al.]; In Je. F. Zeer, V.S. Tret'jakova (eds.). — Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2019. — 142 p. — URL: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0668-6>.

4. Kislov A. G. Ot operezhajushhego k transprofessional'nomu obrazovaniju [From advanced to transprofessional education] // Obrazovanie i nauka. — 2018. — Vol. 20. — №1. — Pp. 54–74.

5. Zeer Je. F. Metodologija razvitija transprofessionalizma subektov socionomicheskikh professij [Methodology of development of transprofessionalism of subjects of socionomic professions] // Obrazovatel'nye tehnologii. — 2018. — №3. — Pp. 46–59.

6. Vinogradova E. Transprofessionalny — ljudi budushhego? [Transprofessionals — people of the future?] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://www.uralstudent.ru/articles/career/2237349>.

7. HR XXI veka — transprofessionalny nastupajut i vyigryvajut [HR of the XXI century-transprofessionals come and win] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <https://hr-portal.ru/article/hr-xxi-veka-transprofessionalny-nastupajut-i-vyigryvajut>.

8. Urri Dzh. Mobil'nosti [Mobility] // Monitoring obshhestvennogo mnenija [Monitoring of public opinion]. — 2012. — №5 (111). — Pp. 197–252.

9. Kabrin V.I. Stanovlenie potenciala kreativnogo liderstva transfessionalov v obrazovatel'nyh prostranstvah magistratury [Formation of the potential of creative leadership of transfessionals in the educational spaces of the magistracy] [Jelektronnyj resurs] // Pedagogika i prosveshhenie [Pedagogy and education]. — 2019. — №4. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30766.

10. Zubok Ju. A., Chuprov V.I. Molodye specialisty: problema podgotovki i polozhenie na rynke truda [Young specialists: the problem of training and the situation on the labor market] // Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]. — 2015. — №5. — Pp. 114–122.

11. Chigisheva O.P. Rol' issledovatel'skoj gramotnosti v professional'noj dejatel'nosti

uchenogo [The role of research literacy in the professional activity of a scientist] // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal [Baltic Humanitarian Journal]. — 2018. — Vol. 7. — №3 (24). — Pp. 323–326.

12. Cherednichenko G.A. Polozhenie na rynke truda vypusknikov vuzov (po materialam oprosa Rosstata) [The situation on the labor market of university graduates (based on the materials of the Rosstat survey)] // Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]. — 2018. — №11. — Pp. 95–105.

13. Ashheulova N.A., Dushina S.A. Akademicheskaja kar'era mladogo uchenogo v Rossii [Academic career of a young scientist in Russia] // Innovacii [Innovations]. — 2012. — №7 (165). — Pp. 60–68.

14. Drugova E.A., Andrahanov A.A., Bol'basova L. A., Korichin D.A. Professional'nyj rost mladogo uchenogo: deficitnye resursy podderzhki [Professional growth of a young scientist: scarce support resources] // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [University Management: Practice and Analysis]. — 2017. — Vol. 21. — №2. — Pp. 144–154.

15. Bednyj B.I., Mironos A.A., Rybakov N.V. Kak rossijskaja aspirantura vypolnjaet svoju glavnuju missiju: naukometricheskie ocenki [How the Russian postgraduate school fulfills its main mission: scientometric assessments] // Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]. — 2019. — Vol. 28. — №10. — Pp. 9–24.

16. Bekova S.K., Dzhafarova Z.I. Komu v aspiranture zhit' horosho: svjaz' trudovoj zanjatosti aspirantov s processom i rezul'tatami obuchenija [To whom to live well in graduate school: the connection of employment of graduate students with the process and results of training] // Voprosy obrazovanija [The issue of education]. — 2019. — №1. — Pp. 87–108.

17. Dushina S.A., Lomovickaja V.M. Social'nye determinanty kar'ery mladych uchenykh v period reformirovanija rossijskoj nauki (na materialah polevogo issledovanija) [Social determinants of the career of young scientists during the reformation of Russian science (on the materials of field research)] // Sociologicheskij al'manah. — 2016. — №7. — Pp. 187–198.

18. Gruzdev I.A., Terent'ev E.A. Dannye protiv mifov: rezul'taty sociologicheskogo issledovanija [Data against myths: results of a so-

ciological study] // Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]. — 2017. — №7(214). — Pp. 89–97.

19. *Konstantinovskij D.L.* Novaja molodezh' v novej real'nosti obrazovanija [New youth in the new reality of education] // Obrazovanie i nauka v Rossii: sostojanie i potencial razvitiya. Sbornik nauchnyh trudov [Education and science in Russia: state and potential of development. Collection of scientific papers]. —

Moscow: Centr sociologicheskikh issledovanij, 2016. — Pp. 106–162.

20. *Rastegaeva A.V.* Deprofessionalizacija trudovyh resursov v sovremennoj Rossii [Deprofessionalization of labor resources in modern Russia] // Vestnik Povolzhskogo instituta upravlenija [Vestnik Povolzhskogo Instituta Upravleniya]. — 2017. — Vol. 17. — №3. — Pp. 88–94.

Поступила в редакцию

21 августа 2020 г.

Иванченко Ольга Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Ivanchenko Olga Sergeevna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346528, Novocherkassk, Russia
E-mail: olga.ivanchenko1509@mail.ru

УДК 316.485.6

10.17213/2075-2067-2020-6-62-68

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВЛАСТЬ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© 2020 г. В. В. Кривоусков*, Р. Н. Первякова**

*АО «Главкосмос», г. Москва, Россия

**Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Целью исследования является анализ понятия «общественный контроль» в рамках современного социологического дискурса, выявление и характеристика ключевого исследовательского тренда его интерпретации, характеризующегося междисциплинарным подходом.

Методологическую базу исследования составляют сравнительно-исторический и системно-структурные методы, позволяющие выявить основные тенденции эволюции анализа понятия «общественный контроль» в рамках современного социологического дискурса. Ключевые выводы относительно определения сущности понятия «общественный контроль» сделаны на основе применения методологии конфликтологической теории.

Результаты исследования. Проведенный анализ социологического дискурса позволил определить его основной исследовательский тренд, связанный с выявлением в структуре общественного контроля принципиально новых субъектно-объектных связей, выражающих его сущность. В таком качестве рассматриваются отдельные граждане и их образования (в качестве субъектов) и публично-правовые властные структуры (объекты). В рамках данного подхода сформулировано авторское определение общественного контроля в качестве совокупности общественных процессов, осуществляемых с целью наблюдения за функционированием публично-правовых образований и их отдельных структур (органов государственной власти), проверки их деятельности на предмет соответствия принятым социальным нормам, общественным ожиданиям, а также с целью применения к указанным структурам определенных мер воздействия для нивелирования возможных отклонений от указанных констант.

Перспективу исследования составляет анализ практического воплощения социальных процессов, определяющих сущность общественного контроля, в реальных условиях конкретно-исторической конъюнктуры.

Ключевые слова: общественный контроль; социологическая наука; демократическое правовое государство; общественное мнение; двустороннее взаимодействие; государственная власть.

PUBLIC CONTROL AS A MECHANISM OF INFLUENCE ON THE GOVERNMENT IN THE SOCIOLOGICAL DISCOURSE

© 2020 V. V. Krivopuskov*, R. N. Pervyakova**

*JSC «Glavkosmos», Moscow, Russia

**Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the research is to analyze the concept of «public control» in the framework of modern sociological discourse, identify and characterize the key research trend of its interpretation, characterized by an interdisciplinary approach.

The methodological basis of the research is made up of comparative-historical and system-structural methods that allow identifying the main trends in the evolution of the analysis of the concept of «public control» in the framework of modern sociological discourse. The key conclusions regarding the definition of the essence of the concept of «public control» are made on the basis of applying the methodology of conflict theory.

Research result. The analysis of the sociological discourse made it possible to determine its main research trend associated with the identification of fundamentally new subject-object relationships in the structure of public control that Express its essence. This is the way to consider individual citizens and their entities (as subjects) and public-law power structures (objects). Within this approach, the author defines public control as a set of social processes that are carried out to monitor the functioning of public legal entities and their individual structures (state authorities), check their activities for compliance with accepted social norms and public expectations, and also to apply certain measures of influence to these structures in order to level possible deviations from these constants.

The perspective of the research is the analysis of the practical implementation of social processes that determine the essence of public control in real conditions of a specific historical situation.

Key words: public control; social science; democratic rule of law; public opinion; bilateral interaction; state power.

Введение. Современный этап развития человеческой цивилизации характеризуется формированием устойчивого стандарта общественно-политического развития, связанного с существованием правовой демократической государственности. Именно такая форма государства рассматривается в качестве ключевого фактора обеспечения прогрессивного развития человеческого общества в условиях соблюдения конструктивного баланса частных и публичных интересов при безусловном приоритете первых.

Научное обоснование данного общественно-политического концепта предполагает всестороннее исследование общественных отношений, обусловленных двусторонним взаимодействием властных структур и общества. В настоящее время данный вопрос рассматривается в качестве одного из важнейших предметов исследования общественных наук, в первую очередь, политологии и социологии. В рамках последней повышается значение исследования феномена общественного контроля, который рассматривается как механизм воздействия на власть со стороны общества, а следовательно, в качестве ведущей предпосылки существования правовой демократической государственности.

Методологические подходы к исследованию сущности общественного контроля.

На наш взгляд, понятие «общественный контроль» необходимо рассматривать в качестве базовой категории социологической науки. Вместе с тем длительный период времени, вплоть до конца 1980-х гг., в рамках социологического дискурса это понятие анализировалось в ином контексте.

При этом в качестве ключевых предпосылок научной разработки общественного контроля следует выделять, во-первых, исследование «отклонений» социального поведения конкретной личности, а во-вторых, исследование крупных социальных конфликтов, имеющих политический характер.

В первом случае социальный контроль рассматривался в качестве практически реализуемой совокупности санкций, обеспечивающих недопущение со стороны конкретного субъекта общественных отношений нарушений установленной системы социального нормирования. Именно в таком контексте социальный контроль исследовал один из классиков социологической науки Г. Тард. Исследователь рассматривал социальный контроль в качестве механизма ресоциализации лиц, осуществляющих девиантное (антиобщественное) поведение. Иными словами, Г. Тард

обосновывал сущность социального контроля в сравнительно узком понимании — лишь в контексте профилактики преступного поведения личности [6]. Тард актуализировал дальнейшую разработку данного понятия в западной социологии в контексте таких социальных феноменов, как социальная солидарность, общественное мнение, социальные нормы (в том числе и нормы действующего законодательства) в качестве механизма социализации личности и обеспечения профилактики девиаций в обществе.

Учитывая предмет настоящей работы, более актуальным представляется второй из вышеуказанных подходов к восприятию понятия «общественный контроль» в рамках социологического дискурса, представители которого анализировали его в качестве одной из базовых категорий конфликтологии, объясняющей детерминацию социальных конфликтов. В этой связи следует отметить работы Л.И. Петражицкого, Г.Д. Гурвича, Р. Паунда, Г. Шельски.

Закрепление статуса формы правового демократического государства в качестве единственной альтернативы, обеспечивающей поступательное развитие общества, что стало следствием окончания концептуального противостояния капиталистической и социалистической систем в рамках «холодной войны», обусловило начало исследования общественного контроля в новом контексте. В этой связи в рамках зарубежного, а позднее и отечественного социологического дискурса стали появляться исследования, содержащие «пограничные», универсальные интерпретации сущности социального контроля, претендующие на объяснение его практического значения в контексте вовлечения больших социальных групп в политическую сферу общественных отношений. Иными словами, в рамках социологического дискурса стала происходить «политизация» интерпретации общественного контроля.

Фундаментальная база для социологического анализа общественного контроля в вышеуказанном контексте была заложена классиками зарубежной философии, в первую очередь, философами эпохи Просвещения и представителями немецкой классической философии. В частности, такие мыслители, как П. Гольбах, Ж.-Ж. Руссо,

И. Кант, Г. Гегель обосновывали значимость воздействия общества на власть с целью недопущения установления деспотического правления в рамках тоталитарного режима, нивелирующего естественные права и свободы человека, а следовательно, антигуманного по своей сути.

Эти идеи были восприняты уже в рамках периода развития советской социологической науки. В этой связи обращают на себя внимание исследования В.А. Климова, К.Е. Игошева, А.М. Яковлева и С.М. Боботова.

В исследованиях В.А. Климова и К.Е. Игошева было сформулировано общее представление о сущности общественного контроля, рассматриваемого в политическом контексте.

К.Е. Игошев рассматривал общественный (социальный) контроль в качестве исторически сложившегося сложноорганизованного механизма воздействия на тот или иной социальный субъект с целью обеспечения его направленной деятельности, реализуемой в рамках принятых в обществе систем социальных норм и ценностей, отражающих интересы большинства его членов. Таким образом, общественный (социальный) контроль понимался ученым в качестве специфической формы управления деятельностью социальных институтов, способа саморегуляции жизни социального организма, обеспечивающих функционирование всех его элементов в рамках определенной урегулированности и порядка.

При этом Игошев выделял два самостоятельных контекста данного понятия. В широком смысле социальный контроль удовлетворяет социальную потребность в обеспечении регулирования деятельности крупных социальных субъектов и общественных институтов на основе предъявляемых объективных требований и правил. При этом посредством организации и осуществления социального контроля достигается закрепление, охрана и развитие общественных отношений, а также обеспечивается определенная направленность всей деятельности наиболее значимых акторов общественных отношений.

В узком смысле социальный контроль, по Игошеву, представляет собой совокупность средств государственного и общественного воздействия на конкретную личность с целью стимуляции осуществления обще-

ственно-полезной деятельности и исключения общественно-опасного поведения. Другими словами, в узком смысле социальный контроль, по мнению ученого, реализуется в виде постоянного динамического воздействия государственных структур и общественных институтов на духовный мир личности (непосредственного объекта, адресата воздействия), в результате которого получают свою практическую реализацию общественные интересы, а также требования нормативного и ненормативного характера [3].

По мнению В. А. Климова, общественный контроль необходимо представлять в качестве совокупности общественных процессов, реализуемых для организации наблюдения за функционированием социальных объектов (социальных общностей, социальных институтов, индивидов), проверки и оценки результатов их деятельности в соответствии с социальными нормами, управленческими решениями, а также применения к объектам определенных мер воздействия с целью ликвидации негативных явлений (социальных отклонений) и всестороннего развития позитивных явлений и тенденций [4].

В представлении А. М. Яковлева социальный контроль следует рассматривать в качестве процесса взаимодействия отдельных индивидов и различных социальных структур — социальных групп, классов, общностей, институтов. Соответственно, сущность данного процесса образуют два вида действий — индивидуальное и коллективное, иначе говоря, контролируемая деятельность индивидов и контролирующая деятельность социальных образований. В первом случае объектом управления (контроля) является индивид, которому не предоставлено право выбора социально значимого действия, во втором объектом контроля может выступать социально-значимая деятельность, реализуемая государством посредством элементов своего аппарата (органов власти) [9].

С. В. Боботов обосновал теорию институционализации социального контроля, в соответствии с которой данный феномен находит свое практическое выражение в деятельности системы учреждений и агентов, непосредственно относящихся к государственному аппарату либо представляющих структуры гражданского общества. Кроме того, в качес-

тве самостоятельных субъектов общественного контроля необходимо рассматривать институт семьи, малые контактные группы, референтные группы, замкнутые корпорации, а также лидеров и авторитетных личностей.

Таким образом, следует еще раз подчеркнуть тот факт, что значимые предпосылки для социологического осмысления понятия «общественный контроль» в качестве механизма воздействия на власть со стороны общественных структур сформировались еще в рамках советского периода развития социологии.

Понимание общественного контроля в рамках современного социологического дискурса. Анализ современного состояния социологического дискурса позволяет сделать вывод о существенных различиях в понимании сущности общественного контроля в зарубежных и отечественных исследованиях.

В рамках зарубежной социологической науки к настоящему времени разработан достаточно четкий категориальный аппарат, в рамках которого отдельные категории отражают специфику реализации социального контроля. Так, «public control» используется для обозначения управленческого воздействия разнообразных структур гражданского общества на деятельность публично-правовых образований — органов государственной власти. Категория «social control» рассматривается в традиционном социологическом смысле — в качестве системы санкций, позволяющих обеспечивать позитивное социальное поведение индивидов, непротиворечащее общественным интересам. Гражданский контроль над вооруженными силами, подчинение военных гражданским властям рассматривается как «civilian control». В качестве общего понятия, отражающего активность граждан в принятии управленческих решений, используется термин «civic engagement» («гражданское участие») [2].

Специфика современного социологического дискурса анализа понятия «общественный контроль» в рамках отечественной социологии, по нашему мнению, определяется двумя обстоятельствами: во-первых, сущностным разделением категорий «социальный контроль» и «общественный

контроль», а во-вторых, их дифференциацией по значимости в контексте родового и видового понятия.

Характеризуя первый из указанных аспектов, А. И. Лапшина справедливо отмечает, что «в научной литературе под социальным контролем чаще всего понимают деятельность по обеспечению соответствия поведения членов общества, отдельных субъектов управления, социальных групп социальным нормам и ценностям, которые определяют меры должного, ожидаемого поведения указанных субъектов. Его задачей является сведение к минимуму расхождений между системой ожиданий и требований, предъявляемых обществом к поведению его членов, и их фактической деятельностью, приведение общества к «равновесному состоянию». В свою очередь общественный контроль за деятельностью органов государственной власти также основан на необходимости обеспечения соблюдения социальных норм и ценностей, ожиданий общества. При этом он направлен на приведение в соответствие с нормативной системой фактической деятельности государственного аппарата и осуществляется такими субъектами, как непосредственно граждане, их объединения, негосударственные организации и другие институты гражданского общества» [5, с. 138–139].

Характерным примером второй из указанных исследовательских тенденций является определение социального контроля в качестве «особой социальной практики, обеспечивающей эффективную саморегуляцию социальных систем, выполнение ими важнейшей функции поддержки устойчивого существования, развития и воспроизводства социума на любых уровнях его организации» [8, с. 8]. Кроме того, отечественные социологи — представители неинституционального подхода (М. Позднякова, Л. Рыбакова, Т. Хугаров) рассматривают социальный контроль в качестве социального механизма, функционирование которого определяется формальными и культурными нормами. Ученые допускают влияние социального контроля на нормы в качестве ответной реакции, требующей их корректировки в рамках заданной социетальной системы координат. Соответственно, по аналогии с нормами исследователи выделяют два вида

контроля — правовой и общественный, что подчеркивает его производность и «обслуживающую» функцию. Подобный подход предписывает социальному контролю выполнение посреднически-регламентирующей функции между нормами и поведением социальных акторов [7, с. 140]. Указанные трактовки понятия «социальный контроль» позволяют рассматривать его в качестве родового по отношению к видовым — общественному и государственному.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что в рамках современного российского социологического дискурса социальный контроль исследуется в рамках различных исследовательских подходов: институционального (в качестве социального механизма, обеспечивающего устойчивость общества на основе формальных и неформальных норм), структурно-функционального (в качестве механизма нивелирования девиантного поведения), системного (в качестве механизма управленческого воздействия, реализуемого с целью формирования у субъектов модели желаемого поведения). При этом в качестве ключевого тренда социологического исследования общественного контроля следует рассматривать выявление новых субъектно-объектных связей, выражающих его сущность. В таком качестве рассматриваются отдельные граждане и их образования (в качестве субъектов) и публично-правовые властные структуры (объекты).

С учетом данной тенденции общественный контроль следует определять как совокупность общественных процессов, осуществляемых с целью наблюдения за функционированием публично-правовых образований и их отдельных структур (органов государственной власти), проверки их деятельности на предмет соответствия принятым социальным нормам, общественным ожиданиям, а также с целью применения к указанным структурам определенных мер воздействия для нивелирования возможных отклонений от указанных констант.

Литература

1. Боботов С. В. Буржуазная социология права. — М.: Юридическая лит., 1978. — 222 с.

2. *Грошева И. А., Костин В. А.* Гражданский контроль в современной России как предмет социологического исследования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-kontrol-v-sovremennoj-rossii-kak-predmet-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (Дата обращения: 10.09.2020).

3. *Игошев К. Е.* Социальный контроль и профилактика преступлений. — Горький: высшая школа МВД, 1976. — 91 с.

4. *Климов В. А.* Социальный контроль в развитом социалистическом обществе. — Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1984. — 99 с.

5. *Лапшина А. И.* Общественный контроль и иные институты контроля общества за деятельностью органов государственной власти // Правовое государство: теория и практика. — №2. — 2014. — С. 136–140.

6. *Tard Г.* Монология и социология. — Пермь: Гиле Пресс, 2016. — 119 с.

7. *Осяк А. Н., Пестов Р. А., Шаповалова Т. Н., Чернобровкина Н. И.* Социальный контроль как предмет научной рефлексии // Философия права. — №3. — 2017. — С. 137–143.

8. *Поверинов И. Е., Писачкин Д. В.* Социальный контроль в системе социологического знания // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. — №2. — 2013. — С. 73–82.

9. *Яковлев А. М.* Социальный контроль в изменяющемся мире (нормативно-психологический аспект) / В сб.: Социология и проблемы социального развития. — М.: Наука, 1977. — С. 33–42.

References

1. *Bobotov S. V.* Burzhuaznaja sociologija prava [Bourgeois sociology of law]. — Moscow: Juridicheskaja. lit., 1978. — 222 p.

2. *Grosheva I. A., Kostin V. A.* Grazhdanskiy kontrol' v sovremennoj Rossii kak predmet socio-

logicheskogo issledovaniya [Civil control in modern Russia as a subject of sociological research] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-kontrol-v-sovremennoj-rossii-kak-predmet-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (Date accessed: 10.09.2020).

3. *Igoshev K. E.* Social'nyj kontrol' i profilaktika prestuplenij [Social control and prevention of crimes]. — Gorky: vysshaja shkola MVD, 1976. — 91 p.

4. *Klimov V. A.* Social'nyj kontrol' v razvitem socialisticheskom obshhestve [Social control in a developed socialist society]. — Saratov: izd-vo Sarat. un-ta, 1984. — 99 p.

5. *Lapshina A. I.* Obshhestvennyj kontrol' i inye instituty kontrolja obshhestva za dejatel'nost'ju organov gosudarstvennoj vlasti [Public control and other institutions of control of society over the activities of state authorities] // Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika [Legal state: theory and practice]. — №2. — 2014. — Pp. 136–140.

6. *Tard G.* Monadologija i sociologija [Monadology and sociology]. — Perm': Gile Press, 2016. — 119 p.

7. *Osjak A. N., Pestov R. A., Shapovalova T. N., Chernobrovkina N. I.* Social'nyj kontrol' kak predmet nauchnoj refleksii [Social control as a subject of scientific reflection] // Filosofija prava [Philosophy of law]. — №3. — 2017. — Pp. 137–143.

8. *Poverinov I. E., Pisachkin D. V.* Social'nyj kontrol' v sisteme sociologicheskogo znanija [Social control in the system of sociological knowledge] // Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovanija [Humanities: actual problems of Humanities and education]. — №2. — 2013. — Pp. 73–82.

9. *Jakovlev A. M.* Social'nyj kontrol' v izmenjajushhemsja mire (normativno-psihologicheskij aspekt) [Social control in the changing world (normative and psychological aspect)] / V sb.: Sociologija i problemy social'nogo razvitija [In: Sociology and problems of social development]. — Moscow: Nauka, 1977. — Pp. 33–42.

Поступила в редакцию

20 июля 2020 г.

Кривопусков Виктор Владимирович — доктор социологических наук, советник Генерального директора АО «Главкосмос», видный общественный деятель, председатель Российского общества дружбы и сотрудничества с Арменией, член Генерального Совета и руководитель Комитета «Космос — пространство мира, доверия и сотрудничества» Ассамблеи народов Евразии.

Krivopuskov Viktor Vladimirovich — Doctor of Sociological Sciences, Adviser to the General Director of Glavkosmos JSC, prominent public figure, Chairman of the Russian society for friendship and cooperation with Armenia, member of the General Council and head of the Committee «Space — space of peace, trust and cooperation» of the Assembly of Peoples of Eurasia.

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, 39, стр. 3
39 Gilyarovskogo st., bld. 3, 129110, Moscow, Russia
E-mail: rossotram@gmail.com

Первякова Раиса Николаевна — соискатель кафедры «Теоретическая социология и методология региональных исследований» Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Pervyakova Raisa Nickolaevna — applicant of the Department «Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies», Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: pervya.com@mail.ru

УДК 316.6

10.17213/2075-2067-2020-6-69-80

**СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ МИГРАНТОВ:
ПРОЯВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

© 2020 г. В. И. Курбатов, Ю. Г. Волков

*Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Цель исследования — выявление и анализ факторов и тенденций становления и развития социальной сплоченности мигрантов.

Методологической базой исследования являются системные методы оценки сообщений в мигрантских социальных сетях, становящихся мигрантскими социальными медиа, методы сетевого анализа, методы масс-медийных практик и мигрантской риторики в публичных материалах, посредством выделения, сравнения, оценки и концептуализации тенденций трансформации миграционных процессов под действием глобальных изменений, в том числе и вызванных пандемией COVID-19, а также методы дискурсивного анализа мигрантского дискурса, представленного в аналитических материалах.

Результаты исследования. В данной статье обсуждается социальная сплоченность мигрантов, формирующаяся как дополнение этнической сплоченности в результате понижения уровня доверия у мигрантов к принимающему обществу и государству в условиях глобальных социальных изменений, в том числе и в условиях пандемии COVID-19. Мигранты, оказавшиеся в данной ситуации наименее защищенной социальной стратой, формируют межэтническую социальную сплоченность как форму самоорганизации этнических общин в кризисное время. Социальная сплоченность мигрантов находит свое отражение в масс-медийных практиках, в сетевом информационном взаимодействии и в научных аналитических материалах, в которых оцениваются факторы, выступающие триггерами новых тенденций в миграционном процессе: рост ксенофобных, мигрантофобных и расистских настроений у части населения принимающих стран, ограничение мобильности междунациональных мигрантов, обострение конкуренции мигрантов с коренным населением за рабочие места. К числу новых тенденций миграционного процесса следует отнести усиление транснациональных умонастроений и действий мигрантов, которое выражается в массовых движениях протестной, правозащитной и гуманитарной направленности, а также в массовом перемещении социальных связей и отношений мигрантов из сферы «офф-лайн» сферу «он-лайн», в область социальных сетей, в цифровые эмигрантские диаспоры, в сферу цифровых масс-медийных практик.

Перспектива исследования. Данные тренды, хотя они имеют неоднозначный характер, в будущем могут стать основой миграционной политики национальных государств и предметом социологических исследований.

Ключевые слова: мигранты; миграционные процессы; пандемия; мигрантская риторика; мигрантский дискурс; ксенофобия; мигрантофобия; расизм; мобильность мигрантов; транснациональность; миграционная политика национальных государств.

**SOCIAL COHESION OF MIGRANTS:
MANIFESTATION IN SOCIAL NETWORKS
IN THE CONTEXT OF GLOBAL SOCIAL CHANGES**

© 2020 V. I. Kurbatov, Yu. G. Volkov

*South-Russian branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

The purpose of the research is to identify and analyze the factors and trends in the formation and development of social cohesion of migrants.

The methodological basis of the research is system methods for evaluating messages in migrant social networks that are becoming migrant social media, methods of network analysis, methods of mass media practices and migrant rhetoric in public materials, by highlighting, comparing, evaluating and conceptualizing trends in the transformation of migration processes under the influence of global changes, including those caused by the COVID-19 pandemic, as well as methods of discursive analysis of migrant discourse presented in analytical materials.

Research results. This article discusses the social cohesion of migrants, which is formed as an addition to ethnic cohesion as a result of a decrease in the level of trust among migrants in the host society and state in the context of global social changes, including in the context of the COVID-19 pandemic. Migrants who find themselves in this situation the least protected social strata form inter-ethnic social cohesion as a form of self-organization of ethnic communities in times of crisis. The social cohesion of migrants is reflected in mass media practices, online information interaction, and scientific analytical materials that assess factors that trigger new trends in the migration process, such as the growth of xenophobic, migrant-phobic, and racist attitudes among a part of the population of host countries, restrictions on the mobility of international migrants, and increased competition between migrants and the indigenous population for jobs. Among the new trends in the migration process should be attributed the strengthening of transnational attitudes and actions of migrants, which are expressed in mass protest, human rights and humanitarian movements, as well as in the massive movement of social connections and relations of migrants from the «offline» to the «online» sphere, to the social networks, into the digital emigrant diasporas, into the sphere of digital mass media practices.

Research perspective. These trends, although they are ambiguous, may become the basis of migration policy of national States and the subject of sociological research in the future.

Key words: *migrants; migration processes; pandemic; migrant rhetoric; migrant discourse; xenophobia migrant phobia; racism; migrant mobility; transnationality; migration policy of national states.*

Актуальность исследования. Социальная сплоченность мигрантов есть множество вертикальных и горизонтальных взаимодействий между членами мигрантского сообщества, которое включает в себя совокупность установок и норм, основанных на чувстве принадлежности к социуму сообщества, на доверии и готовности участвовать в делах сообщества, на отношении

к другим сообществам и к принимающему обществу в целом.

Она имеет прямое отношение к таким базовым параметрам международных миграционных процессов, как этническая солидарность, этнический и социальный капитал, идентичность мигрантов. Изменение указанных параметров существенным образом конституирует и трансформирует понятие социальной сплоченности.

В настоящее время в условиях глобальных изменений, в частности, пандемии COVID-19, охватившей всю планету, выявились многочисленные проблемы, связанные с уязвимостью и незащищенностью мигрантов, как перед самим вирусом (их медицинское обеспечение в принимающих странах оставляет желать лучшего), так и перед государством, которое разрешило им приехать на работу или на учебу, но, введя различные ограничительные меры, зачастую просто оставило мигрантов без работы, а значит, и без средств к существованию, не обеспечило в должной мере пособиями и другой помощью и ограничило свободу перемещения мигрантов.

В этом плане трудно сказать, от чего мигранты пострадали более — от пандемии или от принимающего государства, которое в критический момент просто отвернулось от них, оставив без работы, без возможности вернуться на родину, без права на перемещение, по сути, практически без права на жизнь. Это существенно понижает уровень базиса социальной сплоченности мигрантов, а именно, доверие и равноправное партнерство в принимающем обществе, что способствует возникновению и развитию новых тенденций международных миграционных процессов, изучение которых является важной и актуальной исследовательской задачей.

Цель и предмет исследования. Целью настоящей статьи является выявление и анализ факторов и тенденций становления и развития социальной сплоченности мигрантов. Поскольку в результате повсеместной практики социального дистанцирования в условиях пандемии COVID-19 возникла тенденция перемещения социальных связей мигрантов из сферы «off-line» в сферу «on-line», то предметом анализа выступает проявление социальной сплоченности в мигрантских социальных сетях.

Авторская гипотеза. Согласно авторской гипотезе социальная сплоченность мигрантов формируется как дополнение этнической солидарности в условиях социальных трансформаций, вызванных глобальными изменениями, в том числе и вызванных пандемией COVID-1.

Социальная сплоченность мигрантов в условиях ограничения форм и возможностей их социальной адаптации и кризиса доверия к принимающему обществу и государству выступает как дополнение этнической сплоченности и как новая форма самоорганизации этнических мигрантских сообществ и наиболее зримо проявляется в мигрантских социальных сетях, становясь социальным мигрантским медиа.

Методология исследования. Методологией настоящего исследования являются системные методы оценки сообщений в мигрантских социальных сетях, становящихся мигрантскими социальными медиа, методы сетевого анализа, методы масс-медийных практик и мигрантской риторики в публичных материалах посредством выделения, сравнения, оценки и концептуализации тенденций трансформации миграционных процессов под действием глобальных изменений, в том числе и вызванных пандемией COVID-19, а также методы дискурсивного анализа мигрантского дискурса в аналитических материалах, представленные в работах таких отечественных исследователей, как Т. В. Батура, В. Д. Винник, Д. А. Губанов, М. Кастельс, С. Новикова, В. М. Сазанов, М. Ньюман и др., которые разрабатывают методы анализа социальных сетей, их характеристику как новую общественную сферу и форму организации общества и коммуникации в обществе [1–8].

Обсуждение. В современной исследовательской литературе нет общепринятого определения социальной сплоченности. Одним из первых обратился к анализу понятия социальной сплоченности Дж. Максвелл, который в 1996 году, характеризуя это понятие, включил в него создание общих ценностей и сообществ толкования, уменьшение различий в богатстве и доходах, это, как правило, дает людям ощущение того, что они заняты общим делом, сталкиваются с общими проблемами и являются членами одного сообщества [9]. В 1998 году Дж. Дженсон охарактеризовал «социально сплоченное общество» как общество, в котором все группы имеют чувство «принадлежности, участия, интеграции, признания и легитимности»

[10]. В дальнейшем такие исследователи, как К. Бьюайс и тот же Дж. Дженсон показали, что понятие социальной сплоченности тесно связано с понятиями этнической солидарности, этнического и социального капитала и с понятием этнической идентичности [11]. Эти причинно-следственные связи в своих исследованиях продолжили Дж. Чэн и И. Чэн [12], а П. Бурдые уточнил, что социальную сплоченность институционализируют отношения взаимности и признания, партнерства и доверия [13].

Социальная сплоченность имеет огромное значение для динамической стабильности современного общества потому, что в основе социальной сплоченности находятся, прежде всего, права человека, без которых не обеспечиваются свобода и равенство. Мигранты в принимающем обществе вырабатывают свои ресурсы выживания, не последними из которых являются этнический и социальный капитал, в основе которых, как и в основе социальной солидарности, лежат доверие и равноправное партнерство. Но о каком доверии и равноправии может идти речь, если принимающее государство «по умолчанию» считает мигрантов людьми второго сорта? Тогда компенсаторным ресурсом выживания мигрантских общин становится так называемый этнический капитал, который в кризисных условиях противопоставляется социальному капиталу и может служить питательной почвой этнических протестов, межнациональных конфликтов и даже терроризма.

Совет Европы определил список основных приоритетов социальной сплоченности следующим образом: лояльность и солидарность; сила социальных отношений и общих ценностей; чувства общей идентичности и чувства принадлежности к одной общине; доверие между членами сообщества, сокращение неравенства и социальной изоляции [14].

В современной исследовательской литературе, как отмечает Б. Парех, социальная сплоченность мигрантов проистекает из таких основных ценностей, как равенство и справедливость, диалог и консультации, терпимость, компромисс и уступчивость, признание и уважение разнообразия; решимость противостоять расизму и ксенофобии [15].

Социальная сплоченность как понятие мигрантов является многогранным и каса-

ется расширения культурного и этнического разнообразия, включает модели кооперативного социального взаимодействия, базовые социальные ценности, то, на чем они культивируются и чем поддерживаются, а также соглашения по взаимности претензий и обязательств [16].

Важнейшим фактором становления социальной сплоченности мигрантов является то, что она формируется изначально на основе этнической сплоченности, которая выражается в поддержании культурных связей диаспоры с исторической родиной, трансляции национальных новостных поводов, эмоциональной поддержке соотечественников, формировании религиозного этно-дискурса, формировании, продвижении и проявлении этнического капитала.

Этнический капитал мигрантов может быть как дополнением приобретаемого мигрантами социального капитала и этим способствовать успешной адаптации мигрантов, так и противостоящей альтернативой ему в той социальной ситуации, когда мигранты ощущают дефицит социального капитала, т.е. как отмечают отечественные исследователи И. М. Кузнецов и В. И. Мукомель, во многом связан с наличием этнических социальных сетей, которые облегчают их адаптацию [17].

Дефицит социального доверия у мигрантов по отношению к принимающему обществу и государству в условиях глобальных социальных изменений, связанных с пандемией, является триггером становления социальной сплоченности мигрантов. Рассмотрим факторы, способствующие тому, что в дополнение к этнической сплоченности в указанных условиях стала формироваться социальная сплоченность, а также выделим основные тенденции ее развития.

Как отмечалось выше, дефицит доверия возник в результате того, что социальное партнерство с принимающим государством в кризисной ситуации, которой является пандемия, явным образом является неравноправным. Отметим справедливости ради, что неравноправным оно было всегда и в любой стране (насколько цивилизованной она бы ни считалась), но в условиях глобального кризиса, вызванного пандемией, это стало настолько отчетливым, что сыграло роль своеобразного триггера трансформации миг-

рациональных процессов. Между тем, следует отметить, что этому способствовал целый ряд факторов.

Одним из таких факторов стало возникновение устойчивых ксенофобных настроений у населения принимающего общества в условиях пандемии COVID-19 [18]. Применительно к Российской Федерации нужно отметить, что до 70% россиян хотели бы ограничить проживание какой-либо этнической группы в России, 55% россиян согласны с лозунгом «Россия — для русских», свыше 30% — за то, чтобы сократить число мигрантов из Средней Азии, выходцев с Кавказа — более 30%, украинцев — около 20%.

При этом 64% граждан считают, что их родственники могли бы выполнять работу, которой занимаются мигранты. Помимо высокой степени поддержки лозунга «Россия — для русских», радикальные ксенофобы поддерживают ограничение притока трудовых мигрантов, а также одобряют дискриминационные объявления о сдаче жилья или о найме на работу по этническому или религиозному признаку, говорится в исследовании (результаты опроса показали массовое распространение таких объявлений; до 87% россиян заявили, что встречались с такими объявлениями) [19–21].

Важным индикатором роста ксенофобных настроений среди россиян является оценка вклада мигрантов в общественную жизнь. Так, по данным Н. Мاستиковой, которая ссылается на информацию Европейского социального исследования (ESS), 60% россиян негативно оценивают изменения, приносимые мигрантами в культуру, экономику и жизнь страны. Эти исследования также подтверждают корреляцию уровня жизни населения и уровень мигрантофобии: в странах с низким уровнем ВВП, низким уровнем жизни отношение к мигрантам будет хуже, чем в странах с высоким уровнем жизни и ВВП. Применительно к России следует отметить, что молодежь относится к мигрантам более радикально, а наиболее негативно относится к мигрантам группа 25–29-летних. Следует вывод: мы можем ожидать, что чем более нестабильна экономическая ситуация в стране, чем меньше уровень зарплат, тем больше коренные жители будут видеть угрозу, конкуренцию за рабочие места в мигрантах [22].

Одной из причин усиления ксенофобных настроений населения принимающего государства по отношению к мигрантам является ухудшение его материального положения. Применительно к РФ нужно отметить, что пандемия COVID-19 существенно ухудшила материальное положение некоторой части россиян. Так, во второй половине апреля до 42% выросла доля россиян, чье материальное положение ухудшилось. Серьезное снижение доходов отмечают 20% граждан. Отмечается также, что свыше половины опрошенных жалуются на рост расходов, в частности, 33% назвали причиной повышения расходов рост цен, 9% — необходимость тратить больше из-за того, что постоянно приходится находиться дома в период самоизоляции. Согласно апрельскому опросу об отказе от привычных товаров заявили 28% респондентов, а теперь об этом заявляют уже 44% [23].

Немаловажным фактором в формировании социальной сплоченности является религиозный фактор. Дж. Предука прямо отмечает: «Нравственные традиции религии не раз доказывали свою пригодность в деле укрепления сообществ. Религия, удовлетворяя личные запросы индивидов, играет важную роль в поддержании социальной сплоченности» [24]. По мнению П. Брадата, религиозные традиции, будучи моральными, социальными и духовными основами повседневной жизни, как этнических общин, так и индивидов, являются основой формирования социального капитала, а, следовательно, и социальной сплоченности [25].

Кроме того, религиозные конгрегации побуждают людей поддерживать коммуникацию в общине, как отмечает Дж. Кольман [26], что способствует укреплению социальной сплоченности (это называется «бриджинговым социальным религиозным капиталом»).

При рассмотрении содержательного наполнения социальной солидарности мигрантов и факторов, способствующих возникновению и развитию этого нового качества миграционных процессов, необходимо акцентировать внимание на том, где, в чем и как проявляется социальная солидарность мигрантов.

Такой глобальный процесс социальных изменений, как пандемия COVID-19, способствовал повсеместной практике социаль-

ного дистанцирования, соблюдения социальной дистанции и самоизоляции, возникла тенденция перемещения социальных связей мигрантов из сферы «off-line» в сферу «on-line», в соответствии с чем социальное взаимодействие мигрантских общин между собой и с принимающим обществом в значительной степени переместилось в сферу мигрантских социальных сетей. Согласно этому именно в социальных сетях и находит свое проявление социальная солидарность мигрантов.

Этнические социальные сети — это не только новые каналы коммуникации, они являются социально-информационным механизмом, который способствует формированию миграции, создают не только новую инфраструктуру, но и новую информационную культуру, способствуют развитию социальных отношений, являются богатым источником инсайдерских знаний о миграции, что делает их важным средством изучения миграционных процессов.

Солидаризация с членами этнического сообщества в этнических социальных сетях на основе форматов этнического капитала, как отмечают М. А. Панарина и И. А. Лавров, является базисом формирования идентичности [27]. Идентичность, формирующаяся в социальных сетях, зависит от следующих характеристик: раса, этнос, национальность, класс, пол и т.д., а также от их восприятия в принимающей стране, и хотя расовые, этнические и национальные категории объединяют людей в соответствующие общности, на этническую идентичность оказывают влияние такие характеристики, как образование, профессия, ценности, идентичность, культурный репертуар, социальная роль.

Исследователи отмечают, что там, где сложились наиболее продуктивные этнические социальные сети, уровень сплоченности, солидарности и взаимной поддержки мигрантов является самым высоким, что в условиях пандемии способствует взаимопомощи и партнерству. Новые социальные медиа способствуют лучшей информированности, а значит, и социальной защищенности мигрантов. Они также способствуют эффективному диалогу мигрантских сообществ с правительственными органами и гражданским обществом, а это и есть наиболее отчетливый показатель

социальной сплоченности мигрантов. Социальные сети, такие как Facebook, Instagram, Twitter, предоставляют свои электронные платформы и создаваемое на них виртуальное пространство для коллективных обсуждений и переговоров как с другими этническими общинами, так и с политическими, социальными и гражданскими институтами принимающего государства и общества. Особенно это важно в условиях пандемии, когда люди в силу социального дистанцирования, самоизоляции, карантина и удаленной работы изолированы друг от друга.

В условиях пандемии COVID-19 в этнических социальных сетях мигрантов все более стали проявляться принципы транснационализма, и понятие солидарности стало наполняться не только этнонациональным, но и широким социальным содержанием, в частности, это выражается в правозащитной и гуманитарной направленности мигрантских настроений и действий.

Г. Филиз и А. Асад в своем материале «Сети мигрантов. Новые тенденции в социальных и поведенческих науках» утверждают, что так называемая «мигрантская риторика» в мигрантских социальных сетях наполняется социально значимой проблематикой, и это является новым трендом развития миграционных процессов [28].

Наряду с ростом расистских и ксенофобских настроений нарастает тенденция антирасистских мероприятий и кампаний, в том числе в этнических социальных сетях, на этнических форумах мигрантов, где размещаются сообщения антирасистской направленности, а также списки жертв расистских действий.

Проявляется еще одна тенденция, трансформирующая миграционные процессы, которая находит тоже свое отражение в социальных сетях. Данная тенденция связана с ранее сложившейся транснациональной мобильностью международных мигрантов. Так, в материалах, ставших публичными, немецкие аналитики А. Кноль и А. Бизонг подчеркивают, что из-за кризиса, вызванного пандемией COVID-19, в результате закрытия национальных границ затормозилась и практически прекратилась транснациональная мобильность международных мигрантов, и следует ожидать, что в посткоронавирус-

ном мире национальные государства изменяют свою миграционную политику в направлении ограничения международной миграции и ужесточения требований к мигрантам [29].

Результаты. Концептуализация различных дискурсов позволила сформулировать понятие социальной сплоченности мигрантов как множество вертикальных и горизонтальных взаимодействий между членами мигрантского сообщества, которое включает в себя совокупность установок и норм, основанных на чувстве принадлежности к социуму сообщества, на доверии и готовности участвовать в делах сообщества, на отношении к другим сообществам и к принимающему обществу в целом.

Она имеет прямое отношение к таким базовым параметрам международных миграционных процессов, как этническая солидарность, этнический и социальный капитал, идентичность мигрантов. Изменение указанных параметров существенным образом конституирует и трансформирует понятие социальной сплоченности.

Обобщение исследовательских материалов и документы Совета Европы дали возможность выявить основные приоритеты социальной сплоченности мигрантов: лояльность и солидарность, сила социальных отношений и общих ценностей, чувство общей идентичности и чувство принадлежности к одной общине, доверие между членами сообщества, сокращение неравенства и социальной изоляции, в соответствии с чем социальная сплоченность мигрантов проистекает из таких основных ценностей, как равенство и справедливость, диалог и консультации, терпимость, компромисс и уступчивость, признание и уважение разнообразия и решимость противостоять расизму и ксенофобии.

Показано, что необходимо выявлять факторы социальной сплоченности мигрантов, обуславливающих ее формирование и развитие. Одним из важнейших факторов становления социальной сплоченности мигрантов является то, она формируется изначально на основе этнической сплоченности, которая выражается в поддержании культурных связей диаспоры с исторической родиной, трансляции национальных новостных поводов, эмоциональной поддержке соотечест-

венников, формировании религиозного этнодискурса, формировании, продвижении и проявлении этнического капитала.

В условиях глобального кризиса, вызванного пандемией COVID-19, зафиксирован возникший дефицит социального доверия у мигрантов по отношению к принимающему обществу и государству, что стало триггером становления социальной сплоченности мигрантов.

К числу других факторов следует отнести возникновение устойчивых ксенофобных настроений у населения принимающего общества, учитывая, что причиной их усиления является ухудшение материального положения принимающего населения.

Немаловажным фактором в формировании социальной сплоченности является религиозный фактор, поскольку религия, удовлетворяя личные запросы индивидов, играет важную роль в поддержании социальной сплоченности, а религиозные конгрегации побуждают людей поддерживать коммуникацию в общине.

Отмечено, что поскольку в условиях глобальной пандемии возникла тенденция перемещения социальных связей мигрантов из сферы «off-line» в сферу «on-line», в соответствии с чем социальное взаимодействие мигрантских общин между собой и с принимающим обществом в значительной степени переместилось в сферу мигрантских социальных сетей. Согласно этому именно в социальных сетях и находит свое проявление социальная солидарность мигрантов.

Показано, что этнические социальные сети — это не только новые каналы коммуникации, они являются социально-информационным механизмом, который способствует формированию миграции, создают не только новую инфраструктуру, но и новую информационную культуру, способствуют развитию социальных отношений, являются богатым источником инсайдерских знаний о миграции, что делает их важным средством изучения миграционных процессов.

Выявлено становление социальной сплоченности мигрантов на разных этапах глобальных социальных изменений, чем в настоящее время явилась пандемия COVID-19. На раннем этапе контент социальных взаимодействий мигрантов характеризуется, прежде

всего, солидаризацией мигрантских общин между собой и выражается в формировании этнического капитала, составляющего основу социальной адаптации мигрантов, которая является основой этнической идентичности.

Мигрантские социальные сети, облегчая социальную адаптацию мигрантов, являясь информационной базой этнической концентрации, выступают в роли новых медиа, способствуют лучшей социальной защищенности мигрантов. Они также помогают эффективному диалогу мигрантских сообществ с правительственными органами и гражданским обществом, а это и есть наиболее отчетливый показатель социальной сплоченности мигрантов, что нашло свое выражение в поддержке массового антирасистского движения-протеста, связанного с убийством полицейскими афроамериканца Флойда Мейвезера под лозунгом «Black Lives Matter».

В мигрантских социальных сетях на следующем этапе нашли свое отражение принципы не узкой этнической направленности, а информационного транснационализма, в связи с чем само понятие этнической мигрантской солидарности стало наполняться не только этнонациональным, но и широким социальным содержанием, в частности, это выражается в правозащитной и гуманитарной направленности мигрантских настроений и действий.

Эти мигрантские действия и настроения усилились в соответствии с ростом расистских и ксенофобских настроений в принимающем обществе, что выражается в нарастании тенденции антирасистских мероприятий и кампаний, в том числе в этнических социальных сетях, на этнических форумах мигрантов, где размещаются сообщения антирасистской направленности, а также списки жертв расистских действий, что явным образом конституирует контент социальной сплоченности мигрантов.

Литература

1. Батура Т. В. Методы анализа компьютерных социальных сетей [Электронный ресурс] // Вестник НГУ. — 2012. — Т. 10. — Вып. 4. — С. 13–28. — Режим доступа: <http://lib.nsu.ru:8080/jspui/bitstream/nsu/250/1/02.pdf> (Дата обращения: 24.07.13).

2. Винник В. Д. Социальные сети как феномен организации общества: сущность и подходы к использованию и мониторингу // *Философия науки*. — 2012. — №4 (55).

3. Губанов Д. А. Социальные сети: модели информационного воздействия, управления и противостояния / Д. А. Губанов, Д. А. Новиков, А. Г. Чхартишвили. — М.: Издательство физико-математической литературы, 2010. — 228 с.

4. Зорин И. В. В социальных сетях / Издательский дом «Эксмо», 2014. — 352 с.

5. Новикова С. Блоги и социальные сети как пространство политических коммуникаций / Светлана Новикова. — М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2018. — 124 p.

6. Кастельс М. Формирование общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. — М.: Academia, 1999. — С. 494–505.

7. Сазанов В. М. Социальные сети как новая социальная сфера. Системный анализ и прогноз. — М.: Лаборатория СВМ, 2010. — 180 с.

8. Ньютман М. Сети: Введение. Oxford University Press, 2010. — 784 с.

9. Maxwell J. Social Dimensions of Economic Growth, Eric John Hanson Memorial Lecture Series. University of Alberta. — 1996. — Vol. VIII.

10. Jenson J. Defining and Measuring Social Cohesion // Commonwealth Secretariat and United Nations Research Institute for Social Development. — 2010. — 34 p.

11. Beauvais C., Jenson J. Social Cohesion: Updating the State of Research, Canadian Policy, Research Networks, Canadian Heritage, Ottawa. — 2002.

12. Chan J., Chan E. Reconsidering Social Cohesion: Developing a Definition and Analytic Framework for Empirical Research // *Social Indicators Research*. — 2006. — Vol. 75. — №2. — 290 p.

13. Бурдые П. Формы капитала / П. Бурдые // *Экономическая социология*. — Май, 2005. — Т. 6. — №3. — С. 60–74.

14. Guerrie S. From the Hague Congress to the Council of Europe: Hopes, achievements and disappointments in the parliamentary way to European integration // *Parliaments, Estates and Representation*. — 2014. — Vol. 34. — №2. — Pp. 216–227.

15. *Parekh B.* The Future of Multi-Ethnic Britain, Runnymede Trust, London. — 2000.
16. The Southall Report: Cultural Diversity and Community Cohesion: Executive Summary, Swrt-Shrg Conference, Southall, Middlesex. 9 November 2002.
17. *Кузнецов И. М., Мукомель В. И.* Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. — М.: Ин-т социологии РАН, 2005. — 51 с.
18. Онлайн-конференция «Проявления расизма, ксенофобии и миграционные процессы в условиях пандемии коронавируса» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.asi.org.ru/event/2020/05/08/onlajnkonferen/> (Дата обращения: 12.05.2020).
19. Мигрантам здесь не место. Почему большинство россиян против приезжих [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://proexpedition.ru/layfhaki/migrantam-zdes-ne-mesto-pochemu-bolshinstvo-rossiyan-protiv-priezzhih.html>.
20. *Онодэра Ю.* Как россияне относятся к мигрантам [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.the-village.ru/village/city/news-city/362417-kak-rossiyane-otnosyatsya-k-migrantam> (Дата обращения: 18.09.2019).
21. Расизм и ксенофобия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/250653-racism-and-xenophobia> (Дата обращения: 18.06.2020).
22. *Мастикова Н.* Чтобы прекратить естественную убыль населения, России нужно полмиллиона мигрантов в год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/166801-natalya-mastikova-ob-otnoshenii-rossiyan-k-igrantam> (Дата обращения: 22.02.2020).
23. Почти половина россиян заявили об ухудшении материального положения в период пандемии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://newizv.ru/news/society/07-05-2020/pochti-polovina-rossiyan-zayavili-ob-uhudshenii-materialnogo-polozheniya-v-period-pandemii> (Дата обращения: 7.05.2020).
24. *Preduca G.* Democracy, Religious Ethics and Human Rights // Contemporary Readings in Law and Social Justice. — 2011. — Vol. 3. — №1. — P. 129.
25. *Bramadat P.A.* Religion, Social Capital and «The Day that Changed the World» // Journal of International Migration and Integration. — 2005. — Vol. 69. — №2. — P. 209.
26. *Coleman J.* Religious Social Capital: Its Nature, Social Location and Limits // Smith C. (Ed.). Religion as Social Capital: Producing the Common Good. Waco, TX: Baylor University Press, 2003. — P. 36.
27. *Панарина М. А., Лавров И. А.* Роль социальных сетей в формировании идентичности мигранта [Электронный ресурс]/ Цифровая социология. — 2019. — №2 (4). — С. 25-30. — Режим доступа: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-4-25-30>.
28. *Filiz G., Asad A.L.* Migrant Networks. Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource: 1-13 [Electronic resource]. — URL: doi:10.1002/9781118900772.etrds0220.
29. *Knoll A., Bisong A.* Migration, mobility and COVID-19 [Electronic resource]. — URL: <https://ecdpm.org/talking-points/migration-mobility-covid-19-tale-of-many-tales/> (Date accessed: 30.03.2020).

References

1. *Batura T.V.* Metody analiza komp'yuternykh sotsial'nykh setey [Methods of analysis of computer social networks] [Elektronnyy resurs] // Vestnik NSU. — 2012. — Vol. 10. — Issue 4. — Pp. 13–28. — URL: <http://lib.nsu.ru:8080/jspui/bitstream/nsu/250/1/02.pdf> (Date accessed: 07.24.13).
2. *Vinnik V.D.* Sotsial'nyye seti kak fenomen organizatsii obshchestva: sushchnost' i podkhody k ispol'zovaniyu i monitoringu [Social networks as a phenomenon of the organization of society: the essence and approaches to the use and monitoring] // Filosofiya nauki [Philosophy of Science]. — 2012. — №4 (55).
3. *Gubanov D.A.* Sotsial'nyye seti: modeli informatsionnogo vozdeystviya, upravleniya i protivostoyaniya [Social networks: models of information influence, management and confrontation] / D.A. Gubanov, D.A. Novikov, A.G. Chkhartishvili. — Moscow: Izdatel'stvo fiziko-matematicheskoy literatury, 2010. — 228p.
4. *Zorin I.V.* V social'nyh setyah [In social networks] / I.V. Zorin. — Moscow: Izdatel'stvo «Eksmo» LLC, 2014. — 352p.

5. *Novikova S.* Blogi i sotsial'nyye seti kak prostranstvo politicheskikh kommunikatsiy [Blogs and social networks as a space of political communications] / Svetlana Novikova. — Moscow: LAP Lambert Academic Publishing, 2018. — 124 p.
6. *Castells M.* Formirovaniye obshchestva setevykh struktur [Formation of a society of network structures] // Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya. [New postindustrial wave in the West. Anthology]. — Moscow: Academia, 1999. — Pp. 494–505.
7. *Sazanov V.M.* Sotsial'nyye seti kak novaya sotsial'naya sfera. Sistemnyy analiz i prognoz [Social networks as a new social sphere. System analysis and forecast]. — Moscow: Laboratoriya SVM, 2010. — 180 p.
8. *Newman M.* Networks: An Introduction. Oxford University Press, 2010. — 784 p.
9. *Maxwell J.* Social Dimensions of Economic Growth, Eric John Hanson Memorial Lecture Series. University of Alberta. — 1996. — Vol. VIII.
10. *Jenson J.* Defining and Measuring Social Cohesion // Commonwealth Secretariat and United Nations Research Institute for Social Development. — 2010. — 34 p.
11. *Beauvais C., Jenson J.* Social Cohesion: Updating the State of Research, Canadian Policy, Research Networks, Canadian Heritage, Ottawa. — 2002.
12. *Chan J., Chan E.* Reconsidering Social Cohesion: Developing a Definition and Analytic Framework for Empirical Research // Social Indicators Research. — 2006. — Vol. 75. — №2. — P. 290.
13. *Bourdieu P.* Formy kapitala [Forms of capital] / P. Bourdieu // Jekonomicheskaja sociologiya [Economic sociology]. — May, 2005. — Vol. 6. — №3. — Pp. 60–74.
14. *Guerrie S.* From the Hague Congress to the Council of Europe: Hopes, achievements and disappointments in the parliamentary way to European integration // Parliaments, Estates and Representation. — 2014. — Vol. 34. — №2. — Pp. 216–227.
15. *Parekh B.* The Future of Multi-Ethnic Britain, Runnymede Trust, London. — 2000.
16. The Southall Report: Cultural Diversity and Community Cohesion: Executive Summary, Swrt-Shrg Conference, Southall, Middlesex, 9 November 2002.
17. *Kuznetsov I.M., Mukomel V.I.* Adaptatsionnyye vozmozhnosti i setevyye svyazi migrantskikh etnicheskikh men'shinstv [Adaptation opportunities and networking of migrant ethnic minorities]. — Moscow: In-t sotsiologii RAN, 2005. — 51 p.
18. Onlayn-konferentsiya «Proyavleniya razizma, ksenofobii i migratsionnyye protsessy v usloviyakh pandemii koronavirusa» [Online conference «Manifestations of racism, xenophobia and migration processes in the context of the coronavirus pandemic»] [Electronic resource]. — URL: <https://www.asi.org.ru/event/2020/05/08/onlajnkonferen/> (Date accessed: 12.05.2020).
19. Migrantam zdes' ne mesto. Pochemu bol'shinstvo rossiyan protiv priyeezhnikov [Migrants do not belong here. Why are most Russians against visitors] [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://proexpedition.ru/layfhaki/migrantam-zdes-ne-mesto-pochemu-bolshinstvo-rossiyan-protiv-priyeezhnikov.html>.
20. *Onodera Yu.* Kak rossiyanе otnosyatsya k migrantam [How Russians relate to migrants] [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://www.thevillage.ru/village/city/news-city/362417-kak-rossiyanе-otnosyatsya-k-migrantam> (Date accessed: 18.09.2019).
21. Rasizm i ksenofobiya [Racism and xenophobia] [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/250653-racism-and-xenophobia> (Date accessed: 18.06.2020).
22. *Mastikova N.* Chtoby prekratit' yestestvennyuyu ubyl' naseleniya, Rossii nuzhno polmilion migrantov v god [To stop the natural population decline, Russia needs half a million migrants a year] [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://realnoevremya.ru/articles/166801-natalya-mastikova-ob-otnoshenii-rossiyan-k-igrantam> (Date accessed: 22.02.2020).
23. Pochti polovina rossiyan zayavili ob ukhudshenii material'nogo polozheniya v period pandemii [Almost half of Russians announced a deterioration in their financial situation during a pandemic] [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://newizv.ru/news/society/07-05-2020/pochti-polovina-rossiyan-zayavili-ob-uhudshenii-materialnogo-polozheniya-v-period-pandemii> (Date accessed: 07.05.2020).
24. *Preduca G.* Democracy, Religious Ethics, and Human Rights // Contemporary Read-

ings in Law and Social Justice. — 2011. — Vol. 3. — №1. — P. 129.

25. *Bramadat P.A.* Religion, Social Capital and «The Day that Changed the World» // *Journal of International Migration and Integration*. — 2005. — Vol. 69. — №2. — P. 209.

26. *Coleman J.* Religious Social Capital: Its Nature, Social Location and Limits // *Smith C.* (Ed.). *Religion as Social Capital: Producing the Common Good*. Waco, TX: Baylor University Press, 2003. — P. 36.

27. *Panarina M.A., Lavrov I.A.* Rol' sotsial'nykh setey v formirovanii identichnosti migranta [The role of social networks in the formation of

migrant identity] [Elektronnyy resurs]// *Tsifrovaya sotsiologiya [Digital Sociology]*. — 2019. — Vol. 2 (4). — Pp.25–30. — URL: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-4-25-30>.

28. *Filiz G., Asad A.L.* Migrant Networks. Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource: 1-13. [Electronic resource]. — URL: [doi:10.1002/9781118900772.etrds0220](https://doi.org/10.1002/9781118900772.etrds0220).

29. *Knoll A., Bisong A.* Migration, mobility and COVID-19 [Electronic resource]. — URL: <https://ecdpm.org/talking-points/migration-mobility-covid-19-tale-of-many-tales/> (Date accessed: 30.03.2020).

Поступила в редакцию

12 августа 2020 г.

Курбатов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского Социологического центра Российской Академии наук. Область научных интересов: логика и методология социального познания, социальное проектирование и прогнозирование, социология коммуникации, социальная коммуникация в информационном обществе. Автор более 100 научных публикаций, в том числе 5 с грифом Министерства. Общий стаж работы в отрасли высшего образования — более 30 лет.

Kurbatov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher of the South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Research interests: logic and methodology of social cognition, social design and forecasting, sociology of communication, social communication in the information society. Author of more than 100 scientific publications, including 5 with the stamp of the Ministry. Total work experience in the field of higher education is more than 30 years.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: kurbashy@list.ru

Волков Юрий Григорьевич — Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований ИСиР ЮФУ. Научный руководитель Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН). Действительный член Российской академии социальных наук, действительный член Нью-Йоркской академии наук (1995). Специалист в области исследований социологии креативности и креативного класса в российской социологической науке, социальной имитации, гуманистической идеологии, формирования идентичности. Основатель и руководитель научной школы «Многоуровневая идентичность и идеология инновационного развития российского общества». Лауреат премии им. И.Г. Петровского, награжден серебряной медалью им. П. Сорокина за вклад в развитие социологии в России, серебряной медалью им. П. Сорокина за вклад в науку, серебряной медалью «Джим Торосян». Общий стаж научно-педагогической работы составляет более 50 лет.

Volkov Yury Grigoryevich — Honored scientist of the Russian Federation, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University. Scientific Supervisor of the South Russian Branch of Science of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Member of the Russian Academy of Social Sciences, Member of the New York Academy of Sciences (1995). Specialist in the field of research on the sociology of creativity and the creative class in Russian sociological science, social imitation, humanistic ideology, identity formation. Founder and head of the scientific school «Multilevel identity and ideology of innovative development of Russian society». I. G. Petrovsky prizewinner, was awarded P. Sorokin silver medal for his contribution to the development of sociology in Russia, P. Sorokin silver medal for his contribution to science, «Jim Torosyan» silver medal. The general experience of scientific and pedagogical work is more than 50 years.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: ugvolkov@sfedu.ru

УДК 316.334.54+332.87

10.17213/2075-2067-2020-6-81-88

ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО В РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ, ГИПОТЕЗЫ И ТЕОРЕМЫ В ДЕЙСТВИИ

© 2020 г. Д. Б. Литвинцев

*Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия*

Целью исследования является попытка в жанре научного памфлета дать социологическую интерпретацию отдельным процессам и явлениям в системе жилищно-коммунального хозяйства России, применив известные социальные законы, гипотезы и теоремы. Жилищно-коммунальное хозяйство считается по праву наиболее противоречивой отраслью российской экономики и находится в процессе постоянного реформирования, что объясняет актуальность исследований в этой сфере различных общественных наук, включая социологию.

Методологическую базу исследования составили закон разделения функций и специализации, теорема Томаса и ее следствия, гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, закон возвышения потребностей, теория разбитых окон Уилсона-Келлинга, закон интеллектуального развития, число Данбара, концепция жилищных классов Рекса-Мура и др. При этом на современном этапе жилищных исследований усматривается недооцененность именно социологического инструментария к исследованию жилищно-коммунальных проблем в России.

Результаты исследования отражают применение социологического инструментария к объяснению отдельных процессов и явлений в области управления многоквартирными домами в России. По ходу исследования анализируются результаты применения подобного метода. Руководствуясь методологическим принципом бритвы Оккама, мы сделали вывод о достаточной практичности подобного научного подхода к исследованию сферы жилищно-коммунального хозяйства в рамках жилищной социологии.

Перспективу исследования составляет дальнейший социологический анализ с применением представленного инструментария на более глубоком эмпирическом уровне с целью верификации представленных выводов, уточнения результатов, а также формулирования новых гипотез.

Ключевые слова: жилищная социология; жилищно-коммунальное хозяйство; многоквартирный дом; управляющая компания; социальный закон; теорема Томаса; гипотеза Сепира-Уорфа; теория разбитых окон; жилищный класс; число Данбара.

HOUSING AND COMMUNAL SERVICES IN RUSSIA: SOCIAL LAWS, HYPOTHESES AND THEOREMS IN ACTION

© 2020 D. B. Litvintsev

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

The purpose of the study is an attempt in the genre of a scientific pamphlet to give a sociological interpretation of individual processes and phenomena in the system of housing and communal services in Russia, using well-known social laws, hypotheses and theorems. Housing

and communal services are rightfully considered the most controversial branch of the Russian economy and are in the process of constant reform, which explains the relevance of research in this area of various social sciences, including sociology.

The methodological base of the study is the law of separation of functions and specialization, Thomas's theorem and its consequences, the Sapir-Whorf hypothesis of linguistic relativity, the law of elevation of needs, the Wilson-Kelling theory of broken windows, the law of intellectual development, Dunbar's number, the Rex-Moore concept of housing classes, etc. At the same time, at the present stage of housing research, it is seen that the sociological tools for the study of housing and communal problems in Russia are underestimated.

The results of the study reflect the application of sociological tools to explain individual processes and phenomena in the field of management of apartment buildings in Russia. In the course of the research, the results of applying such method are analyzed. Guided by the methodological principle of Occam's razor, it was concluded that such a scientific approach to the study of the sphere of housing and communal services in the framework of housing sociology is quite practical.

The prospect of the study is further sociological analysis using the presented tools at a deeper empirical level in order to verify the presented conclusions, clarify the results, and formulate new hypotheses.

Key words: housing sociology; housing and communal services; condominium; management organization; social law; Thomas's theorem; Sapir-Whorf hypothesis; broken windows theory; housing class; Dunbar's number.

Введение. Жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) в России — одна из самых противоречивых и сложных отраслей российской экономики. У человека со стороны может невольно сложиться впечатление, что всем известный закон Мерфи «если есть вероятность того, что какая-нибудь неприятность может случиться, то она обязательно произойдет» [5] и все следствия из этого закона вполне реальны и нашли свое отражение именно в этой сфере. Регулярные, хаотичные попытки трансформировать российское жилищное законодательство в ту или иную сторону вносят неразбериху как среди самих жильцов многоквартирных домов, так и среди управляющих компаний. В широких кругах уже давно укоренилась позиция, что какие бы законы ни принимались, в результате растут только цены, в том числе и на жилищно-коммунальные услуги. При этом на просторах сети Интернет нередко встречается альтернативная расшифровка аббревиатуры ЖКХ: «Живи Как Хочешь».

Как справедливо отмечал еще в 2007 г. П. И. Сухоруков, «при реформировании ЖКХ логика отношений “государство — общество” привела, с одной стороны, к неуправляемому

росту тарифов, а с другой — к непоследовательным и многоступенчатым действиям со стороны государства по отмене ранее существовавших дотаций и социальных льгот» [10, с. 40]. В то же время заслуживает внимания и позиция И. А. Огнева, который в 2010 г. небезосновательно утверждал, что «реформа ЖКХ в тупике» [7, с. 93] и «нынешний хаос в коммуналке крайне выгоден и чиновникам, и части бизнесменов» [7, с. 107].

Однако в целях настоящего исследования жилищное законодательство и жилищную экономику предлагается несколько отодвинуть на второй план и обратиться к социологическому инструментарию — социальным законам, теоремам и гипотезам, тем более, что в сфере ЖКХ в России в последние годы как никогда стал проявлять себя социальный закон разделения функций и специализации [1]. Были разработаны и уточнены профессиональные стандарты практически для всех работников ЖКХ от директора управляющей компании до дворника. На практике это, безусловно, не исключает определенной взаимозаменяемости и перегруженности работников, однако профессиональные стандарты в ЖКХ — это большой и серьезный шаг

вперед в развитии всей отрасли. Будет ли это способствовать притоку квалифицированных кадров при сохранении «невысокого уровня заработной платы в жилищно-коммунальном хозяйстве, который значительно ниже среднего по экономике» [3, с. 142] — покажет время.

Теорема Томаса: собака виляет хвостом или «хвост виляет собакой»? Обратимся к так называемой в социологии теореме Томаса. Следует оговориться, что, во-первых, именно классик структурного функционализма Р. Мертон ввел в социологический дискурс подобную формулировку [16], а во-вторых, авторов теоремы было все-таки двое — У.А. Томас и Д.С. Томас [18]. Теорема гласит: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям».

В этом смысле классическим становится пример, когда последствия распространения мнения в России о том, что все управляющие компании «воруют деньги жильцов и ничего не делают», выражаются в реальном снижении платежей населения за содержание жилья. В то же время российский исследователь А.В. Луков предложил для обсуждения три следствия из теоремы Томаса [6], которые, как представляется, нашли свое отражение и в сфере ЖКХ в России.

1. «Если люди определяют некоторые ситуации как нереальные, эти ситуации не приводят к реальным последствиям» [6, с. 222]. Подобное следствие теоремы можно рассмотреть на примере пожара в многоквартирном доме. Например, высотные дома оборудованы системой автоматического управления пожарной сигнализацией, срабатывание которой зачастую у жильцов не ассоциируется с пожаром — кто-то просто мог закурить в подъезде или у кого-то подгорела картошка на сковороде. Таким образом, ситуация потенциального пожара не воспринимается как реальная, а потому не приводит к реальным последствиям — жильцы не покидают свои квартиры в целях эвакуации при звуке пожарной сигнализации.

2. «Если ситуации реальны в своих последствиях, это не обязательно значит, что люди определяют такие ситуации как реальные» [6, с. 222]. Нередки случаи, когда подоз-

рительный шум соседей за стенкой заканчивается реальными последствиями — вызовом полиции. Тем не менее, далеко не всегда этому предшествует тот факт, что подобная ситуация определена жильцами как реальная — они могли вызвать полицию просто на всякий случай, а не потому что существует реальная угроза жизни и здоровью их соседей.

3. «Если люди определяют некоторые ситуации как реальные, эти ситуации по-разному реальны в своих последствиях» [6, с. 222]. Известно, что жильцы верхних этажей высотных домов наиболее ощущают, например, порывы сильного ветра. Может складываться ощущение, будто дом начинает разрушаться, и это воспринимается вполне реально некоторыми жильцами, что приводит к разнообразным реальным последствиям: одни, поддавшись панике, начинают звонить во все экстренные службы города и требовать вызвать пожарных, спасателей и т.п., другие могут покинуть свою квартиру на время непогоды, третьи же, веря в то (т.к. проверить самостоятельно они этого не могут), что их дом — это экспертная система, спроектированная и построенная профессионалами своего дела [4], спокойно остаются дома. Аналогичный пример можно было бы привести и в случае землетрясения.

А.В. Луков отмечает, что «информация, обретая власть над миром, в то же время утрачивает свою власть в сфере деятельности человека. На первый план в социологии выходит характеристика механизмов сознания, а в них — малоизученная проблема доверия к информации, ключом к чему оказывается тезаурусная картина мира» [6, с. 222].

Гипотеза Сепира-Уорфа: подмена понятий или же финансовой отчетности? В продолжение подобных рассуждений целесообразно обратиться к гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, суть которой можно свести к тому, «что язык сам по себе способен создавать реальность» [11, с. 1–2]. В науке, как и в сфере ЖКХ, нередко встречаются парадоксы. В данном случае речь идет о том, что Э. Сепир и Б.Л. Уорф никогда не были соавторами и не заявляли подобных гипотез. Данный термин в 1954 г. был предложен Г. Хойером, одним из учеников Э. Сепира, на конференции в Чикаго [14].

Несмотря на то, что данная гипотеза в первую очередь изучалась и применялась в исследованиях именно лингвистами, она нашла свое применение и в социолингвистике, и в социологии языка.

В сфере ЖКХ данная гипотеза раскрывается в части появления в своем дискурсе таких слов, как, например, «укашка», «управляшка», «управляйка», применяемых к организациям, осуществляющих предпринимательскую деятельность по управлению многоквартирными домами. Семантика подобных слов свидетельствует о заведомо неуважительном отношении к управляющим компаниям. Оплата же услуг нередко сопровождается такими комментариями, как «опять пришли счета за коммуналку», «тарифы в жировках завышены». Подобные высказывания жильцов в адрес единого платежного документа могут указывать на пренебрежительное отношение к услугам управляющих компаний, которые те оказывают населению, а также их неоправданно завышенной, по мнению жильцов, стоимости.

В дискурсе ЖКХ нередко используется и подмена понятий в СМИ (особенно на телевидении), когда в очередной раз статья или сюжет посвящены тому, что коммунальщики снова поднимают свои тарифы. Неслучайно у населения возникает ощущение того, что речь идет и об управляющих компаниях, несмотря на то, что жилищное законодательство России не позволяет в одностороннем порядке управляющим компаниям повышать тарифы на содержание жилья.

Рассуждая о подмене понятий, сложно не упомянуть и о подмене, преднамеренном искажении данных учета и финансовой отчетности в том числе некоторых управляющих компаний, которые на сегодняшний день доступны для ознакомления неограниченному кругу лиц на официальных сайтах организаций и сайте Государственной информационной системы ЖКХ. Выражаясь в терминах С.А. Самусенко, «инструменты креативного учета создают информационную асимметрию на всех уровнях: способны завышению цен и тарифов» [8, с. 35].

Население России: правовой нигилизм и возвышенные потребности. Заслуживает внимания и проявление у населения России

своеобразного жилищно-правового нигилизма: несмотря, например, на запрет курения на детских площадках и даже размещения соответствующих табличек с надписью «Не курить!», дворникам регулярно приходится убирать окурки. Другой пример: запрет на выгул собак вне установленных мест, который соблюдают единицы. Человек, выгуливающий свою собаку на газоне рядом с домом и табличкой «Выгул собак запрещен!», невольно заставляет задуматься, что язык подобных табличек, по всей видимости, создает для отдельных жильцов дома некую квази-реальность, в которой значения слов приобретают обратный, зеркальный смысл.

Одной из причин подобного жилищно-правового нигилизма при определенных условиях, по мнению П.И. Сухорукова, является своеобразная обязанность жителей «выступать поручителями за своих соседей», при том, что в многоквартирных домах утрачивается общинность и распадаются соседские взаимоотношения [10, с. 49].

Вместе с тем, пока одни жильцы позволяют себе курить на детских площадках и выгуливать собак на придомовых газонах, другие требуют от управляющих компаний принять меры по данному факту. В этом своеобразно проявляется социальный закон возвышения потребностей [1, с. 595] — если в подъезде дома чисто и светло, из крана идет горячая вода и греют батареи, то всегда найдутся недовольные жильцы и найдут недостатки в работе любой управляющей компании, даже если она в полной мере справляется со своими обязанностями.

Таким образом, в сфере ЖКХ по мере удовлетворения потребностей жильцов в качественном обслуживании неизбежно возникают принципиально новые, нередко глупые, бессмысленные или даже неудовлетворимые потребности. Безусловно, это не является основанием снижать качество своих работ и оказываемых услуг, но этим, видимо, руководствуются далеко не все российские управляющие компании.

Многokвартирные дома в России: безразличие жильцов, «разбитые окна» и число Данбара. В то же время у большинства жильцов многоквартирных домов, по всей видимости, в соответствии с концепцией

С. Московичи до сих пор преобладает обыденно-житейское и идеологическое сознание. При этом В.А. Антошкин предостерегает, что «игнорирование закона интеллектуального развития тормозит общественный прогресс, сдерживает рост внутреннего валового продукта и решение назревших социальных проблем» [1, с. 596], которых в сфере ЖКХ накопилось немало.

В то же время не только от управляющих компаний, но и от самих жильцов зависит, насколько много в их доме будет «разбитых окон» согласно теории американских исследователей Дж. Уилсона и Дж. Келлинга: если окно в здании разбито и оставлено без ремонта, все остальные окна тоже скоро будут разбиты [19].

Поддерживать порядок в доме, бережно относиться к общему имуществу — совместная задача жильцов и управляющих компаний. Безразличное отношение жильцов к своему дому — одна из ключевых проблем в управлении многоквартирными домами. Подъезды некоторых домов в России в удручающем состоянии, в них не горит свет из-за разбитых или выкрученных лампочек и стоит извечный запах бытовых отходов. Подобные места общего пользования становятся прибежищем для лиц с неопределенным местом жительства, уличных хулиганов и т.п.

Безразличное отношение жильцов в большей степени, конечно, характерно для густонаселенных домов, в которых распадаются и утрачиваются соседские связи [15]. Руководствуясь результатами исследований Р. Данбара [13], можно предположить, что это, как правило, высотные дома, в которых более чем 150–200 квартир. Подобное положение находит свое подтверждение и в исследованиях Л. Бикмана и А. Тегера: люди в густонаселенных зданиях (например, студенты в больших общежитиях) меньше проявляют помогающее поведение [12].

Рассуждая о высотном строительстве в контексте теории разбитых окон, невозможно не упомянуть подпорные стены, выполняющие функции противоползневой защиты земельных участков, на которых расположены подобные дома. В российских мегаполисах подобные стены не редкость, однако большинство из них расписаны граффити и вовсе не в результате проведенного конкурса по стрит-арту. Территория вокруг таких

стен, как правило, никем не обслуживается и становится местом ночных тусовок и нередко закладок (тайников с наркотическими средствами).

В.А. Сергевнин отмечает, что «эффективность и целесообразность теории разбитых окон в полной мере не исследованы» в российских условиях [9, с. 117], тем не менее, вышеперечисленные примеры достаточно ярко отражают теорию в действии.

Вертикальная дифференциация: когда лифты разделили соседей на жилищные классы. Эволюция общества, постепенное его усложнение неизбежно приводит к его внутренней дифференциации. Британские социологи Дж. Рекс и Р. Мур, исследуя вопросы социальной стратификации и жилищного неравенства, предложили в 1967 г. концепцию жилищных классов [17]. Как отмечает Э.В. Бушкова-Шиклина, «жилищную стратификацию составляют жилищные классы и подклассы, характеризующиеся сходными критериями — чаще всего это материал стен, район расположения в населенном пункте, степень благоустройства, средний размер жилой площади, количество этажей, период застройки и пр.» [2, с. 41].

Этажность многоквартирных домов в условиях современных процессов урбанизации представляет наибольший интерес — бум высотного строительства все больше охватывает мегаполисы России. Особенностью строительства 17-этажных и выше многоквартирных домов комфорт- и бизнес-класса является размещение на верхних этажах элитного жилья. Отделка лифтовых и квартирных холлов последнего или двух последних этажей высоток нередко выполнена в уникальном, отличном от всего дома стиле. Высота потолков, планировка квартир зачастую отличаются от всех остальных этажей дома. Выходя из лифта, сразу понимаешь, что здесь живет элита общества, требующая к себе особого отношения (в том числе и при обслуживании дома), а все остальные живут попросту ниже.

Жители пентхаусов, которые на отдельном лифте могут подняться к себе на этаж прямо с подземного паркинга (или сразу в квартиру), могут наслаждаться прекрасным видом сверху на город через большие

витражные окна или даже прямо с террасы на крыше дома. Их отделяет от всех остальных только лифт (и незадымляемая лестница в случае пожара) — вертикальное измерение своеобразной дороги домой, по которой, возможно, им никто никогда даже не встретится. И только почтовые ящики на первом этаже подъезда и кнопки на домофоне неизбежно напоминают о том, что внизу под пентхаусами вместе с ними в одном доме живет еще довольно много людей.

Высотное строительство задало фактически новое измерение жилищной стратификации, которое в полной мере стало прообразом социально-классовой структуры общества: элита всегда наверху, а в самом низу — андеркласс (по отношению к жильцам дома) — обслуживающий персонал (дворники и т.п.), располагающийся и нередко проживающий в подсобных помещениях в подвале, куда лифт, безусловно, не ходит.

Заключение. Таким образом, современная социология как наука предлагает достаточно богатый, разработанный инструментарий для исследователя, в том числе и в рамках предметной области жилищной социологии. Социальные законы (закон разделения функций и специализации, закон возвышения потребностей, закон интеллектуального развития), теоремы (теорема Томаса и ее следствия), гипотезы (гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа) и концепции (теория разбитых окон Уилсона-Келлинга, концепцию жилищных классов Рекса-Мура, число Данбара) являются вполне практичным, хотя и недооцененным многими исследователями инструментом для объяснения социально-экономических явлений и процессов, происходящих в сфере ЖКХ в России. Место среди всевозможных экономических и юридических исследований жилищных проблем должны по праву занять исследования социологов, которые не отличаются широким разнообразием предмета исследования и которых в России, к сожалению, на данный момент представлено не так уж и много.

Отдельные положения данной статьи, возможно, представляются достаточно тривиальными и (или) упрощенными, однако из всех методологических принципов в ис-

следовании проблем российского ЖКХ наиболее практичным выглядит именно бритва Оккама — принцип, согласно которому какое-либо явление должно объясняться наиболее просто посредством существующих теорий и законов, если это объяснение будет исчерпывающим. Представляется, что подобный подход обеспечит интерес к социологическим исследованиям сферы ЖКХ в России не только внутри научного сообщества, но и среди практиков — специалистов по управлению и эксплуатации многоквартирных домов.

Литература

1. Антошкин В.Н. Социальные законы и социальное управление // Вестник Башкирского университета. — 2012. — Т. 17. — №1-1. — С. 594–597.
2. Бушкова-Шиклина Э.В. Жилищные и социальные классы в России: грани соприкосновения // Управление устойчивым развитием. — 2018. — №3 (16). — С. 40–44.
3. Валева А.Р. Современное состояние ЖКХ: недостаток финансирования или отсутствие эффективного контроля? // ЭКО. — 2013. — №12 (474). — С. 130–145.
4. Гидденс Э. Последствия современности. — М.: Праксис, 2011. — С. 352.
5. Житомирский Д.Н. Закон Мерфи «Если есть вероятность того, что какая-нибудь неприятность может случиться, то она обязательно произойдет» // Секретарское дело. — 2012. — №10. — С. 69–73.
6. Луков А.В. Следствия «теоремы Томаса» в условиях становления информационной цивилизации // Знание. Понимание. Умение. — 2006. — №4. — С. 220–222.
7. Огнев И.А. Реформа ЖКХ в тупике // ЭКО. — 2010. — №12 (438). — С. 93–107.
8. Самусенко С.А. Учетно-аналитические процессы: от вуалирования отчетности до вывода капиталов // ЭКО. — 2019. — №10 (544). — С. 35–53.
9. Сергеев В.А. Роль теории разбитых окон в декриминализации городской среды обитания // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. — 2014. — №2 (2). — С. 112–118.
10. Сухоруков П.И. Реформа ЖКХ в России — шаг к закреплению правового нигилизма

ма в обществе // ЭКО. — 2007. — №4(394). — С. 40–50.

11. Шаховский В. И. Семиотические знаки меняющегося мира в меняющейся коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. — 2015. — №38. — С. 1–23.

12. Bickman L., Teger A., Gabriele Th., McLaughlin C., Berger M., Sunaday E. Dormitory Density and Helping Behavior // Environment and Behavior. — 1973. — Vol. 5. — Pp. 465–490.

13. Dunbar R. I. M. Coevolution of neocortical size, group size and language in humans // Behavioral and Brain Sciences. — 1993. — №16(4). — Pp. 681–735.

14. Hoijer H. (Ed.) Language in culture // Conference on the interrelations of language and other aspects of culture. — Chicago: University of Chicago Press, 1954.

15. Litvintsev D. B., Osmuk L. A., Litvintseva G. P. Condos in Russia: Socio-Economic Aspect // New Silk Road: Business Cooperation and Prospective of Economic Development (NSRBCPED 2019). — France: Atlantis Press SARL, 2020. — Pp. 206–212. — Doi: 10.2991/aebmr.k.200324.039.

16. Merton R. K. The Thomas Theorem and the Matthew Effect // Social Forces. — 1995. — №74 (2). — Pp. 379–422. — Doi:10.1093/sf/74.2.379.

17. Rex J., Moore R. Race, Community and Conflict. — London: Oxford University Press for the Institute of Race Relations, 1967.

18. Thomas W. I., Thomas D. S. The child in America: Behavior problems and programs. — New York: Knopf, 1928. — Pp. 571–572.

19. Wilson J. Q., Kelling, G. L. Broken Windows // The Atlantic Monthly. — 1982.

References

1. Antoshkin V. N. Social'nye zakony i social'noe upravlenie [Social laws and social management] // Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of the Bashkir University]. — 2012. — Vol. 17. — №1-1. — Pp. 594–597.

2. Bushkova-Shiklina Je. V. Zhilishhnye i social'nye klassy v Rossii: grani soprikosnovenija [Housing and social classes in Russia: facets of contact] // Upravlenie ustojchivym razvitiem [Management of sustainable development]. — 2018. — №3 (16). — Pp. 40–44.

3. Valeev A. R. Sovremennoe sostojanie ZhKH: nedostatok finansirovanija ili otsutstvie jeffektivnogo kontrolja? [Current state of housing and utilities: lack of funding or lack of effective control?] // JeKO. — 2013. — №12(474). — Pp. 130–145.

4. Giddens Je. Posledstvija sovremennosti [Consequences of modernity]. — Moscow: Praksis, 2011. — P. 352.

5. Zhitomirskij D. N. Zakon Merfi «Esli est' verojatnost' togo, chto kakaja-nibud' neprijatnost' mozhet sluchit'sja, to ona objazatel'no proizojdet» [Murphy's law «If there is the likelihood that something bad can happen it will happen»] // Sekretarskoe delo [Secretarial work]. — 2012. — №10. — Pp. 69–73.

6. Lukov A. V. Sledstvija «teoremy Tomasasa» v uslovijah stanovlenija informacionnoj civilizacii [Investigation of the «Thomas theorem» in the conditions of informational civilization] // Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]. — 2006. — №4. — Pp. 220–222.

7. Ognev I. A. Reforma ZhKH v tupike [Housing reform at an impasse] // JeKO. — 2010. — №12 (438). — Pp. 93–107.

8. Samusenko S. A. Uchetno-analiticheskie processy: ot vualirovanija otchetnosti do vyvoda kapitalov [Accounting and analytical processes: from veiling reporting to the withdrawal of capital] // JeKO. — 2019. — №10 (544). — Pp. 35–53.

9. Sergevnin V. A. Rol' teorii razbityh okon v dekriminalizacii gorodskoj sredy obitanija [The role of the theory of broken Windows in the decriminalization of the urban environment] // Penitenciarное право: juridicheskaja teorija i pravoprimeritel'naja praktika [Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice]. — 2014. — №2 (2). — Pp. 112–118.

10. Suhorukov P. I. Reforma ZhKH v Rossii — shag k zakrepleniju pravovogo nigelizma v obshhestve [Housing reform in Russia — progress in the consolidation of legal nihilism in society] // JeKO. — 2007. — №4 (394). — Pp. 40–50.

11. Shahovskij V. I. Semioticheskie znaki menjajushhegosja mira v menjajushhejsja kommunikacii [Semiotic signs of a changing world in a changing communications] // Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal [World of linguistics and

communication: electronic scientific journal]. — 2015. — №38. — Pp. 1–23.

12. *Bickman L., Teger A., Gabriele Th., McLaughlin C., Berger M., Sunaday E.* Dormitory Density and Helping Behavior // *Environment and Behavior*. — 1973. — Vol. 5. — Pp. 465–490.

13. *Dunbar R. I. M.* Coevolution of neocortical size, group size and language in humans // *Behavioral and Brain Sciences*. — 1993. — №16(4). — Pp. 681–735.

14. *Hoijer H.* (Ed.) *Language in culture* // *Conference on the interrelations of language and other aspects of culture*. — Chicago: University of Chicago Press, 1954.

15. *Litvintsev D. B., Osmuk L. A., Litvintseva G. P.* *Condos in Russia: Socio-Economic Aspect* // *New Silk Road: Business Cooperation*

and *Prospective of Economic Development (NSRBCPED 2019)*. — France: Atlantis Press SARL, 2020. — Pp. 206–2012. — Doi: 10.2991/aebmr.k.200324.039.

16. *Merton R. K.* The Thomas Theorem and the Matthew Effect // *Social Forces*. — 1995. — №74 (2). — Pp. 379–422. — Doi:10.1093/sf/74.2.379.

17. *Rex J., Moore R.* *Race, Community and Conflict*. — London: Oxford University Press for the Institute of Race Relations, 1967.

18. *Thomas W. I., Thomas D. S.* *The child in America: Behavior problems and programs*. — New York: Knopf, 1928. — Pp. 571–572.

19. *Wilson J. Q., Kelling, G. L.* *Broken Windows* // *The Atlantic Monthly*. — 1982.

Поступила в редакцию

16 августа 2020 г.

Литвинцев Денис Борисович — соискатель ученой степени кандидата социологических наук, Новосибирский государственный технический университет. Член Международной социологической ассоциации (ISA), исследовательский комитет RC43 Housing and Built Environment.

Litvintsev Denis Borisovich — applicant for the degree of Candidate of Sociological Sciences, Novosibirsk State Technical University. Member of the International Sociological Association (ISA), Research Committee RC43 Housing and Built Environment.

630073, г. Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20
20 Karla Marksa av., 630073, Novosibirsk, Russia
E-mail: denlitv@inbox.ru

УДК 316.443

10.17213/2075-2067-2020-6-89-95

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДИНАСТИЙНОСТЬ КАК СТРАТЕГИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА МЕДИЦИНСКОЙ ПРОФЕССИИ¹

© 2020 г. О. А. Нор-Аревян, А. И. Черевкова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Цель исследования состоит в выявлении стратегий профессионального воспроизводства в медицинских династиях.

Методологическую базу исследования составляет теория социального воспроизводства П. Бурдьё, в рамках которой были выделены 5 классов стратегий воспроизводства.

Эмпирической базой работы выступают проведенные в 2020 г. 20 автобиографических нарративных интервью с представителями медицинских династий, насчитывающих не менее 3 поколений.

Результаты исследования. Наиболее ярко в медицинских династиях выражены проецируемые через одно поколение стратегии наследования, образовательные стратегии, направленные на, как минимум, сохранение достигнутого уровня образования у следующего поколения, а также стратегии символического инвестирования, связанные с поддержанием репутации семьи и имиджа в профессиональном сообществе.

Перспективу исследования составляет дальнейший социологический анализ конструктивного и деструктивного потенциала профессиональных династий в российском обществе, выявление гендерной и межпоколенческой специфики.

Ключевые слова: профессиональная династийность; медицинские династии; теория социального воспроизводства П. Бурдьё; образовательные стратегии; стратегии экономических инвестиций; стратегии символического инвестирования.

PROFESSIONAL DYNASTIES AS A STRATEGY FOR REPRODUCING THE MEDICAL PROFESSION

© 2020 O. A. Nor-Arevyan, A. I. Cherevkova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to identify strategies for professional reproduction in medical dynasties.

The methodological basis of the research is the theory of social reproduction by P. Bourdieu, in which 5 classes of reproduction strategies were identified.

The empirical basis of the work is 20 autobiographical narrative interviews conducted in 2020 with representatives of medical dynasties, numbering at least 3 generations.

The results of the study. Analysis of the interviews showed that the most vividly expressed in medical dynasties are inheritance strategies (projected, as a rule, after one generation), educational strategies aimed at at least preserving the achieved level of education in the next

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФ проект №19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе».

generation, as well as symbolic investment strategies related to maintaining family reputation and image in the professional community.

The prospect of the study. *Further sociological analysis of the constructive and destructive potential of professional dynasties in Russian society, as well as identification of gender and intergenerational specifics, is the perspective for the research.*

Key words: *professional dynasties; medical dynasties; P. Bourdieu's theory of social reproduction; educational strategies; economic investment strategies; symbolic investment strategies.*

Введение. В России и в мире медицина как сфера трудовой деятельности традиционно характеризуется высокой долей профессиональных династий в кадровой структуре. Первоначально медицинские династии складывались как агенты трансляции профессионального капитала: в Древней Греции и Риме наряду с храмовой медициной были распространены семейные школы [2, 8], которые, будучи хранителями сакральных знаний и методов лечения, выступали основным агентом профессиональной социализации и обеспечивали кадровое воспроизводство профессии.

С появлением специализированных медицинских учебных заведений роль профессиональных династий трансформировалась. С одной стороны, функция трансляции профессиональных знаний отчасти редуцировалась. С другой стороны, династии с течением времени стали каналами социальной мобильности и, по мнению некоторых исследователей, приобрели характер социальных монополий, ограничивающих входение в профессию и затрудняющих доступ к высоким профессиональным статусам для нединастийных членов [6].

С этой точки зрения, профессиональная династийность может рассматриваться как стратегия социального воспроизводства, нацеленная на сохранение существующего порядка и социально-профессиональной структуры. Совокупность всех стратегий воспроизводства, понимаемых как набор социальных практик семьи или группы, была разбита П. Бурдьё на 5 основных классов, которые «на практике могут зависеть друг от друга и переплетаться»: 1) стратегии биологических инвестиций; 2) стратегии наследования; 3) образовательные стратегии; 4) стратегии экономических инвестиций; 5) стратегии

символического инвестирования [1, 7]. Далее на эмпирических материалах рассмотрим проявление перечисленных классов стратегий воспроизводства в профессиональных династиях врачей.

Эмпирической базой работы выступают результаты прикладного исследования, проведенного в 2020 г. в различных городах России (Волгодонск, Москва, Ростов-на-Дону, Саратов, Уфа и др.). В ходе исследования методом автобиографического нарративного интервью было опрошено 20 медиков, которые являются представителями 15 семей, являющихся медицинскими династиями, насчитывающими минимум 3 поколения (в пяти семьях интервью проводились с представителями двух поколений). Информация о стратегиях воспроизводства в профессиональных династиях была получена в ходе начального нарративного рассказа информантов, а также с помощью уточняющих вопросов: Кто занимался Вашим воспитанием? Какое участие принимали родители в вашем образовании? Как происходил выбор Вами профессии? Какие обстоятельства и какие люди на это повлияли? Обсуждали ли Ваши родители и другие свою работу в семейном кругу? Хотели ли бы Вы, чтобы Ваши дети продолжили вашу профессию? и т.п.

Анализ полученной эмпирической базы с позиций теории социального воспроизводства позволил выявить функционирование в династиях нескольких классов стратегий.

Стратегии биологических инвестиций согласно П. Бурдьё представляют собой долгосрочные стратегии, влияющие на все будущее потомство и его наследство. Они определяют силы семейной группы, и от количества детей в семье зависит число

потенциальных претендентов на материальное и символическое наследие [1]. В медицинских семьях точно так же потенциал продолжения династии закрепляется не обязательно за всеми детьми, то есть продолжателем династии может стать, по крайней мере, один потомок, наиболее способный, наиболее увлеченный, сделавший осознанный выбор профессии. В высказываниях информантов были такие сюжеты, когда они говорили о своем выборе профессии, сравнивая себя с братьями/сестрами: *«Насколько я себя помню, в семье с детства говорили, что я буду доктором, потому что я любила играть в больницу, всех перевязывала, мазала зеленкой все царапинки всех детей на улице. За мной это дело с детства закрепилось. <...> Но, может быть отрицание, когда ребенок не захочет идти в профессию. Я из своего детства вспоминаю свою старшую сестру, которая была избалованным ребенком, она боялась уколов, крови, со страхом ходила в медицинский кабинет. С детства можно увидеть трудности, радости и прелести»* (педиатр, 70 лет, жен., 2-е поколение династии из 3); *«Молодое поколение все это видит, впитывает отношение предыдущего поколения к профессии. Если оно видит самоотдачу, любовь, стремление, то наверное, это заразительно. Не наверное, а точно... Что касается отрицательных сторон, то в семье не без урода... Примазываются и как-то использующих свои данные людей тоже, думаю, в каждой династии существует энное количество»* (кардиолог, 42 года, жен., 3/3); *«Ну, своего медика в семье надо иметь. С дочерью у нас было так — она: “Хочу психология и медицина”. И мы решили так: “Давай ты пойдешь в медучилище, закончишь медучилище и определишься уже — твое, не твое”. И она пошла в медучилище и после медучилища уже пошла дальше. Потому что, ладно, если медучилище закончил, по жизни это нужно будет, если даже не будешь медиком, пригодится. Но кончать институт и не работать по специальности, по профессии, которую получил, — это уже роскошь в наше время была. <...> Когда в семье есть один медик, даже на несколько семей один медик, это уже страховка определенная»* (врач, начмед, 64 года, жен., 2/3). В це-

лом стратегия биологических инвестиций не просматривается в интервью явно, но информанты утверждают: *«... Чтобы быть хорошим врачом, нужно мозги иметь, нужно интеллект иметь»* (оториноларинголог, 61 год, жен., 2/3).

Более явно в проведенных интервью отражено влияние **стратегии наследования**. Практически каждый информант упоминал о том, как важно, чтобы в семье были последователи. И если сами родители говорили неоднозначно о выборе профессии врача своими детьми, то старшему поколению очень хотелось бы, чтобы внуки стали продолжателями династии: *«Мы с супругой никогда не считали, что он должен стать врачом. Если не хочет, и не нужно. А дедушка его, мой папа, очень болезненно к этому отнесся: династия, сам Бог ему велел, и в медицине мы ему поможем на этапе получения высшего образования, на этапе трудоустройства. А в любой другой сфере мы ему помочь не сможем»* (хирург, зав. отделением, д.м. н., 43 года, 3/4); *«Дед очень хотел преемственности поколений, ему очень важно было, чтобы внучка была врачом. Внучка была врачом и носила его фамилию»* (психиатр, 37 лет, жен., 3/3); *«Иногда в медицинских семьях, наоборот, не хотят, чтобы дети шли по стопам родителей. У нас такого не было, меня все поддерживали. Дедушка был очень рад, что я выбрала эту профессию»* (врач-кардиолог, 34 года, жен., 4/4).

Образовательные стратегии представляют собой «осознанную рефлексивную модель образовательного поведения, сформированную под влиянием совокупности образовательных, профессиональных и социальных ориентаций» [5]. Это долгосрочные инвестиции, направленные «на производство социальных агентов, достойных и способных наследовать свойства группы» [7]. Получение диплома медицинского вуза является обязательным формальным условием для осуществления врачебной деятельности и допуска в профессиональное сообщество.

Профессиональные династии формируют особую внутрисемейную атмосферу, которая подталкивает детей к решению пойти по стопам родителей: *«Мы жили в медицине постоянно, папа был главным врачом, дед тоже, я рос в этом, мы постоянно были среди этого, нас водили в больницу»* (терапевт,

организатор здравоохранения, муж., 30 лет, 3/3). В результате дети в семьях-династиях к моменту поступления в вуз часто не видят альтернатив: «А куда? Никакой другой специальности мы не знали. И не рассматривалось ничего. Кем можно быть, кроме врача, если мама — врач, папа — врач?» (оториноларинголог, жен., 61 год, 2/3).

В семьях-династиях транслируется установка на обязательное получение детьми высшего образования: «Родители всегда хотели, чтобы образование было высшее, не среднее, всегда к этому меня подталкивали, мотивировали» (врач, жен., 34 года, 3/4). Кроме того, родители ориентируют детей на получение более высоких уровней образования (интернатура, ординатура) и ученых степеней: «Я помню, когда сын получил красный диплом, он спустился с лестницы и говорит: “На! Хотела красный диплом? На — получи!” (смеется в голос). А я говорю: “А можно мне еще корочку? Диплом к. мед. н., и я отстану”» (оториноларинголог, жен., 59 лет, 2/3).

Выбор того или иного вуза в династиях определяется как общими критериями, такими как территориальная близость, проходной балл ЕГЭ, так и специфическими для династийной среды — репутация учебного заведения в медицинском сообществе, опыт обучения родителей в том или ином вузе, возможность использования семейных социальных связей для помощи в учебе и последующем трудоустройстве: «Была сложная ситуация с тем, прохожу я в Москву или нет, но родители все равно больше хотели, чтобы я поступила в наш мед, потому что, по их мнению, они мне могут, если что, помочь, найти мне работу, если вдруг что. А если я уеду, тем более, в Москву, в другой город, и на направление, с которым у них нет никаких связей, ничего, это будет сложнее и неприятнее» (студентка медицинского вуза, 18 лет, 3/3).

Стратегии экономических инвестиций направлены на сохранение и увеличение экономического капитала семьи. Экономической инвестицией может выступать и сам выбор профессии, как, например, профессия юриста или экономиста. Однако, в ходе нашего исследования информанты указывали на то, что не считают медицину финансово благоприятной сферой и отчасти по этой причине они не рекомендовали бы своим детям вы-

бор этой сферы: «Медицина — это немножко другое. Все равно человек должен быть профессионалом. Сейчас это не очень котируется. Честность сейчас не котируется, порядочность не котируется. <...> Вот для меня, по крайней мере, это полушоковое состояние — глядеть на сегодняшних врачей, как они берут деньги, хотя операция проводится бесплатно. <...> Ну, время такое наступило. К сожалению. Нет того, что было раньше, когда медик независимо от твоего положения и твоего кошелька занимался пациентом» (врач, начмед, 64 года, жен., 2/3); «Ну, вы знаете, я думаю, если бы она не пошла в медицину, она гораздо большего добилась бы. Ну, просто медицина, она очень... консервативна, в ней нельзя заработать много денег, в ней нельзя добиться славы, ничего, а в других специальностях можно... Медицина — это не та специальность, которую надо выбирать для жизни» (оториноларинголог, 61 год, жен., 2/3).

Случается и так, что медицинская профессия приносит огромное удовлетворение, высоко оценивается клиническая работа с пациентами, но чтобы удержаться на плаву и обеспечить финансовое благополучие своей семьи, информантам приходится строить управленческую карьеру или менять направленность своей профессиональной деятельности, переходить на смешанные формы занятости в негосударственный сектор: «Многие, очень многие ушли не в практическую медицину, а в медицину, которая связана с продвижением лекарств, медаппаратуры. Некоторые вообще ушли в бизнес, имеют рестораны, магазины, потому что определенные ситуации есть в медицине, которые не перебеешь» (лор-врач, 59 лет, жен., 2/3); «Врач не может быть самозанятым, потому что это лицензированная деятельность, а психолог может, поэтому у меня практика именно психологическое консультирование. И я остаюсь врачом зилковской больницы, ношу халат» (врач-психиатр, 37 лет, жен., г. Москва); «Кому-то просто надоедает, и он уходит из профессии. Кто-то где-то начинает тормозить на каком-то этапе. Я бы сказала 50 на 50» (кардиолог, жен., 35 лет, 4/4). При этом в высказываниях информантов прослеживается, что ни управленческая работа, ни коммерческая медицина не приносят

такого морального удовлетворения и чувства гордости за то, что ты делаешь: «Я немножечко не умею, наверное, быть коммерческим врачом. Я не умею оказывать медицинские услуги. И, соответственно, в коммерческих структурах ты получаешь заработную плату ровно столько, сколько ты сам ее наработал. Ну, то есть ты должен быть нацелен на коммерческий результат. А это достаточно сложно и, может быть, я окажусь не права, но, на мой взгляд, это все-таки иногда идет вразрез с интересами пациента» (акушер-гинеколог-репродуктолог, жен., 29 лет, 3/3); «Есть у меня коллеги, которые, занимая должность заведующего отделением, стремятся расти по карьерной лестнице, стать замом главврача, главврачом, еще какие-то должности в административном смысле. Я с ужасом думаю о подобном, чтобы у меня было меньше клинической работы и больше административной. Мне кажется, что ничего хуже в моей жизни произойти не может. ... Если бы не было работы клинической, я бы, наверное, давно выгорел и стал искать что-то другое. Именно возможность оперировать, лечить больных, получать результат, видеть его — это для меня самое ценное, это позволяет продолжать работать здесь и мириться с какими-то вещами, которые мне неприятны, но их надо делать» (хирург, зав. отделением, д.м.н., 43 года, 3/4).

Стратегии символического инвестирования объединяют «все действия, направленные на сохранение и увеличение капитала признания» [1]. Ключевым аспектом в символическом инвестировании выступает сохранение и поддержание положительной репутации семьи, формирование так называемого «фамильного бренда». Говоря о репутации семьи, информанты отмечали, что она «крайне положительная, т.к. основой является мама. Она всю жизнь работает в медуниверситете. <...> Всегда все восхищаются и на меня, конечно, это проецируют. Безусловно. И мне это очень помогает на начальных этапах, получить какую-то поддержку и доброжелательность» (кардиолог, жен., 34 года, 4/4).

Вместе с тем принадлежность к династии и известная фамилия могут не только облегчать карьерный рост молодого поколения, но и накладывать большую ответственность [4], связанную с сохранением репутации се-

мьи и имиджа в профессиональном сообществе: «Когда у тебя до 3-го колена все врачи, это же... врачебный мир, он же не так велик. Все друг друга знают прекрасно. И риск опозориться выше, чем у кого бы то ни было другого. На кого-то и внимания не обратят, а тебя обязательно потом не раз вспомнят» (хирург, муж., 53 года, 2/3).

Важным средством закрепления символического капитала выступают упоминания династии в СМИ, а также участие в различных профессиональных сообществах и конкурсах [3]. Некоторые информанты после интервью с гордостью демонстрировали семейные реликвии — опубликованные в газетах и журналах статьи о вкладе семьи в медицину, фотографии с рабочим коллективом, наградные знаки.

Заключение. Анализ автобиографических нарративных интервью позволяет сделать вывод, что все 5 предложенных П. Бурдые классов стратегий имеют место в профессиональных династиях врачей. Наиболее ярко в медицинских династиях выражены стратегии наследования (проецируемые, как правило, через одно поколение), образовательные стратегии, направленные на, как минимум, сохранение достигнутого уровня образования у следующего поколения, а также стратегии символического инвестирования, связанные с поддержанием репутации семьи и имиджа в профессиональном сообществе.

Профессиональная династичность выступает стратегией воспроизводства медицинской профессии. Это находит отражение в представлении медиков о том, что такое профессиональная династия: «Необходимость поддержки профессии и продолжения ее непосредственно в семье. Именно прививание детям последующих поколений желания работать в этой профессии» (педиатр, жен., 70 лет, 2/3). В дальнейшем эта любовь к профессии, внутреннее понимание ее особенностей обеспечивают легкое вхождение в профессию и ее естественное воспроизводство в рамках профессиональной династии.

Литература

1. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. пере-

вода Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.

2. Грицак Е. Н. Популярная история медицины. — Москва: Вече, 2003.

3. Нор-Аревян О. А., Черевкова А. И. Роль СМИ в формировании образа профессиональных династий в сфере здравоохранения // Актуальные вопросы экономики и социологии: сборник статей по материалам XV Осенней конференции молодых ученых в новосибирском Академгородке / под ред. О. В. Тарасовой, Н. О. Фурсенко — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2019. — С. 213–218.

4. Нор-Аревян О. А. Стратегии воспроизводства профессиональной медицинской династии // Гуманитарий Юга России. — 2020. — Т. 9. — №4 — С. 62–72.

5. Озерова М. В. Образовательные стратегии студентов вузов: подходы к исследованию // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. (XI Международная конференция, Екатеринбург, 19–20 марта 2008 г.): в 5 частях. — Екатеринбург, 2008. — Ч. 3. — С. 159–161.

6. Посухова О. Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. — 2013. — №12. — С. 100–103.

7. Bourdieu P. Stratégies de reproduction et modes de domination, en: Actes de la recherche en sciences sociales. — 1994. — Vol. 105. — Pp. 3–12.

8. Davidson J.R. The Wesselhoefts: A medical dynasty from the age of Goethe to the era of nuclear medicine. J Med Biogr. — 2017. — №25(4). — Pp. 214–222.

Referenses

1. Burd'e P. Sociologija social'nogo prostanstva [Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva] / In N.A. Shmatko (eds.). — Moscow: Institut jeksperimental'noj sociologii; Saint-Petersburg: Aletejja, 2007. — 288 p.

2. Gricak E. N. Populjarnaja istorija mediciny [Popular history of medicine]. — Moscow: Veche, 2003.

3. Nor-Arevjan O. A., Cherevkova A. I. Rol' SMI v formirovanii obraza professional'nyh dinastij v sfere zdavoohranenija [The role of mass media in shaping the image of professional dynasties in the healthcare sector] // Aktual'nye voprosy jekonomiki i sociologii: sbornik statej po materialam XV Osennej konferencii molodyh uchenyh v novosibirskom Akademgorodke [Topical issues of Economics and sociology: a collection of articles based on the materials of the XV Autumn conference of young scientists in Novosibirsk Akademgorodok] / In O.V. Tarasova, N.O. Fursenko (eds.). — Novosibirsk: IJeOPP SO RAN, 2019. — Pp. 213–218.

4. Nor-Arevjan O.A. Strategii vosproizvodstva professional'noj medicinskoj dinastii [Strategies of reproduction of professional medical dynasty] // Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]. — 2020. — Vol. 9. — №4 — Pp. 62–72.

5. Ozerova M. V. Obrazovatel'nye strategii studentov vuzov: podhody k issledovaniju [Educational strategies of University students: approaches to research] // Kul'tura, lichnost', obshhestvo v sovremennom mire: metodologija, opyt jempiricheskogo issledovanija. (XI Mezhdunarodnaja konferencija, Ekaterinburg, 19–20 marta 2008 g.): v 5 chastjah [Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research. (XI international conference, Yekaterinburg, March 19–20, 2008): in 5 parts]. — Ekaterinburg, 2008. — Issue. 3. — Pp. 159–161.

6. Posuhova O. Ju. Professional'naja dinastija kak rezul'tat semejnyh strategij: inercija ili preemstvennost'? [Professional dynasty as a result of family strategies: inertia or continuity?] // Vlast' [Power]. — 2013. — №12. — Pp. 100–103.

7. Bourdieu P. Stratégies de reproduction et modes de domination, en: Actes de la recherche en sciences sociales. — 1994. — Vol. 105. — Pp. 3–12.

8. Davidson J.R. The Wesselhoefts: A medical dynasty from the age of Goethe to the era of nuclear medicine. J Med Biogr. — 2017. — №25 (4). — Pp. 214–222.

Нор-Аревян Оксана Аведиковна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной конфликтологии и медиации Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Nor-Arevyan Oksana Avedikovna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Applied Conflictology and Mediation, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: noroks@yandex.ru

Черевкова Алена Игоревна — аспирант, стажер-исследователь Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Cherevkova Alena Igorevna — Postgraduate student, Research Assistant, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: yaitskova_a@mail.ru

УДК: 316.754

10.17213/2075-2067-2020-6-96-101

О ВЛИЯНИИ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ИНДИВИДОВ

© 2020 г. *И. А. Петрулевич**Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью исследования является выявление влияния российской правовой культуры на модели социального поведения индивидов. Правовая культура является одним из главных внешних регулятивов социального поведения, следовательно, ее качественные характеристики и интерпретация индивидами оказывают влияние на выбор модели социального поведения.

Методологическую базу исследования представляют теоретико-методологические подходы к изучению социального поведения, в частности, институциональная теория, а также результаты эмпирических исследований, посвященных правосознанию россиян и восприятию индивидами правовой культуры общества. Исследование базируется на интерпретации правовой культуры как правового свойства субъектов права.

Результаты исследования. Раскрыты механизмы влияния правовой культуры на выбор индивидами моделей поведения. Выведены две модели поведения, рассматриваемые в контексте правовой культуры: правомерное и внеправовое. Раскрыто понятие внеправового поведения и проведен анализ степени его социальной опасности и сложности выявления подобного поведения. Незнание индивидами своих прав и неумение их отстаивать приводит к осознанному или неосознанному совершению внеправовых действий, интенсифицирующих процесс маргинализации бедных слоев населения и дестабилизирующих социальное пространство.

Перспективу исследования составляет дальнейшее формирование средств повышения правовой грамотности населения и разработка средств эффективного воздействия на их восприятие правовой культуры. Также высоким потенциалом обладает операционализация понятия социальной справедливости на уровне взаимодействия индивидов и разработки способов по социальному управлению этим явлением.

Ключевые слова: правовая культура; социальное поведение; социальная инженерия; правосознание; внеправовое поведение; маргинализация; государственное регулирование.

ON THE IMPACT OF RUSSIAN LEGAL CULTURE ON THE SOCIAL BEHAVIOR OF INDIVIDUALS

© 2020 *I. A. Petrulevich**Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

The purpose of the study is to identify the impact of Russian legal culture on the models of social behavior of individuals. Legal culture is one of the main external regulators of social behavior, therefore, its qualitative characteristics and the interpretation of its individuals influence the choice of the model of social behavior.

The methodological basis of the research present theoretical and methodological approaches to the study of social behavior institutional theory, as well as the results of empirical research on

the legal consciousness of Russians and individuals' perception of the legal culture of society. The research is based on the interpretation of legal culture as a legal property of subjects of law.

The results of the research. *The mechanisms of influence of legal culture on the choice of individuals' behavioral patterns are revealed. Two models of behavior considered in the context of legal culture: legal and extra-legal. The concept of extra-legal behavior is revealed and the analysis of the degree of its social danger and complexity of revealing such behavior is conducted. Failure of individuals to know their rights and to defend them leads to conscious or unconscious committing extra-legal actions that intensify the process of marginalization of the poor and destabilizing social space.*

The prospects for this study *are the further development of means of increasing legal literacy of the population and the development of means of effective influence on their perception of legal culture. There is also a high potential for operationalizing the concept of social justice at the level of interaction between individuals and developing methods for social management of this phenomenon.*

Key words: *legal culture; social behavior; social engineering; legal consciousness; extra-legal behavior; marginalization; state regulation.*

Введение. Социальное поведение индивида зависит от множества внешних и внутренних факторов, влияющих на принятие того или иного решения, а также выбора тактики и стратегии социальных интеракций. Одним из важнейших элементов совершения социальных действий является соотнесение ожидаемого результата и социальных норм, лежащих во множестве плоскостей. Эти нормы, в свою очередь, связаны с культурой, имеющей многомерное и комплексное строение, разделяемое на различные сферы жизни общества. Правовая культура является одним из важнейших регулятивов социального поведения, так как проводит демаркационную линию между «правовым» и «внеправовым» поведением. Качественные различия правовой культуры разных стран и режимов приводят нас к пониманию того, что результаты действий, которые планируют совершать индивиды, будут интерпретированы ими по-разному, а это ведет к необходимости научного осмысления влияния правовой культуры на модели социального поведения граждан.

Методологические основы исследования. Для того чтобы понять, как правовая культура влияет на социальное поведение, необходимо определиться с наиболее релевантным подходом к его изучению. Для этого обратимся к институциональной теории, уде-

ляющей внимание рассмотрению внешних регулятивов социального поведения. Ее сущность заключается в том, что социальное поведение является следствием интерпретации социальной ситуации в определенном культурном контексте, задающим традиции, нормы социального поведения и прочие устоявшиеся паттерны социальных взаимодействий, которые индивид считает одобренными и безопасными к исполнению [7.]

Перейдем к рассмотрению правовой культуры и обратимся к интерпретации Бондарева, понимающего ее как правовое свойство субъектов права, т.е. степени их правовой развитости, правового совершенства, уровня их способностей качественно творить и эффективно использовать правовые средства для достижения своих правомерных целей, интересов и потребностей [4]. Из этого следует, что правовая культура неотделима от субъективного восприятия индивидами граней законности и социальной опасности. Иными словами, для каждого индивида понимание права будет зависеть от его правовой грамотности и приверженности к этим нормам. Таким образом, социальное поведение индивидов напрямую связано с интерпретацией социальной ситуации и соотнесением ожидаемого результата планируемых им действий с нормами и правилами, источником которых является правовая культура, являющаяся объектом субъективной интерпретации.

Результаты исследования. Российская социальная реальность характеризуется размытием множества устоявшихся ценностей и норм, что приводит к неопределенности при выборе тех или иных моделей социального поведения. Социально-экономические перемены, связанные с распадом Советского Союза и переходом к рыночной экономике, заставляют индивида переосмыслить паттерны привычного для него социального поведения и ставят перед необходимостью начать действовать по-другому. Таким образом, социально-экономическая ситуация посткризисной России ставит людей перед необходимостью преодоления состояния экзистенциальной неопределенности и переосмысления моделей социального поведения [3]. В подобном случае невозможно рассчитывать на внутренние регулятивы социального поведения, так как быстро меняющаяся социально-экономическая конъюнктура задает высокий темп общественных изменений, следовательно, заставляет индивидов быстрее адаптироваться к постоянно меняющимся условиям. В такой ситуации внутренние регулятивы уступают приоритетное место внешним. Объясняется это тем, что в устоявшемся обществе стабильность тех или иных социальных практик институционализируется, и их результаты запоминаются индивидами и становятся фундаментом для стратегического и тактического планирования своего социального поведения, однако в обществе, постоянно подвергающемся социальным изменениям, этот фундамент не выстраивается. Это, в свою очередь, выводит внешние регулятивы социального поведения на первый план, так как они нормализованы в тех или иных документах, объективны и применимы ко всем членам общества, то есть не требуют усилий по их интерпретации. Из этого следует, что в ситуации социально-экономической турбулентности именно внешние регулятивы социального поведения должны становиться точкой опоры индивида при принятии тех или иных решений. В этом контексте особо значимое место приобретает правовая культура, так как она является не только объективным разделителем на правовое и внеправовое поведение, но также объясняет индивиду, что есть «хорошо», а что «плохо».

Важной особенностью социального поведения российских граждан является низкая

институционализация их повседневных практик, уходящая корнями в Советский Союз, поставивший граждан перед необходимостью решать множество бытовых вопросов вне правового поля [5]. Социальные институты советского режима не успевали за растущими потребностями населения, и из-за этого множество вопросов решалось не институционально, а индивидуально. Исследование, проведенное аналитическим центром НАФИ, показало, что в 2019 году 42% респондентов предпочитали решать проблемы нарушения их прав путем обращения лично к тем, кто их нарушил, лишь 20% писали официальные жалобы руководству или в вышестоящие инстанции [2]. Ситуация усугубляется также тем, что 44% респондентов посчитали, что защита своих прав «ни к чему бы не привела», а 22% опрошенных сошлись на том, что попытки отстаивать свои интересы в рамках правового поля создали бы еще больше проблем. Результаты этого исследования подтверждают наше предположение о том, что современные россияне не доверяют устоявшимся социальным институтам и зачастую решают те или иные проблемы вне правового поля. Эта особенность перекочевала из советского режима и сопряжена с большим количеством социальных рисков. Они заключаются в неумении индивидов четко разделять правомерные и неправомерные действия, что объясняется их низким правосознанием. Самооценка среднестатистического жителя региона согласно социальному опросу, проведенному в Тюменской области, находится примерно на среднем уровне, что говорит о том, что он знает отдельные нормативно-правовые акты, но не умеет их применять [1]. При этом высоко оценивают свою правовую грамотность лишь 16% респондентов, низкую оценку выбрали 18% опрошенных, а 74% респондентов не знают, куда следует обращаться в случае нарушения их гражданских прав. Исходя из этих результатов, можно заключить следующее: недостаточное понимание людьми правовой культуры своей страны приводит к тому, что они осознанно или неосознанно совершают внеправовые действия. Стоит отметить, что внеправовые действия не всегда равны противоправным (общественно-опасным) и во множестве случаев не окажут серьезно-

го отрицательного влияния на общественное пространство в краткосрочной перспективе, но могут оказать отрицательное влияние на общественное сознание в долгосрочной перспективе. Таким образом, современная правовая культура России разделяет модели поведения людей на две группы:

— правомерное — общественно полезное, необходимое и желанное поведение, которое обеспечивает организованность и гармоничность общественной жизни, а также поддерживает устойчивый правопорядок;

— внеправовое — лежащее за гранью правового поля, но не воспринимаемое субъектом как правонарушение.

Как видно из вышеприведенных моделей, правомерное действие является социально-полезным и одобренным обществом — оно не несет в себе каких-либо рисков, так как является устойчивым и легко воспроизводимым множеством индивидов. Иными словами, правомерное поведение находится под влиянием того или иного социального института, следовательно, индивид подчиняется институциональным правилам игры. Внеправовое поведение синонимично «теневому» и имеет множество граней различной степени социальной опасности. Оно характеризуется тем, что индивид осознанно выбирает именно такой тип поведения, так как он может удовлетворить его потребности в наиболее полном виде, в отличие от правомерного. Принимая решение следовать внеправовому поведению, индивид соотносит желаемые результаты с социальной ситуацией и оглядывается на правовую культуру общества. Это приводит нас к следующему выводу: правовая культура имеет проблемы на двух уровнях — объективном и субъективном. Объективный уровень правовой культуры связан с умением государственных институтов поддерживать социально-желаемые модели поведения и контролировать их исполнение. Субъективный же уровень связан с интерпретацией индивидами понятий законности и правовой грамотностью населения. В случае, если индивид не знает того, какая модель поведения является правомерной, существует вероятность, что он поступит неправильно из-за собственного незнания. При этом он может выбрать внеправовое или противоправное поведение осознанно из-за того,

что не воспринимает определенные элементы правовой культуры как важные [6].

Идеальной иллюстрацией осознанного выполнения внеправовых действий является покупка россиянами пиратской (нелицензионной) продукции. Современные российские законы трактуют ее продажу и покупку как противоправную, однако в сознании россиян отсутствует исторически обоснованное уважение к правам на интеллектуальную собственность. Если добавить к этому отсутствие серьезных санкций за приобретение пиратских продуктов, то можно сделать вывод о том, что в правовой культуре имеется своеобразная лагуна, не позволяющая населению сформировать правильное понимание вопроса законности покупки этой продукции. Вышеописанный пример демонстрирует взаимосвязь объективного и субъективного уровня правовой культуры, так как власть не может обеспечить серьезный контроль социального поведения людей, а они, в свою очередь, не разделяя ценности тех или иных прав, преступают закон.

Таким образом, правовая культура современной России складывается из двух элементов: законов и нормативных актов (объективный уровень) и субъективного восприятия этих норм индивидами (субъективный уровень). Она оказывает непосредственное влияние на социальное поведение граждан и зачастую определяет, какое социальное действие совершит индивид. Социальное поведение человека устроено таким образом, что он за очень короткое время соотносит предполагаемые результаты своих действий со множеством внутренних и внешних регулятивов, оказывающих влияние на окончательный выбор той или иной тактики своих действий. Как говорилось ранее, в обществах, характеризующихся экономической неопределенностью, неуверенностью в завтрашнем дне и низкой социальной защищенностью, наиболее важное значение будут иметь именно внешние регулятивы, то есть законы, нормы и правила. Именно по этой причине низкая правовая культура может повлечь за собой маргинализацию бедных слоев населения и распространение девиантного поведения. Аналогичные риски можно найти и в экономической сфере жизни общества, так как низкая степень ответственности людей за свои

поступки способствует расширению «серой» зоны экономики.

Заключение. Резюмируя все вышесказанное, можно сказать, что российская правовая культура требует серьезной работы как на объективном, так и на субъективном уровне. Исправление ошибок на первом уровне должно быть инициировано законодателем и начинаться, как минимум, с экстенсивных мероприятий по толкованию населению важности тех или иных законов и норм. На субъективном уровне подобная работа возможна лишь с привлечением общественных организаций и прочих гражданских ресурсов, ориентированных на повышение правосознания россиян с использованием горизонтальных каналов коммуникации.

Литература

1. Акулич М. М., Питъ В. В. Правовая культура населения как фактор социальной стабильности // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2015. — №1.
2. Россияне охотнее отстаивают свои права в теории, чем на практике [Электронный ресурс] // Аналитический центр НАФИ. — Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-okhotnee-otstaivayut-svoi-prava-v-teorii-chem-na-praktike-en-russians-more-willingly-defen/>.
3. Багаутдинов Р. А. Сущность и причины неопределенности в экономике России // ВЭПС. — 2008. — №6.
4. Бондарев А. С. Правовая культура общества: проблемы понятия и структуры // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2014. — №4 (26).
5. Завалев А. В. Постсоветская аномия общества // Власть. — 2012. — №5.
6. Ковалев В. В. Социальные стереотипы как образующая основа особенностей правового сознания российского общества // Философия права. — 2008. — №3.

7. Лубский А. В., Чернобровкина Н. И. Модели социального поведения и формы социального контроля в России // Социально-гуманитарные знания. — 2017. — №7.

References

1. Akulich M. M., Pit' V. V. Pravovaja kul'tura naselenija kak faktor social'noj stabil'nosti [Legal culture of the population as a factor of social stability] // Vestnik RUDN. Serija: Sociologija [RUDN Bulletin. Series: Sociology]. — 2015. — №1.
2. Rossijane ohotnee otstaivajut svoi prava v teorii, chem na praktike [Russians are more willing to defend their rights in theory than in practice] [Elektronnyj resurs] // Analiticheskij centr NAFI [NAFI analytical center]. — URL: <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-okhotnee-otstaivayut-svoi-prava-v-teorii-chem-na-praktike-en-russians-more-willingly-defen/>.
3. Bagautdinov R. A. Sushhnost' i prichiny neopredelennosti v jekonomike Rossii [The essence and causes of uncertainty in the Russian economy] // VJePS. — 2008. — №6.
4. Bondarev A. S. Pravovaja kul'tura obshhestva: problemy ponjatija i struktury [Legal culture of a society: problems of the notion and structure] // Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki [Vestnik of Perm University. Legal science]. — 2014. — №4 (26).
5. Zavalev A. V. Postsovetskaja anomija obshhestva [Post-Soviet anomie of society] // Vlast' [Power]. — 2012. — №5.
6. Kovalev V. V. Social'nye stereotipy kak obrazujushhaja osnova osobennostej pravovogo soznanija rossijskogo obshhestva [Social stereotypes as forming the basis of the features of the legal consciousness of the Russian society] // Filosofija prava [Philosophy of law]. — 2008. — №3.
7. Lubskej A. V., Chernobrovkina N. I. Modeli social'nogo povedenija i formy social'nogo kontrolja v Rossii [Models of social behavior and forms of social control in Russia] // Social'nogumanitarnye znanija [Social and humanitarian knowledge]. — 2017. — №7.

Поступила в редакцию

15 ноября 2020 г.

Петрулевич Ирина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета.

Petrulevich Irina Anatolyevna — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42
105/42 B. Sadovaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: iapetrulevich@sfedu.ru

УДК 316+338.48

10.17213/2075-2067-2020-6-102-110

МОЛОДЕЖНЫЙ ТУРИЗМ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

© 2020 г. К. Э. Рожабова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Целью исследования является освещение дискурсивных практик, сложившихся в социологической науке относительно такого явления, как молодежный туризм с точки зрения наиболее актуальных проблем в жизни современной российской молодежи. Среди них: рост молодежной девиации, снижение социального здоровья молодежи, распространение инфантильности и апатии в молодежной среде и др.

Методологическую базу исследования представляют принципы типологического анализа, позволившего показать многообразие видов и форм молодежного туризма, а также дискурсивного подхода, использование которого определил сам ракурс исследования, связанный с осмыслением дискурсивного пространства в области молодежного туризма в российском обществе.

Результаты исследования. Молодежный туризм — важный сегмент туристической сферы общества, а сама молодежь — самый перспективный, с точки зрения реальных и будущих туристических практик, участник туристического движения в современном мире. Однако, в отличие от других стран в России молодежный туризм еще только начинает разворачиваться в масштабное туристическое движение, имея при этом достаточно впечатляющую историю своего развития в недалеком советском прошлом на основе эффективной государственной политики.

Перспективу исследования составляет вывод о необходимости развития этого кластера российского туризма, который вбирает в себя огромное разнообразие туристских практик. Особый акцент необходимо сделать на социальном молодежном туризме как реальном механизме развития индустрии молодежного туризма в целом.

Ключевые слова: молодежь; туризм; молодежный туризм; социальный туризм; спортивный туризм; социализация; социальное здоровье.

YOUTH TOURISM IN THE FOCUS OF SOCIOLOGICAL REFLECTION

© 2020 K. E. Rozhabova

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The purpose of the research is to highlight the discursive practices that have developed in sociological science regarding such a phenomenon as youth tourism from the point of view of the most pressing problems in the life of modern Russian youth. Among them: the growth of youth deviation, the decline in social health of young people, the spread of infantilism and apathy in the youth environment, etc.

Methodological basis of research are principles of typological analysis, which allowed to show the variety of types and forms of youth tourism and the discursive approach, which determined

the perspective of the research associated with the understanding of discursive space in the field of youth tourism in the Russian society.

Research result. *Youth tourism is an important segment of the tourism sector of society, and young people themselves are the most promising, in terms of real and future tourism practices, participants in the tourist movement in the modern world. However, unlike other countries, youth tourism in Russia is just beginning to develop into a large-scale tourist movement, while having a rather spectacular history of its development in the recent Soviet past on the basis of an effective state policy.*

The perspective of the research *is the conclusion about the need to develop this cluster of Russian tourism, which includes a huge variety of tourist practices. Special emphasis should be placed on social youth tourism as a real mechanism for the development of the youth tourism industry as a whole.*

Key words: *youth; tourism; youth tourism; social tourism; sports tourism; socialization; social health.*

Введение. Молодежный туризм активно развивается в современном мире, получая свое оформление по самым различным направлениям, и этому есть объяснение. Прежде всего, этот сектор туризма наиболее значим для развития экономической структуры общества, так как молодежь принимает активное участие в туристских практиках. Кроме того, туризм позволяет сохранить физическое и духовное здоровье молодежи и, следовательно, нации, что особенно актуально для российской действительности, в которой вопросы снижения социального здоровья молодежи стоят далеко не на последнем месте в ряду самых злободневных проблем [1, 2].

В данной связи внимание исследователей совершенно естественным образом все чаще привлекают вопросы теории и практики в области молодежного туризма. В этом направлении работают такие исследователи, как А.В. Васильцов, Д.В. Коноплева, Д.С. Ахатов [3], С.В. Булганина, К.В. Ананьева, Н.С. Тюмина, Ю.Г. Шутова [3], Н.С. Мартышенко [5], М.Ю. Раитина, Г.И. Илюхина, Е.М. Покровская, Т.И. Сулова, М.М. Ходкевич [6], И.Н. Насибова [7, 8], Т.А. Юдина, М.Н. Балаян [9] и другие. На уровне научного дискурса поднимаются различные вопросы: проблемы молодежного туризма, его типы и особенности развития в условиях российской действительности, влияние основных акторов на становление молодежного туризма в России, его влияние на формирование ценностных и поведенческих установок

молодежи, ее патриотическое сознание. Последнее формируется в процессе знакомства с родным краем, богатством родной природы, культурными достижениями своего народа, их многообразием в палитре различных традиций, обычаев.

Через общение с природой, погружение в ее прекрасный мир, особенно в условиях компьютеризации молодежи цифровой эпохи, значительно изменившей образ жизни современных молодых людей (и не только молодых), формируется целостная концепция личности, ее энергетическое поле в единстве с энергией и силой, которыми наполнена природа. И в этой связи совершенно справедливо говорить об огромном социализационном потенциале туризма как пространства становления личности [10] через общение с природой во всем ее многообразии и величии лесов, полей, рек, озер, горных вершин и водопадов. И, если обратиться в не столь далекое прошлое российского государства, то можно обнаружить самое пристальное внимание к молодежному туризму как средству социализации молодежи. Речь идет о советском времени, когда с самых ранних лет советские дети погружались в мир природы через различные мероприятия воспитательной и учебно-образовательной направленности в детских садах, школах, вузах. В советском государстве активно практиковались различные спортивные мероприятия с выездом на природу, субботники, движения по защите окружающего мира среди под-

ростков и молодежи. Существовала поддерживаемая государством сеть туристических клубов и организаций, в том числе и среди взрослого поколения, которое служило примером для молодежи. Активно вовлеченная в туристские практики советская молодежь таким образом осваивала социальные и культурные нормы, интегрировалась в систему социальных связей и культурных ценностей советского общества. В этом, безусловно, проявляется социализационная роль туризма, его социокультурный потенциал [11].

Важнейшим аспектом изучения молодежного туризма, конечно же, является профилактика девиантного поведения молодежи, масштабы распространения которого представляют значительный риск для социального самочувствия как молодежи, так и всего российского общества [12, 13, 14].

С этой точки зрения, молодежный туризм как предметное пространство социологической науки имеет не только и не столько теоретическую значимость, сколько значимость социальную, которая связана с поиском путей и стратегий повышения ценности туризма как социальной практики в молодежной среде. Однако этому поиску предшествует глубокий теоретический анализ такого явления, как молодежный туризм, на уровне которого рассматриваются различные типы туризма и его функции как социальной практики, привлекательной для молодежи.

Типологическое разнообразие молодежного туризма: общая характеристика. Молодежный туризм выступает важным агентом воспитания и социализации молодежи, а, следовательно, встает вопрос об использовании его социализационного потенциала, что определяет значимость анализа его типологической характеристики в условиях погруженности молодежи в медиапространство, сетевые технологии общения и познания, предполагающие активный досуг, физические практики, передвижение в реальном пространстве, знакомство с природой, от которой молодежь все больше и больше дистанцируется [15].

Немало типологий туризма сложилось в научном дискурсе. Они опираются на разные индикаторы, среди которых ученые выделяют и форму организации туризма, и цель, и источник финансирования, и возраст учас-

тников туристских групп, их число, средства передвижения и т.д. [16]. Мы не будем приводить многообразие типов и видов туризма, сложившихся в современном мире, так как не этот сюжет выступает ключевым в данной работе, но на некоторых не можем не остановиться. Так, согласно одной из типологий, выделяемой на основе стиля как принципа классификации, туризм может быть романтическим, «бродячим», семейным, дружественным, деловым и туризмом «по интересам» [16].

Интерес представляет также типология молодежного туризма, в которой выделяются нетрадиционные виды туристских практик, получающих или получивших развитие в молодежной среде. Среди них, отражающих специфические интересы молодежи, ее игровые интересы в условиях нового информационного общества, А. А. Баканова выделяет следующие [17]: dark-туризм (организованные поездки по городам-призракам с соответствующей амуницией, техническими средствами), ритуальный туризм (посещение старинных и заброшенных кладбищ, а также могил своих предков с ритуальными целями), индустриальный туризм (изучение различных инженерных сооружений, объектов, старинных сооружений производственного или хозяйственного назначения), кибер-гот-туризм (его возникновение связано с субкультурой «для людей будущего», представители которого полагают, что мир идет к своему логическому историческому апогею ввиду плохой экологии, компьютеризации жизни и человека, грядущей ядерной катастрофы).

Независимо от того, какой вид туризма определяет реализацию молодежных интересов, стремлений и потребностей, можно сказать, что молодежный туризм в его традиционных и нетрадиционных формах выступает способом и механизмом освоения культурного наследия и природного богатства мира. Он позволяет познакомиться с культурным многообразием своего отечества и окружающего мира, расширить границы познания в области природных ландшафтов, познать самого себя и интегрироваться в социум.

Особенное внимание в советском обществе уделяли спортивному туризму в его различных формах. Пеший, водный, горный, велосипедный и другие виды туризма позволяли испытать себя на прочность, расширить

познания о природе, включиться в широкий круг спортивного (туристического) сообщества. И в современной российской реальности спортивные виды туризма активно развиваются, но уже в своем большинстве на коммерческой основе, что делает его доступным не для всей молодежи.

Получают развитие такие виды туризма, которые, будучи очень близкими по своей сути, получили название сельского, деревенского, аграрного, экологического, природного, зеленого. Они основываются на изучении родного края, его природы, истории и культуры, обычаев и традиций населения.

В последнее время все чаще в фокус внимания общественности и науки попадает социальный туризм, включающий в себя «любые виды активного отдыха, расходы на которые туристу полностью или частично компенсируются из социальных средств» [18]. Социальный туризм призван интегрировать в туристские практики и социум тех, кто не имеет возможности реализовать себя в туризме за свои собственные средства. Надо сказать, что социальный туризм — известная практика в России. По сути, до 80% всего туристического сегмента СССР занимал этот вид туризма, и льготные туристические путевки, практически полностью оплаченные государством, особенное распространение получили в сфере детско-юношеского и молодежного туризма [19]. Сегодня социальный молодежный туризм как самостоятельное направление снова привлек внимание государства и по праву, ведь он позволяет сочетать возможность досуговые практики и социализацию его участников посредством «актуализации исторической памяти, расширения культурного кругозора, формирования гуманистического мышления и мировоззрения» [20].

Данные функции выполняет также такой вид туризма, как событийный туризм. Его развитие тоже актуализировалось в современную эпоху, когда общество развернулось к своей истории, к родному краю как объекту познания. Событийный туризм ориентирован на знакомство с историческими событиями и страницами своего государства, своего народа. При этом организуется возможность принять непосредственное участие в реконструируемых исторических событиях, что делает весьма привлекательным для молодежи этот

вид туризма, однако, он еще не получил широкого распространения в российском обществе.

Молодежный туризм как предметное поле социологической рефлексии: актуальные проблемы исследования в условиях российской реальности. Молодежный туризм с точки зрения общественно-значимой практики представляет немаловажный интерес для российского социума, в котором кризис социализационного механизма и институтов социализации сформировал пространство разнообразных рисков социализации молодежи. Один из них, вмещающий в себе многие другие, связан с риском взросления и, как следствие, инфантилизации молодежи, не способной осуществлять жизнедеятельность в формате, адекватном своему возрасту [21]. Наблюдается как устойчивая тенденция неспособность молодежи к самостоятельному принятию решений и их реализации, рост социальной апатии в молодежной среде, снижение жизненного тонуса и физического здоровья молодежи, что, конечно же, говорит о неблагополучии не только и даже не столько молодежи, сколько всего российского общества. Тем не менее, необходимо решать возникающие проблемы, а потому мы хотим обозначить те из них, которые могут быть решены с помощью молодежного туризма. И с этой точки зрения важно посмотреть, что думают об этом ученые, специализирующиеся в данной предметной сфере социологии.

Изучая молодежный туризм в России, исследователи обращают внимание на исторические корни его развития в нашей стране, конечно же, апеллируя, прежде всего, к советскому опыту. Именно в советское время молодежный туризм приобрел статус одного из важнейших средств массовой физической культуры и спорта, активно развиваясь по различным направлениям и, прежде всего, в рамках спортивных туристских походов (пеших, водных, горных, велосипедных и др. с привлечением необходимых элементов физической культуры и спорта) [3]. Советское правительство осознавало огромную роль туризма в формировании дружеских связей между различными народами, населявшими СССР, решая тем самым проблемы национального единства и дружбы народов, сохранения и развития культуры населяющих

СССР народов, укрепления международных связей, не забывая об экономических задачах, которые также решались за счет развития туристического кластера экономики.

В современной России туристический кластер экономики еще значительно уступает в своем развитии другим странам, но рынок туристических услуг продолжает развиваться в нашей стране по восходящей линии [22], если, конечно, не брать в расчет ситуацию пандемии коронавируса, которая затормозила этот положительный вектор развития молодежного туризма в России, как, собственно, и во всем мире.

В качестве проблемы, которая ставится учеными, анализирующими развитие молодежного туризма в России на современном этапе, обращает на себя внимание также проблема дифференциации этого вида туризма, совершенно очевидная и закономерная для социально поляризованного российского общества, но от этого не менее актуальная и рискогенная с точки зрения перспектив динамики молодежного сектора туристической сферы. И вновь вспоминается советский опыт, когда доступ к туристским услугам, к туризму как стилю жизни и способу интеграции в массовый спорт был свободным практически для всех слоев населения, а сам туризм выступал в роде некой национальной идеологии здоровья и социальной активности. В современном российском обществе ситуация складывается несколько иная. Сами туристские практики в молодежной среде на современном этапе можно рассматривать как показатель сложившихся различий между социальными слоями и группами молодежи. Некоторые туристские практики носят элитный характер. Это, в основном, практики из области спортивного туризма, отдельные виды которого весьма дорогостоящие, требуют серьезного (и, соответственно, дорогого) обмундирования, а также серьезных финансовых вложений в сами поездки, путешествия (к примеру, горнолыжный туризм). Поэтому, как пишут исследователи, стоит вопрос о социокультурной дифференциации молодежи в сфере туризма и необходимости социологической диагностики дифференциации туризма и его основных функций, мотивов, интересов и целей участия молодежи в туристской деятельности [23].

Анализ предпочтений молодежи в сфере туризма, проведенный российскими исследователями, показал, что, помимо интереса к различным видам отдыха и экскурсионным туристическим программам, российская молодежь проявляет значительный интерес к активным видам туризма спортивно-оздоровительного кластера, и среди них наиболее развитыми с точки зрения участия молодежи являются скалолазание, альпинизм, рафтинг, сплав на байдарках, ориентирование на местности, геораскопки [4]. Иными словами, территории российского государства представляют объект туристского интереса со стороны молодежи, а потому нуждаются в дальнейшем развитии и реализации своего туристского потенциала. И, действительно, сложно перечислить все регионы страны, уникальные по своему социокультурному, природному, историческому облику. Это и Дальний Восток, и Забайкалье, и Северный Кавказ, и многие другие. Развитие туристских практик посредством вовлечения в них молодежных масс позволит частично решить проблему региональной дезинтеграции, снижения уровня культуры межэтнического и межкультурного общения. Особенно актуальна данная проблема для полиэтничных регионов России, в которых тенденции социальной дезинтеграции выражены более критично. В процессе туристической деятельности выстраиваются коммуникативные связи, происходит обмен культурным и социальным опытом, формируются и закрепляются элементы и формы межэтнического общения. В эпоху информационного общества, когда значительная часть коммуникаций переместилась в виртуальное (сетевое) пространство, не обладающее таким же интегративным ресурсным потенциалом, как пространство реального общения, туристские практики приобретают особое значение, еще большее, нежели в доинформационную эпоху.

Среди российской молодежи сформировался достаточно высокий запрос на туристические услуги, но уровень вовлеченности молодежи в туристские практики, по мнению специалистов, остается пока невысоким в нашей стране, а, следовательно, потенциал молодежного туризма реализуется не полностью [6].

Выводы. Молодежный туризм представляет важнейший сегмент туристической сферы общества, а сама молодежь — самый перспективный, с точки зрения реальных и будущих туристических практик, участник туристического движения в России. Однако масштабы молодежного туризма на современный день значительно уступают зарубежным потокам туристов молодежного возраста. Причины этого связаны с факторами экономического неблагополучия большей части населения страны, в том числе и среди молодежи, а также с отсутствием эффективной политики и стратегии развития молодежного туризма в России во главе с концепцией туризма как идеологического базиса конструирования жизненных стратегий молодежи и значимой финансовой поддержкой данной концепции в рамках ее внедрения в реальной практике государственного управления. Нам могут возразить, апеллируя к принятой на уровне государства Стратегии развития туризма в России до 2035 года, в которой в том числе уделяется внимание развитию молодежного туризма [24], но мы отталкиваемся от реальных показателей и практик, которые пока не позволяют говорить о высоком качестве проведения туристских мероприятий в молодежной среде и масштабном характере развития молодежного туризма.

Литература

1. Гафиатулина Н.Х., Верещагина А.В., Самыгин С.И. Социальное здоровье российской молодежи: риски разрушения в условиях глобализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2017. — №10. — С. 26–31.
2. Гафиатулина Н.Х., Шевченко А.М., Самыгин С.И. Социальное здоровье студенческой молодежи с позиций концепции адаптации и адаптационных ресурсов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2019. — №8. — С. 30–33.
3. Васильцов А.В., Коноплева Д.В., Ахатов Д.С. Историогенез молодежного туризма в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriogenez-molodezhnogo-turizma-v-rossii>.
4. Булганина С.В., Ананьева К.В., Тюмина Н.С., ШUTOва Ю.Г. Маркетинговое исследование предпочтений молодежи в области туризма [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». — 2016. — Т.8. — №4. — Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/06EVN416.pdf>.
5. Мартышенко Н.С. Проблемы международного молодежного и студенческого туризма в Приморском крае // Новый университет. — 2011. — №10. — С. 21–23.
6. Раитина М.Ю., Илюхина Г.И., Покровская Е.М., Сулова Т.И., Ходкевич М.М. Молодежный туризм как способ культурной интеграции: региональный аспект (на примере г. Томска) // Сервис Plus. — 2019. — Т. 13. — №2. — С. 3–13.
7. Насибова И.Н. Молодежный туризм как агент формирования патриотизма в молодежной среде российского общества: социализационный потенциал и оценка его эффективности: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. — Ростов-на-Дону, 2016. — 39 с.
8. Насибова И.Н. Особенности развития молодежного туризма в России и его влияние на формирование патриотических ценностей молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — №11. — С. 302–307.
9. Юдина Т.А., Балаян М.Н. Молодежный туризм как фактор развития международного туризма на территории Краснодарского края [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/5/sociology/yudina-balanian.pdf.
10. Михалева Ю.А. Туризм как одна из форм социализации личности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://elis.psu.ru/node/387409>.
11. Степановский Е.П., Скляр А.В. Социализация в туристском пространстве // Научный вестник ЮИМ. — 2015. — №4. — С. 48–52.
12. Позднякова М.Е. Особенности девиантного поведения современной российской молодежи: на пути криминализации и десоциализации // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. — М.: Новый Хронограф, 2017. — С. 516–548.
13. На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа). Коллективная монография / Под научн. ред. М.Е. Поздняковой и Т.А. Хагуро-

ва. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т; М.: Институт социологии РАН, 2012. — 344 с.

14. Экстремальность и экстремизм в социальных практиках российской молодёжи / [В. В. Брюно и др.]; отв. ред. Т. А. Хагуров, М. Е. Позднякова. — М.: ФНИСЦ РАН, Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. — 340 с.

15. *Серебрякова О. В.* Роль семьи в процессе формирования экологической культуры российской молодежи [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2014. — №3. — Режим доступа: <http://www.online-science.ru/userfiles/file/huxiqqeidsby4z1njstzcbiedglehjw.pdf>.

16. *Чан Фьонг Май.* Классификация туризма в современном обществе // Общество: политика, экономика, право. — 2016. — №6. — С. 66–57.

17. *Баканова А. А.* Нетрадиционные виды молодежного туризма // Царскосельские чтения. — 2012. — №XVI. — С. 149–152.

18. Социальный туризм: средства, стратегия, рынки [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nb-forum.ru/useful/advice/social-tourism-sredstva-strategiya-runki>.

19. *Путрик Ю. С.* Государственное регулирование туризма как направление социальной политики в Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://theoryofculture.ru/issues/2014_01/511/.

20. *Каменец А. В.* Молодежный социальный туризм как общественная проблема [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — №2-2. — Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=22022>.

21. *Хагуров Т. А.* Девиации, социальный контроль и риски взросления в современной России [Электронный ресурс] // Вестник Института социологии. — 2013. — №7. — Режим доступа: www.vestnik.isras.ru.

22. *Коновалова Е. Е., Косарева Н. В.* Развитие молодежного туризма в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiemolodyozhnogo-turizma-v-rossii>.

23. *Гозалова М. Р., Середина М. И.* Социокультурная дифференциация молодежи в сфере туризма [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-differentsiatsiya-molodyozhiv-sfere-turizma>.

24. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. №2129-р «О Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г.» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/>.

References

1. *Gafiatulina N. H., Vereshhagina A. V., Samygin S. I.* Social'noe zdorov'e rossijskoj molodezhi: riski razrusheniya v uslovijah globalizacii [Social health of Russian youth: risks of destruction in the context of globalization] // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social Sciences]. — 2017. — №10. — Pp. 26–31.

2. *Gafiatulina N. H., Shevchenko A. M., Samygin S. I.* Social'noe zdorov'e studencheskoj molodezhi s pozicij koncepcii adaptacii i adaptacionnyh resursov [Social health of student youth from the standpoint of the concept of adaptation and adaptation resources] // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social Sciences]. — 2019. — №8. — Pp. 30–33.

3. *Vasil'cov A. V., Konopleva D. V., Ahatov D. S.* Istoriogenez molodezhnogo turizma v Rossii [Historiogenesis of youth tourism in Russia] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriogenez-molodezhnogo-turizma-v-rossii>.

4. *Bulganina S. V., Anan'eva K. V., Tjumina N. S., Shutova Ju. G.* Marketingovoe issledovanie predpochtenij molodjozhi v oblasti turizma [Marketing research of youth preferences in the field of tourism] [Elektronnyj resurs] // Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIE». — 2016. — Vol. 8. — №4. — URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/06EVN416.pdf>.

5. *Martyshenko N. S.* Problemy mezhdunarodnogo molodezhnogo i studencheskogo turizma v Primorskom krae [Problems of international youth and student tourism in Primorsky Krai] // Novyj universitet [New University]. — 2011. — №10. — Pp. 21–23.

6. *Raitina M. Ju., Iljuhina G. I., Pokrovskaja E. M., Suslova T. I., Hodkevich M. M.* Molodezhnyj turizm kak sposob kul'turnoj integracii: regional'nyj aspekt (na primere g. Tomska) [Youth tourism as a way of cultural integration: regional aspect (on the example of Tomsk)] //

Servis Plus. — 2019. — Vol. 13. — №2. — Pp. 3–13.

7. *Nasibova I.N.* Molodezhnyj turizm kak agent formirovanija patriotizma v molodezhnoj srede rossijskogo obshhestva: socializacionnyj potencial i ocenka ego jeffektivnosti [Youth tourism as an agent of patriotism formation in the youth environment of the Russian society: socialization potential and evaluation of its effectiveness. Ph. D. (Sociology) Thesis: 22.00.04]. — Rostov-on-Don, 2016. — 39 p.

8. *Nasibova I.N.* Osobennosti razvitija molodezhnogo turizma v Rossii i ego vlijanie na formirovanie patrioticheskikh cennostej molodezhi [Features of the development of youth tourism in Russia and its impact on the formation of Patriotic values of youth] // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social Sciences]. — 2015. — №11. — Pp. 302–307.

9. *Judina T.A., Balanjan M.N.* Molodezhnyj turizm kak faktor razvitija mezhdunarodnogo turizma na territorii Krasnodarskogo kraja [Youth tourism as a factor in the development of international tourism in the Krasnodar territory] [Elektronnyj resurs]. — URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/5/sociology/yudina-balanjan.pdf.

10. *Mihaleva Ju. A.* Turizm kak odna iz form socializacii lichnosti [Tourism as one of the forms of socialization of the individual] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://elis.psu.ru/node/387409>.

11. *Stepanovskij E.P., Skljarov A.V.* Socializacija v turistskom prostranstve [Socialization in the tourist space] // Nauchnyj vestnik JuIM [Scientific Bulletin of YUIM]. — 2015. — №4. — Pp. 48–52.

12. *Pozdnjakova M.E.* Osobennosti deviantnogo povedenija sovremennoj rossijskoj molodezhi: na puti kriminalizacii i desocializacii [Features of deviant behavior of modern Russian youth: on the way of criminalization and desocialization] // Rossija reformirujushhajasja: ezhegodnik: vyp. 15 / In M.K. Gorshkov (eds.). — Moscow: Novyj Hronograf, 2017. — Pp. 516–548.

13. Na puti k prestupleniju: deviantnoe povedenie podrostkov i riski vzroslenija v sovremennoj Rossii (opyt sociologicheskogo analiza). Kollektivnaja monografija [On the way to crime: deviant behavior of teenagers and risks

of growing up in modern Russia (experience of sociological analysis). Collective monograph] / In M.E. Pozdnjakova, T.A. Hagurov (eds.). — Krasnodar: Kubanskij gos. un-t; Moscow: Institut sociologii RAN, 2012. — 344 p.

14. Jekstremal'nost' i jekstremizm v social'nyh praktikah rossijskoj molodjozhi [Extremality and extremism in social practices of Russian youth] / [V. V. Brjuno et al.]. In T.A. Hagurov, M.E. Pozdnjakova (eds.). — Moscow: FNISC RAN, Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2017. — 340 p.

15. *Serebrjakova O.V.* Rol' sem'i v processe formirovanija jekologicheskoy kul'tury rossijskoj molodezhi [The role of the family in the process of forming the ecological culture of Russian youth] [Elektronnyj resurs] // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]. — 2014. — №3. — URL: <http://www.online-science.ru/userfiles/file/hyxiqqeidbsy4z1njjstzcbiedglehjw.pdf>.

16. *Chan Fyong Maj.* Klassifikacija turizma v sovremennom obshhestve [Classification of tourism in modern society] // Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo [Society: politics, economics, law]. — 2016. — №6. — Pp. 66–57.

17. *Bakanova A.A.* Netradicionnye vidy molodezhnogo turizma [Non-traditional types of youth tourism] // Carskosel'skie chtenija [Tarskoye Selo readings]. — 2012. — №XVI. — Pp. 149–152.

18. Social'nyj turizm: sredstva, strategija, rynki [Social tourism: means, strategy, markets] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://nb-forum.ru/useful/advice/sosial-tourism-sredstva-strategiya-runki>.

19. *Putrik Ju. S.* Gosudarstvennoe regulirovanie turizma kak napravlenie social'noj politiki v Rossijskoj Federacii [State regulation of tourism as a direction of social policy in the Russian Federation] [Elektronnyj resurs]. — URL: http://theoryofculture.ru/issues/2014_01/511/.

20. *Kamenec A.V.* Molodezhnyj social'nyj turizm kak obshhestvennaja problema [Youth social tourism as a public problem] [Elektronnyj resurs] // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija [Modern problems of science and education]. — 2015. — №2-2. — URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=22022>.

21. *Hagurov T.A.* Deviacii, social'nyj kontrol' i riski vzroslenija v sovremennoj Rossii

[Deviations, social control and risks of growing up in modern Russia] [Jelektronnyj resurs]// Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of sociology]. — 2013. — №7. — URL: www.vestnik.isras.ru.

22. *Konovalova E. E., Kosareva N. V.* Razvitie molodezhnogo turizma v Rossii [Development of youth tourism in Russia] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-molodyozhnogo-turizma-v-rossii>.

23. *Gozalova M. R., Seredina M. I.* Socio-kul'turnaja differenciacija molodezhi v sfere turizma [Socio-cultural differentiation of youth

in the field of tourism] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-differentsiatsiya-molodyozhi-v-sfere-turizma>.

24. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 20 sentjabrja 2019 g. №2129-r «O Strategii razvitiya turizma v RF na period do 2035 g.» [Decree of the Government of the Russian Federation of September 20, 2019 №2129-r «On the strategy of tourism development in the Russian Federation for the period up to 2035»] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/>.

Поступила в редакцию

15 октября 2020 г.

Рожабова Камета Эльдархановна — аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Rozhabova Kameta Eldarkhanovna — Graduate Student, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346528, Novochoerkassk, Russia
E-mail: rozhabova77@mail.ru

УДК 316

10.17213/2075-2067-2020-6-111-119

**СИСТЕМА ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ ГЛАЗАМИ ЭКСПЕРТОВ:
АНАЛИЗ АВТОРСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

© 2020 г. Т. К. Ростовская*, М. П. Писклакова-Паркер**, Н. А. Безвербная*

**Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва, Россия*

***Институт социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва, Россия*

Цель настоящего исследования — изучение существующей системы профилактики и реагирования на проблему семейного насилия на региональном уровне.

Методология исследования. Авторы статьи исходили из тезиса о том, что методы качественных исследований, такие как фокус-группы и глубинные интервью, могут быть очень полезны при формировании полной картины понимания феномена семейного насилия, а также для планирования дальнейших программ профилактики распространения насилия во всех формах.

Результаты исследования. На основе проведенного экспертного опроса специалистов, профессиональная деятельность которых связана с проблемой семейного насилия, авторами дана оценка эффективности мер профилактики семейного насилия в субъектах Российской Федерации. Гайд интервью включал несколько блоков, состоящих из оценки текущего состояния проблемы домашнего насилия на региональном уровне; роста насилия во время ограничительных мер, связанных с пандемией COVID-19; оценки общего состояния системы профилактики семейного насилия и в России, и в регионе, в котором работает эксперт, с точки зрения эффективности, а также важные для исследования кейсы.

Ключевые слова: семейное насилие; система профилактики и реагирования; межведомственное взаимодействие; экспертный опрос; НКО; внутренняя статистика.

**FAMILY VIOLENCE PREVENTION SYSTEM THROUGH THE EYES OF EXPERTS:
ANALYSIS OF THE AUTHOR'S SOCIOLOGICAL RESEARCH**

© 2020 Т. К. Rostovskaya*, M. P. Pisklakova-Parker**, N. A. Bezverbnaya*

**Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

***Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

The purpose of this research is to study the existing system of prevention and response to the problem of family violence at the regional level.

Methodological basis of research. The authors of the article proceeded from the thesis that qualitative research methods such as focus groups and in-depth interviews can be very useful in

forming a complete picture of understanding the phenomenon of family violence, as well as for planning further programs to prevent the spread of violence in all forms.

Research result. *Based on an expert survey of specialists whose professional activities are related to the problem of family violence, the authors assess the effectiveness of measures to prevent family and domestic violence in the subjects of the Russian Federation. The interview guide included several blocks consisting of assessment of the current state of the problem of domestic violence at the regional level; increase in violence during the restrictive measures related to the COVID-19 pandemic; assessment of the overall state of the system of prevention of family violence in Russia and in the region where the expert works, in terms of effectiveness, as well as important research cases.*

Key words: *domestic violence; prevention and response system; interagency interaction; NGO's; statistical data.*

Введение. В течение первой четверти XXI века насилие между близкими людьми и членами семьи превратилось из частной проблемы в социальную, которая неизбежно привлекает все большее профессиональное, общественное и политическое внимание. Насилие в семье широко распространено, происходит в разных обществах, культурах и в разное историческое время, не ограничено одной социальной, экономической или демографической группой. Домашнее насилие приводит к социальным, эмоциональным, экономическим и социальным издержкам на микро-, макро-, мезо- и мегауровнях. Кроме того, данная тема актуализировала споры между исследователями, практиками и политиками о том, как лучше всего концептуализировать и реагировать на проблему насилия в семье.

В течение последних нескольких лет все большее внимание уделяется превентивным мерам в борьбе с разными видами насилия. В Соединенных Штатах федеральные агентства предприняли значительные усилия для определения эффективных стратегий профилактики, а реализация программ профилактики насилия была включена в национальные цели (USDHHS, 2000). В докладе Всемирной организации здравоохранения от 2002 г. о насилии и борьбе с ним (Круг, Дальберг, Мерси, Цви & Lozano, 2002) странам рекомендована разработка, внедрение и мониторинг национального плана по предотвращению насилия. Часть рекомендаций призывала к актуализации усилий по первичной профилактике и увеличению сотрудничества и международного обмена информацией о предотвращении

насилия. Исследование мер по профилактике насилия получает все большее распространение в научном сообществе, что отражается в растущем количестве литературы по оценке эффективности различных подходов к профилактике [1].

Определение целей — один из первых шагов в развитии профилактической программы. Цели профилактической программы могут включать в себя сокращение масштабов определенного вида насилия, предотвращение проблемных форм поведения, усилия по развитию позитивных изменений на микроуровне. Профилактические программы должны также уделять пристальное внимание вопросам, связанным с культурным контекстом. Индивиды находятся под влиянием множества сил, которые включают в себя историческое время и пережитый опыт, их внутренний мир с эмоциональными и психологическими особенностями, взаимодействие с семьей, коллегами, сверстниками, школой и другими малыми группами. Профилактические программы будут успешными в том случае, если они разработаны с учетом контекста, региональной специфики и ряда других взаимосвязанных факторов. Кроме того, развитие научного направления о предупреждении насильственного поведения и разработке, а также внедрении эффективных профилактических мер требуют учета гендерных различий, определенных культурных различий и установок.

Литературный обзор. Среди современных методов исследования и практического

применения социологии в построении систем профилактики социальных проблем и реагирования на них привлекает внимание прикладная (клиническая) социология, которая предоставляет инструментарий реагирования на основе качественных методов, позволяющих не только углубленно изучать такие сложные социальные явления, как насилие в семье, но и производить промежуточные оценки достигаемых результатов.

Термин «клиническая социология» определен Дж. Бруном и Х. Ребах как «формирование активной интервенции, глубоко основанной на взглядах, теории и методах социологии как науки» [3, с. 7]. М. Холл добавила к этому, что прикладная социология «...обеспечивает широкую содержательную и концептуальную базу для работы на разных уровнях, ... которые ранжируются от влияния на отдельные личности до формирования системных изменений в местных сообществах» [4, с. 70]. Как указывает Джон Брун, термин «клиническая социология» существовал с 1930-х годов и упоминался в отдельных статьях и трудах (МакДонаг, Ли, Гулднер, Ленард и Бернштейн, Дунхам). Клиническая социология как отрасль обязана своим развитием Альфреду МакКлангу Ли, Жану Фритц и Элизабет Кларк, создавшим Ассоциацию клинических социологов и ежегодный журнал «Обзор по клинической социологии» (Clinical sociology review).

Сочетание исследований и практического применения инструментов социологии особенно востребовано в период возрастания неопределенности и кризисных процессов. Гарольд Кокс рассматривал применение инструментария социологии для позитивных изменений и развития в распознавании социальных проблем современного общества и формировании программ интервенции и профилактики [цит. по 5]. К системному прикладному использованию социологии пришли представители Чикагской школы в начале 90-х гг. XX в., когда стали рассматривать свой город и проблемы в нем как «лабораторию» для развития и тестирования социологических знаний.

На современном этапе развития социологического знания важно иметь не только инструмент исследования кризисных состояний и процессов развития современных обществ,

но также согласованные с ним инструменты для осуществления процедуры оздоровления социальных структур, их реабилитации и «лечения». Такой процедуре должны подвергаться все структурные образования во фракталах всех иерархических уровней, в которых фрактально распространяются деструктивные форматы поведения.

В теории Бронфенбреннера «психологическая экология» человек рассматривается как «совокупность иерархических подсистем, как микросистема семьи, детского сада, школы и т.п., мезосистема локальной среды общения и проживания, экзосистема крупных социальных организаций, не оказывающая непосредственного влияния на развитие ребенка, и макросистема, формируемая совокупностью социоэкономических факторов, национальных обычаев и культурных ценностей (иерархическая система экологических подсистем часто изображается в виде четырех концентрических кругов)» [6]. Поскольку насилие имеет различные причинные факторы и для эффективного реагирования необходимо учитывать все уровни среды существования как пострадавших, так и обидчиков, то к его анализу также необходимо подходить одновременно на нескольких уровнях. Таким образом, при работе со случаями насилия в семье требуется анализ на уровне личности и отдельной семьи (микро-), а также на макроуровне — местного сообщества (работа, друзья, система реагирования на местном уровне), то есть организационном, социальном, институциональном и затем на мегауровне — всего общества. Каждый из уровней требует рассмотрения различных проблем для оценки ситуации и планирования систем интервенции и реагирования.

Методология исследования. Авторское межрегиональное социологическое исследование было проведено с июня по август 2020 года (в виде 20 глубинных интервью) с руководителями НКО и кризисных центров, практикующими юристами, координаторами Центра защиты пострадавших от домашнего насилия в девяти субъектах РФ, таких как Приморский край, Новосибирская область, Красноярский край, Томская, Иркутская, Ростовская, Калининградская, Ленинградская и Московская области.

Гайд интервью включал следующие разделы и примерные вопросы.

(1) Расскажите о своей организации и деятельности в ней: как и когда она создавалась, основные цели и направления деятельности, опыт работы в ней.

(2) На ваш взгляд, в чем причины отсутствия официальной статистики пострадавших от семейного насилия? По вашему мнению, чем опасно отсутствие официальной статистики по данной проблеме? Расскажите, пожалуйста, о данной проблеме в Вашем регионе? Как часто обращаются, половозрастная структура пострадавших, виды насилия, с которыми сталкиваются? Работаете ли Вы с авторами семейного насилия? Обращаются ли мужчины? Если да, то с какими проблемами они сталкиваются? Одна из самых незащищенных групп населения — пожилые люди. Известны ли Вам случаи обращения пожилых людей в убежища/общественные организации и проч.? Можете ли назвать основные причины насильственных действий в семьях после общения/помощи пострадавшим?

(3) Замечен ли рост семейного насилия во время режима самоизоляции? Какие еще факторы, кроме замкнутого пространства, повлияли на рост семейного насилия во время самоизоляции?

(4) Как Вы понимаете систему профилактики семейного насилия? Чем в реалиях профилактики отличается от системы реагирования? Какие инструменты профилактики семейного насилия доступны в Вашем регионе? Оцените общее состояние системы профилактики семейного насилия и в России, и в регионе, в котором Вы работаете, с точки зрения эффективности. Помогает ли государство в области профилактики семейного насилия? Какую поддержку получает организация и в каких видах помощи и поддержки нуждается организация? Есть ли, на ваш взгляд, необходимость в принятии Закона о преодолении семейного насилия?

Какие рекомендации Вы можете дать по ряду направлений:

— преодоление проблемы семейного насилия на региональном и федеральном уровне;

— как должна работать система профилактики и система реагирования;

— роль государства и роль гражданского общества в преодолении данной проблемы.

Ответы экспертов были записаны на диктофон и впоследствии расшифрованы.

Результаты и обсуждение. Проведенное качественное социологическое исследование позволило выявить основные профилактические направления по уменьшению масштабов проблемы семейного насилия, а также обратить внимание на необходимость своевременного реагирования и оказания помощи пострадавшим от семейного насилия. Последнее подразделяется на экстренную (предоставление места временного проживания — убежища) и неэкстренную помощь (консультация по телефону с психологами кризисного центра, очные консультации со специалистами) в зависимости от состояния человека, подвергшегося насилию в семейных отношениях. На систематизацию профилактических мер влияет разрыв между мега- и макроуровнем: все без исключения эксперты высказали мнение о необходимости принятия мер, которые законодательно должны регламентировать ответственность за применение разных форм насилия в семье; также эксперты ссылались на межведомственное взаимодействие как один из важных путей профилактики семейного насилия, но последнее возможно на мезоуровне и не во всех регионах.

В результате проведенного исследования было отмечено несколько тенденций относительно проблемы семейного насилия, одна из которых связана с обращениями мужчин за консультационной помощью (как пострадавших от психологического насилия в семье, как авторов насильственных действий и как людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации), например: *«Недавно был звонок от мужчины: “Тут такое дело, от меня жена ушла, но давайте начнем с того, что я ничего не делал”»*. Комментарий эксперта: *«Он думает, если не поднимал на нее руку, то значит, никакого насилия в отношении нее он не совершал, но бывает и психологическое насилие — это может быть унижение, запреты на встречи с родными и близкими»*.

Отдельный блок интервью был посвящен проблеме домашнего насилия во время ограничительных мер, связанных с пандемией COVID-19. С одной стороны, официальная статистика демонстрировала снижение

обращений граждан в правоохранительные органы, но это объяснимо режимом самоизоляции и рисками получить штраф при обращении в правоохранительные органы. С другой стороны, некоммерческие организации и правозащитники в СМИ не раз говорили о всплеске домашнего насилия из-за ряда факторов: потери работы, длительного нахождения в замкнутом пространстве в небольших квартирах, пролонгированных конфликтов в семье и т.д. Приведем мнение одного из экспертов по данному вопросу: *«Мы анализировали обращения в учреждение в период ограничительных мероприятий, еженедельно делали срезы и сравнивали их с аналогичными периодами прошлого года, позапрошлого, даже трехлетний период рассматривали, но не заметили резкого всплеска домашнего насилия, но когда у нас была пресс-конференция в Итар-Тасс и с нами вместе присутствовала партнерская организация “Врачи — детям”, у которых работает детский телефон доверия, они сказали: можно сделать вывод о росте насилия в семье за счет детских обращений, когда дети говорят нам о том, что они уже не могут видеть происходящее в семье»* (эксперт, жен. 57 лет, директор кризисного центра г. Санкт-Петербурга, опыт работы более 20 лет).

Согласно информации, предоставленной консорциумом женских неправительственных ассоциаций, в период с марта по май 2020 года было подано в общей сложности 353 жалобы: 104 — в марте, 111 — в апреле и 138 — в мае. Примечательно также, что количество обращений за помощью в Центральном федеральном округе, включая г. Москву, в мае удвоилось по сравнению со среднемесячными запросами.

С введением запретительных мер все большее число звонков поступало на Общероссийскую горячую линию для женщин, переживающих насилие в семье. Общее количество звонков за период с марта по май 2020 года составило 8682. После введения ограничительных мер в марте центр зарегистрировал 2437 звонков. В апреле общее число звонков составило 2682. В мае количество звонков увеличилось до 3563. 69,5% женщин, обратившихся на горячую линию, отметили, что в период изоляции ситуация дома ухудшилась. Кроме того, 3,8% женщин

заявили, что впервые случаи насилия в их домах имели место в период изоляции. Проект «ТыНеОдна» сообщил о 1352 запросах об оказании помощи в апреле 2020 года и 2038 запросах в мае, при этом среднемесячное число запросов составляло около 500–700.

На Северном Кавказе две партнерские организации сообщили о резком увеличении числа просьб об оказании помощи в апреле и мае 2020 года. В апреле и мае 2020 года число просьб об оказании правовой помощи в ситуациях бытового насилия возросло на 100%, а число жалоб на сексуальное насилие, например, изнасилование в браке, увеличилось. Во всех случаях клиенты страдали от хронического бытового насилия, которое продолжалось много лет, но которое усилилось в период карантина.

По данным Псковского независимого социального женского центра, в апреле-мае 2020 года было в пять раз больше обращений за помощью, чем в январе-марте 2020 года. Более того, звонки на горячую линию Пскова с апреля по май 2020 года выросли на 200% по сравнению с январем-мартом 2020 года. В апреле и мае центр оказал помощь 94 женщинам и детям различными способами: 3 проживали в приюте, 15 консультировались по «горячей линии», 18 получали юридические консультации, 27 — психологические консультации, 31 — материальную помощь (продовольствие).

Основная тематика звонков на телефоны доверия включает в себя проблемы насилия в семье (психологическое, физическое, экономическое, сексуальное), проблемы воспитания детей, детско-родительские конфликты, сложные отношения между детьми, суицид (суицидальные мысли, суицидальные намерения, принятое решение, текущий суицид, состояние после суицидальной попытки, самоповреждение, суицид у кого-то из близких и др.).

Эксперты подтвердили тезис о том, что чаще всего от жестокого обращения в семье страдают женщины, затем дети и члены семьи старше 60 лет. По ряду причин пожилые люди — самая латентная группа, в которой существует эта проблема: люди старшего возраста сами практически никогда не обращаются за помощью, особенно, если они взаимодействуют только с социальными работниками, иногда обращение невозможно из-за

маломобильности и плохого состояния здоровья в целом. Также эксперты отмечают, что нередко случаи очень сложных детско-родительских отношений, которые стали катализатором к физическому и психологическому насилию по отношению к пожилым родителям: «...некоторым не давали возможности самореализоваться, были случаи, когда родители совершали в отношении своих детей насилие и бросали их, не уделяли должного внимания, часто их обвиняли в том, что они говорили неправду, например, когда девочки жаловались матери, что были попытки их склонения к определенным отношениям со стороны или отца, или друга матери, и как родители поступали по отношению к своим детям...».

Отдельное внимание эксперты уделяют статистике, точнее, отсутствию официальных данных, более того, нередко случаи, когда силовые ведомства и структуры вынуждены обращаться к некоммерческим организациям за внутренней статистикой, потому что декриминализация ст. 116 УК РФ неизбежно привела к отсутствию официальных данных о количестве пострадавших. В отсутствии данных достаточно легко апеллировать мнением о том, что проблемы домашнего насилия не существует. «Статистика не должна утаивать от граждан; это противоречит правам человека, когда люди не знают статистики. Надо сначала узнать масштаб проблемы с тем, чтобы потом бороться с ней и предупреждать, отсутствие статистики мешает это делать» (эксперт, правозащитник, муж., опыт работы более 20 лет).

Все эксперты отрицательно относятся к декриминализации домашнего насилия, тем не менее, признавая, что возможно вернуть статью в Уголовный кодекс, ссылаясь на ряд precedентов (статья 129 УК РФ (клевета) появилась в первоначальной редакции российского УК еще в 1996 году. В этой статье было лишь три состава: собственно клевета, публичная клевета и клевета с обвинением в тяжком или особо тяжком преступлении. По первой части обвиняемому грозил штраф, обязательные либо исправительные работы; по второй — эти же наказания или арест на срок до полугода; по третьей — ограничение свободы, арест либо лишение свободы на срок до трех лет. В декабре 2011 года

клевету декриминализировали, переведя в разряд административных правонарушений, но уже примерно через восемь месяцев — в июле 2012-го — статью отредактировали и вернули в Уголовный кодекс: теперь ни один из составов клеветы не предполагает лишения свободы или ареста).

Вышеобозначенное, безусловно, подтверждает всю сложность и многогранность, системность и цикличность проблемы домашнего насилия. На наш взгляд, уменьшение масштабов домашнего насилия лежит в плоскости профилактики и реагирования. Основная проблема, по мнению экспертов, в том, что профилактика в РФ не носит системный характер, кроме того, очень мешают стереотипы, связанные с мнением о вмешательстве в личную жизнь отдельно взятой семьи.

Основные проблемы, мешающие выстраиванию общенациональной системы профилактики противодействия семейного насилия:

1) отсутствие кадрового потенциала («Во многом не хватает профессионалов. Не только сотрудники полиции, но и сотрудники образовательных учреждений только пишут отчеты, планы, то есть сидят люди, которые считают, что очень важно написать (отчет), отчитаться и зачастую это отчет ради отчета. Эту проблему надо решать кардинально» (эксперт, правозащитник, муж., опыт работы более 20 лет));

2) отсутствие закона о профилактике домашнего насилия («Я часто слышу: “Что вам этот закон дался? Есть Уголовный кодекс, есть Административный кодекс, работайте!”; но закон говорит о системности, закон говорит о том, что есть возможность ей (пострадавшей от домашнего насилия) отстраниться от него (агрессора), есть возможность получить психологическую поддержку, только после этого все юридические меры эффективны, без закона эти меры неэффективны» (эксперт, практикующий юрист, жен., стаж работы более 12 лет)).

3) предвзятое отношение со стороны исполнительной власти («Для полицейских есть установка, что правозащитник — враг» (эксперт, практикующий юрист, муж., стаж работы более 15 лет));

4) отсутствие доверия к исполнительной и судебной власти («Доверия к власти край-

не мало» (эксперт, руководитель НКО, жен., стаж работы более 10 лет)).

Исходя из вышеобозначенного, считаем необходимым создание скоординированной многоуровневой системы профилактики противодействия и регулирования насилия в семье. Особенностью данной системы является комплексное использование методов и моделей профилактики и преодоления семейного насилия, применяемых как на всех ее уровнях, так и адекватных каждому из них в отдельности. К первым относятся мониторинг эффективности существующей системы реагирования и просветительские кампании для разных целевых групп в зависимости от уровня проведения кампании. Микроуровень предполагает телефонное консультирование, оказание помощи в кризисном центре, социальный патронаж, помощь-консультирование, предоставление убежища пострадавшим, коррекционную работу с обидчиками. На макроуровне необходимо формирование межведомственного взаимодействия государственных структур, функционально связанных с данной проблемой и межсекторальное взаимодействие этих структур, общественных организаций и средств массовой информации [2]. На мегауровне формируются законодательные рамки системы реагирования и государственная политика в отношении проблемы семейного насилия.

Исходя из того, что основа нашего социологического исследования — экспертное интервью, в заключение приведем цитату из интервью с правозащитником, которая очевидно иллюстрирует необходимость межведомственного взаимодействия и взаимного доверия к профессионалам, работающим в системе реагирования на проблему домашнего насилия: «...Закон должны принимать люди, которые разбираются в той или иной проблематике» (эксперт, правозащитник, муж., опыт работы более 20 лет).

Литература

1. *Flannery D. J., Vazsonyi A. T. & Waldman I. D.* The Cambridge handbook of violent behavior and aggression. Cambridge University Press, NY [Electronic resource]. — URL: www.cambridge.org/core/books/cambridge-handbook-of-violent-behavior-and-aggression/

BF29202C60771743ED6E3BC6F9360D2A (Date accessed: 04.09.2020).

2. *Писклакова-Паркер М. П.* Насилие в семье: система профилактики, преодоления и регулирования: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Писклакова-Паркер Марина Петровна [Место защиты: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ]. — Москва, 2014. — 25 с.

3. *Bruhn J. G., Howard R.* Sociological Practice: Intervention and Social Change. — Springer Science and Business Media, LLC, 2007. — 254 p.

4. *Hall C. M.* Identity Empowerment Through Clinical Sociology // *Clinical Sociology Review* [Electronic resource]. — 1990. — Vol. 8. — Iss. 1, Article 7. — URL: <http://digital-commons.wayne.edu/csr/vol8/iss1/7>.

5. Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / Сост. И. Г. Ясавеев. — Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. — 276 с.

6. *Bronfenbrenner U.* The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design. — 1979. — Cambridge, MA: Harvard University Press.

References

1. *Flannery D. J., Vazsonyi A. T. & Waldman I. D.* The Cambridge handbook of violent behavior and aggression. Cambridge University Press, NY [Electronic resource]. — URL: www.cambridge.org/core/books/cambridge-handbook-of-violent-behavior-and-aggression/ BF29202C60771743ED6E3BC6F9360D2A (Date accessed: 04.09.2020).

2. *Pisklakova-Parker M. P.* Nasilie v sem'e: sistema profilaktiki, preodolenija i regulirovanija: sociologicheskij analiz [Violence in the family: the system of prevention, overcoming and regulation: a sociological analysis. Ph. D. (Sociology) Thesis: 22.00.04] / Pisklakova-Parker Marina Petrovna [Mesto zashhity: Ros. akad. nar. hoz-va i gos. sluzhby pri Prezidente RF] [Place of protection: Russian Academy of public administration and state services under the President of the Russian Federation]. — Moscow, 2014. — 25 p.

3. *Bruhn J. G., Howard R.* Sociological Practice: Intervention and Social Change. — Springer Science and Business Media, LLC, 2007. — 254 p.

4. *Hall C.M.* Identity Empowerment Through Clinical Sociology // *Clinical Sociology Review* [Electronic resource]. — 1990. — Vol. 8. — Iss. 1, Article 7. — URL: <http://digital-commons.wayne.edu/csr/vol8/iss1/7>.

5. Social'nye problemy: konstrukcionist-skoe prochtenie [Social problems: construction-

ist reading] / I.G. Jasaveev. — Kazan': Izd-vo Kazansk. un-ta, 2007. — 276 p.

6. *Bronfenbrenner U.* The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design. — 1979. — Cambridge, MA: Harvard University Press.

Поступила в редакцию

16 ноября 2020 г.

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Rostovskaya Tamara Kerimovna — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for research, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
6 Fotievoj st., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Писклакова-Паркер Марина Петровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Pisklakova-Parker Marina Petrovna — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

117218, г. Москва, Нахимовский пр., 32
32 Nakhimovsky av., 117218, Moscow, Russia
E-mail: marinapparker@gmail.com

Безвербная Наталья Александровна — младший научный сотрудник, соискатель Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Bezverbnaya Natal'ya Aleksandrovna — Junior Researcher, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
6 Fotievoj st., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: bezvad@mail.ru;

УДК 316

10.17213/2075-2067-2020-6-120-126

ТРАНСФОРМАЦИЯ РИТУАЛОВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ

© 2020 г. А. А. Синютин

*Общероссийская общественная организация
«Федерация свадебных специалистов России», г. Москва, Россия*

Целью исследования является обоснование влияния современных информационных технологий на изменения в ритуальных практиках в ходе осуществления церемониально-ритуальных действий, в частности, на интерпретацию смысла бракосочетания в современной массовой культуре.

Методологическую базу исследования составляют социологическая теория моностилистической и полистилистической культуры Л. Г. Ионина, теория интерактивного ритуала И. Гоффмана, идеи известных мыслителей современности У. Эко, Ю. Хабермаса, необходимые для осмысления рассматриваемой проблематики. Исследование также базируется на исследованиях ритуала российского ученого А. К. Байбурина, а также на ряде современных работ российских ученых, рассматривающих трансформацию ритуалов в контексте развития интернет-технологий.

Результаты исследования. Переход к полистилизму в производстве культурных форм, демонополизация сферы творчества культурных норм, расширение технических условий для культурного творчества граждан независимо от уровня их культурной компетенции, активное включение в эту деятельность широкого слоя пользователей сети Интернет — все эти условия приводят к выхолащиванию сакрального ядра культурных ритуалов. В разрушении ритуалов такого рода активно участвуют большей частью представители молодых поколений — пользователи сети Интернет, но при этом ритуал сохраняется как внешняя форма повседневной деятельности — как церемониала или как стереотипной формы поведения в конкретных ситуациях.

Перспективу исследования составляет дальнейший социологический анализ трансформации ритуалов в современном информационном обществе.

Ключевые слова: ритуал; полистилистическая культура; трансформации; интернет-технологии; свадьба.

TRANSFORMATION OF RITUALS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF INTERNET TECHNOLOGIES

© 2020 А. А. Sinyutin

*All-Russian public organization «Federation of wedding specialists of Russia»,
Moscow, Russia*

The purpose of the research is to substantiate the influence of modern information technologies on changes in ritual practices during the implementation of ceremonial and ritual actions, in particular, on the interpretation of the meaning of marriage in modern mass culture.

The methodological basis of the research is the sociological theory of monostylistic and polystylistic culture by L. G. Ionin, the theory of interactive ritual by I. Hoffman, and the ideas of famous thinkers of our time U. Eco, Y. Habermas, necessary for understanding the issues under consideration. The research is also based on the research of ritual by the Russian scientist A. K. Baiburin, as well as on a number of modern works of Russian scientists who consider the transformation of rituals in the context of the development of Internet technologies.

Research result. The transition to polystylism in the production of cultural forms, the demonopolization of the sphere of creativity of cultural norms, the expansion of technical conditions for cultural creativity of citizens regardless of their level of cultural competence, the active inclusion of a wide layer of Internet users in this activity — all these conditions lead to the emasculation of the sacred core of cultural rituals. Most of the younger generations — Internet users — are actively involved in the destruction of rituals of this kind. But at the same time, the ritual is preserved as an external form of everyday activity — as a ceremonial or as a stereotypical form of behavior in specific situations.

The perspective of the research is a further sociological analysis of the transformation of rituals in the modern information society.

Key words: ritual; polystylistic culture; transformations; Internet technologies; wedding.

Введение. В ритуалах и обычаях зафиксирована практическая необходимость в тех или иных нормах поведения и деятельности, поскольку они представляют собой стандартизацию действий в различных социальных событиях, укорененных в жизни общества, где посредством ритуалов воспроизводится нормативная культура в повседневной жизни новых поколений. Эти стандарты имеют символично-ценностное содержание, демонстрация которых в действиях индивидов свидетельствует о его/ее приверженности одобряемым культурным нормам. Отказ от тех или иных элементов ритуала как нормативного культурного образца или наполнение ритуальных форм другим содержанием приводят к изменению повседневных форм поведения, поэтому изучение изменений в ритуалах и обычаях, проявляющихся в повседневной жизни людей, «проливает свет на деятельность более крупных социальных систем и институтов» [1, с. 96].

Одной из форм проявления изменений в культурно-нормативной системе является смещение ценностно-смыслового компонента в общепринятых ритуалах, что проявляется в коммуникативной сфере и осознается участниками ритуальных действий. Рассмотрение культуры как мира интересубъективных взаимодействий, которые определяются ори-

ентированностью контактирующих субъектов друг на друга, выработку и согласование общих смыслов, определяет также интерпретацию факта изменений в ритуалах: субъекты согласованно меняют смысл своих действий. Наиболее ярко трансформация культуры проявляется в изменении ритуалов, имеющих сакральный смысл (в дюркгеймовской трактовке этого понятия), связанный с коллективной идентичностью.

Трансформации, произошедшие в российском обществе на протяжении последних десятилетий, совпали с периодом бурного развития современных коммуникативных технологий в мире, что повлияло не только на инновационные способы производства, но и на изменение большинства культурных форм, в которые стали вовлекаться различные слои населения.

Ведущие методологические подходы изучения трансформации ритуалов в контексте развития интернет-технологий. Развитие интернет-технологий и формирование компетенций в этой сфере на массовом уровне определили институциональные условия для реализации основных принципов полистилистичной культуры, которые Л. Г. Ионин видел в следующем:

— детотализация;

- включение;
- ателеологичность [1].

Данные характеристики полистилистической культуры привели к тому, что в условиях бурного развития интернет-технологий расширилось публичное пространство благодаря вовлечению в него огромного количества людей. Согласно известному мыслителю современности Ю. Хабермасу Интернет выступил своеобразным заместителем ранее популярных площадок публичного пространства (городские парки, кафе, дома культуры и т. д.), где происходили различные мероприятия, связанные не только с проведением приятного досуга, но и велись дискуссии по актуальным социальным проблемам. В настоящее время данные функции большей частью переместились в онлайн-форумы и социальные сети, объединяющие индивидов в соответствии с интересами и позволяющие использовать их в любое время суток [2].

Следует отметить, что развитие интернет-технологий к настоящему времени прошло ряд этапов своего развития. Если на первом этапе развития это был лишь поисковый сервер (Web 1), то уже на втором этапе появляется возможность для креативной деятельности, пользователи смогли создавать свой собственный контент (Web 2). Именно на данном этапе развития начинает формироваться публичное пространство коммуникации. Как отмечают исследователи интернет-коммуникаций, оказалось, что в целом ряде случаев непрофессиональный контент и технология его производства вполне конкурентоспособны в сравнении с деятельностью профессионалов. Например, с появлением фото- и видеокамер в мобильных телефонах человечество превратилось в армию внештатных корреспондентов [3]. Однако появляются и негативные последствия, выразившиеся в основном в переизбытке информационного контента, где стало весьма сложно выделить необходимую и полезную информацию, что было снято в связи с появлением Web 3, получившего название рекомендательного сервиса, поскольку появилась возможность осуществления так называемой «потребительской экспертизы». Данный сервис в состоянии автоматически, в зависимости от предпочтений пользователей, систематизировать информацию в соответствии

с разными уровнями вкусов потребителей. По оценкам экспертов, этот тип сервиса формирует колоссальную базу данных, ранжирующих сведения о символической продукции: фильмах, книгах, театральных постановках, личных событиях. «И все эти данные имеют персональную привязку, они не разрознены, не деперсонализированы, как это было раньше, а объединены во вкусовые профили десятков тысяч людей. Такого рода сведения... никогда не были доступны в таком объеме... Система выдает рекомендации по самым разным областям культуры и досуга; впервые задействован механизм кросс-культурных рекомендаций» [3, с. 92]. При этом создатели контента получили возможность зарабатывать самостоятельно деньги, независимо от продавцов и потребителей контента (рекламная модель, абонентская плата и др.), что активизирует и стимулирует творческую активность миллионов пользователей. В этих условиях для многих пользователей социальных сетей стираются барьеры, ограничивающие публикацию тех или иных материалов, важно, что они поднимут рейтинг страницы автора. Естественно, что такие возможности делают социальные сети необыкновенно востребованными. Так, например, в 2018 году средние показатели активности российских пользователей в сети ВКонтакте составило 24 миллиона, а в Instagram до 25 миллионов [4].

Помимо того, что современные интернет-технологии непосредственно влияют на креативную коммуникативную деятельность огромного количества индивидов и формирование вкусов (особенно у молодого поколения), они выступают мощным регулятором социального поведения в реальной (а не виртуальной) жизни, что приводит к увеличению субъектов нормотворчества. При этом пользователи социальных сетей выступают творцами норм социального поведения в сети, которые закрепляются посредством массового одобрения (лайков) круга пользователей примерно одного профиля.

Исследователи, занимающиеся анализом контента и возможностями сетевых коммуникаций, подчеркивают, что постоянные коммуникации в них создают ряд психологических проблем, возникающих в процессе увеличения коммуникативных возможностей активных пользователей. Так, В. А. Бейнен-

сон среди наиболее значимых проблем выделяет следующие:

— осознание собственной силы оказывать влияние на мнения и настроения своей группы и широкой общественности;

— возникновение и закрепление «эффекта растормаживания», обладающего как позитивными, так и негативными сторонами, последние ведут к снижению значимости культурных норм и признанных в реальном обществе авторитетов культурного производства. Он пишет: «Любой пользователь в Сети имеет равные условия, чтобы заработать виртуальный статус, приобрести влияние, часто не связанное с уровнем заслуг в реальности. В сети, где есть ощущение равноправных отношений и авторитаризм сведен к минимуму, люди гораздо более склонны высказываться откровенно и нарушать нормы приличия» [5, с. 411].

Одним из видимых социальных последствий укоренения коммуникативных онлайн-технологий как элемента нашей повседневности стало стирание границ между публичным и частным пространством, чему способствовала специализация платформы Instagram на обмене визуальным контентом, а это привело к тому, что всего за один год с 2017 по 2018 количество участников возросло в два раза [4]. Как показывают данные современных исследований, проведенных в отношении анализа восприятия частного пространства нынешним молодым поколением, нормой жизни которого стали практики самопрезентации в Instagram, происходит стремительное сокращение частного пространства. Если ранее считалось аморальным выставлять напоказ события своей личной жизни, то теперь это превращается в норму социального поведения, «...а причиной отсутствия стыда при публикациях — то, что общество одобряет подобные демонстрации, становится все более свободным от негласных запретов на такие “заявления”. ... Фотографии обнажившихся пользователей занимают первое место среди прочих публикаций личного пространства, а фотографии интимных сцен — третье. Это доказывает популярность фотографий такой тематики, которая демонстрирует нам все более “раскрепощающееся” общество» [6, с. 37]. Известный мыслитель современности У. Эко в этой связи подчеркивает социокультурный эффект разрушения

границы между публичным и частным: «Исчезает конфиденциальность — значит, мир привыкает к ее исчезновению. Защита конфиденциальности — проблема не только юридическая, но и моральная, и антропологически-культурная. Нам следует учиться вырабатывать, распространять, воспитывать новое представление о сдержанности по отношению к себе и к другим» [7, с. 166].

Стремление открыть свою частную жизнь приводит к предельной открытости публикаций социально одобряемых событий личной жизни, событий-праздников. Пожалуй, что самым популярным таким событием-праздником является свадьба, сопровождаемая определенными ритуалами в любой культуре, поскольку является значимым переходом индивида из одного статуса в другой. Известный российский исследователь свадебных ритуалов в традиционных восточнославянских культурах А.К. Байбурич подчеркивал, что «вступление в брак — это не только оформление семейных отношений, переход в новый статус, но и предписанный культурой способ разрешения противоречия между способностью к продолжению рода и необходимостью получения на это социальной санкции» [8, с. 66]. При этом вступление заключающих брак в новую фазу жизни и осознание связанных с ней трудностей обуславливали оформление свадебной церемонии множеством символических ритуалов и знаковых примет, несущих, прежде всего, сакральный смысл — совершение таинства, который определял закрытость (частность) значительной части свадебной церемонии, несмотря на то, что в целом она имела публичный характер. Не случайно в большом количестве традиционных культур главные действующие лица — жених и невеста — либо присутствуют очень ограниченное время в начале брачной церемонии, либо не присутствуют на ней вообще.

Влияние интернет-технологий на трансформацию свадебных ритуалов. В современных условиях размывания границы частной и публичной сфер жизни доминирование установки на самопрезентацию через визуализацию деталей повседневной жизни, позиционирование потребительских практик своей жизни, в число которых обязательно

входят праздники и развлечения, публикация свадебных ритуалов стала распространенной практикой интернет-пользователей. Собственное или профессиональное режиссирование свадебного события приводит к выхолащиванию из него именно сакрального ядра, ранее охраняемого социальным субъектом, будь то церковь, община, соответствующий социальный круг или государство.

В индивидуальном измерении свадебный ритуал связан с изменением социального статуса личности, что требует также изменения идентичности. Благодаря этому содержанию свадьбу относят к ритуалам перехода. При наличии доктринальной основы, т.е. смысла культурной формы (в данном случае — морального учения о предназначении семьи, четкого описания ролевых требований к мужу и жене, их обязанностям по отношению к детям, родителям, роду и др.), которая признается, поддерживается и контролируется обществом, поведенческие формы соответствуют культурным предписаниям.

Современное смещение акцента в интерпретации брака на его индивидуально-личностный характер привело к реинтерпретации свадьбы. Теперь это событие рассматривается как явление сугубо индивидуальной жизни, обусловленное психологическими потребностями индивида. Л. Ионин так определил это явление: «Эти формы можно назвать свободно парящими: они не связаны в их нынешнем состоянии с социальными интересами и через них с определенными слоями и группами. Теперь, когда отсутствует запрет на публичную презентацию, они предлагают себя каждому, кто обеспокоен поиском идентичности, стремится обрести новый целостный образ мира, в котором можно четко фиксировать собственное место» [1, с. 277].

Свадебный ритуал становится удачной формой презентации индивида, поскольку в этих условиях допускаются различные сценарные решения: от соблюдения традиционной культурной формы до эпатажных театрализованных решений, не ориентированных на воспроизводство или рождение каких-либо новых культурных форм (как, например, это было при введении «комсомольской свадьбы»). Широкие возможности современных цифровых технологий, видеотехники и сетевых платформ позволяют использовать риту-

ал в варианте карнавального действия, спектакля. Отметим, что и в этом случае достигается эффект утверждения новой идентичности или дополнительных ее характеристик. Однако это действие приобретает диаметрально противоположный смысл: включаясь в свадебный ритуал в качестве главного субъекта (жениха или невесты), индивид мотивируется собственными потребностями, часто не связанными с представлениями об институте семьи. Достаточно распространенной практикой в настоящее время является организация свадебной церемонии не как публичного события, фиксирующего принятие новой социальной роли и связанных с ней функций и ответственности, а как некой сцены, используемой для самовыражения и оказания впечатления на других.

По сути, свадебный ритуал используется в качестве возможности публично сыграть главную роль в спектакле и произвести позитивное впечатление на других. И это впечатление может быть связано не с будущей семейной жизнью (на что собственно направлен свадебный ритуал), а с самопрезентацией каких-либо собственных — реальных или желаемых — характеристик: привлекательности, статусности, успешности, креативности, финансовой обеспеченности, социального лидерства, которое подтверждается готовностью к слову культурных стереотипов (вседозволенности) и пр. Смысл подобного рода знаково-коммуникативной деятельности индивида И. Гоффман связывал с осознанным или неосознанным «стремлением контролировать поведение других, особенно их ответной реакции на его действия» [8, с. 35]. В этом контексте не лишним будет напомнить, что в современном информационном обществе эффективность управления впечатлением может быть монетизирована, что и показывают медийные практики селебрити (celebrit), поэтому многие свадьбы, представленные на платформах Web 2.0 и Web 3.0, презентуются как спектакль, даже в том случае, если реальной свадебной церемонии не было и брачующиеся ограничились лишь фотосессией.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что в настоящее время при сохранении ритуально-церемониальных действий,

связанных с проведением свадебного торжества, его символично-коммуникационная сфера претерпела значительные изменения, которые свидетельствуют о происходящих культурных изменениях. Новые ритуально-символические элементы широко обсуждаются в обществе, и в частности, в блогосфере. Иными словами, в настоящее время сохраняется символично-ритуальное оформление (т.е. культурная форма) события, но трансформируется его социально-смысловое наполнение (доктрина). При этом сам ритуал выступает реализацией культурной формы и свидетельствует об устойчивости положенной в ее основу доктрины.

Анализ позиционирования новых элементов сакральных ритуалов, а также коллективных представлений об этом имеет значение для теоретического осмысления вектора культурных изменений в изменившихся социокультурных условиях России, которые проявляются не только в трансформации социальной структуры, включении широких социальных слоев в культурные коммуникации, но и в информатизации социокультурного пространства. Последний фактор обуславливает включение широких слоев в производство новых элементов ритуалов, их селекцию и широкое тиражирование этих образцов посредством инструментов блогосферы и все расширяющихся возможностей социальных сетей.

Литература

1. Гидденс Э. Социология. Изд. 2-е. — М.: Едиториал УРС, 2005.
2. Ионин Л. Г. Социология культуры. — М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2004.
3. Breslow H. Civil Society, Political Economy and the Internet // *Virtual Culture: Identity and Communication in Cybersociety*. — London: Sage, 1997. — P. 236–257.
4. Lievrouw L., Livingstone S. *The Handbook of New Media: Social Shaping and Social Consequences of ICTs*. — London: Sage, 2006.
5. Статистика авторов социальных сетей [Электронный ресурс] // Brand Analytics. — Режим доступа: <https://br-analytics.ru/statistics/author/>.
6. Бейнсенсон В. А. Актуальные проблемы медиапсихологии в условиях системы

Web 2.0 // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социология. Психология. Философия. — 2014. — №1 (2). — С. 407–415.

7. Мельников М. В., Моисеева З. Ф. Граница между личным и публичным пространством и ее особенности на примере социальной сети Instagram // *Теория и практика общественного развития*. — 2016. — №10. — С. 31–39.

8. Эк. У. Утраченная укромность частной жизни // *Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ*. — М.: Эксмо, 2007.

9. Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. — СПб: Наука, 1993.

10. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. — М.: Канон-Пресс, 2000.

References

1. Giddens Je. *Sociologija [Sociology]*. Izd. 2-e. — Moscow: Editorial URS, 2005.
2. Ionin L. G. *Sociologija kul'tury [Sociology of culture]*. — Moscow: Izd. Dom GU VShJe, 2004.
3. Breslow H. *Civil Society, Political Economy and the Internet // Virtual Culture: Identity and Communication in Cybersociety*. — London: Sage, 1997. — P. 236–257.
4. Lievrouw L., Livingstone S. *The Handbook of New Media: Social Shaping and Social Consequences of ICTs*. — London: Sage, 2006.
5. Statistika avtorov social'nyh setej [Statistics of authors of social networks] [Elektronnyj resurs] // Brand Analytics. — URL: <https://br-analytics.ru/statistics/author/>.
6. Bejnenson V. A. Aktual'nye problemy mediapsihologii v uslovijah sistemy Web 2.0 [Actual problems of media psychology in the conditions of the Web 2.0 system] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Sociologija. Psihologija. Filosofija [Sociology. Psychology. Philosophy]*. — 2014. — №1 (2). — Pp. 407–415.
7. Mel'nikov M. V., Moiseeva Z. F. Granica mezhdu lichnym i publicnym prostranstvom i ee osobennosti na primere social'noj seti Instagram [The border between personal and public space and its features on the example of the so-

cial network Instagram] // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija [Theory and practice of social development]. — 2016. — №10. — Pp.31–39.

8. *Jeko U.* Utrachennaja ukromnost' chastnoj zhizni [Lost privacy] // Jeko U. Polnyj nazad! «Gorjachie vojny» i populizm v SMI [Full back! «Hot wars» and populism in the media]. — Moscow: Jeksmo, 2007.

9. *Bajburin A. K.* Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskih obrjadov [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites]. — Saint-Petersburg: Nauka, 1993.

10. *Goffman I.* Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni [Presenting yourself to others in everyday life]. — Moscow: Kanon-Press, 2000.

Поступила в редакцию

5 октября 2020 г.

Синютин Александр Александрович — президент Общероссийской общественной организации «Федерация свадебных специалистов России». Выпускник МГИМО (У) МИД РФ. Автор 15 обучающих программ по психологии и бизнесу в сфере культурно-массовых мероприятий.

Sinyutin Alexander Alexandrovich — President of the All-Russian public organization «Federation of wedding specialists of Russia». Graduate of MGIMO (U) MFA of the Russian Federation. Author of 15 training programs on psychology and business in the field of cultural events.

115470, г. Москва, пр. Андропова, 17, корп. 1, кв. 159
17 Andropova av., bld. 1, ap. 159, 115470, Moscow, Russia
E-mail: ssinyutin@mail.ru

УДК 316

10.17213/2075-2067-2020-6-127-135

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ МИНИМИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

© 2020 г. *Е. Л. Шилкина**, *В. В. Енина***

**Ростовский государственный университет путей сообщения,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал),
Донской государственный технический университет, г. Шахты, Россия*

Целью исследования является обоснование государственной семейной политики как стратегической основы минимизации демографических проблем на основе анализа основных тенденций трансформации социального института семьи и опыта реализации семейной политики в Российской Федерации.

Методологическую базу исследования составили принципы социального и исторического детерминизма. В свете ситуационного подхода к управлению рассмотрены приоритетные задачи как государственной демографической политики, так и государственной семейной политики. При проведении анализа состояния современной семьи как объекта социального управления применены положения дескриптивного и нормативного подходов. Рассмотрение репродуктивной функции семьи проведено в ракурсе социокультурного подхода — как потребностей и ценностей деторождения.

Результаты исследования. Определены основные проблемы и тенденции трансформации семьи на современном этапе и намечены векторы формирования государственной семейной политики, адекватной задачам минимизации демографических проблем на основе перехода социального управления в данной сфере от инструментального к ценностному подходу.

Перспективу исследования составляет дальнейший социологический анализ государственной семейной политики в контексте минимизации демографических проблем с учетом транзитивного состояния современной семьи.

Ключевые слова: государственное управление; государственная политика; демографическая политика; семейная политика; концепция; семья.

STATE FAMILY POLICY IN THE CONTEXT OF MINIMIZING DEMOGRAPHIC PROBLEMS

© 2020 *E. L. Shilkina**, *V. V. Enina***

*Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia

***Institute of Service and Entrepreneurship (branch),
Don State Technical University, Shakhty, Russia*

The purpose of the study is to substantiate the state family policy as a strategic basis for minimizing demographic problems based on the analysis of the main vectors of the transformation of the social institution of the family and the experience in implementing family policy in the Russian Federation.

The methodological basis of the study was composed of the principles of social determinism. In the light of the situational approach to management, the priorities of both the State population policy and the State family policy are considered. When analyzing the state of the modern family as an object of social management, the provisions of descriptive and normative approaches were applied. Consideration of the reproductive function of the family is carried out from the perspective of a sociocultural approach — as the needs and values of childbearing.

The results of the study. The main problems and trends of the transformation of the family at the present stage and the vectors of the formation of the state family policy, adequate for the tasks of minimizing demographic problems on the basis of the transition of social management in this area from an instrumental to a value approach, are identified.

The prospect of the study. Further sociological analysis of state family policy in the context of minimizing demographic problems taking into account the transitive state of the modern family.

Key words: public administration; public policy; population policy; family policy; concept; family.

Введение. Динамика современного социума, изменения в социально-экономической жизни обуславливают трансформацию семьи как социального института, единственного института, который способен осуществлять функции воспроизводства населения и социализации новых поколений.

В настоящее время сочетание внешних социально-экономических трудностей по отношению к семье, трансформации семьи как социального института и внутренние проблемы семьи как малой социальной группы детерминируют необходимость осуществления государственной семейно-демографической политики, адекватной современным реалиям. В связи с этим повышается роль государственной семейной политики в обеспечении управления процессами в сфере института семьи.

Задачи минимизации демографических проблем решаются комплексно — в рамках как демографической, так и семейной политики. Следовательно, необходимо комплексное изучение как демографической политики, так и политики семейной.

Государственная семейная политика в дискурсе науки и государственного управления. В научном дискурсе отмечается связь между трансформационными процессами в семье и ролью государственной политики в этом процессе. Сам термин «семейная политика» появился в семидесятые годы прошлого века и в настоящее время прочно во-

шел в употребление как в научном дискурсе, так и в сфере государственного управления.

В рамках отечественного научного дискурса предпринимаются перманентные попытки определения специфики и разграничения таких понятий, как «социальная политика», «экономическая политика», «демографическая политика», «семейная политика».

На необходимость разграничения данных понятий указывается в отечественной историографии. Например, С. В. Дармодехин пишет: «Отождествление целей социальной, семейной и экономической политики приводит к серьезным последствиям в социальной практике; семейная политика не подменяет другие направления государственной практики, а обеспечивает в процессе их разработки и реализации учет интересов семьи...» [7, с. 57].

В структуре предметного поля социальной политики выделяют четыре основные сферы, на которые она направлена:

- демография;
- социальная инфраструктура;
- доходы населения;
- сфера труда.

Ключевую роль целеполагания в сфере государственной политики подчеркивает В. Сакаев: «В реализации любой политики как государственно-управленческой функции важнейшее место занимает формулирование целей. Именно цели политики позволяют выбрать необходимый инструментарий, определить средства и механизмы реализации» [11].

Споры о целях демографической политики отражаются в отечественной историографии еще с советских времен и продолжают на данный момент. Можно выделить два основных подхода к целеполаганию в сфере демографической политики:

- инструментальный;
- ценностный.

Для инструментального (количественного) подхода основным значением демографического оптимума является количество без учета источников увеличения численности населения (хотя и за счет миграции, но увеличивается).

Ценностный (качественный) подход, заботящийся о качестве населения, опирается на основные закономерности функционирования демографической системы, отсюда логично возникает необходимость создания всеобъемлющих условий, чтобы семья могла эффективно выполнять свои задачи по репродукции и социализации новых поколений.

В России нынешняя политическая деятельность в отношении семьи является итогом длительного процесса, начало которому было положено набором довольно ограниченных мер по защите материнства и детства.

Первая в нашей стране Концепция демографического развития была принята в 2001 году и была рассчитана до 2015 года. Данная Концепция практически непрерывно вызывала критику в свой адрес, к тому же цель Концепции была сформулирована довольно неопределенно — «стабилизация численности населения», что придавало указанной Концепции декларативный характер.

Поэтому уже в 2007 году Указом Президента была принят новый концептуальный документ — Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, в которой были устранены многие недочеты предыдущей концепции.

Если сравнивать определение целей в указанных концепциях, то можно отметить, что в данном аспекте прослеживается переход от инструментального к ценностному подходу. А это значит, что ключевыми показателями становятся не только количественный прирост населения, но и качественный состав населения, что требует создания условий для того, чтобы российская семья эффективно выполняла свои функции воспроизводства и первичной социализации [1].

В отличие от предыдущей Концепции в данном документе распланированы этапы выполнения и промежуточные результаты.

В 2014 году была принята Концепция государственной семейной политики, рассчитанная до 2025 года, в которой были намечены такие цели, как «предоставление государством необходимых условий в целях осуществления семьей ее функций и повышении качества жизни семьи, формирование и укрепление социального института семьи, защита ее интересов и прав, выявление и решение специфических проблем семьи, затрудняющих процесс ее жизнедеятельности» [2, с. 5].

Иными словами, в качестве цели семейной политики декларируется не только повышение уровня рождаемости, но также благополучие семьи в достаточно широком смысле.

Таким образом, традиционно семейная политика была подчинена экономическим целям и ресурсам ее реализации. В последнее время доминирует подход, рассматривающий демографическую политику как часть социальной политики.

Следовательно, можно представить иерархию видов политики следующим образом: государственная политика — социальная политика — демографическая политика — семейная политика.

Обобщая, можно отметить, что, несомненно, наблюдается прогрессивный вектор в планировании демографической политики и реализуются долгосрочные Концепции семейной и демографической политики.

Особо актуальным становится формирование современной идеологии взаимодействия семьи, общества и органов власти.

Тем не менее, единого определения понятия «государственная семейная политика» на настоящий момент не сформировалось, ни как научной категории, ни в практике государственного управления.

Семья как объект государственной социально-демографической политики. Ослабляется ли институт брака или трансформируется — это открытый дискуссионный вопрос.

Семья — это объединение людей, в основе которого лежит брак или кровное родство. В этом аспекте семья представляет собой малую группу, характеризующуюся общностью быта и взаимной ответственностью.

В другом аспекте семья является социальным институтом — необходимым компонентом социальной структуры любого общества, который выполняет социальные функции.

Основными функциями семьи как социального института и объекта социальной политики государства являются репродуктивная и социализирующая функции.

Анализ научной литературы и данных Федеральной службы государственной статистики позволил выделить проблемы, с которыми сталкивается российская семья.

Во-первых, нестабильность — динамика разводов, утрата семейных ценностей. Данные статистики показывают, что в России распадается больше половины браков. Динамика браков и разводов в 2019 и 2020 годах представлена в таблице 1.

Во-вторых, малообеспеченность российской семьи.

В-третьих, ухудшение состояние здоровья, в стране наблюдается естественная убыль жителей. Федеральная служба государственной статистики отмечает очередное снижение рождаемости. В январе 2020 года по сравнению с январем 2019 года отмечалось снижение числа родившихся (в 68 субъектах Российской Федерации) [13].

В-четвертых, сложности с обеспечением жильем семьи, особенно в крупных городах.

В-пятых, рост числа неблагополучных семей — нарушение социализирующей, воспитательной, досуговой функций семьи.

Если же говорить о проблемах, то комплексной проблемой для социального семейного института на данный момент является снижение статуса семьи, снижение семейной ориентации ценностей. Сегодня, как никогда прежде, стоит цель восстановить родительскую роль в воспитании и социализации подрастающего поколения. Необходимо коренное улучшение всесторонней подготовки молодого поколения к семейной жизни.

В современной науке можно выделить две конкурирующие позиции в оценках состояния современной семьи.

Согласно первой позиции, семья как таковая находится в состоянии глубокого кризиса и, возможно даже, изживает себя в качестве социального института.

Вторая позиция рассматривает трансформацию современной семьи как процесс ее модернизации, который сопровождается более интенсивной личностной самореализацией членов семьи. Тем не менее, многие ученые — сторонники данной позиции — отвергают тезис о системном кризисе семьи как социального института.

Э. Гидденс указывает на основной вектор трансформации семейного института: «В традиционной семье супружеская пара была лишь частью, и зачастую не самой главной частью, ее структуры. ... Сегодня именно пара, состоящая в официальном браке или нет, является ядром семьи. Пара заняла центральное место в семейной жизни по мере снижения экономической роли семьи и превращения любви, а точнее — любви и сексуального влечения, в основу заключения брачных уз» [4, с. 74].

В то же время нельзя не согласиться с мнением А.Н. Шевченко, которая пишет: «Вместе с тем наблюдаемые негативные аспекты трансформации семьи явно свидетельствуют о непоследовательной, не всегда социально ориентированной семейной политике государства» [12, с. 51].

Мы разделяем также точку зрения Ф.А. Игебаевой о том, что «потенциальные возможности семьи используются не полностью. Виновата в этом даже не сама семья, а скорее, слабое воздействие на нее со стороны других социальных институтов» [9, с. 76]. И в первую очередь, это воздействие со стороны государственных институтов.

По мнению Т.И. Барсуковой, Д.В. Галкиной, семейные ценности «...теряют свою

Таблица 1

Динамика браков и разводов в 2019 и 2020 годах [10]

	2020 г. (в тыс.)	2019 г. (в тыс.)	Прирост (+) Снижение (-)	2020 г. в % к 2019 г.
Браков	41,2	32,6	8,6	126,5
Разводов	54	36,4	17,6	148,3

приоритетность для личности, становятся неконкурентоспособными по сравнению с внесемейными ценностями» [3, с. 135].

Семья трансформируется, адаптируясь к конкретно-историческим условиям социума, к его ценностно-нормативной системе.

Семья в целом так же, как и каждый член семьи, испытывает влияние всех социальных институтов. Э. Дюркгейм писал: «Реальный человек ... принадлежит определенному времени и определенной стране, у него есть семья, гражданское сообщество, отечество, религиозная и политическая вера, и все эти и еще многие другие силы смешиваются, комбинируются тысячами способов, скрещивают свои влияния ...» [8, с. 176].

Мы привели цитату из работы Э. Дюркгейма для того, чтобы обозначить такие методологические принципы исследования семьи, как социальный и исторический детерминизм. Он обосновывал, что семья, как и другие социальные институты, развивается по своим законам, которые, как и тенденции общественного развития, имеют надындивидуальный характер.

К сожалению, объективной реальностью является системный кризис современной российской семьи. Кризис современной семьи нельзя опровергнуть. Но эти трудности, по сути, связаны с процессом трансформации семьи. Тем не менее, несмотря на эти негативные моменты, семья остается самым активным социальным институтом в процессе воспроизводства населения.

В настоящее время семья находится в переходном состоянии от старых норм поведения и ценностного отношения к новым, связанным с определенным разрывом стереотипов. Семья всегда остается «ячейкой общества», трансформируются только ее структура и функции, поэтому необходимо найти пути и методы регулирования этого уникального института, способного выполнять функции воспроизводства населения и социализации новых поколений.

Детерминанты репродуктивности через призму демографической и семейной политики. При разработке направлений демографической политики принципиальным является вопрос об основных детерминантах снижения рождаемости. Что же оказывает

большее влияние — социальные установки или же барьерами на пути реализации репродуктивных планов являются социально-экономические причины?

В Китайской Народной Республике простое снятие административных ограничений на рождение второго ребенка скоро привело к увеличению населения страны почти в полтора раза. Этот факт объясняется особенностями восточного менталитета.

Если рассматривать рождаемость через призму демографической политики, направленной на повышение репродуктивного поведения, то принципиально важным является рождение второго ребенка. Появление одного ребенка в семье не требует особого влияния государственной политики, а вот решение на рождение второго принять уже не так просто, поэтому продление программы по выплате материнского капитала, несомненно, целесообразно.

Тем не менее, в научной литературе имеет место иная точка зрения. Например, Т.А. Гурко пишет: «...повышение рождаемости после введения этой программы является результатом “сдвига” времени рождения ребенка, то есть семьи реализовали свои планы раньше с тем, чтобы успеть “вписаться” в программу» [5, с. 83].

Важнейшая задача государственной политики заключается в том, чтобы оказывать всемерное содействие реализации данных репродуктивных планов, связанных с планированием второго ребенка в семье.

На снижение вероятности иметь второго ребенка влияют:

- жилищная проблема;
- отсутствие потребности иметь еще детей;
- малообеспеченность;
- проблемы со здоровьем.

Программа материнского капитала, реализуемая в Российской Федерации с 2007 года и периодически продлеваемая, стимулирует рождение второго ребенка. В то же время предоставленные государством меры поддержки семей с детьми вызвали репродуктивный энтузиазм, прежде всего, у наименее обеспеченных граждан, для которых получение материнского капитала означает существенное изменение финансового положения. А это, как правило, граждане и семьи с более низким уровнем образования и культуры.

Кстати, реализация в Ростовской области Областного закона «О региональном материнском капитале», который предусматривает выплату материнского капитала на третьего ребенка тем, чей среднедушевой доход на члена семьи ниже прожиточного минимума, также способствует репродукции в первую очередь определенных социальных слоев. Существует корреляция — чем семья беднее, тем выше уровень рождаемости.

Хотелось бы выделить репродуктивный фактор, воздействие которого можно назвать позитивным, хотя оценивается он неоднозначно. Имеется в виду возрастание уровня религиозности в массовом сознании. В. Сакаев справедливо утверждает: «Так как практически все массовые религии проповедуют семейные ценности, порицают аборт, разводы, добрачную половую жизнь, то религиозные люди при прочих равных условиях повсеместно имеют и более высокий уровень детности, чем неверующие» [11].

Таким образом, явными причинами низкой репродуктивности выступают: жилищная проблема, дисфункции современной семьи (малодетность, отсутствие потребности иметь еще детей), ограниченный денежный доход, проблемы со здоровьем.

Латентные социальные мотивы обуславливаются социокультурными ожиданиями, когда желание либо нежелание иметь детей детерминируется ценностно-нормативными установками данным обществом.

Заключение. На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

В настоящее время в Российской Федерации увеличилось внимание к проблемам развития семьи в новых исторических реалиях. Особое внимание государства к демографической политике в области социальной поддержки семьи и детей базируется на прагматической основе. Прежде всего, это необходимость преодоления депопуляции и обеспечение устойчивого роста населения.

Таким образом, в сфере отечественного социального управления доминирует трактовка демографической политики как составляющей социальной политики. В этом есть определенная логика, поскольку семья выполняет ряд таких важнейших функций, как репродуктивная, воспитательная, хозяй-

ственно-экономическая, социального контроля, воспроизводства социальной структуры, эмоциональная, рекреационная. Реализации этих функций детерминированы воздействием различных направлений государственной политики — семейной, экономической, социальной, демографической. В то же время трактовка семейной политики как составной части политики демографической, на наш взгляд, фактически сводит роль семьи к репродуктивной функции.

В определении целей демографической политики наметился переход от инструментального к ценностному подходу. А это значит, что ключевыми показателями становятся не только количественный прирост населения (пусть за счет миграции, но растет), но и качественный состав населения, что требует создания условий для того, чтобы российская семья эффективно выполняла свои функции.

Среди приоритетных задач как государственной демографической, так и семейной политики, должны быть такие, как повышение авторитета семьи, создание экономических условий для ее поддержки, адекватные жилищные программы, создание института общественной экспертизы в интересах семьи в процессе разработки программ и нормотворчества.

Изменение функций семьи, ее социокультурной специфики тесно связано с изменением ценностных установок общества, поэтому проведение демографической политики в области социальной поддержки семьи и детей в Российской Федерации требует формирования соответствующего общественного мнения, поддерживающего основные стратегические идеи проводимой политики.

Особо актуальным становится формирование современной идеологии взаимодействия семьи, общества и органов власти федерального, регионального и муниципального уровней.

Следует сказать, никакие концепции и программы не приведут к желаемому результату в условиях существования в обществе гипертрофированной неравномерности распределения доходов и уровня жизни населения, поэтому для достижения целей демографической политики необходимы стабильный экономический рост, минимизация неравномерности по доходам, эффективное здравоохранение и образование, доступное жилье.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. №1351 (ред. от 01.07.2014 г.) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — №42. — Ст. 5009.

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 г. №1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — №35. — Ст. 4811.

3. Барсукова Т.И., Галкина Д.В. Основные тенденции в определении детерминант трансформации современной российской семьи // Новые контуры социальной реальности: мат. Всерос. науч.-практ. конф. (IV Северо-Кавказские социологические чтения, 27 ноября 2015 г., г. Ставрополь, СКФУ). — Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. — С. 134–137.

4. Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. — СПб, 2004. — 208 с.

5. Гурко Т.А. Репродуктивные планы супругов. Социологические исследования. — 2014. — №9. — С. 77–85.

6. Гусев А.В. Общественно-государственная семейная политика в современной России [Электронный ресурс] // МГУ. — 2015. — Режим доступа: <http://teacher.msu.ru/sites/default/files/resursy/Гусев%20А.В.%20Общественно-государственная%20семейная%20политика%20в%20современной%20России.pdf>.

7. Дармодехин С.В. Государственная семейная политика: методология, теория, практика. — М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2006. — 78 с.

8. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. — М.: Камин, 1995. — 352 с.

9. Игебаева Ф.А. Семья в трансформирующемся российском обществе (на примере Республики Башкортостан) // Социологические исследования. — 2014. — №9. — С. 73–76.

10. Информация о социально-экономическом положении России: январь-февраль 2020 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статисти-

ки. — Режим доступа: <https://www.gks.ru/compendium/document/50800>.

11. Сакаев В. Демографическая политика в современной России: подходы к определению целей [Электронный ресурс] // Власть. — 2012. — №19. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-politika-v-sovremennoy-rossii-podhody-k-opredeleniyu-tseley>.

12. Шевченко А.Н. Семья в условиях трансформации современного российского общества: социологический анализ: дис. ... канд. соц. наук. — Новочеркасск, 2011. — 144 с.

13. Численность постоянного населения на 1 января. Витрина статистических данных [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. — Режим доступа: <https://showdata.gks.ru/report/278928/>.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.10.2007 g. №1351 (red. ot 01.07.2014 g.) «Ob utverzhdenii Konceptii demograficheskoi politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» [Decree of the President of the Russian Federation of 09.10.2007 №1351 (ed. of 01.07.2014) «On approval of the concept of demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025»] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of legislation of the Russian Federation]. — 2007. — №42. — St. 5009.

2. Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25.08.2014 g. №1618-r «Ob utverzhdenii Konceptii gosudarstvennoj semejnoi politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» [Order of the Government of the Russian Federation of 25.08.2014 №1618-r «On approval of the Concept of state family policy in the Russian Federation for the period up to 2025»] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of legislation of the Russian Federation]. — 2014. — №35. — St. 4811.

3. Barsukova T.I., Galkina D.V. Osnovnye tendencii v opredelenii determinant transformacii sovremennoj rossijskoj sem'i [Main trends in determining the determinants of transformation of the modern Russian family] // Novye kontury social'noj real'nosti: mat. Vseros. nauch.-prakt. konf. (IV Severo-Kavkazskie sociologicheskie chtenija, 27 nojabrja 2015 g., g. Stavropol',

SKFU) [New contours of social reality: Mat. all-Russian scientific and practical conference (IV North Caucasian sociological readings, November 27, 2015, Stavropol, NCFU)]. — Stavropol': Izd-vo SKFU, 2016. — Pp. 134–137.

4. *Giddens Je.* Transformacija intimnosti: seksual'nost', ljubov' i jerotizm v sovremennyh obshhestvah [Transformation of intimacy: sexuality, love and eroticism in modern societies]. — Saint-Petersburg, 2004. — 208 p.

5. *Gurko T.A.* Reproktivnye plany suprugov. Sociologicheskie issledovanija [Reproductive plans of spouses. Sociological research]. — 2014. — №9. — Pp. 77–85.

6. *Gusev A.V.* Obshhestvenno-gosudarstvennaja semejnaja politika v sovremennoj Rossii [Public-state family policy in modern Russia] [Elektronnyj resurs] // MGU. — 2015. — URL: <http://teacher.msu.ru/sites/default/files/resursy/Gusev%20A.V.%20Obshhestveno-gosudarstvennaja%20smejnjaja%20politika%20v%20sovremennoj%20Rossii.pdf>.

7. *Darmodehin S.V.* Gosudarstvennaja semejnaja politika: metodologija, teorija, praktika [State family policy: methodology, theory, practice]. — Moscow: Gosudarstvennyj NII sem'i i vospitanija, 2006. — 78 p.

8. *Djurkgejm Je.* Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Its subject, method, purpose]. — Moscow: Kamin, 1995. — 352 p.

9. *Igebaeva F.A.* Sem'ja v transformirujushhemsja rossijskom obshhestve (na primere

Respubliki Bashkortostan) [Family in the transforming Russian society (on the example of the Republic of Bashkortostan)] // Sociologicheskie issledovanija. — 2014. — №9. — Pp. 73–76.

10. Informacija o social'no-jekonomicheskom polozenii Rossii: janvar'-fevral' 2020 goda [Information about the socio-economic situation in Russia: January-February 2020] [Elektronnyj resurs] // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal state statistics service]. — URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/50800>.

11. *Sakaev V.* Demograficheskaja politika v sovremennoj Rossii: podhody k opredeleniju celej [Demographic policy in modern Russia: approaches to defining goals] [Elektronnyj resurs] // Vlast' [Power]. — 2012. — №19. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaja-politika-v-sovremennoj-rossii-podhody-k-opredeleniyu-tseley>.

12. *Shevchenko A.N.* Sem'ja v uslovijah transformacii sovremenno rossijskogo obshhestva [Family in the conditions of transformation of modern Russian society: sociological analysis. Ph. D. (Sociology) Thesis]. — Novocherkassk, 2011. — 144 p.

13. Chislennost' postojannogo naselenija na 1 janvarja. Vitrina statisticheskikh dannyh [Permanent population as of January 1. Statistical data showcase] [Elektronnyj resurs] // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal state statistics service]. — URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928/>.

Поступила в редакцию

16 августа 2020 г.

Шилкина Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор Ростовского государственного университета путей сообщения. Специалист в области исследования социальной политики, государственного и муниципального управления.

Shilkina Elena Leonidovna — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rostov State Transport University. Specialist in the field of social policy research, state and municipal administration.

344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2
2 Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya sq., 344038, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: Elena.bona-mente@yandex.ru

Енина Виктория Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в г. Шахты. Специалист в области исследования культурных репрезентаций в социально-типических представлениях массового сознания.

Enina Victoria Valeryevna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (branch), Don State Technical University, Shakhty. Specialist in the field of research of cultural representations in socio-typical representations of mass consciousness.

346500, г. Шахты, ул. Шевченко, 147
147 Shevchenko st., 346500, Shakhty, Russia
E-mail: eninaviktorija@rambler.ru

УДК 316

10.17213/2075-2067-2020-6-136-143

**ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА
СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ
ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ¹**

© 2020 г. *Н. И. Чернобровкина*

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Цель исследования — рассмотреть социальную справедливость как принцип регуляции межэтнических взаимодействий и основу социальной интеграции в Краснодарском крае.

Методологическая база исследования. В рамках реализации проекта по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» осенью 2020 года было проведено социологическое исследование понимания и интерпретации справедливости применительно к сфере межэтнических отношений в Краснодарском крае. Методологическим основанием инструментария являлись идеи конструктивистской теории этничности и теории социальной справедливости. Справедливость рассматривалась как терминальная и инструментальная ценность, регулирующая межэтнические отношения и обеспечивающая интеграцию этнических общностей в регионе.

Результаты исследования. На основе позиции экспертов были выявлены факторы, формирующие ощущение социальной справедливости/несправедливости у представителей этнических общностей — шапсугов, армян, турок-мехетинцев, а также казаков. Это позволило определить степень влияния представлений о социальной справедливости на характер ожиданий и ограничений при формировании общегражданской идентичности этих представителей этнических общностей. В результате было выяснено, что последующая интеграция этнических общностей Краснодарского края предполагает не обособленную помощь с предоставлением особого политического статуса и экономических льгот, а признание равенства гражданских прав их представителей как россиян при содействии сохранения культурной самобытности.

Ключевые слова: социальная справедливость; межэтнические отношения; этнические общности; социальная интеграция; принцип равенства.

**EXPERT ASSESSMENT
OF SOCIAL JUSTICE IN THE CONTEXT OF INTEGRATION
OF ETHNIC COMMUNITIES OF THE KRASNODAR REGION**

© 2020 *N. I. Chernobrovkina*

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения Программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. по проекту «Социальная справедливость в обеспечении гармонизации межэтнических отношений и укреплении общероссийской идентичности населения на Юге России» (Соглашение №075-02-2020-2172 от 25.08.2020 г., внутренний номер ДГП0708/20-01РГ).

The purpose of the research is to consider social justice as a principle of regulation of interethnic interactions and the basis of social integration in the Krasnodar territory.

Methodological base of the research. As part of the project under the Program of Fundamental and Applied Scientific Research on the topic «Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity» in the fall of 2020, a sociological study was conducted on the understanding and interpretation of justice in relation to the sphere of interethnic relations in the Krasnodar Territory. The methodological basis of the toolkit was the ideas of the constructivist theory of ethnicity and the theory of social justice. Justice was viewed as a terminal and instrumental value that regulates interethnic relations and ensures the integration of ethnic communities in the region.

Results of the research. On the basis of the experts' position, factors were identified that form a sense of social justice/injustice among representatives of ethnic communities — Shapsugs, Armenians, Meskhetian Turks and also Cossacks. This made it possible to determine the degree of influence of ideas of social justice on the nature of expectations and restrictions in the formation of the general civil identity of these representatives of ethnic communities. As a result, it was found that the subsequent integration of ethnic communities in the Krasnodar Region does not presuppose separate assistance with the provision of special political status and economic benefits, but the recognition of the equality of civil rights of their representatives as Russians, while promoting the preservation of cultural identity.

Key words: social justice; interethnic relations; ethnic communities; social integration; the principle of equality.

Введение. С 90-х годов Краснодарский край занимал активную позицию в процессе конструирования региональной идентичности. Это обусловлено полиэтничным составом населения региона, включающего значительное большинство русских (более 85%), армян, украинцев, белорусов, татар, грузин, адыгейцев, немцев, турок-месхетинцев и др. В ходе переписи населения 2010 г. казаки учитываются как отдельная национальность. Выступая на заседании рады Кубанского казачьего войска, «казаки заявили, что никогда не скрывали своей этнической принадлежности, ни во времена политических репрессий, ни в годы гражданской войны, и не намерены этого делать и сейчас» [1]. Армяне, проживающие на Кубани, выразили опасение, что их численность может быть занижена, хотя они являются самой многочисленной этнической общностью в регионе после русских. Основанием для подобных утверждений послужил опрос во время переписи, который проходил некорректно. В частности, «были случаи, когда армянам с окончанием фамилии на “-ов” типа “Хачатуров” и “Саркисов” вопрос о национальной принадлеж-

ности задавался в следующем виде: “Вы — русские?”, а вопрос о родном языке: “Ваш родной язык — русский?”» [1].

В отношении малых народов, проживающих на территории края, возникли проблемы с их идентификацией: «Все зависит от того, к какой этнической группе себя причислят сами представители этносов, — отмечал политолог М.В. Савва. — В первую очередь это относится к туркам-месхетинцам, которые всегда испытывали трудности в вопросах самоидентификации» [1]. Это вызвано тем, что турки-месхетинцы определяют свою идентичность как отличительную от материнского этноса в силу уникальной «исторической судьбы». Подобные сложности возникают и с шапсугами, которые по законодательству являются коренным народом, проживающим на своей исторической родине. Часть представителей этой этнической общности идентифицируют себя с адыгами, другие признают частью этого этноса, а третьи — как самостоятельный народ.

Каждая из этнических общностей Краснодарского края претендует на утверждение коллективного права своего народа как

высшую ценность, которая в соответствии с принципом справедливости предполагает обеспечение равных условий для реализации прав каждого индивида. Справедливость в массовых и индивидуальных представлениях ассоциируется с равенством возможностей, равным доступом к общественным благам. Применительно к сфере межэтнических отношений ее часто рассматривают как равенство народов, этнических общностей и групп [2]. С другой стороны, справедливость характеризуют как регулятор социальных отношений, базовое ценностное основание любого общества, как инструмент достижения согласия между различными социальными группами [3]. Поскольку характер межэтнических отношений в регионах Юга России вариативен, то он может исследоваться в зависимости от конкретной ситуации, субъектов и исторически сложившейся устойчивой модели их взаимодействий в контексте форм организации жизни этнических общностей, определяющих различную интерпретацию справедливости/несправедливости.

В рамках реализации проекта по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» осенью 2020 г. было проведено социологическое исследование понимания и интерпретации справедливости применительно к сфере межэтнических отношений в Краснодарском крае. Исследование имело поисковый характер, включающий сбор эмпирического материала методом фокус-группового интервью и серии глубинных экспертных интервью. Участниками фокус-группы были председатели краснодарских краевых общественных организаций различных этнических общностей: казаков, армян, адыгов, греков, азербайджанцев, чеченцев, осетин, абхазов. В качестве экспертов выступили сотрудники административных и силовых учреждений, научные работники, занимающиеся анализом межэтнических отношений в Краснодарском крае, публицисты и активисты различных этнических общностей — армян, турок-месхетинцев, шапсугов. Инструментарий глубинного и группового интервью разрабатывался с учетом выявления представлений о социальной справедливости

как принципа регуляции межэтнических взаимодействий и основы социальной интеграции этнических общностей в Краснодарском крае. Сбор материала был ориентирован на установление современных или исторических событий, которые актуализируют этническую идентичность, обуславливают интерпретацию этих событий в категориях справедливости/несправедливости. Методологическим основанием инструментария являлись идеи конструктивистской теории этничности и теории социальной справедливости. Справедливость рассматривалась как терминальная и инструментальная ценность, регулирующая межэтнические отношения и обеспечивающая интеграцию этнических общностей в регионе.

Результаты исследования. Смысловые единицы понимания справедливости.

Справедливость правового статуса казачества. С 90-х гг. Краснодарский край занимал активную позицию в процессе конструирования региональной идентичности. Региональные элиты края выражали идею державного консерватизма с опорой на казачество. Как отмечает эксперт, «это было вызвано низким уровнем урбанизации населения края, преобладанием сельского хозяйства как определяющей отрасли хозяйственного развития региона. Но противостояния с федеральной элитой никогда не было, идеи консерватизма были ориентированы на местное население. И с начала 2000 г. губернатор Краснодарского края А.Н. Ткачев уже позиционировал себя как менеджер, выражающий интересы федерального центра».

Вопросам реабилитации казачества уделялось большое внимание в 90-е гг. XX века. «Правительство региона выделяло дополнительное финансирование казакам, — констатирует представитель научного сообщества. — Казаки были выделены в отдельную структуру, они не рассматриваются как составная часть этносферы края. Специально существует отдельная административная структура, которая в правительстве края занимается казачеством. Они получают финансирование из бюджета края и по специальной федеральной программе. В сельских поселениях им предоставлены льготные условия землепользования. В целом они сейчас выступают

не как общественная организация, а как полувоенизированная структура — опора власти». Однако сами казаки считают несправедливым последствием реабилитации: «Не произошло возврата частных земель и не было восстановлено казачье самоуправление».

Ситуация включения казачества в события по присоединению Крыма показала, что казаков можно использовать как определенную опору для решения вопросов государства, при которых не могут быть использованы официальные силовые государственные структуры. Если ранее основной функцией казачества было поддержание общественного порядка, то впоследствии она расширилась. «Государство финансово поддерживает казачьи военные корпуса и соответствующие общественные организации, — констатирует представитель администрации края. — Большое количество казаков занимается охранной деятельностью, которая легализована законодательством края».

Сейчас казачество имеет статус не столько общественной организации, сколько бюрократической и полувоенизированной структуры с финансированием из регионального бюджета, что признается несправедливым по отношению к другим представителям этнических общностей и всех жителей края. «В Краснодарском крае проживает примерно 150 тыс. казаков. Но население края — 5 млн., — считает общественный деятель. — Почему все должны себя идентифицировать с казачеством? Многие примыкают к казакам, чтобы трудоустроиться. Казаки получили возможность заниматься охраной правопорядка за зарплату. Поэтому хочешь работать в этой сфере — записывайся в казаки. То же касается ЧОПов — организаций по охране. Казаки вне тендеров получили право заниматься на платной основе охраной организаций, магазинов, школ». Эксперты отмечают, что «неприязнь к казакам проявляется в крупных городах и на черноморском побережье, но в степной части края отношение позитивное, поскольку оно выступает коллективным субъектом, который осуществляет хозяйственную деятельность (очистка озера, ремонт школы, охрана рынка). Для них характерен высокий уровень самоорганизации».

Справедливость интеграции коренного малочисленного народа. Приоритет прав казачества признается шапсугами несправедли-

вым. Имея статус коренного малочисленного народа, они стремились к расширению своих политических, экономических и культурных прав. «Они хотели своего представительства в органах власти — общественном Совете — в соответствии с аналогичным правом малочисленных народов, как народов Севера и Дальнего Востока», — отмечает представитель органов власти. Однако в настоящее время они уже не претендуют на участие в общекраевом управлении в силу малочисленности и снижения авторитета их общественной организации среди самих шапсугов и окружения.

Несправедливым признается шапсугами отсутствие поддержки развития их традиционных видов хозяйствования и решение проблемы с землепользованием. «У шапсугов нет крупных хозяйств, хотя они надеялись на поддержку развития их традиционных видов хозяйствования — пчеловодства, выращивания фундука, — констатирует научный работник. — Но проблемы связаны с проблемами землепользования и федеральной собственности лесного фонда, возможности деятельности в котором ограничены. Шапсуги стремились к расширению своих экономических прав с использованием статуса коренного народа, но это им не удалось». Однако сами шапсуги считают, что «многие земли оказались в руках предпринимателей, которые запустили все сельхозугодья, выставив на продажу под коттеджную застройку гектары плодородных сочинских земель».

Инфраструктура сельских поселений шапсугов обновляется очень медленно и не столько в интересах населения, сколько в интересах, например, компаний, осуществляющих газификацию населенных пунктов. Однако рост туристического бизнеса позволяет шапсугам получать прибыль. «Они специализируются на туризме, — отмечает сотрудник администрации края. — Уже открыто 7 учреждений, которые торгуют товарами народного промысла, продуктами питания, вовлекают в труд, связанный с национальной идентичностью. Инфраструктуру обеспечили региональные органы власти». Однако в целом это не решает проблему трудовой занятости на селе, и молодежь признает это место жительства малоперспективным. «Близость туристических центров, — подчеркивает эксперт, — демонстрирующих другой уровень

жизни, только обостряет чувство несправедливости. Это обстоятельство также способствует миграции молодежи в мегаполисы, откуда они уже не возвращаются».

Несправедливость признается по линии исторической памяти. Шапсуги считают, что Кавказская война — это травма, поскольку на этой территории жило большое количество адыгов, а в настоящее время менее 30 тыс. «Они особенно болезненно воспринимают, когда устанавливают мемориальные знаки тем, кто покорял Кавказ, кто покорял побережье и кто участвовал в резне адыгов, — говорит представитель органов власти. — Поэтому мы особенно внимательно контролируем установление подобных “знаков”». При поддержке представителей черкесской организации, апеллируя к последствиям кавказской войны, они требуют отдельную программу поддержки помощи шапсугов для охраны их традиционного образа жизни.

Проблема с изучением родного языка признается первоочередной. «На сегодняшний день ситуация такова, что родной язык изучается в школах аулов Большой Кичмай, Хаджико, Агуй-Шапсуг и Псебе, — отмечает представитель общественной организации. — Но и в этих школах изучение родного языка не организовано в необходимом объеме. Хотя в этих школах обучается свыше 70% детей-адыгов, которые практически никак не охвачены изучением родного языка». Представители администрации края, наоборот, отмечают, что «2 млн. в год выделяется по линии национальной политики на развитие национального языка, культурные центры, развитие прессы шапсугов. Они сами мало ориентированы на серьезное изучение своего языка, относятся к этому как к формальности, и поэтому все держится на энтузиастах». Эксперты с ними солидарны, поскольку, по их мнению, «начинает теряться самоидентификация народа: в семьях мало разговаривают на языке, плохо читают, хотя в настоящее время все условия создаются (приобретение учебников и оборудования, обучение преподавателей — 20 человек повышали квалификацию в Майкопе), но адыгский изучается как второй иностранный; в школах не все хотят его изучать».

Справедливость экономической интеграции армян. Активная экономическая

деятельность армянской общности сопровождалась постепенной адаптацией к ней жителей региона, лояльность которых была вызвана следующими обстоятельствами.

Во-первых, эксперты полагают, что с 90-х гг. «напряжение в отношениях с местным населением снизилось после признания Армении в качестве стратегического партнера России, и выступать против армян означало занимать антигосударственную позицию». Кроме того, согласно позиции представителей научного сообщества, которые в своих суждениях опираются на данные социологических исследований, взаимной адаптации армян и местных жителей способствовало «сравнение их с другими диаспорами — чеченцами, дагестанцами. В этом смысле армяне — созидатели и ментально близки».

Во-вторых, армяне не стремятся к политическому представительству в краевых органах власти. «Они являются преимущественно главами поселений и не стремятся к представительству в органах власти, — отмечает представитель органов власти. — Армяне оказывают влияние на политическую власть через бизнес, их всего 6% населения края, и они лоббируют свои интересы на уровне муниципалитетов».

В-третьих, их экономическая деятельность способствует развитию региона и определяет высокую конкуренцию внутри самой общности. «Мы не наблюдаем консолидации внутри армянской общности, хотя организаций, представляющих ее интересы, много, — говорит один из экспертов. — Это вызвано жесткой экономической конкуренцией между ее представителями и лидерами, а также длительностью проживания армян на территории края, дисперсным расселением и миграцией из различных стран. Ее сохранение вызвано наличием армянско-апостольской церкви, вокруг которой и осуществляется консолидация армян. Ее культурная миссия — поддержание армянской идентичности».

Все вышеперечисленные обстоятельства признаются справедливыми населением Краснодарского края. Однако ксенофобские стереотипы по отношению к армянам сохраняются у жителей края, что признается представителями этой этнической общности несправедливым. Примером является бизнесмен С. Н. Галицкий, который сменил свою

армянскую фамилию, чтобы не провоцировать ксенофобские настроения и стереотипы, при этом он очень много делает для благоустройства края.

Справедливость правовой интеграции турок-месхетинцев. Переселение турок-месхетинцев в 80-х гг. в Краснодарский край сопровождалось негативным отношением местного населения к их образу и стилю жизни, вероисповеданию, культурной замкнутости. Сами турки-месхетинцы отмечают негативное к ним отношение с первых недель пребывания на Кубани: «Когда мы сюда приехали, Кондратенко еще правил. Я сама лично слышала, как он выступал по телевизору и говорил: “Турки-месхетинцы переступят только через мой труп, чтобы здесь жить”». Как отмечали представители органов власти и силовых структур, причиной острых конфликтных ситуаций были сексуальные преступления.

Противоправное поведение, нарушение условий природопользования при осуществлении сельскохозяйственной деятельности и неконструктивное поведение национально настроенных лидеров с требованием преференций обеспечило признание справедливости дискриминационных действий региональных органов власти и казаков в 90-е гг. XX века. «Краевые власти воспринимали пребывание турок-месхетинцев как временное, — отмечает представитель научного сообщества. Кроме того, они вселились в дома уехавших в Крым татар. Это были “ручные сделки”, которые не имели официальной регистрации». «Их активные лидеры предпринимали попытки выхода на международный уровень, поскольку у них сложилась с 60-х гг. практика отстаивания своих прав, которая была чужда органам власти и краснодарским лидерам общественных организаций, — констатирует представитель органов власти. — Лидеры были национально настроены и не конструктивны, что создавало конфликтную ситуацию. Кроме того, они нарушали условия природопользования при осуществлении видов деятельности».

Препятствия в получении гражданства и проживания на территории региона, ограничение возможностей экономического развития расценивалось самими турками как несправедливое. У представителей органов

власти иное мнение: «Они скопились в районах стратегического назначения, где прописка была запрещена. Они хотели получать паспорта не индивидуально, а всей общиной». Местные жители были недовольны тем, что «они получили высокие выплаты и поехали туда, куда им захотелось, и не хотят регистрироваться». Все эти обстоятельства и постоянные конфликты с казаками спровоцировали их массовое и добровольное переселение в 2005–2006 гг. в США по программе, реализуемой Международной организацией по миграции. Несмотря на то, что выехало более 13 тысяч турок-месхетинцев, часть из них осталось: «У меня четыре сына, все отслужили в Российской армии, отец Кубань защищал в войну, победу встретил в Берлине. Я терпеть не могу американский образ жизни, а также и саму Америку».

Оставшимся на территории края представителям этнической общности был предоставлено гражданство. «После отъезда представителей диаспоры в США туркам здесь удалось легализовать свой гражданский статус, — отмечает эксперт. — Несколько лет назад предпринималась попытка создания общественной организации, которая хотела войти в Центр национальных культур». Однако турки-месхетинцы считают несправедливым сохранение к ним радикального отношения местного населения, препятствие властей развитию их религиозной жизни, отсутствие закона о реабилитации данного народа. В частности, по их мнению, «местные власти не уделяют достаточного внимания религиозным потребностям ахыска, часто препятствуют развитию их религиозной жизни, запрещают открывать мечети или молельные дома. Священнослужители сами находятся в уязвимом положении и не могут действовать активно».

В настоящее время фактором конфликтности может стать ослабление межпоколенческих связей и контроля со стороны этнической общности за молодыми людьми, увлекающихся «истинным исламом». По мнению экспертов, старшее поколение способно удержать молодежь от радикализма путем обращения к исторической памяти: «В годы войны мы, как и другие народы страны, сражались на фронтах Великой Отечественной войны, среди нас есть

Герои Советского Союза, полные кавалеры ордена Славы, тысячи месхетинцев погибли на фронтах сражений».

Таким образом, к факторам, которые рассматриваются представителями этнообщностей и жителями края как несправедливые, относятся: правовой статус и финансирование из регионального бюджета казачьих общественных организаций; проблемы с изучением родного языка, землепользования и трудовой занятости шапсугов; ксенофобские стереотипы и предвзятое отношение к армянам, активно участвующим в экономическом развитии региона; сохранение радикальных настроений в отношении турок-месхетинцев и препятствие развитию их религиозной жизни. Эти факторы затрудняют формирование общероссийской идентичности.

Заключение. Реализация принципа справедливости в регулировании межэтнических отношений предполагает признание равенства гражданских прав представителей этнических общностей как россиян. На это ориентирована национальная политика в регионе, которая предполагает, во-первых, конструирование российской нации, то есть увеличение количества людей, которые считают себя гражданами России, во-вторых, минимизацию этнических конфликтов и, в-третьих, обеспечение межэтнического согласия.

Обеспечение межэтнического согласия в Краснодарском крае осуществляется при взаимодействии федеральных с региональными и муниципальными органами власти, этническими НПО, Центром национальных культур края и активными представителями этнической общности.

Проект интеграции этнических общностей Краснодарского края предполагает не обособленную помощь с предоставлением особого политического статуса и экономических льгот, а признание равенства гражданских прав их представителей как россиян при содействии сохранения культурной самобытности.

Реализация такого проекта будет признана справедливой населением края в случае, если будут проведены следующие мероприятия:

— выравнивание правового статуса казачества как общественной организации

и финансирования его деятельности из соответствующих федеральных и региональных программ;

— осуществление дальнейшей поддержки и финансирования преподавания родного языка шапсугов, обеспечение инфраструктурой сельских поселений и помощь в создании хозяйств, специализирующихся на туризме;

— создание благоприятного психологического климата для инвестиционной деятельности армян при поддержке средств массовой информации и интернет-сетей;

— развитие отношений с общественными организациями турок-месхетинцев и их лидерами, сохранение исторической памяти о действиях старшего поколения в годы Великой Отечественной войны и его пропаганда среди молодежи.

Литература

1. Перепись населения отразит этнический состав Краснодарского края. Сайт «Кавказский узел» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/175954/>.
2. Попова И. П. Социальная справедливость в научных дискуссиях 1990–2010-х годов // Мир России. — 2016. — №3. — С. 56–75.
3. Файзулин Ф. С., Файзулин Т. Ф. Социальная справедливость как принцип стабилизации межнациональных отношений в обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2014. — №11-1. — С. 73–77.

References

1. Perepis' naseleniya otrazit etnicheskiy sostav Krasnodarskogo kraya. Sayt «Kavkazskiy uzел». [The population census will reflect the ethnic composition of the Krasnodar Territory] [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/175954/>.
2. Popova I. P. Sotsial'naya spravedlivost' v nauchnykh diskussiyakh 1990–2010-kh godov [Social Justice in Scientific Discussions of the 1990–2010s] // Mir Rossii [World of Russia]. — 2016. — №3. — Pp. 56–75.
3. Fayzulin F. S., Fayzulin T. F. Sotsial'naya spravedlivost' kak printsip stabilizatsii

mezhnatsional'nykh otnosheniy v obshchestve
[Social justice as a principle of stabilizing interethnic relations in society] // Gumanitarnyye,

sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki [Humanitarian, socio-economic and social sciences]. — 2014. — №11-1. — Pp. 73–77.

Поступила в редакцию

18 ноября 2020 г.

Чернобровкина Наталья Игоревна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета. Область научных интересов: регионализация в странах евразийского региона с позиций форм и моделей ее развития в странах Европейского союза, странах Черноморско-Каспийского региона и России. Стаж по специальности — более 25 лет.

Chernobrovkina Natalia Igorevna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Sociology and Regional Management, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. Research interests: regionalization in the countries of the Eurasian region from the standpoint of the forms and models of its development in the countries of the European Union, the countries of the Black Sea-Caspian region and Russia. Professional experience is more than 25 years.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: nichernobrovkina@sfnpu.ru

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

УДК: 330.15; 332.142.6
10.17213/2075-2067-2020-6-144-153

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГО-ИНДУСТРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

© 2020 г. *Е. О. Вегнер-Козлова*

*Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
г. Екатеринбург, Россия
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия*

Целью исследования является анализ правовых норм, регулирующих эколого-экономическое взаимодействие с точки зрения элементов фреймворка циркулярной экономики.

Методологическую базу исследования представляют концептуальные положения теории циркулярной экономики и теории социального пространства. К используемым научным методам относятся сравнительный и причинно-следственный анализ.

Результаты исследования. Ежегодно экономические потери, обусловленные ухудшением качества окружающей среды, без учета ущерба здоровью людей составляют 4–6% ВВП. При этом конкурентоспособность страны на мировых рынках напрямую зависит от развития высокотехнологичных производств, что не предполагает вынесения задачи сохранения экологической стабильности в разряд первостепенных. Разрешение данного противоречия может находиться в применении принципов циркулярной экономики, которая ориентирована на достижение целей устойчивого развития при помощи снижения линейности систем производства и потребления. Указанное противоречие рассматривается в работе с точки зрения пространственного подхода, что определило необходимость проведения анализа нормативно-правовых документов в сфере экологического регулирования с целью выявления элементов фреймворка циркулярной экономики. В результате проведенного анализа установлено, что элементы фреймворка «3R» и «10R» в настоящее время слабо представлены в правовом пространстве РФ. В основном в нормативно-правовых актах присутствует элемент «сокращения» в контексте снижения негативного воздействия на окружающую среду. Элементы фреймворка «3R» «повторное использование» и «переработка», а также элементы фреймворка «10R» в настоящее время в нормативно-правовом поле практически не представлены, что организационно осложняет переход к принципам циркулярной экономики и не соответствует задачам достижения конкурентоспособности национальной экономики на мировых рынках.

Перспективы исследования заключаются в определении конкретных организационно-правовых инструментов перехода экономической системы к циркулярному типу развития.

Ключевые слова: эколого-индустриальное пространство; циркулярная экономика; фреймворк «3R», «10R»; экология; устойчивое развитие.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-010-00558.

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS
OF ECOLOGICAL AND INDUSTRIAL INTERACTION**

© 2020 E. O. Wegner-Kozlova

*Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

The purpose of the research is to analyze the legal norms regulating environmental and economic interaction from the point of view of elements of the circular economy framework.

The methodological basis of the research is provided by the conceptual provisions of the theory of circular economy and the theory of social space. The scientific methods used include comparative and causal analysis.

Research result. Every year, economic losses caused by environmental degradation, excluding damage to human health, amount to 4–6% of GDP. At the same time, the country's competitiveness in world markets directly depends on the development of high-tech industries, which does not imply making the task of preserving environmental stability a priority. The solution to this contradiction can be found in the application of the principles of circular economy, which is focused on achieving the goals of sustainable development by reducing the linearity of production and consumption systems. This contradiction is considered in the work from the point of view of the spatial approach, which determined the need to analyze regulatory documents in the field of environmental regulation in order to identify elements of the circular economy framework. As a result of the analysis, it was found that the elements of the «3R» and «10R» frameworks are currently poorly represented in the legal space of the Russian Federation. In General, the regulatory acts contain an element of «reduce» in the context of reducing the negative impact on the environment. The elements of frame «3R» «reuse» and «recycle», as well as the elements of frame «10R» are currently practically not represented in the regulatory field, which complicates the transition to the principles of a circular economy and does not meet the objectives of achieving the competitiveness of the national economy in world markets.

The prospects of the research are to identify specific organizational and legal tools for the transition of the economic system to a circular type of development.

Key words: ecological-industrial space; circular economy; «3R» and «10R» framework; ecology; sustainable development.

Введение. Проблема экологической деградации территорий РФ в настоящее время приобрела особую актуальность. Сложившаяся ситуация характеризуется «высоким уровнем антропогенного воздействия на окружающую среду и значительными экологическими последствиями прошлой экономической деятельности» [3]. Негативное техногенное воздействие отрицательно сказывается, в том числе и на экономических показателях, так как снижает качество как природных, так

и человеческих ресурсов: «неблагоприятная окружающая среда является причиной ухудшения здоровья и повышения смертности населения, особенно той его части, которая проживает в промышленных центрах и вблизи производственных объектов». «Ежегодно экономические потери, обусловленные ухудшением качества окружающей среды и связанными с ним экономическими факторами, без учета ущерба здоровью людей составляют 4–6% ВВП» [6].

При этом конкурентоспособность страны на мировых рынках напрямую зависит от развития высокотехнологичных производств, что не предполагает вынесения задачи сохранения экологической стабильности в разряд первостепенных.

Обозначенная проблематика возможности совмещения эколого-экономических интересов заставляет взглянуть на систему не с точки зрения набора элементов (собственность, имущество, право, ресурсы и т.д.), а с точки зрения пространственного подхода.

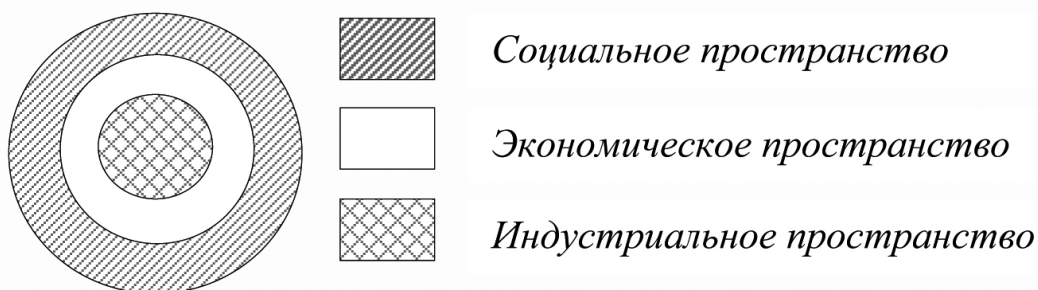
Теоретическое обоснование эколого-индустриального пространства. Экономическое пространство как составляющая социального пространства возникает в результате взаимоотношений по поводу удовлетворения *потребностей* социальных акторов и предполагает обмен ресурсами на основе правовых и культурных *норм*, регулирующих предпринимательскую и иную экономическую деятельность. Индустриальное пространство, в свою очередь, является полем экономического пространства (рис. 1), представляя собой систему взаимодействия акторов пространства по поводу производства и потребления индустриальной продукции.

Акторы экономического пространства, осуществляя свою деятельность и реализуя социальные отношения, жизненно заинтересованы в благоприятной окружающей среде. Следовательно, экологическое пространство можно рассматривать, во-первых, как необходимую среду обитания социальных акторов, и, во-вторых, как социальные взаимоотношения индивидуальных и групповых акторов по поводу реализации потребности в благоприятной окружающей среде. Взаимодействие физически реализованного индустриального пространства с экологическим пространством порождает противоречие целей акторов пространств.

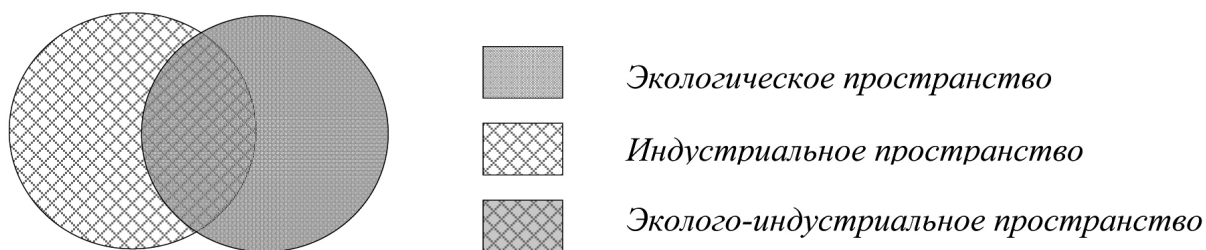
Разрешение данного противоречия может находиться в применении принципов циркулярной экономики (ЦЭ), которая ориентирована на достижение целей устойчивого развития при помощи снижения линейности систем производства и потребления.

Фреймворк циркулярной экономики.

Циркулярная экономика описывает экономическую систему, заменяющую концепцию «окончания жизненного цикла» сокращением, повторным использованием, рециркуляцией потоков веществ в процессах производства, распределения или потребления.

Рис. 1. Взаимодействие полей социального пространства

Рис. 2. Формирование эколого-индустриального пространства

Таблица 1

Трактовки циркулярной экономики [2]

Авторы / Источник	Трактовки циркулярной экономики
Ellen MacArthur Foundation	Циркулярную экономику можно определить как промышленную систему, которая является восстановительной или регенеративной. Она заменяет концепцию конца жизни восстановлением, смещается в сторону использования возобновляемых источников энергии, устраняет использование токсичных химических веществ, которые препятствуют повторному использованию и возвращению в биосферу, и направлена на ликвидацию отходов посредством превосходного проектирования материалов, продуктов, систем и бизнес-моделей [7].
Sauve S. Bernard S. Sloan P.	Модель производства и потребления товаров посредством замкнутых циклов материальных потоков, предполагающая интернализацию внешних экологических факторов, связанных с добычей первичных ресурсов и образованием отходов (включая загрязнение окружающей среды) [10].
Kirchherr J. Reike D. Hekkert M.	Циклическая экономика описывает экономическую систему, основанную на бизнес-моделях, которые заменяют концепцию «конца жизни» сокращением, повторным использованием, рециркуляцией материалов в процессах производства или распределения и потребления. Функционирует на микроуровне (продукция, компании, потребители), мезоуровне (эко-промышленные парки) и макроуровне (город, регион, нация, международный уровень), с целью достижения устойчивого развития, которое подразумевает создание качественной окружающей среды, экономического процветания и социальной справедливости, на благо нынешнего и будущих поколений [8].
Korhonen J. Nuur C. Feldmann A. Eshetu Birkie S.	Циклическая экономика — это инициатива устойчивого развития, направленная на снижение линейности общественных систем производства и потребления, применение циклов материалов, возобновляемых и каскадных потоков энергии к линейной системе. Циркулярная экономика способствует развитию высокоценных материальных циклов наряду с более традиционной переработкой и развивает системные подходы к сотрудничеству производителей, потребителей и других общественных субъектов в области устойчивого развития [9].
Н. В. Пахомова К. К. Рихтер М. А. Ветрова	«Под циркулярной экономикой специалистами понимается экономика, которой свойствен восстановительный и замкнутый характер. Для нее характерна минимизация потребления первичного сырья и объемов перерабатываемых ресурсов, которая сопровождается снижением отходов, направляемых на захоронение, при одновременном сокращении площадей, занимаемых соответствующими полигонами и неорганизованными свалками» [4].
Н. М. Сербулова А.С. Городнянская С. В. Канурный	«Циркулярная экономика — это восстановительная или регенеративная производственная система. Данный подход предусматривает замену концепции «окончание срока службы» ремонтом, обеспечивает смещение интересов в сторону использования возобновляемых источников энергии, полностью исключает использование токсичных химических веществ, которые мешают повторному использованию продукции, и ставит своей целью ликвидацию отходов посредством улучшения конструктивных характеристик материалов, изделий, систем, и, как итог, всей бизнес-модели» [5].

Окончание таблицы 1

Д. В. Валько	Концепция экономики замкнутого цикла (circular economy, cyclic economy, closed-loop economy) или циркулярной экономики в общем смысле определяет альтернативы традиционному экономическому механизму, основанные на возобновлении ресурсов и их замкнутом использовании на всех этапах цепочки создания ценности. Концепция циркулярной экономики предполагает построение экономической деятельности на принципах возобновления ресурсов и здоровьесбережении социо-эколого-экономической системы, что позволяет обеспечивать эффективность во всех масштабах: от домохозяйств и малых предприятий до глобальной экономики [1].
--------------	---

Базисными принципами ЦЭ являются принципы «3R»:

- 1) сокращение (reduce);
- 2) повторное использование (reuse);
- 3) переработка (recycle).

Однако в настоящее время для характеристики концепции используется расширенный перечень «10R» [8]:

- 1) сокращение (reduse);
- 2) повторное использование (reuse);
- 3) рециклинг (переработка) (recycle);
- 4) отказ (refuse);
- 5) пересмотр (rethink);
- 6) ремонт (repair);
- 7) модернизация (refurbish);
- 8) реконструкция (remanufacture);
- 9) перепрофилирование (repurpose);
- 10) восстановление (recover).

Различные подходы к определению дефиниции «циркулярная экономика» представлены в табл. 1.

Органы государственной власти развитых стран активно способствуют переходу к принципам циркулярной экономики для достижения необходимого уровня эколого-экономической устойчивости.

Тенденции мирового экономического развития подтверждают, что определяющим фактором конкурентоспособности на мировых рынках остается развитие высокотехнологичных производств. Но насущная необходимость сохранения конкурентоспособности национальных экономик заставляет развитые страны активно переориентироваться на циркулярную модель, позволяющую более длительно сохранять практическую полезность ресурсов и материалов, минимизировать объемы образования отходов и достигать устойчивого, ресурсоэффективного и конкурентоспособного развития.

Заинтересованность мирового сообщества в развитии и применении концепции ЦЭ конкретизируется в формировании нормативно-правовой базы экономики циркулярного типа. В 2002 г. Япония приняла «Основной закон для формирования общества, ориентированного на переработку». Китай стал первой страной, которая прямо указала на ЦЭ в нормативном акте, приняв в 2009 г. Закон «О стимулировании циркулярной экономики». Европейский Союз поощряет и развивает применение принципов циркулярной экономики с помощью политических мер и мер, направленных на достижение значительного воздействия на протяжении всего цикла использования ресурсов, от производства и потребления до обращения с отходами и управления ими. Германия была одной из первых стран, внедривших двойную систему сбора отходов и законы о замкнутом цикле материалов и об управлении отходами. В Дании усилия были сосредоточены на проектировании товаров, изменении бизнес-моделей и стратегий проектирования. Это, в частности, касается сложных потребительских товаров (электроники, автомобилей) и высокотехнологичных производств. Исследовательские университетские центры и финансируемые Евросоюзом проекты были ориентированы на принципы ЦЭ, способствуя ее развитию. В 2015 г. Европейская комиссия содействовала выпуску Европейского пакета документов, который поддерживал внедрение передовой практики ЦЭ [11].

Следует также отметить, что ужесточение требований к соблюдению экологических стандартов со стороны мирового сообщества становится фактически фактором конкурентной борьбы.

Организационно-правовые основы циркулярной экономики в РФ. В российском научно-исследовательском пространстве ежегодно растет число теоретических работ, посвященных преимуществам циркулярной экономики, однако работ, затрагивающих конкретные практические меры и организационно-правовые аспекты поэтапного перехода к принципам концепции, существенно меньше.

В практике предприятий элементы фреймворка ЦЭ уже находят свое применение. На примере Урала можно увидеть, что индустриальная ориентация территории определяет ключевые направления реализации «3R» (табл. 2).

Однако целенаправленное развитие циркулярной экономики в РФ ограничивает отсутствие рамочного программного документа, позволяющего детерминировать задачи, стимулы, ограничения и алгоритмы перехода к принципам циркулярной экономики.

Элементы концепции ЦЭ содержатся в ряде нормативно-правовых документов. В Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. обращается внимание на «необходимость обеспечения экологической безопасности при модернизации экономики и в процессе инновационного развития». Стратегической целью государс-

Таблица 2

Применение элементов фреймворка циркулярной экономики на Урале

Преобладающие на Урале отходы	Возможности сокращения, повторного использования и переработки («3R»)
Отходы добычи черных металлов	Балластный материал Рекультивационный материал В качестве глинистых экранов В качестве строительных материалов В качестве добавок для строительных материалов
Отходы добычи цветных металлов	Балластный материал Рекультивационный материал В качестве глинистых экранов В качестве строительных материалов В качестве добавок для строительных материалов
Отходы добычи нерудного сырья	В качестве строительных материалов В качестве добавок для строительных материалов В качестве глинистых экранов Балластный материал
Отходы добычи энергетического сырья (уголь)	В качестве строительных материалов Рекультивационный материал
Отходы обогащения (хвосты)	В качестве полезного ископаемого В качестве добавок для строительных материалов Рекультивационный материал
Отходы металлургического производства (шлаки доменные и шлаки сталеплавильные)	В качестве полезного ископаемого В качестве добавок для строительных материалов В качестве строительных материалов Рекультивационный материал Балластный материал
Отходы водоподготовки и водоочистки	Рекультивационный материал В качестве добавок для удобрений
Коммунальные отходы	Рекультивационный материал В качестве вторичного сырья

твенной политики в области экологического развития является решение социально-экономических задач, обеспечивающих *экологически ориентированный рост экономики*.

В качестве рыночных инструментов экономического регулирования в документе предложены следующие механизмы, отвечающие принципам ЦЭ:

— применения малоотходных и ресурсосберегающих технологий и оборудования;

— стимулирования предприятий, осуществляющих программы экологической модернизации производства и экологической реабилитации соответствующих территорий;

— обеспечения широкого применения государственно-частного партнерства при государственном финансировании (софинансировании) мероприятий по оздоровлению экологически неблагоприятных территорий;

Таблица 3

Элементы фреймворка циркулярной экономики в нормативно-правовых актах РФ

Нормативный правовой акт	Фреймворк «3R»			Фреймворк «10R»
	Reduce Сокращение	Reuse Повторное использование	Recycle Переработка	
«Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.» (утв. Президентом РФ 30.04.2012 г.)	+	+	+	+
Федеральный закон от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды»	Ст. 3; Ст. 16,3; Ст. 17; Ст. 19; Ст. 23,1; Ст. 28,1; Ст. 45; Ст. 46; Ст. 48; Ст. 63,1; Ст. 67,1; Ст. 69	+	+	+
Государственная программа Российской Федерации «Охрана окружающей среды» (утв. Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 г. №326)	+		+	+
Федеральный Закон от 24.06.1998 г. №89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»	+	+	+	+
Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Указом Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. №176)	+	+	+	+

— осуществления поддержки технологической модернизации, обеспечивающей уменьшение антропогенной нагрузки на окружающую среду;

— неистощительного использования возобновляемых и рационального использования невозобновляемых природных ресурсов;

— обеспечения преимущества при размещении заказов для государственных и муниципальных нужд товарам, работам, услугам, отвечающим установленным экологическим требованиям.

Элементы фреймворка «3R» и «10R» в настоящее время слабо представлены в правовом пространстве РФ. В основном в нормативно-правовых актах присутствует элемент «сокращения» в контексте снижения негативного воздействия на окружающую среду (табл. 3).

Положения, регулирующие применение наилучших доступных технологий (НДТ), предполагающих применение технологий производства продукции (товаров), выполнения работ, оказания услуг, определяемых на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев достижения целей охраны окружающей среды, отнесены, учитывая их ориентированность на модернизацию и реконструкцию, к фреймворку «10R».

Более всего элементы фреймворка «3R» представлены в Федеральном Законе от 24.06.1998 г. №89-ФЗ (ред. от 07.04.2020 г.) «Об отходах производства и потребления». Согласно указанному нормативно-правовому акту утилизация отходов — это использование отходов для производства товаров (продукции), выполнения работ, оказания услуг, включая повторное применение отходов, в том числе повторное применение отходов по прямому назначению (рециклинг), их возврат в производственный цикл после соответствующей подготовки (регенерация), извлечение полезных компонентов для их повторного применения (рекуперация), а также использование твердых коммунальных отходов в качестве возобновляемого источника энергии (вторичных энергетических ресурсов) после извлечения из них полезных компонентов.

Элементы фреймворка «3R» «повторное использование» и «переработка», а также

элементы фреймворка «10R» в настоящее время в нормативно-правовом поле практически не представлены.

Заключение. Использование принципов и инструментов циркулярной экономики все чаще рассматривается в качестве средства достижения целей устойчивого развития. Хозяйственная деятельность в рамках циркулярной экономики ориентирована на максимальное сохранение стоимости продукции, материалов и ресурсов и одновременно на минимизацию негативного воздействия на окружающую среду. ЦЭ способствует оптимизации систем производства и потребления через реализацию нелинейной экономической модели, определяя иной способ взаимодействия природы и общества, снижая противоречия акторов эколого-индустриального пространства. Однако, ввиду того, что взаимодействие акторов пространства предполагает обмен ресурсами на основе норм, регулирующих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, переход к этой модели должен сопровождаться развитием элементов ЦЭ в организационно-правовом обеспечении хозяйственной деятельности.

Литература

1. Валько Д. В. Циркулярная экономика: теоретическая модель и эффекты реализации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2018. — Т. 14. — Вып. 8. — С. 1415–1429.
2. Гребенкин А. В., Вегнер-Козлова Е. О. Теоретические и прикладные аспекты концепции циркулярной экономики // Журнал экономической теории. — 2020. — Т. 17. — №2. — С. 399–411.
3. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (утв. Президентом РФ 30.04.2012 г.).
4. Пахомова Н. В., Рихтер К. К., Ветрова М. А. Переход к циркулярной экономике и замкнутым цепям поставок как фактор устойчивого развития // Вестник СПбГУ. Экономика. — 2017. — Т. 33. — Вып. 2. — С. 244–268. — DOI: 10.21638/11701/spbu05.2017.203.
5. Сербулова Н. М., Городнянская А. С., Канурный С. В. Барьеры на пути перехода к цирку-

лярной экономике // Экономика и предпринимательство. — 2018. — №3(92). — С. 978–983.

6. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. №176).

7. Ellen MacArthur Foundation. Towards the Circular Economy: Economic and Business Rationale for an Accelerated Transition. 2013 [Electronic resource]. — URL: <https://www.ellenmacarthurfoundation.org/assets/downloads/publications/Ellen-MacArthur-Foundation-Towards-the-Circular-Economy-vol.1.pdf> (Date accessed: 24.04.2020).

8. Kirchherr J., Reike D., Hekkert M. Conceptualizing the circular economy: An analysis of 114 definitions // Resources, Conservation & Recycling. — 2017. — №127. — P. 221–232. — DOI:10.1016/j.resconrec.2017.09.005.

9. Korhonen J., Honkasalo A., Sepälä J. Circular Economy: The Concept and its Limitations // Ecological Economics. — 2018. — №143. — P. 37–46. — DOI: 10.1016/j.ecolecon.2017.06.041.

10. Sauve S., Bernard S., Sloan P. Environmental sciences, sustainable development and circular economy: Alternative concepts for transdisciplinary research // Environmental Development. — 2016. — №17. — P. 48–56. — DOI: 10.1016/j.envdev.2015.09.002.

11. Silvestri F., Spigarelli F., Tassinari M. Regional development of Circular Economy in the European Union: A multidimensional analysis [Electronic resource] // Journal of Cleaner Production. — 2020. — №255. — P. 1–19. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.120218>.

References

1. Val'ko D. V. Cirkuljarnaja jekonomika: teoreticheskaja model' i jeffekty realizacii [Circular economy: theoretical model and implementation effects] // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' [National interests: priorities and security]. — 2018. — Vol. 14. — Issue 8. — Pp. 1415–1429.

2. Grebenkin A. V., Vegner-Kozlova E. O. Teoreticheskie i prikladnye aspekty koncepcii cirkuljarnoj jekonomiki [Theoretical and applied aspects of the concept of circular economy] // Zhurnal jekonomicheskoy teorii [Journal of economic theory]. — 2020. — Vol. 17. — №2. — Pp. 399–411.

3. Osnovy gosudarstvennoj politiki v oblasti jekologicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 g. (utv. Prezidentom RF 30.04.2012 g.) [Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030 (approved by the President of the Russian Federation on 30.04.2012)].

4. Pahomova N. V., Rihter K. K., Vetrova M. A. Perehod k cirkuljarnoj jekonomike i zamknutym cepjam postavok kak faktor ustojchivogo razvitija [Transition to a circular economy and closed supply chains as a factor of sustainable development] // Vestnik SPbGU. Jekonomika [Bulletin of St. Petersburg State University. Economy]. — 2017. — Vol. 33. — Issue 2. — Pp. 244–268. — DOI: 10.21638/11701/spbu05.2017.203.

5. Serbulova N. M., Gorodnjanskaja A. S., Kanurnyj S. V. Bar'ery na puti perehoda k cirkuljarnoj jekonomike [Barriers to the transition to a circular economy] // Jekonomika i predprinimatel'stvo [Economics and entrepreneurship]. — 2018. — №3(92). — Pp. 978–983.

6. Strategija jekologicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19 aprelja 2017 g. №176) [Strategy of environmental safety of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by decree of the President of the Russian Federation №176 of April 19, 2017)].

7. Ellen MacArthur Foundation. Towards the Circular Economy: Economic and Business Rationale for an Accelerated Transition. 2013 [Electronic resource]. — URL: <https://www.ellenmacarthurfoundation.org/assets/downloads/publications/Ellen-MacArthur-Foundation-Towards-the-Circular-Economy-vol.1.pdf> (Date accessed: 24.04.2020).

8. Kirchherr J., Reike D., Hekkert M. Conceptualizing the circular economy: An analysis of 114 definitions // Resources, Conservation & Recycling. — 2017. — №127. — P. 221–232. — DOI:10.1016/j.resconrec.2017.09.005.

9. Korhonen J., Honkasalo A., Sepälä J. Circular Economy: The Concept and its Limitations // Ecological Economics. — 2018. — №143. — P. 37–46. — DOI: 10.1016/j.ecolecon.2017.06.041.

10. Sauve S., Bernard S., Sloan P. Environmental sciences, sustainable development and circular economy: Alternative concepts for transdisciplinary research // Environmental Development. — 2016. — №17. — P. 48–56. — DOI: 10.1016/j.envdev.2015.09.002.

10. *Sauve S., Bernard S., Sloan P.* Environmental sciences, sustainable development and circular economy: Alternative concepts for transdisciplinary research // *Environmental Development*. — 2016. — №17. — P. 48–56. — DOI: 10.1016/j.envdev.2015.09.002.

11. *Silvestri F., Spigarelli F., Tassinari M.* Regional development of Circular Economy in the European Union: A multidimensional analysis [Electronic resource] // *Journal of Cleaner Production*. — 2020. — №255. — P. 1–19. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.120218>.

Поступила в редакцию

14 октября 2020 г.

Вегнер-Козлова Екатерина Олеговна — кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Wegner-Kozlova Ekaterina Olegovna — Candidate of Economic Sciences, Research Associate, Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

620014, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 13б
13b Lenina st., 620014, Yekaterinburg, Russia
E-mail: katya.human@mail.ru

УДК 330.16

10.17213/2075-2067-2020-6-154-162

ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2020 г. Л. В. Голощапова, Н. П. Савина, К. А. Винидиктова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

Целью исследования является анализ применения информационных технологий в сфере здравоохранения и использования определенного метода анализа данных для минимизации доступа к конфиденциальной информации.

Методологическую базу исследования составляют теории и практики российских и зарубежных специалистов по исследованию основных положений компьютерной обработки данных.

Результаты исследования. Основной результат — выявление особенностей и проблем проведения ревизии в условиях компьютерной обработки данных, опыта внедрения технологий в сфере здравоохранения государственными учреждениями в связи с переходом на ведение отчетности в электронном виде путем применения определенных систем и баз данных, таких как МедIALOG, МедИсследования и др.

Перспективы исследования состоят в более детальном анализе деятельности учреждений здравоохранения, корректировке методов применения российских и зарубежных технологий.

Ключевые слова: информационные технологии; цифровизация; компьютерные данные; персональные данные; здравоохранение; ревизия.

EXPERIENCE IN IMPLEMENTING INFORMATION TECHNOLOGIES IN HEALTHCARE: PROBLEMS AND PROSPECTS

© 2020 L. V. Goloshchapova, N. P. Savina, K. A. Vinidiktova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

The purpose of the study is to analyze the application of information technologies in the healthcare sector and the use of a specific data analysis method to minimize access to confidential information.

The methodological base of the research consists of the theories and practices of Russian and foreign specialists in the study of the main provisions of computer data processing.

The results of the study. The main result is to identify the features and problems of conducting audits in the context of computer data processing, experience in implementing technologies in the healthcare sector by state institutions in connection with the transition to electronic reporting by using certain systems and databases, such as MedIALOG, medical Research, etc.

The research prospects consist in a more detailed analysis of the activities of healthcare institutions, adjusting the methods of using Russian and foreign technologies.

Key words: information technologies; digitalization; computer data; healthcare; audit.

Введение. XXI век — период информатизации и цифровизации, внедрения в жизнь компьютерных технологий взамен бумажных носителей информации. Многие государственные учреждения перешли на электронные базы данных клиентов, записывают их на прием, выписывают лекарства через онлайн-систему здравоохранения, проводят консультации. Проведение проверки финансово-хозяйственной деятельности в период цифровизации становится сложнее, чем раньше [2].

Теоретические основы данных о сфере здравоохранения, полученных посредством внедрения информационных технологий. Рассмотрение темы ревизии компьютерной обработки данных невозможно без использования базовых понятий. Любое представление информации в электронном виде, подходящем для обработки в компьютерной системе, включая разработку, — это компьютерные данные. Их можно классифицировать по определенным признакам (рис. 1).

В сфере здравоохранения цифровизация начала проявляться примерно с 1999 г. с введения ИНН, который существует для физических, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Данное нововведение по-

могло исчислять налоги в различные отрасли здравоохранения, а также увеличить число предоставляемых гражданам услуг, упростило процесс обслуживания. Глобальные изменения происходят как на региональном, так и на федеральном уровнях.

Следующим этапом внедрения электронных данных в систему здравоохранения является введение электронной базы данных для учета инструментария, препаратов, оборудования. Введение данной системы снизило процент сокрытия препаратов и повысило степень открытости сектора здравоохранения. В большинстве медицинских организаций происходит составление и сортировка документации в цифровом формате. Внедрение в медицину информационных технологий в разы улучшило качество услуг, произошла автоматизация бизнес-процессов и создание централизованной системы контроля данных, исключение ошибок и подробная интерпретация результатов, исключение подмен и потерь.

Параллельно с внедрением электронных карт в 2009 г. появилось приложение «Электронная регистратура», в котором возможно с помощью портала государственных услуг и своего медицинского полиса записаться на прием к врачу, не выходя из дома. Все бо-

Рис. 1. Классификация данных [3]

лее широкое распространение получают онлайн-консультации врачей по вопросам, которые не требуют посещения поликлиники [5].

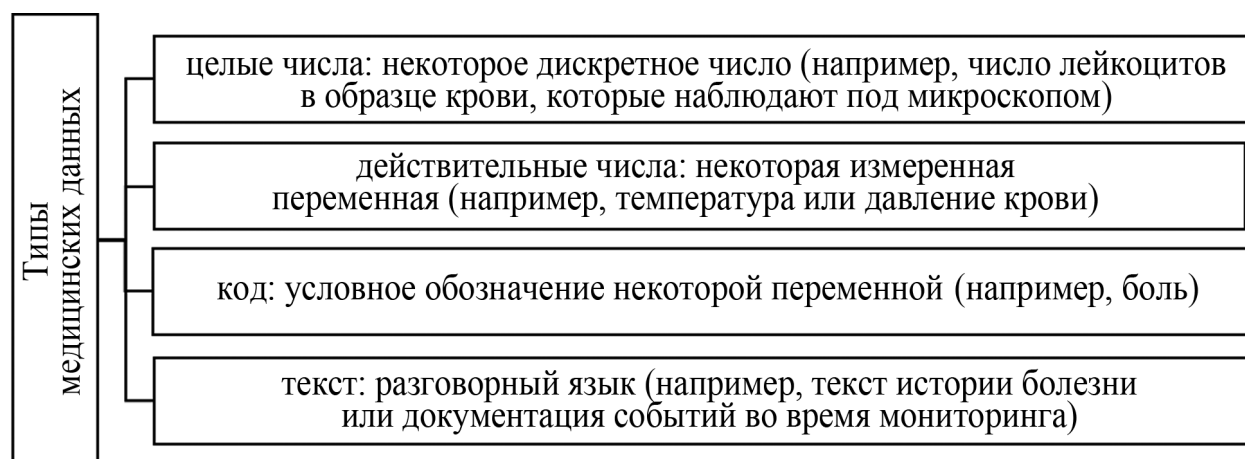
Данные в сфере медицины являются конфиденциальной информацией и коммерческой тайной, что требует шифрования и кодирования. В настоящее время в сфере здравоохранения информация может быть зашифрована в четырех видах (рис. 2).

Обработка компьютерных данных представляет собой процесс изменения и корректировки содержания информации с помощью различных методов [1]. Технологии обработки компьютерной информации (данных) в медицинской сфере представлены на рис. 3.

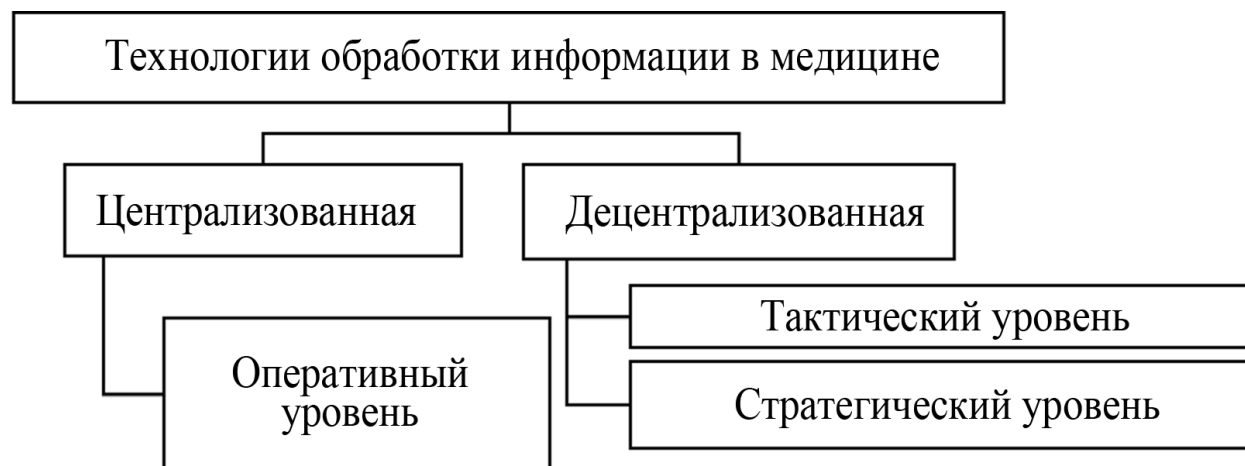
Рассмотрим централизованную обработку данных, которая в основном осуществляется в вычислительных центрах на высокопроизводительных и высокоточных компьютерах.

В данных центрах существуют специальные хранилища информации, которые защищены специальными кодами и оснащены средствами подготовки и выполнения документов. В большинстве случаев центры имеют в своем ведении медицинские учреждения определенного района, города, области, республики и подчинены определенным учреждениям управления здравоохранением. Персонал данного центра — медицинские работники, инженеры технических систем, дизайнеры, программисты, системные администраторы.

Децентрализованная обработка данных немного отличается от централизованной и получила свое развитие в период внедрения персональных компьютерных устройств, благодаря которым стало возможным вести карту пациента и просматривать все его назначения в условиях контрольных меропр-

Рис. 2. Типы данных, которые используют в документировании в системе здравоохранения

Рис. 3. Технологии обработки информации в сфере здравоохранения [7]

ятий. Были созданы аппаратно-программные комплексы для графической работы и автоматизирования рабочего места (используются системы Медиолог, МедМес и другие) [5].

Обработка информации в сфере здравоохранения происходит в несколько уровней (этапов).

1. Оперативный (операционный) уровень. Основу деятельности и четко структурированные задачи на данном уровне выполняют работники медицинских учреждений и вспомогательные службы. Оперативный уровень является важным звеном во взаимодействии между пациентом и страховыми компаниями, аптеками и другими. Особенность данного уровня — наличие одного из эффектов маркетинга.

2. Tактический уровень предназначен для обеспечения специалистов высшего и среднего звена, специалистов определенной отрасли и заведующих данным отделением. Основными задачами системы на данном уровне является возможность обеспечивать автономную работу (вести историю болезни, оформлять документы, иметь доступ к базам других учебных заведений, ведения отчетности).

3. Стратегический уровень используется только работниками высшего звена и связан с оптимальным управлением лечебным заведением на основе контроля и планирования. Наличие на данном уровне технологий, которые не были использованы ранее, — важная часть верного управленческого решения различных по сложности ситуаций, что показала на практике ситуация пандемического ограничения. Они базируются на региональных и государственных сетях и обеспечивают связь на разных уровнях.

Для исследования финансово-хозяйственной деятельности учреждения здравоохранения и выявления ошибок составления отчетности используют ревизию — метод

финансового контроля. Для более детального рассмотрения понятия ревизии стоит обратить внимание на основные методы ее проведения, которые используются в данном виде проверки финансово-хозяйственной деятельности:

- 1) документальная ревизия;
- 2) фактическая ревизия;
- 3) методы экономического анализа — аналитические процедуры;
- 4) организационные методы.

Ревизия в большинстве случаев проводится поэтапно и состоит из пяти составляющих (рис. 4).

По причине того, что в медицинской сфере большая часть информации является конфиденциальной, проведение ревизии имеет свои определенные особенности. Оценка нарушений предполагает использование неконфиденциальной информации и отзывы самих пациентов системы здравоохранения.

Аналитическое исследование компьютерной обработки данных в сфере здравоохранения. При рассмотрении ревизии в медицинских учреждениях проводится рассмотрение финансов кассы и расчетных счетов, документов по финансово-хозяйственной деятельности, проверяется основная информация по расходам денежных средств, имуществу и качеству оказания услуг. В ревизии медицинских учреждений чаще всего используется метод встречных проверок: сличение документов бухгалтерии, рассмотрение услуг, по которым выданы счета.

Проверка в медицинских учреждениях происходит в несколько этапов:

— проверка правильности планирования расходов на содержание учреждений здравоохранения;

— проверка состояния бухгалтерского учета и достоверности отчетности.

Рис. 4. Технологическая процедура проведения ревизии

При анализе данных исследований, проводимых в системе здравоохранения, были выявлены определенные проблемы информатизации и цифровизации данной сферы. Рассмотрим основную классификацию проблем, которые присущи как частным, так и государственным учреждениям (рис. 5).

По результатам 8362 проверок в 3323 медицинских учреждениях было выявлено примерно 45% нарушений (рис. 6).

Как видно по представленным на рисунке 6 данным, большая часть нарушений именно прав пациента зависит от качества и доступности оказываемых услуг, меньше всего случаев составляет разглашение врачебной тайны и коммерческой информации. Согласно статистическим исследованиям данные нарушения в основном встречаются в отдаленных уголках России, например, в Регионах Сибири и Дальнего Востока [6].

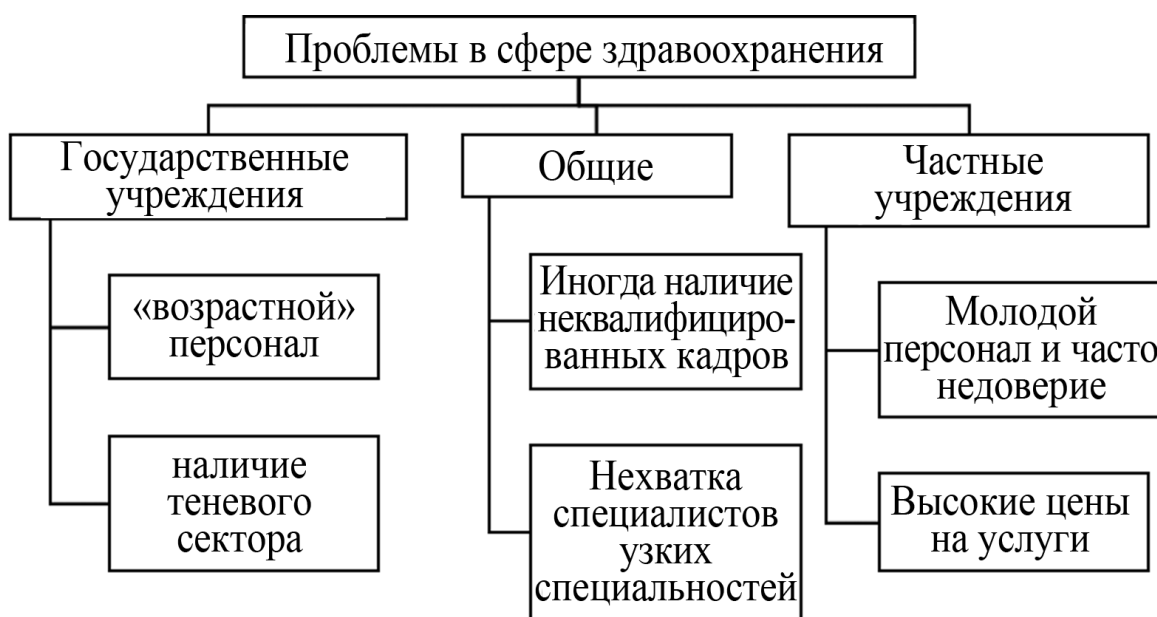

Рис. 5. Проблемы в сфере здравоохранения на 2019 г.

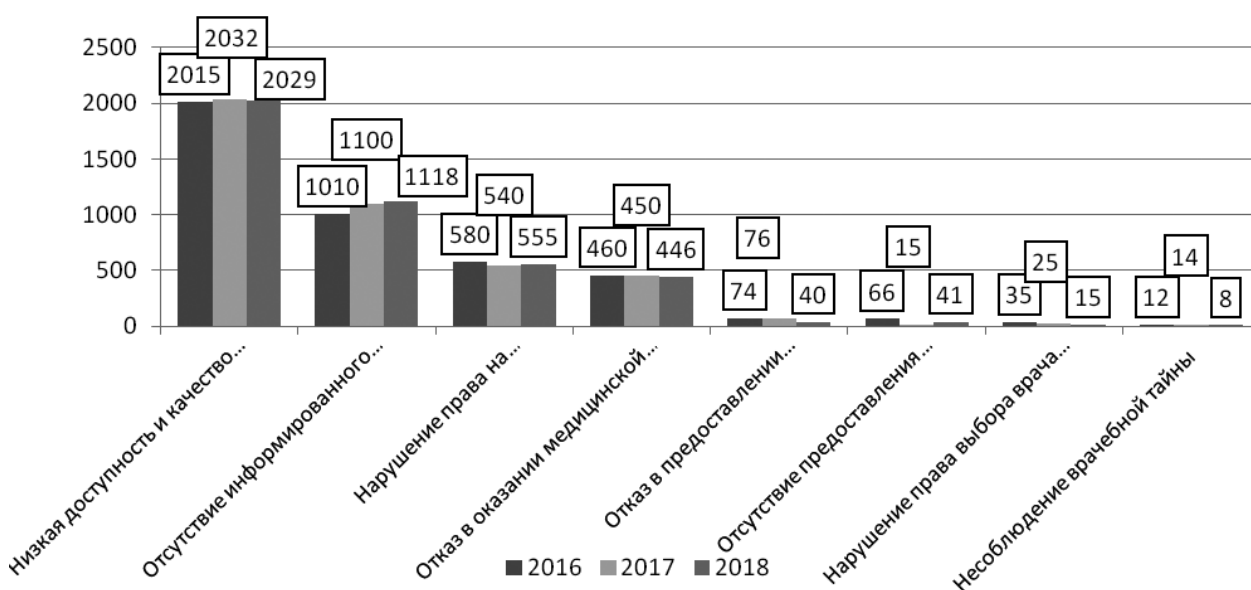

Рис. 6. Статистика нарушений прав граждан в сфере здравоохранения в Российской Федерации в 2016–2018 гг.

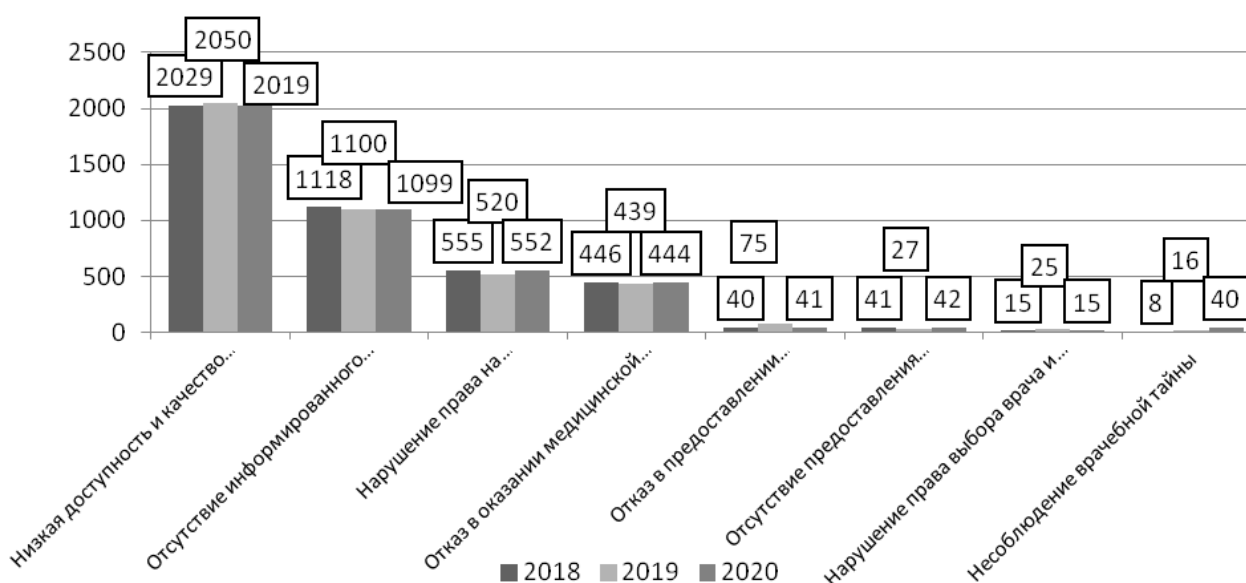
В период распространения коронавирусной инфекции COVID-19 увеличилось число правонарушений, связанных с сокрытием информации о случаях выявления коронавирусных больных. В некоторых случаях тех, кто поступил с симптомами вируса, регистрируют как больных с пневмонией. Неверная информация поступает также и по смертности, так как число смертей в некоторые дни больше, чем указано в статистической информации, преподнесенной средствами массовой информации. При анализе статистических данных стоит отметить, что центров по борьбе с коронавирусной инфекцией было больше, чем требовалось, происходило увеличение цен на основные средства защиты, составляющих в некоторых случаях более 200 рублей за единицу. В практике существовали случаи, когда для снижения процента выявленных случаев COVID-19 людей регистрировали под иными фамилиями или же оставляли дома, но под строгим контролем врачей, что снижало процент официально зарегистрированных заболевших и использования препаратов клиниками и больницами, которые могли списываться не по назначению, а следовательно, это являлось нарушением. В практике оплаты были выявлены случаи, когда врачам, работавшим в «красной зоне», должны были выплатить начисленные и выделенные из бюджета средства, но в неко-

торых регионах руководители медицинских учреждений отказались оказывать данную услугу по причине сокрытия информации и некорректного исполнения инструктивных документов системы здравоохранения, что увеличивало процент искажений отчетности о деятельности учреждений.

В настоящее время можно наблюдать следующие изменения ситуации в рамках нарушений (рис. 7).

Число некоторых правонарушений по сравнению с 2018 г. начало снижаться, иных, наоборот, увеличиваться, что может быть связано с политикой государства и возможностью корректировать данные посредством проникновения в конфиденциальную информацию.

Благодаря Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. №323-ФЗ удалось снизить число нарушений в финансовой, экономической и технической сферах. В условиях компьютеризации при ревизии существуют как положительные, так и отрицательные факторы. При рассмотрении положительных факторов стоит отметить факт возможного проведения удаленной ревизии путем разрешения доступа к компьютеризированной информации, в противном случае применение информационных технологий в медицине усложняет работу самих врачей по контролю за данными, увеличивает число ошибок.

Рис. 7. Статистика нарушений прав граждан в сфере здравоохранения в Российской Федерации 2018–2020 гг.

Заключение. При рассмотрении и анализе материалов ревизии в сфере здравоохранения стоит отметить, что многие государственные учреждения не используют электронное документирование информации по причине наличия пожилого персонала, который не всегда может справиться с технологиями в данной сфере. В свою очередь электронное документирование информации облегчает проверку и хранение важных результатов в сфере медицины и сохраняет их конфиденциальность. В период пандемии в 2020 г. большое влияние на доступность информации и ее отражение в информационных источниках оказывает государственная политика, которая, в свою очередь, имеет возможность искажать результаты для демонстрации результативности действий, тем самым в информационные средства вносятся не всегда корректные данные. Мы считаем, что требуется усилить контроль за данными системы здравоохранения и таким образом снизить вероятность подмены информации и неверного толкования данных. В перспективе для доступа пациента к своей карте и использования материалов для консультации с большим числом врачей будут введены специальные коды.

Литература

1. Воронина Н. В., Зубарева Е. В. Цели и задачи проведения ревизии, порядок планирования и проведения ревизии // Бухгалтерский учет: достижения и научные перспективы 21 века. — 2017. — С. 60–64.
2. Лисицын Ю. П., Калмыков А. А., Сенченко А. Ю. Концепция стабилизации и развития — стратегия развития учреждений здравоохранения // Экономика здравоохранения. — 2005. — С. 20–24.
3. Соболева Е. А. Эволюция модели финансирования здравоохранения РФ // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2019. — С. 67–75.
4. Информационные технологии в сфере здравоохранения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mirror-info.ucoz.com/medicine/InfoTecMed.pdf> (Дата обращения: 02.09.2020).
5. ИТ в медицине 2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ict2go.ru/events/17810/> (Дата обращения: 16.09.2020).

6. Какие ошибки и нарушения допустили в медицинской сфере: доклад Росздравнадзора [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.snta.ru/press-center/kakie-oshibki-i-narusheniya-dopustili-v-meditsinskoy-sfere-doklad-roszdravnadzora/> (Дата обращения: 29.09.2020).

7. Ревизия в условиях применения компьютерных технологий [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ekonom-buh.ru/referaty-po-bukhuchetu/349-reviziya-v-usloviyakh-primeneniya-kompyuternykh-tehnologij.htm> (Дата обращения: 14.09.2020).

8. Coronavirus (Covid-19) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://coronavirus-monitor.ru/> (Дата обращения: 19.09.2020).

Referenses

1. Voronina N. V., Zubareva E. V. Celi i zadachi provedeniya revizii, porjadok planirovaniya i provedeniya revizii [Goals and objectives of the audit, the order of planning and conducting the audit] // Buhgalterskij uchet: dostizhenija i nauchnye perspektivy 21 veka [Accounting: achievements and scientific prospects of the 21st century]. — 2017. — Pp. 60–64.
2. Lisicyun Ju. P., Kalmykov A. A., Senchenko A. Ju. Konceptcija stabilizacii i razvitija — strategija razvitija uchrezhdenij zdavoohranenija [Concept of stabilization and development-strategy for the development of health care institutions] // Jekonomika zdavoohranenija [Health economics]. — 2005. — Pp. 20–24.
3. Soboleva E. A. Jevoljucija modeli finansirovaniya zdavoohranenija RF [Evolution of the model of healthcare financing in the Russian Federation] // Jekonomika i biznes: teorija i praktika [Economics and business: theory and practice]. — 2019. — Pp. 67–75.
4. Informacionnye tehnologii v sfere zdavoohranenija [Information technologies in the field of healthcare] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://mirror-info.ucoz.com/medicine/InfoTecMed.pdf> (Date accessed: 02.09.2020).
5. IT v medicine 2020 [IT in medicine 2020] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <https://ict2go.ru/events/17810/> (Date accessed: 16.09.2020).
6. Kakie oshibki i narusheniya dopustili v medicinskoj sfere: doklad Roszdravnadzora [What mistakes and violations were made in the medical sphere: report of Roszdravnadzor]

[Jelektronnyj resurs]. — URL: <https://www.snta.ru/press-center/kakie-oshibki-i-narusheniya-dopustili-v-meditsinskoy-sfere-dokladroszdravnadzora/> (Date accessed: 29.09.2020).

7. Revizija v uslovijah primeneniya komp'juternyh tehnologij [Revision in the conditions of application of computer technologies]

[Jelektronnyj resurs]. — URL: <https://ekonombuh.ru/referaty-po-bukhuchetu/349-reviziya-v-usloviyakh-primeneniya-kompyuternykh-tehnologij.htm> (Date accessed: 14.09.2020).

8. Coronavirus (Covid-19) [Jelektronnyj resurs]. — URL: <https://coronavirus-monitor.ru/> (Date accessed: 19.09.2020).

Поступила в редакцию

17 ноября 2020 г.

Голощাপова Людмила Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры финансового контроля, анализа и аудита Главного контрольного управления города Москвы Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Goloshchapova Liudmila Vyacheslavovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Basic Department of Financial control, Analysis and Audit of the Main Control Department of Moscow, Plekhanov Russian University of Economics.

117997, г. Москва, Стремянный пер., 36
36 Stremyanny ln., 117997, Moscow, Russia
E-mail: cool.lvg2012@yandex.ru

Савина Наталья Павловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Savina Natalia Pavlovna — Candidate of Economic Sciences, Associate professor of World Economy Department, Plekhanov Russian University of Economics.

117997, г. Москва, Стремянный пер., 36
36 Stremyanny ln., 117997, Moscow, Russia
E-mail: Savina.NP@rea.ru

Винидиктова Ксения Александровна — специалист 4 курса, направление подготовки «Экономическая безопасность» Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Vinidiktova Ksenia Alexandrovna — 4th-year specialist, Department of Economic Security, Plekhanov Russian University of Economics.

117997, г. Москва, Стремянный пер., 36
36 Stremyanny ln., 117997, Moscow, Russia
E-mail: ksenia.vinidiktova@yandex.ru

УДК 631.162:657.22:637

10.17213/2075-2067-2020-6-163-171

АНАЛИЗ РЕЙТИНГОВ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКУПОЧНЫХ СИСТЕМ РЕГИОНОВ РОССИИ

© 2020 г. *Е. И. Зацаринная**, *Н. В. Чумакова***, *К. М. Голубев****

*Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

**Азово-Черноморский инженерный институт,

Донской государственной аграрной университет, г. Зерноград, Россия

***ООО «ДИХАУС», г. Москва, Россия

Целью исследования является проведение анализа существующих методик оценки эффективности государственных закупок и формулирование предложений по совершенствованию применяемых индикаторов и критериев эффективности закупочных систем.

Методологическую базу исследования представляют общенаучные методы: обобщение, анализ, сравнение, приемы систематизации и классификации.

Результаты исследования. Определена сущность эффективности государственных и муниципальных закупок, которая была рассмотрена как с точки зрения эффективности функционирования всей закупочной системы, так и эффективности отдельного заказа. Также в ходе проведенного анализа различных индикаторов, применяемых в России и за рубежом, были определены основные недостатки существующей системы индикаторов в субъектах Российской Федерации. Для усовершенствования качества используемых индикаторов предложено применить зарубежный опыт систем Организации экономического сотрудничества и Мирового банка по созданию комплексных показателей и сравнению результатов с международными стандартами. Даны рекомендации по разработке универсальных комплексных количественных и качественных показателей, оценивающих эффективность закупочной системы, для всех регионов, а также предложены индикаторы, оценивающие вероятность неблагоприятных последствий для размещения заказа.

Перспективу исследования составляет достижение одной из приоритетных целей на сегодняшний день — повышение эффективности государственных и муниципальных закупок. Для этого необходимо разработать и внедрить в практику специальные индикаторы, которыми могли бы пользоваться как государственные и региональные власти для оценки эффективности их закупочных систем, так и заказчики.

Ключевые слова: *эффективность; результативность; государственные закупки; индикаторы; критерии; регион.*

ANALYSIS OF PERFORMANCE RATINGS OF PURCHASING SYSTEMS IN RUSSIAN REGIONS

© 2020 *E. I. Zatsarinnaya**, *N. V. Chumakova***, *K. M. Golubev****

*Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

**Azov-Black Sea Engineering Institute, Don State Agrarian University, Zernograd, Russia

***The Limited Liability Company «diHouse», Moscow, Russia

The purpose of the study is to analyze the existing methods for assessing the effectiveness of public procurement and formulate proposals for improving the indicators and criteria for the effectiveness of procurement systems.

The methodological basis of the research is represented by general scientific methods: generalization, analysis, comparison, methods of systematization and classification.

Research results. The essence of the effectiveness of state and municipal purchases was determined, which was considered both from the point of view of the effectiveness of the functioning of the entire procurement system, and the effectiveness of a separate order. Also, in the course of the analysis of various indicators used in Russia and abroad, the main shortcomings of the existing system of indicators in the constituent entities of the Russian Federation were identified. To improve the quality of the indicators used, it is proposed to apply the foreign experience of the systems of the Organization for Economic Cooperation and the World Bank in creating complex indicators and comparing the results with international standards. Recommendations are given for the development of universal complex quantitative and qualitative indicators that assess the effectiveness of the procurement system for all regions. And also proposed indicators that assess the likelihood of adverse consequences for placing an order.

The prospect of the study is the achievement of one of the priority goals for today — increasing the efficiency of state and municipal purchases. And for this, it is necessary to develop and introduce into practice special indicators that could be used by both state and regional authorities to assess the effectiveness of their procurement systems and customers.

Key words: efficiency; effectiveness; public procurement; indicators; criteria; region.

Введение. В данное время имеется огромное разнообразие различных индикаторов эффективности размещения государственных и муниципальных заказов, а также закупочных систем в целом. Однако большинство из существующих показателей оценивают лишь уже проведенные закупочные процедуры. Кроме того, многие индикаторы затрагивают эффективность лишь в сфере исполнения бюджета, обходя стороной какие-либо другие характеристики, например, сроки поставки или качество приобретенной продукции. Многие заказчики часто сталкиваются с проблемой отсутствия разработанных индикаторов, которые позволили бы проанализировать и спрогнозировать эффективность государственных и муниципальных заказов до их размещения, ведь такие показатели могут быть полезны как для обоснования действий заказчика, так и для обоснования предоставления необходимых бюджетных средств на осуществление закупок.

Параметры эффективности закупочных процедур. Такое понятие, как «эффективность», по отношению к государствен-

ным закупкам можно трактовать по-разному, что показано на рисунке 1.

Следовательно, указанные выше понятия должны быть взаимосвязаны, так как, если вся закупочная система функционирует непродуктивно, то и эффективность размещения одиночных государственных и муниципальных заказов может снижаться. Однако нельзя не отметить, что эффективность для каждого объекта обычно определяется разными параметрами. К примеру, для отдельной государственной или муниципальной закупки таким параметром может являться тип контракта, а для всей закупочной системы это будет профессионализм работников, занимающихся закупочной деятельностью в каком-нибудь департаменте.

Если говорить про законодательную часть вопроса, то про эффективность государственных и муниципальных закупок несколько раз говорится в Законе №44-ФЗ, что показано в таблице 1.

Отсюда можно сделать заключение о том, что с помощью действий должностных лиц оценивается эффективность государственных и муниципальных закупок, а эффектив-

ность закупочных процедур является обязательной частью закупочной деятельности каждого заказчика.

С помощью проводимого мониторинга и аудита через обобщенную информацию органы государственной власти могут оценивать эффективность государственных и муниципальных закупок, а также давать свои рекомендации и советы по улучшению работы заказчиков и совершенствованию законодательной базы закупочной системы Российской Федерации, а именно Закона №44-ФЗ.

Главная цель этих рекомендаций в том, чтобы повысить эффективность закупочных процедур.

Уже многие годы в мире пытаются усовершенствовать или разработать новые эффективные методы по оценке закупочных систем с помощью различных индикаторов.

Саму эффективность функционирования закупочной системы на государственном или муниципальном уровне можно оценить только по результатам ее работы за определенный временной промежуток.

Важной частью мониторинга любой системы, в том числе и закупочной, является разработка индикаторов.

Под понятием «индикатор» обычно подразумевается показатель, отражающий какие-либо изменения, вызванные действиями или программой, а также оценивающий деятельность какой-либо структуры, которая совершала эти действия или осуществляла программу.

В целом эффективность государственного и муниципального заказа может зависеть от большого количества факторов, часть из которых представлены на рисунке 2.

Таблица 1

Эффективность закупок в Законе №44-ФЗ [1]

Статья Закона №44-ФЗ	Информация про эффективность закупок
ст. 12	Эффективность реализации закупочной деятельности — то, к чему должны стремиться должностные лица заказчика.
ч. 6 ст. 97	В сводном аналитическом отчете Федеральные органы исполнительной власти дают свою оценку эффективности закупок товаров, работ и услуг.
ст. 98	Органы аудита проводят анализ и оценку эффективности расходов на закупки.
п. 3 ч. 3 ст. 102	Через оценку эффективности закупок может проходить общественный контроль

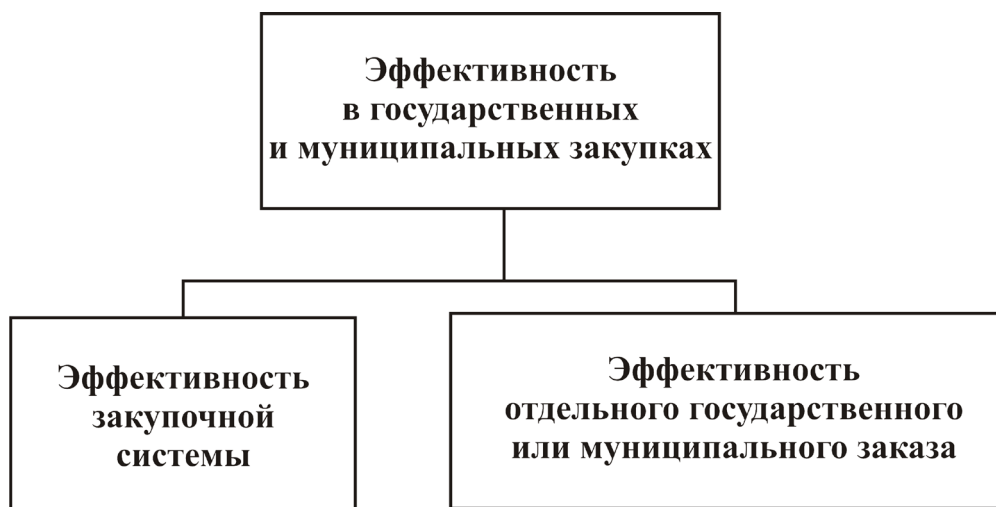

Рис. 1. Трактовки понятия эффективности государственных и муниципальных закупок [5]

Рис. 2. Параметры эффективности размещения государственных и муниципальных заказов [5]

Планирование

Данный критерий оценивает, насколько точны были прогнозные потребности и затраты на их удовлетворение, что и за какие средства было закуплено по факту и что и на какие средства было запланировано. Соответственно, чем меньше разница между ними, тем эффективнее прошло планирование.

Соблюдение конкуренции

По мнению государственных органов, занимающихся мониторингом и аудитом, конкуренция также влияет на эффективность закупочной системы. В данном случае полученные результаты в ходе оценки количества торговых процедур, среднего количества заявок на закупки, доли закупок у ЕП сравнивают с аналогичными результатами по конкретному субъекту Российской Федерации или по всей стране.

Экономия бюджетных денег или эффективность расходов

В этом случае, как правило, оценивают экономию в процессе закупок, дополнительную экономию и экономию исполнения контрактов.

Законность расходов

Идет проверка соблюдения нормативно-правовой базы проведения закупок в Российской Федерации.

Рис. 3. Критерии эффективности закупочной системы [5]

Все эти параметры тем или иным образом могут привести к поставке некачественной продукции или отмене размещения заказа, поэтому разработка инструментов, позволяющих минимизировать риски на протяжении всего закупочного процесса, крайне необходима.

Сначала стоит разобраться, на основании каких критериев закупочные системы и закупки в частности признаются эффективными. После анализа информации, представленной в Законе №44-ФЗ, ПП РФ от 03.11.2015 г. №1193 «О мониторинге закупок» и Методологических рекомендаций Коллегии Счетной палаты РФ от 21.03.2014 г. №15К (961) «По проведению аудита», в виде схемы на рисунке 3 были представлены следующие основные критерии эффективности государственных и муниципальных закупок.

Также существуют различные классификации индикаторов эффективности закупочной системы в целом.

В настоящее время субъектами Российской Федерации применяется комплексный подход к оценке эффективности закупочных процедур, причем в рамках этого подхода опираются как на ценовые показатели, так и на индикаторы результативности закупок, а сам процесс оценки происходит поэтапно:

— на основе рекомендации Минэкономразвития РФ происходит оценка эффективности расходования бюджетных средств по каждой закупке;

— комплексно оценивается закупочная деятельность в регионе с помощью установленной системы индикаторов.

К примеру, в Мурманской области органы власти используют для оценки пять показателей, включая групповые, такие как конкурентность процедуры (доля бюджетных закупок в общем числе), соответствие закупки законодательству, качество планирования (разница между фактически проведенным закупками и планом), привлечение малого бизнеса (доля закупок среди субъектов малого бизнеса), дисциплина исполнения контрактов (количество дополнительных соглашений и прочее) [3].

В отличие от Мурманской области, в Санкт-Петербурге на данный момент происходит оценка эффективности закупочной деятельности с помощью 19 различных ин-

дикаторов, утвержденных распоряжением Правительства Санкт-Петербурга от 9 февраля 2017 г. По окончанию расчета показателей их значения сравниваются с диапазоном возможных и рассчитывается итоговая оценка эффективности закупочных процедур в регионе. Каждому заказчику и органу исполнительной власти присваивается свой рейтинг, по которому делается вывод об эффективности его деятельности в сфере государственных закупок [2].

В России последние 5 лет существует популярный рейтинг эффективности и прозрачности закупочных систем. Цель данного проекта состоит в оценке и сравнении закупочной деятельности субъектов РФ по степени эффективности и прозрачности закупок. Решение о создании рейтинга было принято в 2015 г. на заседании Экспертного совета регионов по развитию контрактной системы Гильдии отечественных закупщиков. Ежегодно данный рейтинг рассчитывается в соответствии с методикой Экспертного совета регионов по развитию контрактной системы. В 2019 г. в рейтинге приняли участие 49 регионов по государственным закупкам и 35 регионов по муниципальным закупкам, а в рейтинге муниципальных закупок приняли участие 1026 муниципальных районов и городских округов. По каждому показателю определяются лидеры, а остальные регионы распределяются по группам в зависимости от отклонения от лидера.

В данном рейтинге оценка эффективности закупочных систем происходит по 8 индикаторам:

1) оценки:

- организационной структуры закупок;
- информационной инфраструктуры;
- профессионализма заказчиков и обеспеченности квалифицированными кадрами;
- осуществления закупочных процедур;

2) нормативной базы;

3) исполнения требований законодательства о закупках;

4) исполнения контрактов;

5) снятия административных барьеров и обеспечения доступности информации о системе закупок.

Каждый из указанных выше индикаторов является групповым и рассчитывается на основе множества других показателей. Это

Таблица 2

Лидеры рейтинга (государственные закупки) [6]

Наименование региона	Количество номинаций с тах значениями показателей
Тюменская область	5
Алтайский край	3
Воронежская область	2
Новосибирская область	2
Ростовская область	2

позволяет точнее оценить эффективность закупочной системы региона в целом, так как во внимание принимается множество различных критериев, затрагивающих всегда аспекты сферы закупок в регионе. Данный рейтинг позволяет участникам в полной мере оценить эффективность своей деятельности и исправить отстающие неэффективные аспекты закупочной деятельности.

По рейтингу 2019 г. лидерами среди 49 регионов по эффективности государственных закупок стали следующие субъекты (табл. 2).

Остальные регионы набрали менее двух номинаций. Данный рейтинг используется регионами как дополнительный инструмент оценки эффективности закупочной деятельности.

По итогам рейтинга наиболее интересным будет рассмотреть опыт Тюменской области как лидера рейтинга по оценке эффективности закупочной деятельности в регионе. В данном субъекте эффективность оценивают с помощью шести критериев, включающих в себя различные индикаторы. Например, среди показателей эффективности закупок используются: удельный вес соответствующих конкурентных закупок в общем объеме закупок; доля несостоявшихся закупок; доля закупок, открытых аукционом в электронной форме; экономия, полученная по результатам закупок; показатели количества обоснованных и частично обоснованных жалоб и т.д. То есть видно, что в регионе используют индикаторы совершенно различного плана, как «денежные» и количественные показатели, так и качественные. Из-за подобного подхода к комплексной оценке эффективности закупочной системы региону удалось занять высокие позиции в рейтинге.

Во многом данная методика похожа на ту, которую используют составители рейтинга [2].

Заключение. Подводя итог проделанному анализу, мы пришли к выводу, что наиболее эффективной системой индикаторов в России сейчас является рейтинг Экспертного совета регионов по развитию контрактной системы. Их методология наиболее полно представляет каждый комплексный индикатор с подробным описанием их работы и способа расчета. Данную методологию следует рассмотреть для принятия на Федеральном уровне, чтобы регионы смогли по одной схеме и одним индикаторам отслеживать эффективность работы своих закупочных систем. При существовании одинаковых для всех регионов индикаторов и методологий будет легче находить лидеров по эффективности закупочных систем, что позволит другим регионам перенимать у них опыт.

Кроме того, рекомендуется законодательно закрепить больше критериев эффективности закупочной деятельности в нормативно-правовых документах, таких как Федеральный закон №44-ФЗ, чтобы избежать значительного перекоса в сторону эффективности бюджетных расходов. Это позволит создать больше именно качественных показателей, которые затрагивали бы не менее важные стороны закупочного процесса.

Заказчикам предлагается ввести модель индикаторов, показывающих разные комбинации способов закупок с вероятностью наступления тех или иных неблагоприятных последствий. Эти индикаторы можно рассчитать с помощью критерия Сэвиджа или математического ожидания.

Предложенные методологии и индикаторы должны помочь регионам усовершенствовать свою систему показателей эффективности закупочной системы и являются рабочим инструментом для решения различного рода системных проблем.

Литература

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 г. №44-ФЗ [Электронный ресурс] / Консультант-плюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Об утверждении Порядка оценки эффективности деятельности заказчиков при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд Санкт-Петербурга: Распоряжение Правительства Санкт-Петербурга от 9 февраля 2017 г. №9-рп [Электронный ресурс] / Консультант-плюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Об утверждении Методики оценки эффективности осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд Тюменской области: Распоряжение Управления государственных закупок Тюменской области от 17 октября 2018 г. №002-р [Электронный ресурс] / Консультант-плюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Методика комплексной системы оценки эффективности деятельности заказчиков Мурманской области в сфере закупок товаров, работ, услуг [Электронный ресурс] / Официальный сайт Правительства Мурманской области. — 2005–2020. — Режим доступа: <https://goszakaz.gov-murman.ru/> (Дата обращения: 02.11.2020).

5. Официальный сайт ООО «МЦФЭР» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.pro-goszakaz.ru/article/103511-qqq-19-m12-effektivnost-zakupok> (Дата обращения: 02.11.2020).

6. Официальный сайт Общероссийской общественной организации «Гильдия отечественных закупщиков и специалистов по закупкам и продажам» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.oogos.ru/regions/rating/metodiki-raschyeta-kriteriev.php> (Дата обращения: 02.11.2020).

References

1. O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlja obespechenija gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd: Federal'nyj zakon ot 05.04.2013 g. №44-FZ [On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs: Federal law №44-FZ of 05.04.2013] [Elektronnyj resurs] / Konsul'tant-pljus. — URL: <http://www.consultant.ru>.

2. Ob utverzhdenii Porjadka ocenki jeffektivnosti dejatel'nosti zakazchikov pri osushhestvlenii zakupok tovarov, rabot, uslug dlja obespechenija nuzhd Sankt-Peterburga: Rasporjazhenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 9 fevralja 2017 g. №9-rp [On approval of the Procedure for evaluating the effectiveness of customers' activities when purchasing goods, works, and services to meet the needs of Saint Petersburg: Order of the government of Saint Petersburg №9-RP dated February 9, 2017] [Elektronnyj resurs] / Konsul'tant-pljus. — URL: <http://www.consultant.ru>.

3. Ob utverzhdenii Metodiki ocenki jeffektivnosti osushhestvlenija zakupok tovarov, rabot, uslug dlja obespechenija nuzhd Tjumenskoj oblasti: Rasporjazhenie Upravlenija gosudarstvennyh zakupok Tjumenskoj oblasti ot 17 oktjabrja 2018 g. №002-r [On approval of the Methodology for evaluating the effectiveness of procurement of goods, works, and services to meet the needs of the Tyumen region: Order of the public procurement Department of the Tyumen region dated October 17, 2018 №002-R] [Elektronnyj resurs] / Konsul'tant-pljus. — URL: <http://www.consultant.ru>.

4. Metodika kompleksnoj sistemy ocenki jeffektivnosti dejatel'nosti zakazchikov Murmanskoj oblasti v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug [Methodology of the integrated system for evaluating the effectiveness of customers of the Murmansk region in the field of procurement of goods, works, and services] [Elektronnyj resurs] / Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Murmanskoj oblasti [Official website of the government of the Murmansk region]. — 2005–2020. — URL: <https://goszakaz.gov-murman.ru/> (Date accessed: 02.11.2020).

5. Oficial'nyj sajt ООО «MCFJeR» [Official website of LLC «MCFJeR»] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.pro-goszakaz.ru/>

ru/article/103511-qqq-19-m12-effektivnost-zakupok (Date accessed: 02.11.2020).

6. Oficial'nyj sajt Obshherossijskoj obshhestvennoj organizacii «Gil'dija otechestvennyh zakupshhikov i specialistov po zakupkam i prodazham» [Official website of the all-Russian

public organization «Guild of domestic buyers and specialists in procurement and sales»] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.oogos.ru/regions/rating/metodiki-raschyeta-kriteriev.php> (Date accessed: 02.11.2020).

Поступила в редакцию

20 октября 2020 г.

Зацаринная Елена Ивановна — кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры финансового контроля, анализа и аудита Главного контрольного управления города Москвы Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Zatsarinnaya Elena Ivanovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Base Department Financial Control, Analysis and Audit, Main Control Department of Moscow, Plekhanov Russian University of Economics.

117997, г. Москва, Стремянный пер., 36
36 Stremyanny av., 117997, Moscow, Russia
E-mail: e29175z@yandex.ru

Чумакова Наталья Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита Азово-Черноморского инженерного института.

Chumakova Natalya Valeryevna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Azov-Black Sea Engineering Institute of Don State Agrarian University.

347740, г. Зерноград, ул. Ленина, 21
21 Lenina st., 347740, Zernograd, Russia
E-mail: natalja_chumakova@rambler.ru

Голубев Кирилл Максимович — ассистент продакт-менеджера ООО «ДИХАУС», Департамент экосистемы Ксяоми.

Golubev Kirill Maksimovich — Assistant Product Manager «diHouse», Xiaomi Ecosystem Department.

111250, г. Москва, пр-д Завода Серп и Молот, 6, к. 1
6 pr. Serp I Molot fact., 111250, Moscow, Russia
E-mail: makvell77777@gmail.com

УДК 332.12

10.17213/2075-2067-2020-6-172-184

**ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
И МОНИТОРИНГ ТЕНДЕНЦИЙ ЕЕ РАЗВИТИЯ
В СРАВНЕНИИ С ОБЩЕМИРОВЫМИ
ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ**

© 2020 г. *М. В. Камына*

*Научно-исследовательский экономический институт
Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь*

Целью исследования является характеристика некоторых видов структур экономики Республики Беларусь: показатели, характеризующие структуру экономики, а также факторы, влияющие на структуру экономики. Кроме того, сравниваются экономические показатели Республики Беларусь с общемировыми экономическими показателями.

Методологическую базу исследования представляют структурный анализ, элементы эконометрического моделирования и сравнительного анализа. Применение этих методов и подходов позволяет изучить показатели объема производства продукции обрабатывающей промышленности в целом, на душу населения и по подсекциям обрабатывающей промышленности, а также показатели технологичности, экспорта и импорта в промышленности, кроме того, дает возможность составить рейтинг рассматриваемых стран по показателям производства продукции обрабатывающей промышленности, а также производства продукции обрабатывающей промышленности на душу населения.

Результаты исследования. Одним из важных результатов является утверждение, что Беларусь выдерживает сравнение с другими странами по экономическим показателям, в том числе и со странами-лидерами. Обрабатывающая промышленность представлена многими подсекциями, по некоторым подсекциям Беларусь имеет конкурентное преимущество на мировой арене.

Наибольшую долю в структуре обрабатывающей промышленности в Республике Беларусь занимает подсекция «Еда и напитки». Подобная ситуация наблюдается и в других странах. Однако, в некоторых развитых странах в структуре обрабатывающей промышленности преобладают подсекции, выпускающие продукцию с более высокой ВДС, такие как «Автомобили, прицепы и полуприцепы», «Машины и оборудование», «Химикаты и химические продукты», и являющиеся также ориентированными на экспорт.

Показатели технологичности, экспорта, импорта в промышленности Беларуси демонстрируют средние значения среди рассмотренных стран. Наименьшие значения наблюдались в индексах таких стран, как Россия, Казахстан, Латвия, Австралия, наибольшие значения — в индексах Германии, Чехии и Франции.

Перспектива исследования. Данная статья подготовлена в рамках комплексного исследования, посвященного совершенствованию структуры экономики регионов областного и районного уровней Республики Беларусь.

Ключевые слова: структура экономики; структура обрабатывающей промышленности; общемировые экономические показатели.

**STUDY OF THE STRUCTURE OF THE BELARUSIAN ECONOMY
AND MONITORING OF ITS DEVELOPMENT TRENDS
IN COMPARISON WITH GLOBAL ECONOMIC INDICATORS**

© 2020 M. V. Kamyna

*Research Institute of Economics of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus*

The purpose of the study is to characterize some types of economic structures of the Republic of Belarus: indicators that characterize the structure of the economy, as well as factors that affect the structure of the economy. In addition, the economic indicators of the Republic of Belarus are compared with global economic indicators.

The methodological basis of the research is structural analysis, elements of econometric modeling and comparative analysis. The application of these methods and approaches allows to study the production of manufactures as a whole, per capita and subsections of the manufacturing industry, as well as the manufacturability, import and export in the industry. In addition, to make a rating of the countries under consideration in terms of manufacturing production, as well as manufacturing production per capita.

Research result. One of the important results is the statement that Belarus stands up to comparison with other countries in terms of economic indicators, including with the leading countries. The manufacturing industry is represented by many subsections, and in some subsections Belarus has a competitive advantage on the world stage.

The largest share in the structure of the manufacturing industry in the Republic of Belarus is occupied by the «Food and beverages» subsection. A similar situation is observed in other countries. However, in some developed countries, the structure of the manufacturing industry is dominated by subsections that produce products with higher GVA, such as «Cars, trailers and semi-trailers», «Machinery and equipment», «Chemicals and chemical products», and are also export-oriented.

Indicators of manufacturability, exports, and exports in the industry of Belarus show average values among the countries considered. The lowest values were observed in the indices of such countries as Russia, Kazakhstan, Latvia, and Australia, the highest values were in Germany, the Czech Republic, and France.

Research perspective. This article was prepared as part of a comprehensive study on improving the structure of the economy of regions at the regional and district levels of the Republic of Belarus.

Key words: *the structure of the economy; the structure of manufacturing; general economic indicators.*

Введение. В настоящее время наибольшей конкурентоспособностью обладают страны, которые успешно провели структурную перестройку национальных экономических систем и осуществили переход к постиндустриальному этапу развития. Для обеспечения сбалансированности структурных преобразований, направленных на устойчи-

вое социально-экономическое развитие государства, необходимо проведение тщательного исследования структуры национальной экономики.

В целом проблемам экономической структуры посвящено достаточно большое количество работ ученых из советских и постсоветских государств и экономистов из даль-

него зарубежья. В их числе такие известные экономисты, как Л. И. Абалкин, С. В. Белова, Л. М. Гатовский, В. А. Медведев, Г. М. Соколин, П. Н. Федосеев. Среди белорусских ученых следует назвать А. В. Богдановича, Н. Г. Берченко, В. Н. Кивеля, В. С. Фатеева.

Тем не менее, специальных исследований, посвященных проблемам изучения различных видов структур экономики региона и их взаимосвязи, недостаточно. Теоретические вопросы, касающиеся механизмов совершенствования структуры региональной экономики, слабо проработаны и не выделены в практикоориентированные меры.

Исследование некоторых видов структур экономики Республики Беларусь.

Структуру экономики можно рассматривать в отраслевом, территориальном и социальном разрезе. Одновременно с ними выделяют следующие типы структур экономики: территориальная структура, отраслевая структура экономики, структура факторов воспроизводства, стоимостная структура, структура в разрезе крупных ее секторов, структура производства и потребления, структура внутренних и внешних связей, структура инвестиций, социальная структура экономики, технологическая структура и другие. Каждая из составляющих структуры экономики позволяет более полно изучить различные стороны и свойства мультиструктуры экономики. Под мультиструктурой экономики понимается структура экономики, объединяющая в себе различные виды структур экономики и их взаимосвязи [1].

В таблице 1 приведены некоторые виды структур экономики: территориальная, отраслевая, секторальная, технологическая, региональная, инвестиционная, инновационная структуры экономики, структура форм собственности, представлены показатели, характеризующие их, а также факторы, влияющие на них.

Сравнение экономических показателей Республики Беларусь с общемировыми экономическими показателями. Для того чтобы правильно оценивать уровень экономического развития в Беларуси, необходимо сопоставлять важнейшие показатели в этой области с соответствующими показателями

в других странах. Для того чтобы исследовать и оценивать различные виды структур экономики Республики Беларусь, необходимо сопоставлять их со схожими структурами других стран. Учитывая, что настоящее исследование проводится в категориях структуры экономики, рассматриваются различные виды структур экономики и показатели, характеризующие их, целесообразно сравнивать Беларусь с другими странами по тем же показателям. Это достаточно сложно, учитывая, что даже классификация видов деятельности в Беларуси отличается от зарубежных классификаций. Кроме того, иногда бывает сложно найти в открытом доступе показатели, характеризующие экономическое развитие зарубежных стран. Поэтому для сравнения показателей воспользовались статистической базой данных Организации промышленного развития ООН (UNIDO), а точнее, показателями и данными со статистического портала этой организации [3].

В таблице 2 приведены показатели в оригинальном названии и в переводе. Кроме сравнения показателей и определения места нашей страны в рейтинге по тем или иным показателям, в результате исследования определялись тенденции стран относительно объема промышленного производства, производства в обрабатывающей промышленности и некоторых других показателей.

Рассмотренные показатели близки к тем, которые были взяты для характеристики некоторых видов структуры экономики Республики Беларусь (таблица 1). Предполагается, что продукция промышленности, и в частности, обрабатывающей промышленности, характеризует отраслевую структуру экономики. Доля добавленной стоимости в среднем и высокотехнологичном производстве в общей добавленной стоимости производства и доля экспорта средне- и высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта характеризуют технологическую, инновационную, инвестиционную структуры. В таблице 3 приведено авторское предположение по поводу отнесения этих и других оцениваемых показателей.

Для сравнения экспертным образом было выбрано 15 стран, включая Беларусь: Австралия, Беларусь, Китай, Чехия, Эстония,

Таблица 1

Характеристика некоторых видов структур экономики РБ [3–6]

Структура экономики	Показатели, характеризующие структуру экономики	Факторы, влияющие на структуру экономики
Отраслевая	Численность занятых по отраслям; объем производства продукции по отраслям; объем отгруженной инновационной продукции по отраслям; стоимость фондов.	Темпы экономического развития, концентрация производства, трудового потенциала; сырьевые базы; развитие интеграционных процессов.
Секторальная	Занятость в секторах экономики, доля секторов экономики в ВВП.	Характер и темпы научно-технического прогресса.
Территориальная	Объем производства продукции, объем промышленной продукции на душу населения, рассчитываемый по соответствующим АТЕ.	Концентрация производства, трудового потенциала; природные ресурсы.
Региональная	Удельный вес регионов в основных социально-экономических показателях Республики Беларусь. Для региональной структуры имеет значение деление регионов по уровню экономического развития, выявление и анализ диспропорций в территориальной структуре производства.	Распределение платежеспособного спроса населения по территории страны; распределение рабочей силы и ее занятости, миграция населения; размещение источников сырья, топлива, энергии.
Инновационная	Внутренние затраты на научные исследования и разработки, в % к ВВП; удельный вес инновационно-активных организаций, осуществлявших затраты на технологические инновации; удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции промышленности; число организаций промышленности по видам инновационной деятельности.	Характер и темпы научно-технического прогресса.
Инвестиционная	Структура инвестиционных ресурсов по секторам экономики; удельный вес инвестиций в основной капитал в ВВП; удельный вес регионов в общем объеме инвестиций в основной капитал по стране; инвестиции в основной капитал по формам собственности.	Характер и темпы научно-технического прогресса.
Технологическая	Структура обрабатывающей промышленности страны; структура производства продукции; доля добавленной стоимости в средне- и высокотехнологичном производстве в общей добавленной стоимости производства; доля экспорта средне- и высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта.	Технологическая структура зависит от научно-технического потенциала, возможностей финансового стимулирования.
Структура форм собственности	Структура форм собственности характеризуется удельным весом различных видов форм собственности. Количество организаций по формам собственности; численность занятого населения по формам собственности.	Структура форм собственности определяется наличием развитой предпринимательской структуры в регионе; возможностями привлечения инвестиций в регион.

Франция, Германия, Италия, Казахстан, Латвия, Литва, Польша, Россия, Испания, США. Выбор стран осуществлялся на основании предположения о положении Республики Беларусь на мировой арене по экономическим параметрам. Были выбраны страны — лидеры по экономическим показателям, страны — соседи Беларуси, а также страны со сходной структурой экономики.

Учитывая, что население в рассматриваемых странах очень неравномерно распределено, чтобы сгладить различия и для лучшей сопоставимости экономических показателей, в дальнейшем большинство показателей рассматривается на душу населения.

В данной статье подробно рассматриваются показатели объема производства продукции обрабатывающей промышленности в целом, на душу населения и по подсекциям обрабатывающей промышленности, а также приводятся показатели технологичности, экспорта и импорта в промышленности.

В таблице 4 приведена структура обрабатывающей промышленности в представле-

нии на статистическом портале Организации промышленного развития ООН (UNIDO).

Исходя из значений продукции обрабатывающей промышленности на душу населения в 2010 и 2017 гг., лидером среди рассмотренных стран является Германия — 25,1 тыс. долларов на человека в 2017 г. Далее идут Чехия — 17,9 тыс. долларов на человека и США — 17,1 тыс. долларов на человека. В Беларуси показатель составил 4,4 тыс. долларов на человека и снизился в 2017 г. по сравнению с 2010 г. на 17%. Ниже, чем у Беларуси, среди рассмотренных стран в 2017 г. показатели у следующих стран: Латвия — 4,2 тыс. долларов на человека и Казахстан — 1,9 тыс. долларов на человека. Снижение данного показателя за период 2010–2017 гг. кроме Беларуси произошло в следующих странах: Австралия (27%), Германия (2%), Испания (2,5%), Италия (10%), Казахстан (5%).

Представляет интерес структура обрабатывающей промышленности других стран, ее сравнение со структурой обрабатывающей

Таблица 2

Сопоставление показателей в рамках исследования структур экономики [3]

Показатель в оригинале	Перевод
Manufacturing Value Added per capita	Добавленная стоимость производства на душу населения
Manufactured Exports per capita	Производимый экспорт на душу населения
Medium- and High-tech Manufacturing Value Added share in total manufacturing value added	Доля добавленной стоимости средне- и высокотехнологичного производства в общей добавленной стоимости производства
Medium- and High-tech manufactured Exports share in total manufactured exports	Доля экспорта средне- и высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта
Manufactured Exports per capita index	Индекс экспорта производства на душу населения
Share of manufactured exports in total exports index	Доля экспорта промышленной продукции в общем объеме экспорта
Share of Medium and High-Tech Activities in Manufacturing Export Index	Доля средне- и высокотехнологичной деятельности в индексе экспорта обрабатывающей промышленности
Industrial export quality index	Индекс качества промышленного экспорта
Population	Население
GDP	ВВП
MVA	ВДС
Manufacturing (D)	Объем производства продукции обрабатывающей промышленности

промышленности нашей страны. В 2017 г. в структуре обрабатывающей промышленности многих из рассмотренных стран превалирует подсекция «Еда и напитки»: Австралия (28,3%), Беларусь (29,3%), Франция (20,8%), Литва (27%), Испания (23,5%), США (16,5%).

В Беларуси наибольший вес в структуре обрабатывающей промышленности занимают 3 подсекции: «Еда и напитки» (29,3%), «Кокс, очищенные нефтепродукты, ядерное топливо» (14,8%), «Химикаты и химические продукты» (10,8%) (рисунок 1).

Далее рассмотрена структура обрабатывающей промышленности стран — лидеров по показателям производства продукции обрабатывающей промышленности, а также производства продукции обрабатывающей промышленности на душу населения.

Китай в 2017 г. из всех рассмотренных стран лидировал по производству продукции обрабатывающей промышленности. В структуру обрабатывающей промышленности Китая наибольший вклад вносят «Химикаты и химические продукты» (12,1%), «Основные металлы» (11,6%), «Еда и напитки» (10,4%). Надо заметить, что остальные подсекции достаточно равномерно развиты и вносят существенный вклад в структуру обрабатывающей промышленности.

США находились на втором месте по производству продукции обрабатывающей промышленности и на третьем по производству продукции обрабатывающей промышленности на душу населения. В США наибольший вес в структуре обрабатывающей промышленности занимают 3 подсекции: «Еда и на-

Таблица 3

Сопоставление показателей в рамках исследования структур экономики [3–6]

Показатель	Структура, которую показатель характеризует
Население	Вспомогательный показатель для характеристики различных структур
ВВП	Вспомогательный показатель для характеристики различных структур
ВДС	Вспомогательный показатель для характеристики различных структур
Продукция обрабатывающей промышленности в процентном отношении к ВВП	Отраслевая
Продукция обрабатывающей промышленности	Отраслевая
Добавленная стоимость производства на душу населения	Отраслевая
Производимый экспорт на душу населения	Отраслевая
Доля добавленной стоимости в средне- и высокотехнологичном производстве в общей добавленной стоимости производства	Технологическая, инновационная, инвестиционная
Доля экспорта средне- и высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта	Технологическая, инновационная, инвестиционная
Индекс производства на душу населения	Отраслевая
Доля экспорта промышленной продукции в общем объеме экспорта	Отраслевая
Доля средней и высокотехнологичной деятельности в индексе экспорта обрабатывающей промышленности	Технологическая, инновационная
Индекс качества промышленного экспорта	Технологическая

питки» (16,5%), «Химикаты и химические продукты» (13,6%), «Автомобили, прицепы и полуприцепы» (12,1%). Другие подсекции также равномерно развиты и вносят существенный вклад в структуру обрабатывающей промышленности США.

Германия находилась на третьем месте по производству продукции обрабатывающей промышленности и на первом по производству продукции обрабатывающей промышленности на душу населения. Здесь наибольший вес в структуре обрабатывающей промышленности занимают 3 подсекции: «Автомобили, прицепы и полуприцепы»

(19,2%), «Машины и оборудование» (16,0%), «Еда и напитки» (9,7%).

Чехия находилась на втором месте по производству продукции обрабатывающей промышленности на душу населения. Наибольший вес в структуре обрабатывающей промышленности занимают 3 подсекции: «Автомобили, прицепы и полуприцепы» (29,1%), «Машины и оборудование» (10,3%), «Изготовленные металлические изделия» (8,7%). Секция «Еда и напитки» (7,5%) находится на пятом месте по вкладу в общий объем обрабатывающей промышленности.

Таблица 4

Виды деятельности обрабатывающей промышленности (секция D) [3]

Показатель в оригинале	Перевод
Food and beverages	Еда и напитки
Tobacco products	Табак
Textiles	Текстиль
Wearing apparel, fur	Одежда, мех
Leather, leather products and footwear	Кожа, изделия из кожи, обувь
Wood products (excl. furniture)	Продукты из дерева
Paper and paper products	Бумага
Printing and publishing	Полиграфия и издательство
Coke, refined petroleum products, nuclear fuel	Кокс, очищенные нефтепродукты, ядерное топливо
Chemicals and chemical products	Химикаты и химические продукты
Rubber and plastics products	Резиновые и пластмассовые изделия
Non-metallic mineral products	Неметаллические минеральные продукты
Basic metals	Основные металлы
Fabricated metal products	Изготовленные металлические изделия
Machinery and equipment n.e.c	Машины и оборудование
Office, accounting and computing machinery	Офисная, бухгалтерская и вычислительная техника
Electrical machinery and apparatus	Электрические машины и аппараты
Radio, television and communication equipment	Радио, телевидение и оборудование связи
Medical, precision and optical instruments	Медицинские, точные и оптические инструменты
Motor vehicles, trailers, semi-trailers	Автомобили, прицепы, полуприцепы
Other transport equipment	Другое транспортное оборудование
Furniture; manufacturing (o) n.e.c.	Мебель; производство
Recycling	Переработка отходов

Результаты ранжирования рассматриваемых стран по показателям производства продукции обрабатывающей промышленности, а также производства продукции обрабатывающей промышленности на душу населения приведены в таблице 5.

Необходимо отметить, что в рейтинге Беларусь ни разу не попала на последнее 15-е место ни в первом, ни во втором случае. В рейтинге по объему производства продукции обрабатывающей промышленности Беларусь попала в десятку стран по 4 подсекциям, по объему производства продукции обрабатывающей промышленности на душу населения Беларусь попала в десятку стран по 3 подсекциям.

По объему продукции обрабатывающей промышленности Беларусь опережала следующие страны: Эстонию — в 73,7% случаев, Латвию — в 89,5% случаев, Литву — в 78,9% случаев, Казахстан — в 94,7% случаев, Чехию — в 15,8% случаев, Францию — в 10,5% случаев, Россию — в 5,3% случаев. По объему продукции обрабатывающей промышленности на душу населения Беларусь опережала следующие страны: Эстонию — в 21,1% случаев, Латвию — в 52,6% случаев, Литву — в 31,6% случаев, Казахстан — в 94,7% случаев, Чехию — в 15,8% случаев, Францию — в 10,5% случаев, Россию — в 5,3% случаев, Китай — в 10,5% случаев, США — в 5,3% случаев, Германию — в 5,3%

случаев, Польшу — в 10,5% случаев, Австралию — в 10,5% случаев, Италию — в 5,3% случаев.

Учитывая, что одной из задач национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. является «поддерживать разработки, исследования и инновации в сфере отечественных технологий в развивающихся странах, в том числе путем создания политического климата, благоприятствующего диверсификации промышленности и увеличению добавленной стоимости (ДС) в сырьевых отраслях», индикатором считается показатель «Доля ДС продукции среднетехнологичных и высокотехнологичных отраслей в общем объеме ДС» [1]. Этот и другие показатели, приведенные в таблицах 6–8, характеризуют технологическую, инновационную, инвестиционную структуры экономики. Для удобства представления и по смыслу показатели были сгруппированы следующим образом: показатели технологичности (доля ДС средне- и высокотехнологичного производства в общей ДС производства, доля экспорта средне- и высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта), экспорта (индекс экспорта производства на душу населения, доля экспорта промышленной продукции в общем объеме экспорта), экспорта в промышленности (доля средне- и высокотехно-

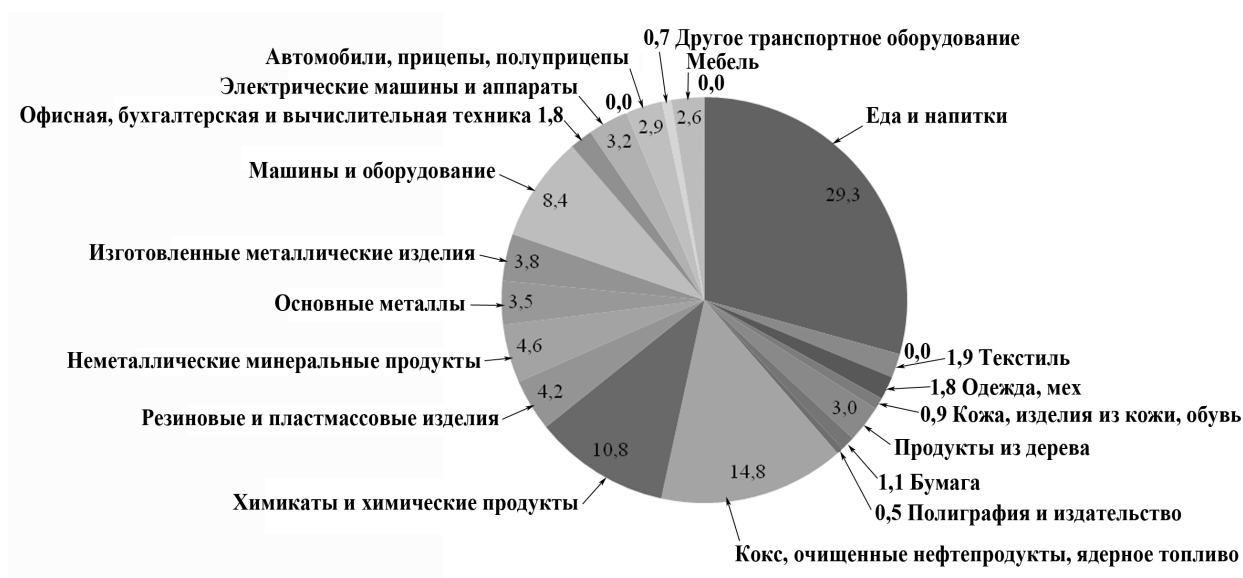

Рис. 1. Структура обрабатывающей промышленности, объем производства на душу населения в РБ, 2017 г.

логичной деятельности в индексе экспорта обрабатывающей промышленности, индексе качества промышленного экспорта).

Исходя из индексов доли ДС средне- и высокотехнологичного производства в общей ДС производства, можно сказать, что наибольшие значения среди представленных стран у Германии, Чехии и Франции, наименьшие значения — у России, Латвии, Казахстана. В Беларуси показатель составил 0,4 п., что является средним значением среди значений рассмотренных стран.

Наибольшие значения доли экспорта средне- и высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта среди представленных стран наблюдаются также у Германии, Чехии и Франции, наименьшие значения — у России, Латвии, Австралии. В Беларуси показатель составил приблизительно 0,4 п., что также является средним значением среди значений рассмотренных стран (таблица 6).

Исходя из индексов экспорта производства на душу населения, отметим, что наиболь-

Таблица 5

**Позиция Беларуси в рейтинге стран по объему производства продукции обрабатывающей промышленности, 2017 г.
(составлено автором на основании стат. базы данных ООН)**

Подсекция	Позиция Беларуси (1–15)	
	Продукция секции	Продукции секции на душу населения
Еда и напитки	11	12
Табак	–	–
Текстиль	10	12
Одежда, мех	11	10
Кожа, изделия из кожи, обувь	10	6
Продукты из дерева	14	14
Бумага	12	14
Полиграфия и издательство	14	14
Кокс, очищенные нефтепродукты, ядерное топливо	10	5
Химикаты и химические продукты	11	12
Резиновые и пластмассовые изделия	11	13
Неметаллические минеральные продукты	11	14
Основные металлы	12	12
Изготовленные металлические изделия	11	14
Машины и оборудование	11	12
Офисная, бухгалтерская и вычислительная техника	12	13
Электрические машины и аппараты	11	12
Радио, телевидение и оборудование связи	–	–
Медицинские, точные и оптические инструменты	–	–
Автомобили, прицепы, полуприцепы	11	12
Другое транспортное оборудование	10	13
Мебель; производство	12	14
Переработка отходов	–	–

шие значения среди представленных стран у Германии, Чехии и Эстонии, наименьшие значения — у России, Китая, Казахстана. В Беларуси показатель составил 0,07–0,08 п., что является значением ниже среднего среди значений рассмотренных стран (таблица 7).

Наибольшие значения доли экспорта промышленной продукции в общем объеме экспорта среди представленных стран наблюдаются у Китая, Чехии и Италии, наименьшие значения — у России, Казахстана, Австралии. В Беларуси показатель составил примерно 0,9 п., что является значением выше среднего среди значений рассмотренных стран.

Исходя из доли средне- и высокотехнологичной деятельности в индексе экспорта обрабатывающей промышленности, можно сказать, что наибольшие значения среди представленных стран у Германии, Чехии и Франции, наименьшие значения — у России, Австралии, Казахстана. В Беларуси показатель составил приблизительно 0,46 п.,

что является значением ниже среднего среди значений рассмотренных стран (таблица 8).

Наибольшие значения доли экспорта промышленной продукции в общем объеме экспорта среди представленных стран наблюдаются у Китая, Чехии и Германии, наименьшие значения — у России, Казахстана, Австралии. В Беларуси показатель составил около 0,7 п., что является значением выше среднего среди значений рассмотренных стран.

Заключение. Подводя итог, стоит отметить, что Беларусь выдерживает сравнение с другими странами по экономическим показателям, в том числе и со странами-лидерами. Обрабатывающая промышленность представлена многими подсекциями, по некоторым подсекциям Беларусь имеет конкурентное преимущество на мировой арене.

Наибольшую долю в структуре обрабатывающей промышленности в Республике Беларусь занимает подсекция «Еда и на-

Таблица 6

Показатели технологичности в 2010 и 2017 гг. [3]

Страна	Показатели технологичности			
	2010		2017	
	Доля ДС средне- и высокотехн. пр-ва в общей ДС пр-ва	Доля экспорта средне- и высокотехн. товаров в общем объеме экспорта	Доля ДС средне- и высокотехн. пр-ва в общей ДС пр-ва	Доля экспорта средне- и высокотехн. товаров в общем объеме экспорта
Австралия	0,28	0,2	0,28	0,19
Беларусь	0,4	0,39	0,39	0,4
Германия	0,6	0,72	0,62	0,74
Испания	0,38	0,57	0,4	0,57
Италия	0,43	0,54	0,43	0,55
Казахстан	0,13	0,37	0,13	0,36
Китай	0,41	0,61	0,41	0,6
Латвия	0,23	0,35	0,21	0,43
Литва	0,3	0,38	0,25	0,43
Польша	0,39	0,58	0,34	0,55
Россия	0,25	0,24	0,3	0,29
США	0,48	0,65	0,47	0,64
Франция	0,48	0,66	0,51	0,66
Чехия	0,45	0,68	0,52	0,7
Эстония	0,28	0,42	0,27	0,5

питки». Подобная ситуация наблюдается и в других странах. Однако, в некоторых развитых странах в структуре обрабатывающей промышленности преобладают подсекции, выпускающие продукцию с более высокой ВДС, такие как «Автомобили, прицепы и полуприцепы», «Машины и оборудование», «Химикаты и химические продукты», и являющиеся также ориентированными на экспорт.

Показатели технологичности, экспорта, экспорта в промышленности Беларуси демонстрируют средние значения среди рассмотренных стран. Наименьшие значения наблюдались в индексах таких стран, как Россия, Казахстан, Латвия, Австралия, наибольшие значения — в индексах Германии, Чехии и Франции.

Так как основой устойчивого развития и обеспечения социально-экономической безопасности является экономика, базирую-

щаяся на инновациях и эффективном использовании национальных ресурсов, развитие высокотехнологичных производств, индустриализация и содействие инновациям при рациональном использовании природных ресурсов — это движущие силы экономического роста и устойчивого развития Беларуси [1]. Перестройка национальной экономики должна быть основана на опережающем развитии науки и высокотехнологичных производств, продвижении инновационных технологий и их продуктов в традиционный сектор экономики.

Данная статья подготовлена в рамках комплексного исследования, посвященного совершенствованию структуры экономики регионов областного и районного уровней Республики Беларусь. Далее планируется подготовить конкретные рекомендации по совершенствованию территориальной, отраслевой, секторальной, технологичес-

Таблица 7

**Показатели экспорта в 2010 и 2017 гг.
(составлено автором на основании стат. базы данных ООН)**

Страна	Показатели экспорта			
	2010		2017	
	Индекс экспорта производства на душу населения	Доля экспорта промышленной продукции в общем объеме экспорта	Индекс экспорта производства на душу населения	Доля экспорта промышленной продукции в общем объеме экспорта
Австралия	0,14	0,48	0,12	0,45
Беларусь	0,07	0,91	0,08	0,88
Германия	0,42	0,89	0,48	0,92
Испания	0,14	0,86	0,17	0,84
Италия	0,21	0,94	0,23	0,95
Казахстан	0,02	0,23	0,02	0,28
Китай	0,03	0,99	0,05	0,99
Латвия	0,1	0,83	0,17	0,84
Литва	0,18	0,88	0,27	0,91
Польша	0,11	0,9	0,15	0,91
Россия	0,03	0,36	0,03	0,46
США	0,09	0,79	0,09	0,75
Франция	0,22	0,91	0,22	0,91
Чехия	0,35	0,93	0,49	0,97
Эстония	0,25	0,88	0,3	0,87

**Показатели экспорта в промышленности в 2010 и 2017 гг.
(составлено автором на основании стат. базы данных ООН)**

Страна	Показатели экспорта в промышленности			
	2010		2017	
	Доля средне- и высокотехн. деят-ти в индексе экспорта обрабат. пром-ти	Индекс качества промышленного экспорта	Доля средне- и высокотехн. деят-ти в индексе экспорта обрабат. пром-ти	Индекс качества промышленного экспорта
Австралия	0,24	0,36	0,2	0,32
Беларусь	0,47	0,69	0,41	0,65
Германия	0,87	0,88	0,77	0,85
Испания	0,69	0,77	0,59	0,71
Италия	0,65	0,79	0,57	0,76
Казахстан	0,45	0,34	0,38	0,33
Китай	0,73	0,86	0,62	0,81
Латвия	0,42	0,62	0,44	0,64
Литва	0,45	0,67	0,45	0,68
Польша	0,7	0,8	0,58	0,74
Россия	0,29	0,32	0,3	0,38
США	0,78	0,78	0,66	0,71
Франция	0,79	0,85	0,69	0,8
Чехия	0,81	0,87	0,73	0,85
Эстония	0,51	0,69	0,52	0,7

кой, региональной, инвестиционной, инновационной структур экономики регионов Республики Беларусь, структуры форм собственности, основываясь на проведенном анализе структур, а также международном опыте совершенствования структур экономики региона.

Литература

1. Аналитический отчет о реализации в 2016–2017 гг. Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. — Минск: Медисонт, 2019. — 234 с.

2. Камына М. В. Методологические основы исследования и совершенствования структуры национальной и региональной экономики / М. В. Камына // Вестник ГрГУ. Серия 5. — 2015. — №1 (188). — С. 50–58.

3. Статистическая база данных Организации промышленного развития ООН (UNIDO) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://stat.unido.org> (Дата обращения: 10.11.2019).

4. Развадовская Ю. В. Анализ отечественного и зарубежного опыта управления структурными преобразованиями экономики промышленного сектора / Ю. В. Развадовская // Электронный научный журнал «Инженерный вестник Дона». — 2011. — №4.

5. Угарина Т. А. Структурные преобразования в экономике: опыт зарубежных стран / Т. А. Угарина // Эконом. Бюллетень НИЭИ Мин-ва экономики Респ. Беларусь. — 2013. — №1. — С. 40–46.

6. Фатеев В. С. Региональная политика: теория и практика / В. С. Фатеев. — Мн.: ЕГУ, 2004. — 480 с.

References

1. Analiticheskij otchet o realizacii v 2016–2017 gg. Nacional'noj strategii ustojchivogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Respubliki Belarus' na period do 2030 goda [Analytical report on implementation in 2016–2017 National strategy for sustainable socio-economic development of the Republic of Belarus for the period up to 2030]. — Minsk: Medisont, 2019. — 234 p.

2. Kamyna M. V. Metodologicheskie osnovy issledovanija i sovershenstvovanija struktury nacional'noj i regional'noj jekonomiki [Methodological foundations of research and improvement of the structure of the national and regional economy] / M. V. Kamyna // Vesnik GrGU. Serija 5. — 2015. — №1 (188). — Pp. 50–58.

3. Statisticheskaja baza dannyh Organizacii promyshlennogo razvitija OON (UNIDO) [Statistical database of the United Nations industrial development Organization (UNIDO)] [Je-

lektronnyj resurs]. — URL: <https://stat.unido.org> (Date accessed: 10.11.2019).

4. Razvadovskaja Ju. V. Analiz otechestvennogo i zarubezhnogo opyta upravlenija strukturnymi preobrazovanijami jekonomiki promyshlennogo sektora [Analysis of domestic and foreign experience in managing structural transformations of the industrial sector economy] / Ju. V. Razvadovskaja // Jelektronnyj nauchnyj zhurnal «Inzhenernyj vestnik Dona» [Electronic scientific journal «Engineering Bulletin of Don»]. — 2011. — №4.

5. Ugarina T. A. Strukturnye preobrazovanija v jekonomike: opyt zarubezhnyh stran [Structural changes in the economy: foreign experience] / T. A. Ugarina // Jekonom. Bjuliten' NIJeI Min-va jekonomiki Resp. Belarus'. — 2013. — №1. — Pp. 40–46.

6. Fateev V. S. Regional'naja politika: teorija i praktika [Regional policy: theory and practice] / V. S. Fateev. — Minsk: EGU, 2004. — 480 p.

Поступила в редакцию

22 июля 2020 г.

Камына Марина Владимировна — аспирант факультета экономики и управления УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», магистр экономических наук.

Kamyna Marina Vladimirovna — Postgraduate Student of the faculty of Economics and Management Chair of EE «Grodno State University named Yanka Kupala», Master of Economic Sciences.

230025, Беларусь, г. Гродно, ул. К. Маркса, 13, кв. 3
13 K. Marx st., app. 3, 230025, Grodno, Belarus
E-mail: Marina-bldrv@yandex.ru

УДК 338.2

10.17213/2075-2067-2020-6-185-192

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА МЕХАНИЗМА ОЦЕНОЧНО-ПРОГНОЗНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ

© 2020 г. Д. В. Корнеев

Первый термометровый завод, г. Валдай, Россия

Цель исследования. Представлен комплекс взаимодополняющих рекомендаций по повышению эффективности современных методов оценочно-прогнозного моделирования риск-систем. Цель — повысить точность оценки и прогноза результатов взаимодействия макроэкономической и микроэкономической среды, что даст возможность долгосрочного конкурентоспособного развития национальной экономики и социальной сферы в условиях растущей нестабильности и неопределенности мировой политэкономической среды.

Методологическую базу исследования представляют спектральный метод оценки статистических рисков, нечетко-множественное моделирование риск-систем, общий подход моделирования риск-систем на основе нейронных сетей, стратегическое прогнозирование методом аналитических сетей и др.

Результаты исследования. Исследовательская работа содержит комплекс взаимодополняющих рекомендаций по повышению эффективности современных методов оценочно-прогнозного моделирования риск-систем, предложений по расширению вспомогательного инструментария в сторону получения актуальных для интеграционных систем риск-менеджмента оценочных прогнозов комплексных синергетических риск-процессов.

Перспективу исследования составляет работа над созданием универсальной методики оценочно-прогнозного моделирования в интеграционных системах управления рисками.

Ключевые слова: интеграционные системы управления рисками; моделирование синергетических эффектов; вспомогательный аппарат механизма оценочно-прогнозного моделирования.

DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF THE AUXILIARY APPARATUS OF THE MECHANISM OF ESTIMATION AND FORECAST MODELING IN INTEGRATED RISK MANAGEMENT SYSTEMS

© 2020 D. V. Korneev

The First Thermometer Plant, Valdai, Russia

Purpose of research. A set of complementary recommendations for improving the effectiveness of modern methods of estimation and predictive modeling of risk systems is presented. The goal is to improve the accuracy of assessing and forecasting the results of interaction between the macroeconomic and microeconomic environment, which will enable long — term competitive development of the national economy and the social sphere in the context of growing instability and uncertainty in the global political economic environment.

The methodological basis of the research is represented by the spectral method of statistical risk assessment, fuzzy-multiple modeling of risk systems, a General approach to modeling risk systems based on neural networks, strategic forecasting using analytical networks, etc.

Research result. The research work contains a set of complementary recommendations for improving the effectiveness of modern methods of estimation and predictive modeling of risk systems, as well as proposals for expansion.

The research perspective is the work on creating a universal methodology for estimation and predictive modeling in integrated risk management systems.

Key words: integrated risk management systems; modeling of synergetic effects; auxiliary apparatus of the mechanism of estimation and forecast modeling.

Введение. Необходимость осуществления эффективного оценочно-прогнозного моделирования комплексных риск-систем с возможными синергетическими воздействиями требует не только разработки соответствующих алгоритмов механизма реализации данных направлений в рамках функционирования расширенной интеграционной системы управления рисками, но и развития соответствующего вспомогательного аппарата, позволяющего транспонировать результаты прогрессивных исследований в области математики, эконофизики, информатики в сферу современного риск-менеджмента с целью их прикладного использования при решении комплексных задач по риск-менеджменту.

Основные направления развития вспомогательного аппарата интегрированного механизма управления рисками. В разрезе намеченной проблематики данного исследования можно выделить три взаимосвязанных направления необходимого развития вспомогательного аппарата интегрированного механизма управления рисками:

— развитие вспомогательного аппарата микроуровня (методики идентификационно-оценочного процесса рисков взаимосвязей и взаимодействий);

— развитие вспомогательного аппарата макроуровня (методологии оценки и прогноза комплексных риск-систем и синергетических риск-процессов с учетом особенностей расширенной интеграционной формы предпринимательских структур и соответствующей многоуровневой системы риск-менеджмента);

— развитие вспомогательного аппарата глобального уровня (эффективного модели-

рования и управления современной рискованной средой в рамках реализации новой парадигмы управления будущим с использованием интеграционных динамическо-адаптивных систем управления рисками на разных уровнях комплексного воздействия).

Последние два направления являются наиболее проблемными и требуют поиска новых нестандартных решений.

Все многообразие моделей в научных исследованиях в этой области, в принципе, сводится к нескольким методологическим направлениям (с использованием соответствующего вспомогательного математического аппарата), а именно: детерминированные методы, вероятностно-статистические методы (статистические, теоретико-вероятностные, вероятностно-эвристические), нестатистические и комбинированные. Каждая из этих групп несет определенную функциональную направленность в оценочно-прогножном механизме риск-менеджмента, обладая определенными достоинствами и недостатками (ограничениями) при решении тех или иных задач, поэтому при реализации комплексного механизма многоуровневой системы управления рисками невозможно применение лишь одной или нескольких универсальных методик моделирования, как и, соответственно, невозможно применение лишь «однородного» вспомогательного математического аппарата.

Анализ современных методов прогноз-но-оценочного моделирования. К основному вспомогательному аппарату, обеспечивающему представленные выше методологические направления современного оценочно-

прогнозного моделирования риск-менеджмента, можно отнести:

— линейные и нелинейные функции (использование регрессионного анализа при оценке рисков связей);

— дифференциальные функции (осуществление прогнозного моделирования динамических систем);

— нечеткие множества (методы анализа риска в условиях неопределенностей нестатистической природы, предназначены для описания неопределенностей параметров риска);

— математический аппарат нейронных и аналитических сетей (когнитивное прогнозное моделирование риск-систем и принятия решений);

— фрактальную теорию (мультифрактальное моделирование рыночных финансовых колебаний, прогрессивная оценка финансовых рисков);

— теории самоорганизации систем, динамического хаоса и бифуркаций (концептуальное моделирование сложных хаотических процессов в рискованной среде);

— распределительные системы, волновую теорию и теорию колебаний (пока не получившие широкого распространения в риск-менеджменте методики, однако, по мнению автора, имеющие перспективное значение для развития моделирования в современных условиях нелинейного многовекторного характера динамической рискованной среды) и другие [3].

Для наибольшего эффекта представляется возможным использование комплексных и комбинированных методов, сформированных согласно логико-функциональному принципу с индивидуальным подходом к специфике интегрированных структур, с одной стороны, и системным подходом к решению сложных комплексных (многоуровневых) задач, с другой стороны. К таким сложным задачам относится в первую очередь моделирование риск-систем и присущих им синергетических процессов.

Таким образом, математический аппарат должен быть дополнен инструментарием синергетического моделирования.

Для адаптации основ синергетического моделирования непосредственно в механизм риск-менеджмента в современных исследованиях преимущественно прибегают к ин-

струментарий «фрактального броуновского движения» (при моделировании финансовых рисков), а также аппарату нейронных сетей и «нечетких множеств». Применение именно этого математического аппарата при оценке сложных хаотических риск-систем обусловливается возможностью использования множественных условных (неточно определенных) параметров (целей, значений, ограничений) и допущений для построения соответствующих моделей. Например, использование аппарата нейронных сетей может способствовать в том числе определению «нечетких связей» взаимодействия между риск-факторами различных уровней комплексной системы. При этом изначальное конструирование нейронной сети может строиться лишь на слабых допущениях о возможности подобных связей, а формирование входящих и промежуточных слоев переменных для лучшей систематизации должно соответствовать принципу деления факторов (нейронов) по интеграционным уровням воздействия и целевым спецификациям. В качестве выходных данных сети могут использоваться сбалансированные показатели функционирования расширенного интеграционного образования (также систематизированные по многоуровневому принципу) либо информация о последствиях реализации (или коррекции) соответствующих рисков (при наличии необходимого объема подобных статистических данных).

Вопросам моделирования синергетических эффектов от интеграционных процессов в экономике уделяется достаточное внимание в исследованиях отечественных авторов. Однако представленные модели преимущественно дают оценку лишь положительным эффектам от интеграции (диссинергия не учитывается). Для этого обычно используют функциональные выражения затрат на интеграцию и дополнительных выгод от нее с последующим стоимостным исчислением разницы между ними. Такие модели, бесспорно, являются полезными на предварительном этапе интеграции предпринимательских структур, однако никаким образом не отражают комплексные динамические (синергетические) риск-процессы в интеграционных структурах.

Проблемам же моделирования комплексного синергетического воздействия в риско-

вой среде в отечественных научных работах уделено недостаточно внимания. По мнению автора, именно такая оценка имеет одно из ключевых значений для будущего развития интеграционных образований.

В контексте научного развития данной проблематики можно выделить исследования авторов З. И. Абдулаевой и А. О. Недосекина, уделившим в своей работе достаточно большое внимание нечетко-множественному моделированию в инновационной рискованной среде [1], а также Р. А. Шамшилова, который на основе синергетического подхода и теории нечетких множеств разработал методику оценки инновационных рисков, учитывающую нелинейность в процессах инновационного развития [10].

Использование теории нечетких множеств также может находить широкое применение для развития вспомогательного аппарата механизма оценочно-прогнозного моделирования в интеграционных системах управления рисками. Так, в случае, когда математическая риск-модель не может быть представлена четкими параметрами, можно использовать треугольные нечеткие числа с соответствующей функцией принадлежности ($x_{\min}$, x , $x_{\max}$ — нечеткий параметр (X) приблизительно равен x в диапазоне [$x_{\min}$, $x_{\max}$]). Тогда, преобразовав стандартное дифференциальное уравнение (dx/dt) с учетом возможного синергетического риск-воздействия во времени получим общую формулу:

$$\begin{aligned} \frac{\partial x_i}{\partial t} + \frac{\partial x_j}{\partial t} + \dots + \frac{\partial x_n}{\partial t} = \\ = f(x(\sin)_{\min}, x(\sin), x(\sin)_{\max}), \end{aligned} \quad (1)$$

где $f(x(\sin)_{\min}, x(\sin), x(\sin)_{\max})$ — нечеткие динамические изменения совокупного (синергетического) воздействия $x_{i,j,\dots,n}$ — риск-факторов во времени.

При этом при смене в формуле (1) временной функциональной компоненты (dt) на пространственную (dz) получим функцию синергетических риск-процессов в пространственной распределительной системе. При замене функциональной компоненты (dt либо dz) также треугольным нечетким значением можно получить синергетическую функцию с определенными нечеткими временными и пространственными интервала-

ми. Таким образом, полученное общее уравнение (модель) синергетических рискованных процессов формально представляет собой совокупность дифференциальных изменений взаимосвязанных риск-факторов во времени и пространстве, результатом которых является их функциональное синергетическое воздействие, выраженное нечетким треугольным числом.

Инструмент нечетких множеств относительно универсален и поэтому может комбинироваться с различными моделями синергетических риск-систем. Такое функциональное преобразование может способствовать прогнозированию сложных хаотических (синергетических) процессов в идентифицированных комплексных риск-системах. Однако, главным недостатком данного математического аппарата является значительная условность полученных прогнозных оценок, ведь при данной методике предельные минимальные и максимальные значения диапазона нечеткого числа также устанавливаются преимущественно при помощи экспертных оценок. Следовательно, экспертные ошибки при определении данного диапазона могут привести к некорректным результатам подобного моделирования, а слишком большое расширение диапазона предельных значений будет давать настолько условные результаты, что их практическое использование в управлении рисками станет невозможным.

Для более точных оценок комплексных синергетических рискованных взаимодействий (в том числе более точных количественных оценок предельных значений диапазонов параметров риск-системы), по мнению автора, необходимо развитие дополнительного математического аппарата, включающего инструментарий спектрального анализа колебаний и волн. В данном контексте исследования рискованная среда интегрированных предпринимательских структур будет представлять собой совокупность риск-сигналов на разных уровнях воздействия и взаимодействия.

Развитию такого подхода к оценке рисков могут способствовать исследования автора Б. А. Матвеева, который предлагает методику спектральной оценки рисков во времени (посредством анализа динамики поведения случайной функции $s(t)$), в основе которой лежит оценка формы энергетического спектра-

ра сигнала риска [7]. Комбинирование стандартного статистическо-математического инструментария (дисперсии, корреляции) с методологией спектрального анализа позволило данному исследователю выработать оригинальную методику прогнозной оценки реализации рисков процессов.

По мнению автора, качественным развитием данного направления оценочно-прогнозного моделирования рисков может служить ее применение в контексте оценки рисков колебаний во времени. При условии идентифицированных риск-систем с определенными математическими ожиданиями реализации риск-сигналов (в данном контексте — воздействий риск-факторов разных уровней $(s(t)_{i,y1,2,3}, \dots, s(t)_{n,y1,2,3})$) во времени можно проводить сопоставимый анализ частоты, силы, амплитуды и синхронности этих колебаний. При этом комплексное сопоставление данных характеристик может позволить определить предельные значения их совокупного синергетического воздействия $(s(t)_{\sin, \min}; s(t)_{\sin, \max})$ в определенном временном интервале $T[t_0, \dots, t_n]$.

Преобразовав функцию

$$T(s_{i,y1,2,3}) = T(s_{i,y1,2,3})(A(s_{i,y1,2,3})),$$

получим выражение:

$$\begin{aligned} & T(s_{i,y1,2,3})(A(s_{i,y1,2,3})) \rightarrow \\ & \rightarrow T(s_{j,y1,2,3})(A(s_{j,y1,2,3})) \rightarrow \dots \rightarrow \\ & \rightarrow T(s_{n,y1,2,3})(A(s_{n,y1,2,3})) \rightarrow \\ & \rightarrow T(s_{\sin})(A(s_{\sin})), \end{aligned} \quad (2)$$

где A — амплитуда, T — временной период; $T(s_{\sin})(A(s_{\sin}))$ — функция периода амплитуды совокупного синергетического воздействия взаимосвязанных риск-сигналов $(s_{i,j,\dots,n})$.

Данное выражение отображает математическую модель нарастания синергетического воздействия риск-сигналов во времени в рамках определенного «релевантного периода» действия комплексной многоуровневой риск-системы.

При этом необходимо отметить, что, поскольку мы имеем дело с хаотическими динамически развивающимися системами, такое сопоставление нарастания амплитуд рисков воздействия дают лишь общие тенденции развития в «недолгосрочном релевантном» периоде. В случае же необ-

ходимости долгосрочных перспективных формализованных оценок данный анализ синергетических риск-процессов должен быть дополнен инструментарием волновой теории.

Как известно, волны обладают импульсами и переносят энергию в процессе своего распространения с определенной скоростью. Даже при очень слабой нелинейности их амплитуда во времени будет нарастать, а спектр исходного возмущения будет расширяться в сторону больших частот [3]. Такое физическое поведение волн, по мнению автора, в полной мере отображает модель распространения нелинейных риск-сигналов в «долгосрочном релевантном периоде» в рамках развития многоуровневых риск-систем.

Тогда общий вид формулы групповой (совокупной) скорости волновых риск-процессов ($v_{\text{сов}}$) будет иметь вид:

$$v_{\text{сов}} = \frac{d\omega_s}{dk_s}, \quad (3)$$

где $d\omega_s$ — приращение частоты волновых колебаний риск-сигналов в группе (риск-системе); dk_s — приращение волнового числа колебаний риск-сигналов в группе.

В этом случае общая функция темпов распространения совокупного синергетического риск-воздействия в «долгосрочном релевантном периоде» ($s_{\sin}'$) будет иметь вид:

$$f(s_{\sin}') = T(s_{\sin}')'(A(s_{\sin}')) \times v_{\text{сов}} \rightarrow \text{ТБ}(\Pi), \quad (4)$$

где $T(s_{\sin}')'(A(s_{\sin}'))$ — дифференцированная функция периода амплитуды волнового синергетического воздействия взаимосвязанных риск-сигналов; ТБ — точка бифуркации (полифуркации).

Таким образом, функция (4) показывает долгосрочные тенденции дифференцированного распространения синергетического риск-воздействия до достижения точки бифуркации (полифуркации) (полной трансформации риск-системы).

При этом дифференцированную функцию зависимости амплитуды колебаний синергетических риск-процессов ($A(s_{\sin}')$) от совокупной скорости волновых риск-процессов можно представить так:

$$A(s_{\sin}') = A(s_{\sin}')'(v_{\text{сов}}). \quad (5)$$

Тогда общая функция силы распространения совокупного синергетического риск-

воздействия в «долгосрочном релевантном периоде» (s_{sin}'') будет иметь вид:

$$f(s_{\text{sin}}'') = A(s_{\text{sin}})'(v_{\text{сов}}) \times \sum_{i=1}^{n \rightarrow \text{ТБ}} T_{i...n}, \quad (6)$$

где $\sum_{i=1}^{n \rightarrow \text{ТБ}} T_{i...n}$ —

совокупность периодов полной волновой амплитуды колебаний синергетических риск-воздействий до достижения риск-системы точки бифуркации (полифуркации).

Следовательно, функция (6) соответственно отображает тенденции дифференцированного усиления (снижения) распространения синергетического риск-воздействия в «долгосрочном релевантном периоде».

По мнению автора, предложенные выше функциональные зависимости хоть и имеют общую форму, но могут служить эффективной базисной основой для стратегического оценочно-прогнозного моделирования синергетических процессов в комплексных риск-системах, имеющего особую актуальность для расширенных интеграционных образований в контексте реализации парадигмы управления будущим посредством долгосрочного комплексного (стратегического) превентивного управления рискованной средой.

Заключение. Таким образом, представленные в работе направления развития вспомогательного аппарата содержат комплекс взаимодополняющих рекомендаций по повышению эффективности современных методов оценочно-прогнозного моделирования риск-систем, предложений по расширению вспомогательного инструментария в сторону получения актуальных для интеграционных систем риск-менеджмента оценочных прогнозов комплексных синергетических риск-процессов.

Практический эффект от реализации данных направлений исследования в рамках внедрения интеграционных систем управления рисками интегрированных предпринимательских структур, сформированных на базе расширенных (кластерных) форм внутренней интеграции, имеет достаточно обширный спектр целевого назначения:

— представленный вспомогательный аппарат более эффективно выявляет рискованные

взаимосвязи на разных уровнях воздействия с определением наиболее значимых рискогенерирующих факторов в системе, моделирует их динамические изменения и синергетические риск-процессы;

— представленные подходы моделирования комплексных риск-систем способствуют синтезу управления интеграционных систем управления рисками со всеми внутренними и внешними процессами, происходящими как непосредственно в самих интеграционных образованиях, так и в общей социально-экономической сфере страны и регионов. Такой синтез позволяет осуществлять оценку и прогноз взаимодействия (взаимовлияния) макроэкономической среды и социальной сферы с микроэкономической средой (результатами деятельности интегрированных предпринимательских структур). Данный подход дает возможность, с одной стороны, минимизировать потери от возможных кризисных явлений макроуровня, а с другой — позволяет выработать превентивные рычаги противодействия возникновению таких явлений посредством долгосрочного стратегического риск-ориентированного планирования и прогнозирования. Иными словами, реализация комплекса представленных направлений развития аппарата оценочно-прогнозного моделирования многоуровневых риск-систем может способствовать выработке сбалансированной модели управления интегрированными структурами в кратко-, средне- и долгосрочном периоде с оптимизацией всех значимых (релевантных) показателей, скорректированных на возможное динамическое (синергетическое) развитие рискованной среды;

— при глобальном развитии представленных подходов к моделированию рискованной среды посредством реализации новой парадигмы управления будущим на основе «тотального» внедрения комплексных многоуровневых интеграционных систем риск-менеджмента можно получить новую концептуальную модель коллективной национальной социально-экономической безопасности, позволяющей противостоять любым современным вызовам, в том числе глобального характера, которая в свою очередь даст возможность долгосрочного конкурентоспособного развития нацио-

нальной экономики и социальной сферы в условиях растущей нестабильности и неопределенности мировой политэкономической среды.

Литература

1. *Абдулаева З.И., Недосекин А.О.* Стратегический анализ инновационных рисков. — СПб: Изд-во Политехн. университета, 2013. — 150 с.
2. *Алексеев А.П.* Анализ синергетического эффекта интеграционного процесса производственных систем и методы его оценки // Современная экономика: проблемы и решения. — 2015. — №8 (68). — С. 8–14.
3. *Безручко Б.П., Короновский А.А., Трубецков Д.И., Храмов А.Е.* Путь в синергетику. Экскурс в десяти лекциях. — М.: Книжный дом «Либроком», 2010. — 304 с.
4. *Бондаренко А.И.* Синергический эффект в управлении конкурентоспособностью предприятия // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). — 2014. — №4. — С. 15–17.
5. *Иванов А.Е.* Оценка синергетического эффекта в экономическом обосновании интеграции в промышленности. Автореферат. — Челябинск: Ю-УГУ, 2007. — 26 с.
6. *Кузнецов Б.Л.* Экономическая синергетика как методология экономического развития [Электронный ресурс]. — С. 34–36. — Режим доступа: <http://www.docme.ru/doc/346991/34-b.-1.kuznecov-e-konomicheskaya-sinergetika-kak>.
7. *Матвеев Б.А.* Теоретические основы спектрального метода измерения статистических рисков // Экономический анализ: теория и практика. — 2007. — №20 (101). — С. 34–41.
8. *Солошенко Р.В.* Систематизация синергетических эффектов в экономике // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. — 2014. — №1. — С. 15–18.
9. *Хасанова Г.Ф.* Оценка эффекта синергии с помощью экономико-математических методов // Интернет-журнал Науковедение. — 2015. — №3 (28). — С. 1–10.
10. *Шамшилов Р.А.* Методика оценки эффективности инновационной деятельности предприятия с учетом рисков на основе синергетического подхода // Транспортное дело России. — 2010. — №1. — С. 15–18.

References

1. *Abdulaeva Z.I., Nedosekin A.O.* Strategicheskij analiz innovacionnyh riskov [Strategic analysis of innovative risks]. — Saint-Petersburg: Izd-vo Politehn. universiteta, 2013. — 150 p.
2. *Alekseev A.P.* Analiz sinergeticheskogo jeffekta integracionnogo processa proizvodstvennyh sistem i metody ego ocenki [Analysis of the synergetic effect of the integration process of production systems and methods for its evaluation] // Sovremennaja jekonomika: problemy i reshenija [Modern economy: problems and solutions]. — 2015. — №8 (68). — Pp. 8–14.
3. *Bezruchko B.P., Koronovskij A.A., Trubeckov D.I., Hramov A.E.* Put' v sinergetiku. Jekskurs v desjati lekcijah [Path to synergetics. Excursus in ten lectures]. — Moscow: Knizhnyj dom «Librokom», 2010. — 304 p.
4. *Bondarenko A.I.* Sinergicheskij jeffekt v upravlenii konkurentosposobnost'ju predprijatija [Synergistic effect in enterprise competitiveness management] // Evrazijskij Sojuz Uchenyh (ESU) [Eurasian Union of Scientists (ESU)]. — 2014. — №4. — Pp. 15–17.
5. *Ivanov A.E.* Ocenka sinergeticheskogo jeffekta v jekonomicheskom obosnovanii integracii v promyshlennosti. Avtoreferat [Assessment of the synergetic effect in the economic justification of integration in industry. Autoabstract]. — Cheljabinsk: Ju-UGU, 2007. — 26 p.
6. *Kuznecov B.L.* Jekonomicheskaja sinergetika kak metodologija jekonomicheskogo razvitija [Economic synergetics as a methodology of economic development] [Elektronnyj resurs]. — Pp. 34–36. — URL: <http://www.docme.ru/doc/346991/34-b.-1.-kuznecov-e-konomicheskaya-sinergetika-kak>.
7. *Matveev B.A.* Teoreticheskie osnovy spektral'nogo metoda izmerenija statisticheskikh riskov [Theoretical foundations of the spectral method for measuring statistical risks] // Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika [Economic analysis: theory and practice]. — 2007. — №20(101). — Pp. 34–41.
8. *Soloshenko R.V.* Sistematizacija sinergeticheskikh jeffektov v jekonomike [Systematization of synergetic effects in the economy] // Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozjajstvennoj akademii [Bulletin of the Kursk State agricultural Academy]. — 2014. — №1. — Pp. 15–18.

9. *Hasanova G.F.* Ocenka jeffekta sinergii s pomoshh'ju jekonomiko-matematicheskikh metodov [Evaluation of the synergy effect using economic and mathematical methods] // Internet-zhurnal Naukovedenie [The Internet journal of the sociology of Science]. — 2015. — №3 (28). — Pp. 1–10.

10. *Shamshilov R.A.* Metodika ocenki jeffektivnosti innovacionnoj dejatel'nosti pred-

prijatija s uchetom riskov na osnove sinergeticheskogo podhoda // Transportnoe delo Rossii [Methodology for evaluating the effectiveness of innovative activity of an enterprise taking into account risks based on a synergetic approach. Transport business of Russia]. — 2010. — №1. — Pp. 15–18.

Поступила в редакцию

24 сентября 2020 г.

Корнеев Дмитрий Владимирович — кандидат экономических наук, директор Первого термометрового завода, г. Валдай, Россия.

Korneev Dmitry Vladimirovich — Candidate of Economic Sciences, Director, The First Thermometer Plant, Valdai, Russia.

117193, г. Москва, Новоясеневский пр., 25/20, кв. 173
25/20 Novoyasenevsky av., app. 173, 117193, Moscow, Russia
E-mail: director@1thermometer.ru

УДК 334.021, 338.364, 339.18
10.17213/2075-2067-2020-6-193-201

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КОМПЛАЕНС В БИЗНЕСЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

© 2020 г. Ю. В. Рагулина, А. И. Литвинова

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Цель исследования. В центре внимания статьи находится проблема неопределенности сущности и характера влияния цифровой экономики на бизнес-комплаенс. Статья нацелена на решение этой проблемы посредством определения перспективных направлений развития комплаенс в бизнесе в условиях цифровой экономики.

Методология исследования. Для решения поставленной проблемы автором проводится комплексное экономико-математическое моделирование влияния различных факторов государственного и корпоративного управления цифровой экономикой на выраженность результатов в области бизнес-комплаенс с применением метода корреляционного анализа.

Результаты исследования. В статье обобщен международный опыт за 2020 г. Результаты моделирования позволили выявить перспективные направления развития комплаенс в бизнесе в условиях цифровой экономики, а также проранжировать по степени значимости факторы управления, сформировав научную основу для повышения его эффективности.

Перспективы исследования. Вклад проведенного исследования в развитие теории и практики бизнес-комплаенс состоит в уточнении особенностей развития изучаемой практики в условиях цифровой экономики. Доказанный значимый вклад цифровых технологий и факторов управления цифровой экономикой в достижение результатов бизнес-комплаенс позволяет целенаправленно управлять этими факторами и получать более выраженные результаты. Это будет системно способствовать преодолению теневой экономики и формированию социальной рыночной экономики.

Ключевые слова: комплаенс; корпоративная социальная ответственность; бизнес; цифровая экономика; цифровые технологии.

PROMISING DIRECTIONS FOR DEVELOPMENT OF COMPLIANCE IN BUSINESS IN DIGITAL ECONOMY

© 2020 Y. V. Ragulina, A. I. Litvinova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Purpose of the research. The article focuses on the problem of the uncertainty of the essence and nature of the impact of the digital economy on business compliance. The article is aimed at solving this problem by identifying promising directions for the development of compliance in business in the digital economy.

Research methodology. To solve the problem posed, the author carries out a comprehensive economic and mathematical modeling of the influence of various factors of state and corporate

governance of the digital economy on the severity of results in the field of business compliance using the method of correlation analysis.

Research results. *The article summarizes the international experience for 2020. The modeling results made it possible to identify promising directions for the development of compliance in business in the digital economy, as well as to rank management factors according to the degree of importance, forming a scientific basis for increasing its effectiveness.*

Research prospects. *The contribution of the study to the development of the theory and practice of business compliance consists in clarifying the features of the development of the studied practice in the digital economy. The proven significant contribution of digital technologies and factors of digital economy management to the achievement of business compliance results allows you to purposefully manage these factors and get more pronounced results. This will systematically contribute to overcoming the shadow economy and the formation of a social market economy.*

Key words: *compliance; corporate social responsibility; business; digital economy; digital technologies.*

Введение. Прогрессивной формой проявления корпоративной социальной ответственности является комплаенс. Он находится на стыке и воплощает в себе и полномасштабное соблюдение действующего нормативно-правового обеспечения, и следование интересам акционеров в менеджменте бизнеса, и учет мнений заинтересованных лиц — работников, потребителей и общества. Сочетание черт официального (не теневого) бизнеса и ответственного (инициативного) бизнеса обеспечивает широкие границы комплаенс и позволяет сделать его массовой практикой в современном бизнесе.

Хотя интерес к комплаенс большинство предприятий проявляет на протяжении многих десятилетий, его массовое внедрение в хозяйственную практику сдерживалось недостаточной информационной поддержкой, обуславливающей неясность в отношении требований и государства (из-за сложности уследить за изменяющимся законодательством), и акционеров (из-за недостаточного контакта с ними), и потребителей (из-за барьеров сбора обратной связи), комплаенс традиционно был доступен только для наиболее крупного бизнеса.

В условиях цифровой экономики созданы благоприятные возможности для развития комплаенс — цифровые технологии позволяют преодолеть информационные барьеры и предоставить все необходимые данные для полномасштабного комплаенс всех предпри-

ятий. Однако, проблема заключается в неопределенности того, какие направления комплаенс могут получить наибольшее развитие с помощью цифровых технологий, а также какие меры государственного и корпоративного управления наиболее предпочтительны и должны быть предприняты.

Эта статья нацелена на решение поставленной проблемы и исследование перспективных направлений развития комплаенс в бизнесе в условиях цифровой экономики, а также определение рамочных требований к государственному и корпоративному управлению с применением цифровых технологий в интересах развития бизнес-комплаенс.

Материалы и методология. Различные вопросы комплаенс и перспективы его применения в современном бизнесе достаточно подробно освещены в трудах таких ученых, как Т.А. Абрамян [1], С.Н. Еремина [2], О.Г. Карпович, Ю.В. Трунцевский [3], В.Е. Понаморенко, Д.Г. Коровяковский, А.А. Тыртышный [4], Е.Г. Попкова [5], В.И. Прасолов, А.К. Чешунас [6], Ю.Н. Румянцева [7] и А.А. Сапфинова [8]. При этом вклад цифровых технологий в развитие комплаенс недостаточно подробно исследован и нуждается в дальнейшем углубленном изучении для заполнения этого пробела в научных знаниях.

Методология исследования базируется на применении экономико-математического

аппарата, в частности, метода корреляционного анализа. Для получения наиболее достоверных результатов исследование вклада цифровых технологий в развитие комплаенс в бизнесе осуществляется на базе международной выборки, состав стран для которой определен по критерию уровня экономической свободы. Для обеспечения репрезентативности выборки в нее включено по 2 страны из каждого класса в соответствии с материалами [9]. Это позволяет исключить влияние государственного регулирования и механизма рынка на развитие комплаенс, тем самым получив наиболее достоверные результаты, очищенные от искажающего воздействия сторонних факторов. Экономическая свобода стран выборки проиллюстрирована на рис. 1.

Как наглядно продемонстрировано на рисунке 1, разрыв в уровне экономической свободы в странах выборки достаточно велик, чтобы действительно изолировать ее от влияния государственного регулирования и механизма рынка. Так, в Бразилии соответствующий индекс составляет 42,8 баллов, а в Сингапуре 89,4 балла, то есть на 108,88% (более, чем в 2 раза) больше.

На основе сформированной выборки стран в статье рассчитывается корреляционная зависимость между результатами в области комплаенс и отобранными потенциально влияющими на них факторами цифровой экономики.

Результаты в области комплаенс количественно измерены и выражены с помощью показателей из отчета [10], среди которых регулирование конфликта интересов (п. 1.18), сила стандартов аудита и бухгалтерского учета (п. 1.17), защита прав работников (п. 8.06) и многостороннее сотрудничество (п. 12.04). Факторы цифровой экономики, потенциально влияющие на результаты в области комплаенс, включают в себя такие показатели отчета [10], как адаптация правовой базы к цифровым бизнес-моделям (п. 1.22), электронное гражданское общество (п. 1.12) и цифровые навыки активного населения (п. 6.05), а также такой показатель из отчета [11], как цифровой бизнес (business agility). Эмпирические данные об уровне развития бизнес-комплаенс и влияющих на него факторах цифровой экономики в странах выборки в 2020 г. представлены в табл. 1.

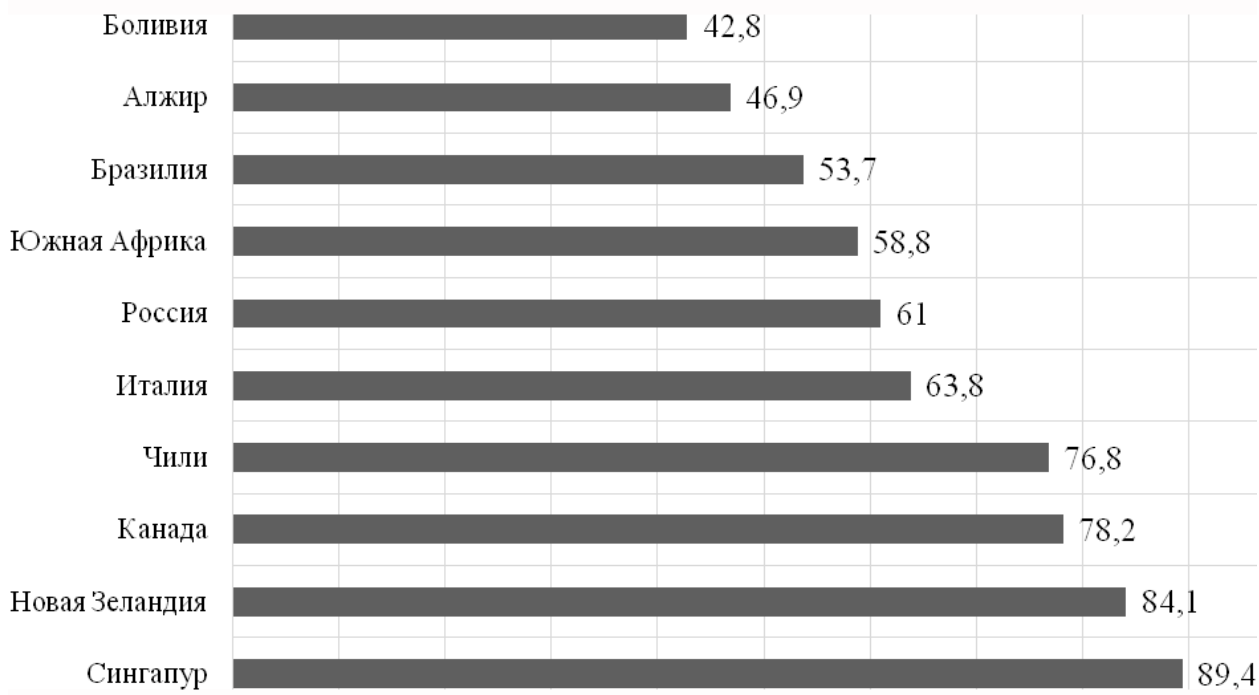

Рис. 1. Характеристика выборки стран по уровню экономической свободы в 2020 г., баллы 1–100 [9]

Результаты и их обсуждение. Обработка данных из табл. 1 позволила получить следующие результаты, отражающие корреляционную связь рассматриваемых показателей и охарактеризовать влияние цифровой экономики на бизнес-комплаенс (рис. 2, 3, 4).

Принимая во внимание детализированные результаты проведенного корреляционного анализа, представленные на рис. 2, можно утверждать, что перспективы развития комплаенс в бизнесе в условиях цифровой экономики достаточно широки и охватывают все его основные направления, реализуемые сегодня. Вместе с этим выявлена важность всех факторов цифровой экономики, предположение о значимости каждого из которых подтвердилось.

Наиболее сильная корреляция выявлена в отношении влияния адаптации правовой

базы к цифровым бизнес-моделям (фактор государственного регулирования цифрового бизнеса) на развитие многостороннего сотрудничества бизнеса как направление комплаенс (учет мнений заинтересованных сторон (корреляция 92,69%)). Также большая корреляция выявлена в отношении влияния цифровых навыков экономически активного населения на многостороннее сотрудничество (76,94%).

Следует отметить, что отрицательные значения коэффициентов корреляции результатов в области бизнес-комплаенс с цифровым бизнесом свидетельствуют о позитивном влиянии этого фактора, поскольку он измеряется в местах, и потому его значение улучшается по мере уменьшения в противоположность остальным показателям, что и определяет полученные

Таблица 1

Эмпирические данные об уровне развития бизнес-комплаенс и влияющих на него факторах цифровой экономики в странах выборки в 2020 г. [10, 11]

Класс стран по уровню экономической свободы	Страна	Результаты в области комплаенс				Факторы цифровой экономики, влияющие на результаты			
		Регулирование конфликта интересов	Сила стандартов аудита и бухгалтерского учета	Защита прав работников	Многостороннее сотрудничество	Адаптация правовой базы к цифровым бизнес-моделям	Электронное гражданское общество	Цифровые навыки активного населения	Цифровой бизнес, место 1–63
Абсолютная	Сингапур	93	87,6	89	66	76,5	96,6	76,4	11
	Новая Зеландия	93	84,7	89	61,4	65,1	98,3	65,5	46
Преобладающая	Канада	87	81,6	79	63,8	58	91	67,9	16
	Чили	70	77,4	70	44,8	51,4	54,4	54,4	54
Ограниченная	Италия	57	57,2	98	45,6	36,1	95,5	52,9	23
	Россия	50	54,6	77	49,5	48,1	92,1	65,8	60
Минимальная	Южная Африка	80	67,5	86	52,6	42,4	84,8	37,9	58
	Бразилия	57	61,1	62	44,3	33,5	97,2	34,8	41
Отсутствующая	Алжир	33	47,4	57	42,7	33,9	20,2	49,5	–
	Боливия	70	61,1	72	31,1	16,3	57,9	37	–

отрицательные значения. Обобщенная корреляция получена с помощью расчета средних арифметических, а показатели связи с цифровым бизнесом взяты с обратным знаком (рис. 3, 4).

Исходя из рис. 3, можно сказать, что многостороннее сотрудничество представляет собой наиболее перспективное направление развития комплаенс в бизнесе в условиях цифровой экономики — среднее арифметическое коэффициентов корреляции составило 69,99%. На втором месте по перспективам развития на базе цифровых технологий оказалось такое направление бизнес-комплаенс, как усиление стандартов аудита и бухгалтерского (финансового, корпоративного) учета и отчетности (55,42%). Менее выраженными, но также перспективными оказались направления, связанные с совершенствованием практики регулирования конфликта интересов (49,60%) и с усилением защиты прав работников (48,05%).

Несмотря на выявленные некоторые различия во влиянии цифровых технологий, можно с уверенностью утверждать, что все рассмотренные направления развития бизнес-комплаенс могут получить импульс к развитию на базе новых возможностей, открывающихся в условиях цифровизации хозяйственных систем.

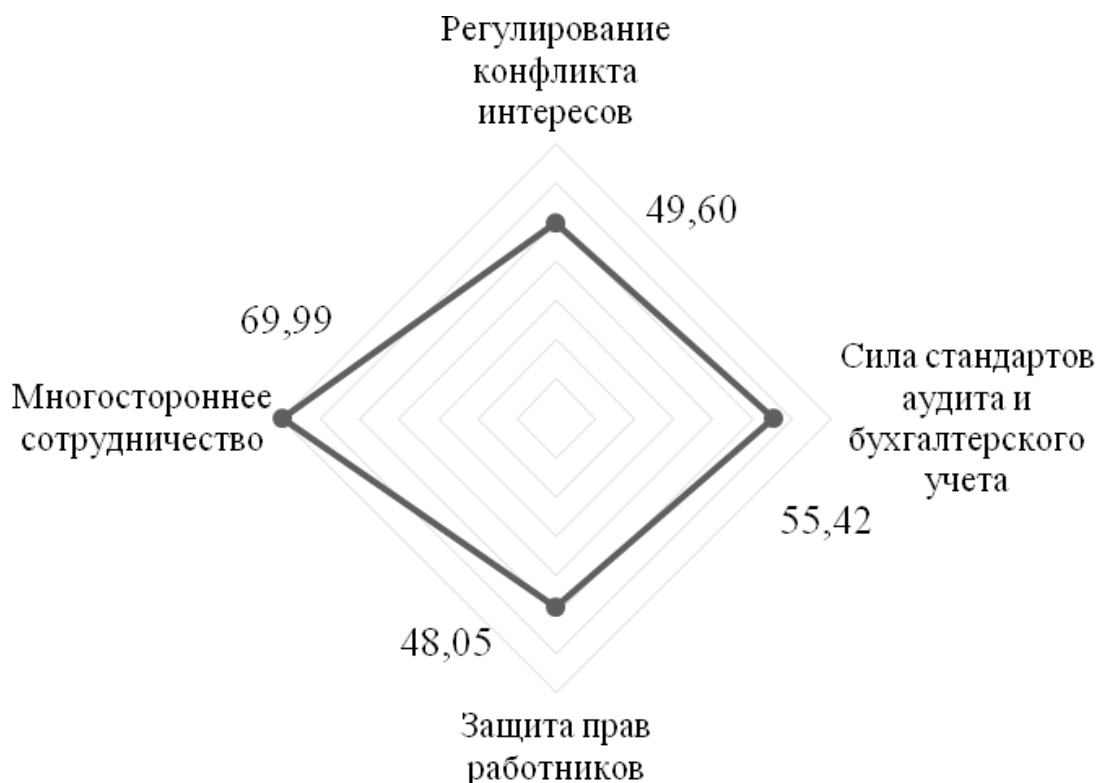
Как показали обобщенные результаты корреляционного анализа на рис. 4, наибольший вклад в развитие бизнес-комплаенс в современной мировой экономике вносит такой фактор цифровизации, как адаптация правовой базы к цифровым бизнес-моделям (70,32%). Также достаточно значимыми оказались такие факторы, как электронное гражданское общество (56,03%) и цифровые навыки активного населения (54,13%). Наименее значимым, но также важным фактором, который должен приниматься во внимание, стал цифровой бизнес (42,58%).

Это указывает, с одной стороны, на возможность диверсифицировать практики государственного и корпоративного управления развитием бизнес-комплаенс на базе возможностей цифровой экономики, с другой стороны, на доступность приоритизации доступных практик в интересах повышения эффективности управления ими при распределении инициатив и ресурсов.

Заключение. Завершая проведенное исследование, можно сделать вывод о том, что в условиях цифровой экономики открываются новые возможности для развития бизнес-комплаенс, действительно позволяющие сделать его массово доступным. Перспектив-

Рис. 2. Детализированная корреляция развития бизнес-комплаенс и влияющих на него факторов цифровой экономики в странах выборки в 2020 г.

Рис. 3. Обобщенная корреляция развития бизнес-комплаенс под системным влиянием цифровой экономики в странах выборки в 2020 г.

Рис. 4. Обобщенная корреляция влияния каждого фактора цифровой экономики на системное развитие бизнес-комплаенс в странах выборки в 2020 г.

ные направления развития комплаенс в бизнесе в условиях цифровой экономики не ограничены и охватывают все существующие практики комплаенс, реализуемые в бизнесе. Тем не менее, данные перспективы наиболее выражены в отношении расширения многостороннего сотрудничества, корреляция которого с совокупностью факторов цифровой экономики оказалась наиболее высока и составила 69,99%.

При управлении цифровой экономикой в интересах развития бизнес-комплаенс целесообразно уделять основное внимание государственному (внешнему) управлению, которое рекомендуется направить на освоение цифровых навыков широкими массами населения, становлением цифрового гражданского общества и модернизацией нормативно-правового обеспечения к потребностям и особенностям цифрового бизнеса. При этом возможности цифрового бизнеса ограничены и наименее выражены среди обозначенных факторов цифровой экономики.

Вклад проведенного исследования в развитие теории и практики бизнес-комплаенс состоит в уточнении особенностей развития изучаемой практики в условиях цифровой экономики. Доказанный значимый вклад цифровых технологий и факторов управления цифровой экономикой в достижение результатов бизнес-комплаенс позволяет целенаправленно управлять этими факторами и получать более выраженные результаты. Это будет системно способствовать преодолению теневой экономики и формированию социальной рыночной экономики.

Литература

1. *Абрамян Т.А.* К вопросу о необходимости использования системы «комплаенс» в российском бизнесе / Т.А. Абрамян // Юрист. — 2017. — №17. — С. 19–21.
2. *Еремина С.Н.* COMPLIANCE в России: сущность и применение в сфере регулирования труда / С.Н. Еремина // Юрист. — 2017. — №17. — С. 37–40.
3. *Карпович О.Г.* Особенности методологии современных комплаенс-программ / О.Г. Карпович, Ю.В. Трунцевский // Юрист. — 2017. — №18. — С. 9–15.

4. *Понаморенко В.Е.* COMPLIANCE как фактор эффективности правового регулирования во внешней торговле / В.Е. Понаморенко, Д.Г. Коровяковский, А.А. Тыртышный // Таможенное дело. — 2017. — №3. — С. 15–17.

5. *Попкова Е.Г.* Роль индустрии 4.0 в обеспечении глобальной конкурентоспособности экономики современной России / Е.Г. Попкова // Экономика. Бизнес. Банки. — 2018. — №5 (26). — С. 118–131.

6. *Прасолов В.И.* Аутсорсинг комплаенс-процедур как способ оптимизации расходов на комплаенс-функцию / В.И. Прасолов, А.К. Чешунас // Russian Economic Bulletin. — 2020. — Т. 3. — №2. — С. 19–24.

7. *Румянцева Ю.Н.* Антимонопольный комплаенс как часть комплаенс-программы соблюдения законодательства Российской Федерации / Ю.Н. Румянцева // Пролог: журнал о праве. — 2019. — №2 (22). — С. 53–56.

8. *Сапфинова А.А.* Трудовой комплаенс как способ предупреждения нарушений трудовых прав / А.А. Сапфинова // Теория и практика общественного развития. — 2017. — №9. — С. 28–31.

9. Index of Economic Freedom 2020 [Электронный ресурс] // The Heritage Foundation. — Режим доступа: <https://www.heritage.org/index/about> (Дата обращения: 19.11.2020).

10. The Global Competitiveness Report 2019 [Электронный ресурс] // World Economic Forum. — Режим доступа: <https://www.weforum.org/reports/how-to-end-a-decade-of-lost-productivity-growth> (Дата обращения: 19.11.2020).

11. World Digital Competitiveness Ranking 2019 [Электронный ресурс] // IMD. — Режим доступа: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2019/> (Дата обращения: 19.11.2020).

References

1. *Abramjan T.A.* K voprosu o neobhodimosti ispol'zovanija sistemy «komplajns» v Rossijskom biznese [To the question on necessity of use of the system «compliance» in Russian business] / T.A. Abramjan / Jurist [The Lawyer]. — 2017. — №17. — Pp. 19–21.

2. *Eremina S.N.* Komplaens v Rossii: su-shhnost' i primenenie v sfere regulirovaniya truda [Compliance in Russia: the essence and application in the field of regulation of labor] / S.N. Eremina // Jurist [The Lawyer]. — 2017. — №17. — Pp. 37–40.

3. *Karpovich O.G.* Osobennosti metodologii sovremennykh komplaens-programm [Peculiarities of the methodology of modern compliance programmes] / O.G. Karpovich, Ju. V. Truncenskij // Jurist [The Lawyer]. — 2017. — №18. — Pp. 9–15.

4. *Ponamorenko V.E.* Komplaens kak faktor jeffektivnosti pravovogo regulirovaniya vo vneshnej torgovle [Compliance as a factor in the effectiveness of legal regulation in foreign trade] / V.E. Ponamorenko, D.G. Korovjakovskij, A.A. Tyrtysnyj // Tamozhennoe delo [Customs]. — 2017. — №3. — Pp. 15–17.

5. *Popkova E.G.* Rol' industrii 4.0 v obespechenii global'noj konkurentosposobnosti jekonomiki sovremennoj Rossii [The Role of industry 4.0 in ensuring the global competitiveness of the economy of modern Russia] / E.G. Popkova // Jekonomika. Biznes. Banki [Economy. Business. Banks]. — 2018. — №5 (26). — Pp. 118–131.

6. *Prasolov V.I.* Outsorsing komplaens-procedur kak sposob optimizacii rashodov na komplaens-funkciju [Outsourcing of compliance procedures as a way to optimize expenses for the compliance function] / V.I. Prasolov, A. K. Ches-

hunas // Russian Economic Bulletin. — 2020. — Vol. 3. — №2. — Pp. 19–24.

7. *Rumjanceva Ju. N.* Antimonopol'nyj komplaens kak chast' komplaens-programmy sobljudenija zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Antimonopoly compliance as part of the compliance program for compliance with the legislation of the Russian Federation] / Ju. N. Rumjanceva // Prolog: zhurnal o prave [Prologue: journal of law]. — 2019. — №2 (22). — Pp. 53–56.

8. *Sapfirova A.A.* Trudovoj komplaens kak sposob preduprezhdenija narushenij trudovykh prav [Labor compliance as a way to prevent violations of labor rights] / A.A. Sapfirova // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija [Theory and practice of social development]. — 2017. — №9. — Pp. 28–31.

9. Index of Economic Freedom 2020 [Elektronnyj resurs] // The Heritage Foundation. — URL: <https://www.heritage.org/index/about> (Date accessed: 19.11.2020).

10. The Global Competitiveness Report 2019 [Elektronnyj resurs] // World Economic Forum. — URL: <https://www.weforum.org/reports/how-to-end-a-decade-of-lost-productivity-growth> (Date accessed: 19.11.2020).

11. World Digital Competitiveness Ranking 2019 [Elektronnyj resurs] // IMD. — URL: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2019/> (Date accessed: 19.11.2020).

Поступила в редакцию

14 сентября 2020 г.

Рагулина Юлия Вячеславовна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой комплаенса и контроллинга Российского университета дружбы народов. Почетный работник науки и техники Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования. Автор более 200 публикаций, ряда монографических исследований по государственному контролю и аудиту, государственному и муниципальному управлению, экономике муниципальных образований, внесла значительный научный вклад в обоснование основополагающих исследований по взаимодействию государства и бизнеса. Имеет монографии, подготовленные совместно с коллегами Гарварда.

Ragulina Yulia Vyacheslavovna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Compliance and Controlling at the Peoples' Friendship University of Russia. Honorary worker of science and technology of the Russian Federation, Honorary worker of higher professional education. Author of more than 200 publications, a number of monographic studies on state control and audit, state and municipal management, the economy of municipalities, made a significant scientific contribution to the foundation of fundamental research on the interaction of the state and business. He has monographs prepared jointly with Harvard colleagues.

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
6 Miklukho-Maklaya st., 117198, Moscow, Russia
E-mail: julra@list.ru

Литвинова Ангелина Ивановна — магистрант Российского университета дружбы народов.

Litvinova Angelina Ivanovna — Master's Student, Peoples' Friendship University of Russia.

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
6 Miklukho-Maklaya st., 117198, Moscow, Russia
E-mail: ang1358@yandex.ru

УДК 368.5

10.17213/2075-2067-2020-6-202-210

РЫНОК АГРОСТРАХОВАНИЯ: ВОЗМОЖЕН ЛИ РОСТ?

© 2020 г. *Е. Г. Мещанинова, А. И. Чернова*

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова (филиал),
Донской государственный аграрный университет, г. Новочеркасск, Россия*

Целью исследования является изучение предпосылок для роста объемов агрострахования путем анализа недостатков современной системы агрострахования в России, действующей правовой основы и видов современного аграрного страхования.

Методологической основой исследования являются работы российских ученых-экономистов, исследующих приоритетные направления развития системы агрострахования. В настоящее время сектор агрострахования в России представляет собой сформировавшуюся, однако еще недостаточно развитую структуру. В исследовании используются статистический метод и метод сравнительного анализа.

Результаты исследования. Аграрное производство отличается большим количеством непредсказуемых рисков, вследствие которых отрасль несет колоссальные убытки. Агрострахование является эффективным инструментом возмещения финансовых потерь, но его доступность возможна только при государственной поддержке. Однако, проведенный анализ развития агрострахования в России показал, что построение эффективной, стабильной системы агрострахования с государственной поддержкой возможно только при учете мнения всех заинтересованных сторон: государства, сельхозпроизводителей и страховщиков.

Перспективу исследования составляет дальнейшее изучение взаимодействия страховых организаций, региональных консультационных центров, сельхозтоваропроизводителей и органов государственной власти для совершенствования системы агрострахования.

Ключевые слова: аграрное страхование; сельскохозяйственные культуры и животные; урожай; риски; субсидии; государственная поддержка.

AGRICULTURAL INSURANCE MARKET: IS GROWTH POSSIBLE?

© 2020 *E. G. Meshchaninova, A. I. Chernova*

*Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Donskoy State Agrarian University, Novocherkassk, Russia*

The purpose of the study is to study the prerequisites for the growth of agricultural insurance by analyzing the shortcomings of the modern agricultural insurance system in Russia, the current legal framework and types of modern agricultural insurance.

The methodological basis of the research is the work of Russian scientists and economists who study the priority directions of development of the agricultural insurance system. Currently, the agricultural insurance sector in Russia is an established, but not yet sufficiently developed structure. The study uses a statistical method and a method of comparative analysis.

Research result. Agricultural production is characterized by a large number of unpredictable risks, due to which the industry suffers huge losses. Agricultural insurance is an effective tool for

compensation of financial losses, but its availability is possible only with state support. However, the analysis of the development of agricultural insurance in Russia has shown that the construction of an effective, stable system of agricultural insurance with state support is possible only when taking into account the views of all interested parties: the state, agricultural producers and insurers.

The perspective of the research is to further study the interaction of insurance organizations, regional consulting centers, agricultural producers and public authorities to improve the system of agricultural insurance.

Key words: *agricultural insurance; crops and animals; crop; risks; subsidies; state support.*

Введение. Агропромышленный комплекс — отрасль, подверженная воздействию целого ряда опасных явлений природного характера, приводящих к гибели сельскохозяйственных посевов и животных, поэтому во многих странах мира одним из основных механизмов финансовой защиты сельхозпроизводителя является агрострахование. Агрострахование призвано защитить сельскохозяйственных производителей от убытков, которые они несут в случае возникновения страховых случаев путем предоставления им финансовой помощи от естественных рисков. Основной целью аграрного страхования является улучшение кредитоспособности сельскохозяйственных производителей, а также частичное или полное возмещение потерь их урожая [6, 11].

Основываясь на данных Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, отметим, что за период с 2012 по 2017 годы ущерб от опасных явлений природного характера достиг 41,21 млрд. руб. В указанный период пострадали более 23,2 тыс. хозяйств, а по договорам страхования сельскохозяйственных рисков выплачено 27,2 млрд. руб. страхового возмещения [4].

«В 2019 году общий ущерб сельхозпроизводителей от природных катаклизмов оценивается в 13 млрд. рублей, погибло 1,9% от общей площади посевов», — заявил в Совете Федерации директор департамента растениеводства Минсельхоза Роман Некрасов. Также он отметил, что площадь гибели сельхозкультур превысила 1,5 млн. га. Потери аграриев шести регионов были возмещены из резервного фонда правительства, по остальным Минсельхоз по постановлению правительства выплатит заявленный ущерб до конца года. Засухи, выпревание и вымер-

зание посевов, пожары и паводок в 2019 году были в 25 регионах, там вводили режим ЧС. От засухи пострадали аграрии Пензенской, Саратовской, Оренбургской, Челябинской и Нижегородской областей, Башкирии, Чувашии и ряда других регионов. Переувлажнение почвы отмечено в Мордовии, Томской, Вологодской и Новгородской областях, выпревание посевов — в Мордовии, Саратовской и Кировской областях [8].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что серьезные погодные риски во многих регионах страны обуславливают необходимость рассмотрения агрострахования как одного из эффективных механизмов обеспечения финансовой устойчивости сельского хозяйства.

Анализ видов современного российского агрострахования и действующей правовой основы. Современная система агрострахования сформирована на основе концепции страхования сельхозпроизводителей с государственной поддержкой до 2020 года. Основные виды сельскохозяйственного страхования в России представлены на рисунке 1.

Сельское хозяйство подвержено большому количеству рисков, которые невозможно предвидеть, несмотря на инновации и технические достижения. Основные риски для урожая растительных культур и животноводства, подлежащие аграрному страхованию, представлены на рисунке 2.

По данным опроса сельскохозяйственных производителей, в России зафиксированы недостаточные объемы субсидирования программы страхования. Примером данного факта может служить показатель застрахованного крупного рогатого скота — 16,7% от всего имеющегося поголовья в стране. При

этом в системе аграрного страхования США, например, четко определены все риски, а объем выделяемых субсидий в 40 раз больше, чем в России. В Израиле страхование носит обязательный характер, поэтому доля застрахованных производителей составляет 100%, в США застраховано две трети всех засеянных площадей [2]. Уклон российской государственной программы аграрного страхования направлен на растениеводство, и лишь несколько позиций — в животноводстве и аквакультурах.

По результатам исследования Всемирного банка, Россия занимает восьмое место в мировом рейтинге стран по размеру страховых взносов в аграрное страхование.

Анализ процесса формирования российской системы аграрного страхования показал, что она не может эффективно функционировать без государственной поддержки. Правовая основа действующей системы аграрного стра-

хования с государственной поддержкой в России базируется на двух федеральных законах:

1) Федеральный закон №264 «О развитии сельского хозяйства» [15], действующий с 2007 года. Данный документ устанавливает основы аграрной политики, а также регламентирует условия федерального финансирования программ государственной поддержки;

2) Федеральный закон №260 «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон “О развитии сельского хозяйства”», действующий с 2012 года [14]. Указанный специализированный закон регулирует условия субсидируемого аграрного страхования.

С 1 января 2016 года на рынке сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой действует единое общероссийское объединение — Национальный союз

Рис. 1. Основные виды сельскохозяйственного страхования в России [9]

агростраховщиков, который устанавливает и принимает правила страхования.

В 2018 году в закон №260 были внесены изменения, целью которых стали гибкость и разнообразие условий сельскохозяйственного страхования.

С 1 января 2019 года вступил в силу закон №109 [16], распространивший государственную поддержку на страхование объектов товарной аквакультуры.

С 11 января 2020 года вступил в силу план сельскохозяйственного страхования на 2020 год [10]. Указанный документ утверждается ежегодно и содержит перечень сельскохозяйственных объектов — видов культур, животных и рыбы, риски выращивания которых возможно застраховать в текущем году при поддержке государства. Следует отметить, что в этом году расширены возможности страхования рыбы.

Документом также утверждены для каждого субъекта РФ и для каждой группы сель-

скохозяйственных объектов ставки субсидирования, необходимые для расчета размера субсидии, которая будет перечислена из бюджета на оплату страхового полиса при их страховании с господдержкой.

Важно отметить, что система аграрного страхования совершенствуется с каждым годом. Так, с 1 марта 2019 года вступил в силу Федеральный закон №563 [13], направленный на повышение доступности сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой для аграриев, повышение охвата страховой защиты посевных площадей и поголовья сельскохозяйственных животных, придание легитимности использованию космического мониторинга при проведении экспертиз по договорам аграрного страхования с господдержкой.

В соответствии с решением комитета по мониторингу и страховой экспертизе в 2020 году запланирована разработка методик сопровождения и урегулирования убыт-

Рис. 2. Основные риски для урожая растительных культур и животноводства, подлежащие аграрному страхованию [17]

ков с использованием данных космического мониторинга. К сожалению, несмотря на ежегодное совершенствование изучаемой системы, по многим показателям она отстает от зарубежных.

В 2020 году государственная поддержка аграрного страхования в России увеличена с 1,5 млрд. рублей (в 2019 год) до 2,2 млрд. рублей (на 46,6%), благодаря чему объемы застрахованных посевных площадей и поголовья сельскохозяйственных животных также значительно увеличились по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. На июль 2020 года застраховано 917,8 тыс. га посевной (посадочной) площади, что в 2,7 раза больше, чем за аналогичный период 2019 года. Среди регионов страны наибольший размер застрахованной посевной площади — в Воронежской области, а лидером по застрахованному поголовью сельскохозяйственных животных является Белгородская область (таблица 1).

По мнению Корнея Биждова — президента НСА России, «даже при возможном приближении охвата посевов страхованием в текущем году к 10% от посевной площади еще не будет решена главная задача — перенос на систему агрострахования основной части нагрузки по компенсации ущерба аграриям при ЧС, как это происходит в странах с развитым агрострахованием» [5].

Заключение. Страхование — важная составляющая часть рыночной экономики Рос-

сийской Федерации, а страхование в сельскохозяйственном секторе — не только эффективный инструмент управления рисками, но один из самых сложных видов страхования с точки зрения его организации и проведения [7].

Сейчас в России действует мультирисковая система агрострахования. Вне зависимости от того, когда случилось страховое событие (погодные катаклизмы, болезни и т. п.), возмещение по нему растениеводам выплачивается по завершении сельхозсезона в том случае, если по итогам уборочной отмечается снижение урожайности.

Также в правовой базе аграрного страхования не регламентированы аспекты защиты интересов и прав сельскохозяйственных производителей в их отношениях со страховыми компаниями, что является одной из причин низкого охвата страхованием как площадей сельскохозяйственных культур, так и поголовья сельскохозяйственных животных. Это возможно решить только при условии диверсификации программ страхования — для разных сегментов агробизнеса и региональных условий. Специфика сельскохозяйственного страхования такова, что к повышению страхового риска приводит большое количество случайностей, которые никак не зависят от человеческого фактора. Тарифные ставки в этом сегменте рынка страхования достаточно высокие, а перечень правил надежности агростраховщиков, содержащихся в нормативно-правовых документах, весьма небольшой [1]. Некоторые организации не имеют

Таблица 1

Регионы — лидеры по агрострахованию в 2020 году в России [3]

Место в рейтинге	Регион	Показатель
Застрахованная посевная площадь, тыс. га		
1	Воронежская область	196
2	Ставропольский край	159,6
3	Республика Мордовия	120
4	Тамбовская область	110,2
Застрахованное поголовье сельскохозяйственных животных, тыс. усл. гол.		
1	Белгородская область	604,9
2	Пензенская область	307
3	Брянская область	242,2
4	Курская область	179,2

официальных рейтингов надежности, на которые необходимо обращать внимание при выборе компании-агросстраховщика. Представленные проблемы могут стать фактором банкротств, а также внушительных объемов невыплат страхового возмещения в периоды серьезных природных катаклизмов и утрат урожая [12].

Таким образом, в настоящее время российская система аграрного страхования имеет ряд проблем, которые не позволяют ей эффективно развиваться, тем самым увеличивая риски продовольственной и экономической безопасности регионов и страны в целом.

Литература

1. *Бадрутдинова И.И.* Агросстрахование с государственной поддержкой в Российской Федерации: состояние, проблемы, перспективы развития // *Продовольственная политика и безопасность*. — 2016. — Т. 3. — №1. — С. 41–60.
2. *Богачев А.И.* Развитие российского рынка агросстрахования животных в условиях действия единой субсидии // *Вестник сельского развития и социальной политики*. — 2018. — №2 (18). — С. 34–36.
3. В России продолжается рост темпов агросстрахования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.agroxxi.ru/rossiiskie-agronovosti/v-rossii-prodolzhaetsjagrost-tempov-agrostrahovanija.html>.
4. *Виноходова И.Г.* Рынок агросстрахования РФ на современном этапе и приоритетные направления его развития [Электронный ресурс] // *Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии*. — 2018. — №4. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-agrostrahovaniya-rf-na-sovremennom-etape-i-prioritetnye-napravleniya-ego-razvitiya>.
5. *Карабут Т.* Аграрии застраховали втрое больше посевов [Электронный ресурс] // *Российская газета*. — Федеральный выпуск №146 (8200). — Режим доступа: <https://rg.ru/2020/07/06/reg-cfo/rossijskie-agrarii-zastrahovali-bolee-13-mln-ga-ploshchadej.html>.
6. *Мещанинова Е.Г.* Агросстрахование в России: проблемы и инструменты // В сборнике: *Актуальные проблемы и перспективы развития экономики. Труды XVIII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции / Под редакцией Н.В. Апатовой*. — 2019. — С. 179–180.
7. *Мещанинова Е.Г., Ткачева О.А.* Оценка эколого-экономического состояния землепользований Ростовской области // *Землеустройство, кадастр и мониторинг земель*. — 2013. — №2 (98). — С. 63–69.
8. Минсельхоз оценил в 13 млрд. рублей ущерб сельхозпроизводителей от природных катаклизмов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/686005>.
9. *Миронова Н.А.* Агросстрахование в Российской Федерации: проблемы, особенности, перспективы // *Московский экономический журнал*. — 2020. — №5. — С. 489–496.
10. Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 2 декабря 2019 г. №667 «Об утверждении Плана сельскохозяйственного страхования на 2020 год» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.garant.ru>.
11. *Соломкина Л.Г.* Землепользование и аграрные преобразования // *Экономика сельского хозяйства России*. — 2001. — №3. — С. 30.
12. *Углицких О.Н., Клишина Ю.Е.* Проблемы современной системы сельскохозяйственного страхования и пути их решения // *Kant*. — 2017. — №2 (23). — С. 231–235.
13. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования” и о внесении изменений в Федеральный закон “О развитии сельского хозяйства”» от 27.12.2018 г. №563-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
14. Федеральный закон «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон “О развитии сельского хозяйства”» от 25.07.2011 г. №260-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
15. Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006 г. №264-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
16. Федеральный закон «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.07.2013 г. №148-ФЗ [Элек-

тронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

17. Эльдиева Т. М. Современное состояние системы страхования в сельском хозяйстве России // Международный сельскохозяйственный журнал. — 2018. — №1 (361). — С. 20–22.

References

1. *Badrtdinova I. I.* Agrostrahovanie s gosudarstvennoj podderzhkoj v Rossijskoj Federacii: sostojanie, problemy, perspektivy razvitiya [Agricultural Insurance with state support in the Russian Federation: state, problems, development prospects] // *Prodovol'stvennaja politika i bezopasnost'* [Food policy and security]. — 2016. — Vol. 3. — №1. — Pp. 41–60.
2. *Bogachev A. I.* Razvitie rossijskogo rynka agrostrahovaniya zhivotnyh v uslovijah dejstviya edinoj subsidii [Development of the Russian market of agricultural insurance of animals in the conditions of the unified subsidy] // *Vestnik sel'skogo razvitiya i social'noj politiki* [Bulletin of rural development and social policy]. — 2018. — №2 (18). — Pp. 34–36.
3. V Rossii prodolzhaetsja rost tempov agrostrahovaniya [In Russia the growth rate of agricultural insurance continues] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.agrox.ru/rossijskie-agronovosti/v-rossii-prodolzhaetsja-rost-tempov-agrostrahovaniya.html>.
4. *Vinohodova I. G.* Rynok agrostrahovaniya RF na sovremennom jetape i prioritetye napravleniya ego razvitiya [Agricultural insurance market of the Russian Federation at the present stage and priority directions of its development] [Elektronnyj resurs] // *Izvestija Velikolukskoj gosudarstvennoj sel'skohozjajstvennoj akademii* [Proceedings of the Velikiye Luki state agricultural Academy]. — 2018. — №4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-agrostrahovaniya-rf-na-sovremennom-etape-i-prioritetnye-napravleniya-ego-razvitiya>.
5. *Karabut T.* Agrarii zastrahovali vtroe bol'she posevov [Agrarians insured three times more crops] [Elektronnyj resurs] // *Rossijskaja gazeta*. — Federal issue №146 (8200). — URL: <https://rg.ru/2020/07/06/reg-cfo/rossijskie-agrarii-zastrahovali-bolee-13-mln-ga-ploshchadej.html>.
6. *Meshhaninova E. G.* Agrostrahovanie v Rossii: problemy i instrumenty [Agricultural Insurance in Russia: problems and tools] // V sbornike: Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya jekonomiki. Trudy XVIII Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoj konferencii [In the collection: Current problems and prospects of economic development. Proceedings of the XVIII all-Russian scientific and practical conference with international participation] / In N. V. Apatova (eds.). — 2019. — Pp. 179–180.
7. *Meshhaninova E. G., Tkacheva O. A.* Ocenka jekologo-jekonomicheskogo sostojaniya zemlepol'zovanij Rostovskoj oblasti [Assessment of the ecological and economic state of land use in the Rostov region] // *Zemleustrojstvo, kadastr i monitoring zemel'* [Land management, cadastre and land monitoring]. — 2013. — №2 (98). — Pp. 63–69.
8. Minsel'hoz ocenil v 13 mlrd. rublej usherb sel'hozproizvoditelej ot prirodnyh kataklizmov [The Ministry of agriculture estimated the damage to agricultural producers from natural disasters at 13 billion rubles] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/686005>.
9. *Mironova N. A.* Agrostrahovanie v Rossijskoj Federacii: problemy, osobennosti, perspektivy [Agroinsurance in the Russian Federation: problems, features, prospects] // *Moskovskij jekonomicheskij zhurnal* [Moscow economic journal]. — 2020. — №5. — Pp. 489–4962.
10. Prikaz Ministerstva sel'skogo hozjajstva RF ot 2 dekabrja 2019 g. №667 «Ob utverzhdenii Plana sel'skohozjajstvennogo strahovaniya na 2020 god» [Order of the Ministry of agriculture of the Russian Federation №667 dated December 2, 2019 «On approval of the agricultural insurance Plan for 2020»] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.garant.ru>.
11. *Solomkina L. G.* Zemlepol'zovanie i agrarnye preobrazovaniya [Land use and agrarian transformations] // *Jekonomika sel'skogo hozjajstva Rossii* [Economics of agriculture of Russia]. — 2001. — №3. — P. 30.
12. *Uglickih O. N., Klishina Ju. E.* Problemy sovremennoj sistemy sel'skohozjajstvennogo strahovaniya i puti ih reshenija [Problems of the modern agricultural insurance system and ways to solve them] // *Kant*. — 2017. — №2 (23). — Pp. 231–235.
13. Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon “O gosudarstvennoj podderzhke v sfere sel'skohozjajstvennogo stra-

hovanija” i o vnesenii izmenenij v Federal’nyj zakon “O razvitii sel’skogo hozjajstva” ot 27.12.2018 g. №563-FZ [Federal law «On amendments to the Federal law “On state support in the field of agricultural insurance” and on amendments to the Federal law “On agricultural development”» dated 27.12.2018 №563-FZ] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://www.consultant.ru>.

14. Federal’nyj zakon «O gosudarstvennoj podderzhke v sfere sel’skohozjajstvennogo strahovanija i o vnesenii izmenenij v Federal’nyj zakon “O razvitii sel’skogo hozjajstva”» ot 25.07.2011 g. №260-FZ [Federal law «On state support in the field of agricultural insurance and on amendments to the Federal law “On agricultural development”» from 25.07.2011 №260-FZ] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://www.consultant.ru>.

15. Federal’nyj zakon «O razvitii sel’skogo hozjajstva» ot 29.12.2006 g. №264-FZ [Federal law «On the development of agriculture» of 29.12.2006 №264-FZ] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://www.consultant.ru>.

16. Federal’nyj zakon «Ob akvakul’ture (rybovodstve) i o vnesenii izmenenij v otdel’nye zakonodatel’nye akty Rossijskoj Federacii» ot 02.07.2013 g. №148-FZ [Federal law «On aquaculture (fish farming) and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» of 02.07.2013 №148-FZ] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://www.consultant.ru>.

17. *Jel’dieva T.M.* Sovremennoe sostojanie sistemy strahovanija v sel’skom hozjajstve Rossii [Current state of the insurance system in agriculture in Russia] // *Mezhdunarodnyj sel’skohozjajstvennyj zhurnal* [International agricultural journal]. — 2018. — №1 (361). — Pp. 20–22.

Поступила в редакцию

24 августа 2020 г.

Мещанинова Елена Германовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Кадастр и мониторинг земель» Новочеркасского инженерно-мелиоративного института им. А.К. Кортунова. Является автором работ по эколого-экономической оценке природопользования, рациональному аграрному природопользованию.

Meshchaninova Elena Germanovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Cadastre and Land Monitoring, Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A.K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University. He is the author of works on environmental and economic assessment of nature management, rational agricultural nature management.

346400, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346400, Novocherkassk, Russia
E-mail: forpost-MEG@yandex.ru

Чернова Анна Ильинична — студент землеустроительно-го факультета Новочеркасского инженерно-мелиоративного института им. А. К. Кортунова.

Chernova Anna Il'inichna — a student of the Land Management faculty, Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University.

346400, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346400, Novocherkassk, Russia
E-mail: achernova1999@mail.ru

УДК 528.9

10.17213/2075-2067-2020-6-211-216

**ОСНОВА СИСТЕМЫ
РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ**

© 2020 г. *Н. Г. Овчинникова**, *Н. В. Алиева***

*Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

**Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт

имени А. К. Кортунова (филиал),

Донской государственный аграрный университет, г. Новочеркасск, Россия

Целью исследования является анализ основных положений рационального использования земельных участков с учетом принципов рационального использования территорий посредством обеспечения управления земельным фондом для удовлетворения потребностей общества за счет свойств земли и повышения доходов от использования земельных ресурсов, а также сокращения расходов.

Методологическую базу исследования представляет анализ механизма государственной политики в сфере рационального использования земельных участков с целью управления всем земельным фондом нашей страны для повышения уровня муниципальных образований на базе нормативных правовых документов.

Результаты исследования. Система рационального использования земельных ресурсов направлена на регулирование земельно-имущественных отношений, необходима и обязательна в условиях рыночной экономики, обращена на учет публичных и частных интересов разных групп населения по сравнению с интересами государства. Закономерность современного периода формирования отечественной системы рационального использования земельных участков состоит в том, что задачей совершенствования земельно-имущественных отношений в России является формирование оптимальной системы управления земельными ресурсами.

Перспективу исследования в соответствии с заявленной темой, посвященной исследованию аспектов рационального использования земельных ресурсов, составляет анализ, направленный на формирование и развитие процессов применения земельных ресурсов в границах муниципальных образований. В представленной статье на основе целевого использования земельных ресурсов обоснованы процессы их применения в границах муниципальных образований с целью рационального использования земельных участков путем регулирования земельно-имущественных отношений.

Ключевые слова: рациональное использование земельных участков; земельные ресурсы; категории земель; организация использования земли; перераспределение земель; формирование землепользования и обустройство; регулирование рыночного оборота земель.

THE BASIS OF A RATIONAL USE SYSTEM LAND PLOTS

© 2020 N. G. Ovchinnikova*, N. V. Alieva**

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia**Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University, Novocherkassk, Russia*

The aim of the study is to analyze the main provisions of the rational use of land plots, taking into account the principles of rational use of territories by ensuring the management of the land fund to meet the needs of society through the properties of the land and increasing income from the use of land resources, as well as reducing costs.

The methodological basis of the study is an analysis of the mechanism of state policy in the field of rational use of land plots in order to manage the entire land fund of our country in order to increase the level of municipalities on the basis of regulatory legal documents.

Research results. The system of rational use of land resources is aimed at regulating land and property relations, it is necessary and obligatory in a market economy, it is focused on taking into account the public and private interests of different groups of the population in comparison with the interests of the state. The regularity of the modern period of the formation of the domestic system for the rational use of land plots is that the task of improving land and property relations in Russia is to form an optimal system of land management.

The prospect of the study in accordance with the stated topic, aimed at researching aspects of the rational use of land resources, is an analysis aimed at the formation and development of processes for the use of land resources within the boundaries of municipalities. In the presented article, on the basis of the targeted use of land resources, the processes of their use within the boundaries of municipalities are substantiated with the aim of rational use of land plots by regulating land and property relations.

Key words: rational use of land plots; land resources; land categories; organization of land use; land redistribution; formation of land use and arrangement; regulation of market turnover of land.

Введение. Земельно-имущественные отношения — это неотъемлемая часть нашей жизни, а для них необходимо обеспечивать правопорядок с помощью контроля. Рациональное использование земельных участков основывается на том, что земля — всеобщее достояние России, а также один из главных резервов общественного формирования, именно поэтому управление и контроль за земельными участками и земельно-имущественными отношениями должен осуществляться в постоянном порядке и быть наиболее эффективным со стороны как государственных, так и муниципальных органов [1]. Задачей рационального использования земельных участков является развитие

процессов применения земельных ресурсов в границах муниципальных образований. Объектом управления выступают земельные участки в установленных границах определенной площади и местоположения. Субъектами управления являются органы местного самоуправления.

Земельными ресурсами признаются земли, которые находятся в пределах границ Российской Федерации и могут быть использованы человеком для его деятельности и удовлетворения потребностей. Во многих странах земельные ресурсы законодательно регулируются. Первоначально земельные ресурсы классифицируются

по их назначению [2]. Согласно Земельному кодексу РФ земли используются в соответствии с их целевым назначением и для них определен правовой режим. В соответствии со статьей 7 указанного кодекса выделяют семь основных категорий земель, указанных на рисунке 1.

При совокупном влиянии и государства в целом, и общества управление ресурсами будет обеспечено наиболее рационально и эффективно для использования в различных целях.

Основой системы целесообразного использования земельных участков служат указанные на рисунке 2 ее составляющие.

Так, в соответствии с рисунком 2 разберем подробно все составляющие системы рационального использования земельных участков. Объект представляет собой такой предмет, который требуется изучить, по данной тематике рассматриваются земельные участки, являющиеся комплексным природным ресурсом, и земельный фонд государства в целом страны, и отдельные части страны, города, административного района, субъектов РФ, муниципальных образований. Об-

ектом также выступают ограниченные части поверхности земли, которые можно указать на местности как индивидуально определенную вещь, то есть земельные участки, которые относятся к отдельным субъектам земельно-имущественных отношений и могут отличаться по виду применения и правовому режиму [3, 4].

Следующим рассматриваемым аспектом служит предмет управления. Он представляет собой набор процессов по организации использования земли, которая наиболее полно позволяет удовлетворить потребности его жителей в границах обусловленной территории. Субъекты управления можно разделить на следующие субъекты, которые осуществляют государственное, местное и внутрихозяйственное управление, начиная от государства как субъекта земельных отношений и завершая конкретным юридическим лицом или гражданином.

Целью рационального использования земельных участков в первую очередь является обеспечение управления земельного фонда для удовлетворения потребностей общества за счет свойств земли и повышения доходов

Рис. 1. Категории земель

Рис. 2. Основа системы рационального использования

от использования земельных ресурсов, а также сокращения расходов. Задачи правильного использования подразделяются на определенные уровни, то есть решение задач законодательных и исполнительных органов власти, регулирующих земельные отношения и устанавливающих общую и основную стратегию землепользования, нормотворчества, правоохранительной деятельности. Назначения осуществляются субъектами управления и имеют значительные различия по отношению к проблемам обеспечения жизнедеятельности конкретных отраслей, регионов и перспектив их развития [5]. В связи с этим можно выделить этапы функций рационального использования земельных участков. Вначале обеспечивается сбор и обработка данных об объекте, подлежащем контролю. Данный этап подразделяется на группы, к которым можно отнести ведение земельного кадастра и мониторинга земель, их инвентаризацию, полевые обследования, создание и ведение геоинформационных систем. Далее обеспечивается процесс принятия наилучших решений, к которым можно отнести прогнозирование, планирование и проектирование применения земель. Чтобы реализовать установленные решения, необходимо государственное перераспределение земель, формирование землепользования и обустройство, а также регулирование рыночного оборота земель. Еще одним этапом является контроль за исполнением выработанного процесса, что включает в себя проверку использования земель и соблюдения земельного законодательства, разрешение земельных споров [6].

Главной задачей совершенствования земельно-имущественных отношений в России является формирование оптимальной системы управления земельными ресурсами. Управление земельными участками носит комплексный характер, поскольку затрагивает интересы большинства субъектов земельно-имущественных отношений, что является основанием для органов управления обеспечения упорядоченного и систематизированного подхода к созданию процесса использования и охраны земельных участков так, чтобы увязывать решения организационно-технологических условий с вероятными эколого-экономическими результатами.

Заключение. Можно сказать, что общие экономические, экологические и социальные законы служат основой для процесса использования и развития земельных участков, и эти законы свойственны любой социально-экономической структуре общества, а также ядром для управления являются законы природы. В нашем государстве любая деятельность должна быть законна во всех областях, особенно явно это прослеживается в земельных правоотношениях, поскольку земельные ресурсы — один из элементов нормального существования людей в современном мире.

Литература

1. *Медведков Д. А., Овчинникова Н. Г.* Комплексное и устойчивое развитие застроенной территории: опыт, проблемы и пути их решения // В книге: Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях. Материалы научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. — 2018. — С. 204–206.
2. *Овчинникова Н. Г.* Анализ использования земельных ресурсов на территории Ростовской области // В сборнике: Проблемы рационального природопользования и пути их решения. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию ФГБОУ ВО «ДГТУ». — 2018. — С. 245–249.
3. *Ovchinnikova N. G.* Analysis of territorial planning and prospects for further development of urban districts and settlements in Rostov region // In the book: MATEC Web of Conferences. — 2017. — P. 1004.
4. *Русских А. В., Овчинникова Н. Г.* Значимость документов территориального планирования муниципального образования для ведения ЕГРН // Электронный сетевой полиграфический журнал «Научные труды КубГТУ». — 2017. — №4. — С. 285–289.
5. *Овчинникова Н. Г., Шумкова Е. С.* Учетно-регистрационный процесс в системе управления земельными ресурсами // Экономика и экология территориальных образований. — 2016. — №2. — С. 125–129.
6. *Алиева Н. В.* Развитие экономических методов регулирования земельных отношений // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Ново-

черкасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. — 2016. — №4. — С. 43–46.

References

1. *Medvedkov D. A., Ovchinnikova N. G.* Kom-pleksnoe i ustojchivoe razvitie zastroennoj territorii: opyt, problemy i puti ih reshenija [Integrated and sustainable development of the built-up area: experience, problems and ways to solve them] // V knige: Organizacionno-jekonomicheskie problemy regional'nogo razvitija v sovremennyh uslovijah. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh, aspirantov i studentov [In the book: Organizational and economic problems of regional development in modern conditions. Materials of the scientific and practical conference of young scientists, postgraduates and students]. — 2018. — Pp. 204–206.
2. *Ovchinnikova N. G.* Analiz ispol'zovanija zemel'nyh resursov na territorii Rostovskoj oblasti [Analysis of the use of land resources on the territory of the Rostov region] // V sbornike: Problemy racional'nogo prirodopol'zovanija i puti ih reshenija. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj 45-letiju FGBOU VO «DGTU» [In the book: problems of rational use and ways to solve them. Collection of materials of the all-Russian scientific and practical conference dedicated to the 45th anniversary of DSTU]. — 2018. — Pp. 245–249.
3. *Ovchinnikova N. G.* Analysis of territorial planning and prospects for further development of urban districts and settlements in Rostov region // In the book: MATEC Web of Conferences. — 2017. — Pp. 1004.
4. *Russkih A. V., Ovchinnikova N. G.* Znachimost' dokumentov territorial'nogo planirovanija municipal'nogo obrazovanija dlja vedenija EGRN [Significance of territorial planning documents of the municipality for conducting the unified state register of Russian education] // Jelektronnyj setevoj politematiceskij zhurnal «Nauchnye trudy Kub-GTU» [Electronic network polythematic journal «Scientific works of KUB-GTU»]. — 2017. — №4. — Pp. 285–289.
5. *Ovchinnikova N. G., Shumkova E. S.* Uchetno-registracionnyj process v sisteme upravlenija zemel'nymi resursami [Accounting and registration process in the land management system] // Jekonomika i jekologija territorial'nyh obrazovanij [Economics and ecology of territorial entities]. — 2016. — №2. — Pp. 125–129.
6. *Alieva N. V.* Razvitie jekonomicheskikh metodov regulirovanija zemel'nyh odnosenij [Development of economic methods for regulating land relations] // Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (Novocherkasskogo politehničeskogo instituta). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian state technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). Series: Social and economic Sciences]. — 2016. — №4. — Pp. 43–46.

Поступила в редакцию

15 октября 2020 г.

Овчинникова Наталья Геннадьевна — кандидат экономических наук, доцент Донского государственного технического университета.

Ovchinnikova Natalya Gennadyevna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Don State Technical University.

344022, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
1 Gagarin sq., 344022, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: natali281280@yandex.ru

Алиева Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова (филиала) Донского государственного аграрного университета.

Alieva Natalya Vladimirovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University.

346400, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346400, Novocherkassk, Russia
E-mail: natali281280@yandex.ru

УДК 330.34, JEL Q43

10.17213/2075-2067-2020-6-217-223

АНАЛИЗ И МЕТОДЫ КООРДИНАЦИИ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ

© 2020 г. *И. Ю. Поletaев*

*Институт региональных экономических исследований (ИРЭИ), г. Москва, Россия
ООО «Электра», г. Екатеринбург, Россия*

Целью исследования является анализ основных задач и мероприятий органов государственного и регионального управления при реализации региональных программ и мероприятий в области энергосбережения и энергоэффективности.

Методологическую основу исследования представляют исследования мероприятий по повышению эффективности использования энергетических ресурсов, для этого проводится сравнительный анализ и классификация. Информационной базой исследования послужили нормативно-правовые документы Российской Федерации в области энергоэффективности.

Результаты исследования. В статье проведен анализ формирования региональных и муниципальных целевых программ по повышению энергоэффективности экономики. Приведены методы малозатратных мероприятий при решении вопросов повышения энергоэффективности: юридические, административные и технологические. Обращается особое внимание на необходимость координации взаимодействия в совместной деятельности органов государственного управления и структур регионов, независимо от их отраслевой и ведомственной принадлежности и организационно-правовых форм.

Перспективу исследования составляет дальнейшее исследование и углубленный анализ региональных мероприятий по повышению энергоэффективности с целью определения оптимальных и окупаемых мероприятий для обобщения и разработки современных нормативно-правовых документов.

Ключевые слова: координация; развитие; регион; ресурсы; энергия; энергоэффективность; управление.

ANALYSIS AND METHODS OF COORDINATION OF REGIONAL ENERGY EFFICIENCY MEASURES

© 2020 *I. Yu. Poletaev*

*Institute for Regional Economic Research (IRER), Moscow, Russia
LLC «Elektra», Yekaterinburg, Russia*

The purpose of the study is to analyze the main tasks and activities of state and regional government bodies in the implementation of regional programs and activities in the field of energy conservation and energy efficiency.

The methodological basis of the study is the study of measures to improve the efficiency of energy resources use. For this purpose, a comparative analysis and classification are carried out. The information base of the study is based on the regulatory documents of the Russian Federation in the field of energy efficiency.

Research result. *The article analyzes the formation of regional and municipal target programs to improve the energy efficiency of the economy. Methods of low-cost measures for solving energy efficiency issues are presented: legal, administrative, and technological. Special attention is paid to the need to coordinate interaction in the joint activities of public administration bodies and regional structures, regardless of their industry and departmental affiliation and organizational and legal forms.*

The research perspective *is further research and in-depth analysis of regional measures to improve energy efficiency in order to determine the optimal and cost-effective measures for summarizing and developing modern regulatory documents.*

Key words: *coordination; development; region; resources; energy; energy efficiency; management.*

Введение. Развитие промышленности и экономическое развитие государства в целом, увеличение темпов роста ВВП неизбежно влечет за собой увеличение спроса на энергетические ресурсы, что в свою очередь вызывает необходимость совершенствования самой системы обеспечения необходимыми ресурсами и осуществление мероприятий по повышению эффективности их использования.

Темп роста промышленного производства в Российской Федерации, начиная с 2014 г., составляет около 2,5% ежегодно [1]. Индекс промышленного производства (далее — ИПП), исчисляемый в триллионах рублей, с учетом уровня инфляции, равного 3,98% в 2020 г., означает рост ИПП, отрицательный для продукции, потребляемой на внутреннем рынке РФ, и положительный — для экспорта при неизменной цене товара в иностранной валюте. Исходя из только этих цифр, можно рассчитать и спланировать: что выгоднее — производить и потреблять внутри страны, а что и сколько производить на экспорт.

При расчете экономической выгоды от принятия мер по повышению эффективности использования энергетических ресурсов и совершенствованию системы обеспечения этими ресурсами необходимо, кроме затрат на проводимые мероприятия и приобретение оборудования, также учитывать прочие расходы (пошлины, логистика, налоги и т.п.), а также потери доходов другими субъектами экономики, в том числе региональных и федерального бюджетов в виде неначисленных налогов.

В ряде регионов (Ярославль [2], Пенза [3] и др.) рост стоимости энергетических ресурсов и затрат на их оплату значительно опережает темпы экономического развития региона, что приводит к снижению рентабельности продукции и конкурентоспособности предприятий. Также существует тенденция смещения промышленного сектора в центральный регион, в результате которой растет себестоимость продукции. Например, доставка из Москвы в регионы в 2–3 раза дороже, чем в обратном направлении.

В отличие от энергосбережения, подразумевающего уменьшение объема используемых энергоресурсов при сохранении полезного результата их использования, энергетическая эффективность является комплексной характеристикой, описывающей особенности отношения полезного результата от использования энергоресурсов к затратам энергетических ресурсов в целях получения данного результата (полезного эффекта). Увеличение коэффициента энергетической эффективности при неизменном количестве затрат энергоресурсов при прочих равных условиях влечет увеличение количества результата (полезного эффекта).

Эффективное использование энергоресурсов — один из ключевых аспектов развития общества. Еще в 1879 г. в «Докладе Городской Управы по V отделению №405» [4] приведен расчет эффективности применения электрического освещения по сравнению с газовым. В этом же докладе указывается на необходимость применения проводящей электропроводящей смазки в приборах электрического освещения.

Один из первых в мировой истории пример энергоэффективных мероприятий 1898 г. приведен в «Utilization of light in residential premises» [5]. В данной статье изложен сравнительный анализ светового отражения материалов разного цвета. Показано, что «при соответственном выборе цвета и материала стен, потолков, обоев и т.д. освещаемых помещений можно достигнуть значительной экономии» (стилистика сохранена).

Внедрение энергосберегающих технологий и техническое перевооружение выгодно, в первую очередь, самим генерирующим и прочим отраслям промышленности и производствам, так как снижение энергоемкости выпускаемой продукции влечет за собой снижение себестоимости продукции, возможный рост производительности труда и увеличение прибыли при прочих равных условиях.

В свою очередь, снижение себестоимости выпускаемой продукции, а следовательно, повышение конкурентоспособности продукции на внутреннем и на внешнем рынках является важнейшим условием сохранения и развития предприятия. Развитие регионального производственного сектора, в свою очередь, обеспечивает экономический рост регионов и России в целом.

Задача руководства предприятий и региона в решении задач повышения энергоэффективности заключается в определении и разработке мероприятий по привлечению финансирования или инвестиций для этих нужд, а также проведении работ по организации взаимодействия отраслевых видов деятельности регионов.

Федеральный закон №261-ФЗ [6] обязывает органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления осуществлять мероприятия по разработке и реализации региональных программ в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности. При этом разрабатываемые программы должны включать в себя как целевые показатели и перечень обязательных мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической эффективности и сроки их проведения, так величину полученного эффекта в натуральном и стоимостном выражении.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 31.12.2009 г. №1225

«О требованиях к региональным и муниципальным программам в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности» [7] определено, что региональные и муниципальные программы в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности должны содержать:

— перечень и методику расчета значимых целевых показателей (в том числе общие, в государственном секторе, в жилищном фонде, в промышленности, энергетике и системах коммунальной инфраструктуры, в транспортном комплексе) в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности;

— перечень и сроки выполнения мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической эффективности, проведение которых возможно с использованием внебюджетных средств.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 18.12.2014 г. №1412 «О подготовке и распространении ежегодного государственного доклада о состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности в Российской Федерации» [8] аналитическая информация о достигнутых результатах и мерах, принимаемых в целях реализации государственной политики в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности, в том числе с детализацией по субъектам Российской Федерации, ежегодно отражается в Государственном докладе о состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности в Российской Федерации.

Каждый регион обладает собственным потенциалом повышения энергоэффективности. С учетом специфики каждого региона, включая географическое положение, наличие и уровень развития промышленности, плотность населения, развитие жилищно-коммунального сектора, наличие собственных (региональных) источников энергии и т.п., определение и выбор реальных к исполнению, наиболее оптимальными и окупаемыми мероприятиями являются юридические, административные и технологические методы.

Региональные и муниципальные целевые программы по повышению энергоэффективности различаются по целям и задачам, мас-

штабности охвата, объемам финансирования, времени реализации и ожидаемым результатам.

Существующие в настоящее время различные советы и комиссии по реализации региональных программ не имеют надлежащих полномочий и рычагов управления для решения проблем повышения энергоэффективности.

Самым энергоемким потребителем являются секторы «металлургия» и «электроэнергетика». Это, как правило, градообразующие предприятия, своевременно поменявшие энергоемкое оборудование на энергоэффективное.

Сектор «промышленные предприятия»: замена оборудования — высокочатратное мероприятие, окупаемость которого оценивается десятилетиями. Большинство этих предприятий негосударственные, а средства на модернизацию можно взять только из прибыли.

Большой сектор — муниципалитеты. С большой прозрачностью и контролем их бюджетов возможны только малозатратные мероприятия по повышению энергоэффективности, а также экономия муниципалитетами бюджетных средств не мотивирует участников процесса.

Например, муниципалитету необходимо в год обучить 5000 школьников. В бюджет муниципалитета заложена цена энергоресурса на единицу результата (годовое обучение школьника). Деньги необходимо потратить только целевым назначением. Экономия средств не приводит к прямой выгоде муниципалитета: средства должны быть возвращены в бюджет, а это приведет к снижению выделяемых средств на последующий год. Такие примеры повсеместны.

Действующая система энергоменеджмента отрасли и производства, прежде всего, ориентирована на решение отдельных отраслевых или производственных задач по энергоэффективности.

В большинстве случаев объекты региональных программ по повышению энергоэффективности выполняют различные функции и, следовательно, решают различные задачи при разработке и проведении энергоэффективных мероприятий. Эти интересы могут быть несопоставимы и противоречивы. Ярким примером являются диаметрально противоположные интересы предприятий в сфере генерации и конечных потребителей энергоресурсов. В результате возникает конфликт

интересов в обеспечении согласованности действий.

Большинство планируемых технологических мероприятий требует наличия и постоянного притока финансового капитала, в том числе инвестиций. Недостаток финансирования мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической эффективности остается одной из главных проблем, препятствующих росту энергоэффективности экономик российских регионов. При этом ряд мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической эффективности фактически не требует финансовых вложений и технологической установки (замены) энергоэффективного оборудования. Первоочередными к применению должны быть методы, которые сразу и впоследствии дадут наибольший эффект в натуральном (количественном) и стоимостном выражении. От микроэкономики — к макроэкономике.

Таковыми малозатратными и реальными к исполнению мероприятиями по повышению эффективности использования энергетических ресурсов являются:

1) юридические:

— применение низких цен на энергоресурсы;

— понижающие льготные тарифы;

— закупка энергоресурсов по оптовым ценам;

— смена поставщика;

— заключение энергосервисных контрактов как способ привлечения бюджетов сторонних организаций и получение прибыли от экономии;

— привлечение организаций банковского сектора к льготному кредитованию проектов, связанных с повышением энергоэффективности;

— законодательная защита инвесторов и совершенствование системы налогообложения инвестиционных проектов для привлечения инвестиций;

— лизинг, другие;

2) административные (кадровые и организационные) мероприятия:

— энергоменеджмент и оптимизация технологических процессов при производстве продукции и оказании услуг, логистика;

— назначение и дальнейшее повышение квалификации лиц, ответственных за обес-

печение мероприятий по энергосбережению и повышению энергоэффективности;

— изучение накопленного в России и в других странах опыта повышения энергоэффективности и энергосбережения;

— обучение и воспитание в сотрудниках организаций и населения чувства ответственности за выполнение поставленных задач;

— агитация и информирование сотрудников организаций и населения о целях, задачах и способах энергосбережения и повышения энергоэффективности,

— локальное управление спросом на энергоносители (децентрализация систем отопления и освещения, оптимизация распорядка работы организации, введение графиков включения/отключения отопления и освещения);

— применение мотивирующих методов и механизмов (использование соревновательного метода и т.п.);

3) технологические мероприятия:

— своевременное обслуживание источников энергии;

— выявление утечек, несанкционированных подключений;

— каскадное отключение, (как временная мера);

— снижение потерь (применение электротехнической смазки, снижение сопротивления и др.);

— своевременный клининг окон, светильников, вентиляционных систем;

— утепление и герметизация зданий;

— управление эффективностью существующего оборудования при сохранении результата функционирования данного оборудования, в том числе контроль технического состояния и техническое обслуживание с периодичностью и в объеме, указанном в технической документации;

— переход на альтернативный источник энергии;

— аккумуляция энергии (тепловой, электрической).

Заключение. Необходимо четкое законодательное определение и разграничение полномочий, обязанностей и ответственности между федеральными, региональными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления в сфере эффективности использования энергетических ре-

сурсов. При реализации региональных программ и мероприятий в области энергосбережения и энергоэффективности органы государственного и регионального управления должны координировать функционирование механизма взаимодействия в совместной деятельности органов государственного управления и структур региона, независимо от их отраслевой и ведомственной принадлежности и организационно-правовых форм.

Литература

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.06.2020 г. №1512-р «Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006100007> (Дата обращения: 25.09.2020).

2. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/446229427> (Дата обращения: 14.11.2020).

3. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs2.kodeks.ru/document/424055906> (Дата обращения: 11.11.2020).

4. Электрическое освещение моста Императора Александра II в г. С.-Петербурге. Электричество [Электронный ресурс]. — 1880. — №2. — С. 24. — Режим доступа: https://www.booksite.ru/elektr/1880/1880_02.pdf (Дата обращения: 12.11.2020).

5. Утилизация света в жилых помещениях. Электричество [Электронный ресурс]. — 1898. — №20. — С. 285. — Режим доступа: https://www.booksite.ru/elektr/1898/1898_20.pdf (Дата обращения: 27.10.2020).

6. Федеральный закон от 23.11.2009 г. №261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — Сб. «Собрание законодательства РФ». — М., 2009. — №48. — С. 5711–5824.

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2009 г. №1225

«О требованиях к региональным и муниципальным программам в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/12172853/> (Дата обращения: 11.11.2020).

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 18.12.2014 г. №1412 «О подготовке и распространении ежегодного государственного доклада о состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70726682/> (Дата обращения: 10.11.2020).

References

1. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 06.06.2020 g. №1512-r «Ob utverzhdenii Svodnoj strategii razvitiya obrabatyvajushhej promyshlennosti Rossijskoj Federacii do 2024 goda i na period do 2035 goda» [Order of the Government of the Russian Federation of 06.06.2020 №1512-R «On approval of the Consolidated strategy for the development of the manufacturing industry of the Russian Federation until 2024 and for the period up to 2035»] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006100007> (Date accessed: 25.09.2020).

2. Jelektronnyj fond pravovoj i normativno-tehnicheskoy dokumentacii [Electronic Fund of legal and regulatory and technical documentation] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/446229427> (Date accessed: 14.11.2020).

3. Jelektronnyj fond pravovoj i normativno-tehnicheskoy dokumentacii [Electronic Fund of legal and normative-technical documentation] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://docs2.kodeks.ru/document/424055906> (Date accessed: 11.11.2020).

4. Jelektricheskoe osveshhenie mosta Imperatora Aleksandra II v g. S.-Peterburge. Jelektrichestvo [Electric lighting of the bridge

of Emperor Alexander II in St. Petersburg. Electricity] [Jelektronnyj resurs]. — 1880. — №2. — P. 24. — URL: https://www.booksite.ru/elektr/1880/1880_02.pdf (Date accessed: 12.11.2020).

5. Utilizacija sveta v zhilyh pomeshhenijah. Jelektrichestvo [Light utilization in residential areas. Electricity] [Jelektronnyj resurs]. — 1898. — №20. — P. 285. — URL: https://www.booksite.ru/elektr/1898/1898_20.pdf (Date accessed: 27.10.2020).

6. Federal'nyj zakon ot 23.11.2009 g. №261-FZ «Ob jenergosberezhenii i o povyshenii jenergeticheskoy jeffektivnosti i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Federal law of 23.11.2009 №261-FZ «On energy saving and on increasing energy efficiency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation»]. — Sb. «Sobranie zakonodatel'stva RF». — Moscow, 2009. — №48. — Pp. 5711–5824.

7. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 31.12.2009 g. №1225 «O trebovaniyah k regional'nym i municipal'nym programam v oblasti jenergosberezhenija i povyshenija jenergeticheskoy jeffektivnosti» [Decree of the Government of the Russian Federation №1225 of 31.12.2009 «On requirements for regional and municipal programs in the field of energy saving and energy efficiency improvement»] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://base.garant.ru/12172853/> (Date accessed: 11.11.2020).

8. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 18.12.2014 g. №1412 «O podgotovke i rasprostranении ezhegodnogo gosudarstvennogo doklada o sostojanii jenergosberezhenija i povyshenii jenergeticheskoy jeffektivnosti v Rossijskoj Federacii» [Decree of the Government of the Russian Federation №1412 of 18.12.2014 «On preparation and distribution of the annual state report on the state of energy saving and energy efficiency improvement in the Russian Federation»] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70726682/> (Date accessed: 10.11.2020).

Поletaев Илья Юрьевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института региональных экономических исследований (ИРЭИ), Генеральный директор Общества с ограниченной ответственностью «Электра».

Poletaev Ilya Yurievich — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Regional Economic Research (IRER), General Director of Limited Liability Company «Elektra».

620010, г. Екатеринбург, ул. Альпинистов, 57 литер «О»
57 Alpinistov, bld. O, 620010, Yekaterinburg, Russia
E-mail: ip@elektraek.ru

119002, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, 29/16
29/16 Sivtsev Vrazhek ln., 119002, Moscow, Russia
E-mail: poletaev1@gmail.com

УДК 004+658

10.17213/2075-2067-2020-6-224-233

СОКРАЩЕНИЕ БЮДЖЕТНЫХ АССИГНОВАНИЙ СУБЪЕКТОВ РЫНКА ПУТЕМ УНИФИКАЦИИ ДЕЛОВЫХ ПРОЦЕССОВ ОДНОГО НАЗНАЧЕНИЯ¹

© 2020 г. Г. Н. Хубаев

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью исследования является разработка методик и инструментальных средств для оценки экономической целесообразности унификации деловых процессов одного назначения.

Методологическую базу исследования представляют экономическая теория, идеи и рекомендации по совершенствованию рыночной экономики, содержащиеся в работах Мориса Алле (M. Allais) и Фредерика Хайека (F. Hayek), экономико-математические методы и модели.

Результаты исследования. Создано методическое и инструментальное обеспечение расчетов экономического эффекта от унификации деловых процессов одного назначения. Обосновано использование визуализации для *наглядного представления деловых процессов одного назначения, *автоматизированного преобразования визуальных моделей в имитационные модели, *сокращения финансовых и трудовых затрат на оценку ресурсоемкости и себестоимости выполнения деловых процессов. Разработана оригинальная компьютерная программа для сравнительной оценки состава операций деловых процессов одного назначения, предложен метод количественной оценки взаимосвязи по операциям между деловыми процессами, позволяющий выявить и исключить дублирование процессов и операций.

Перспектива исследования состоит в том, что созданное в процессе исследований методическое и инструментальное обеспечение расчетов экономического эффекта от унификации деловых процессов одного назначения позволяет субъектам рынка целенаправленно сокращать бюджетные ассигнования, содействовать росту социально устойчивой экономики.

Ключевые слова: деловые процессы; унификация; реинжиниринг; имитационное моделирование; автоматизированный синтез; визуализация; экономическая эффективность.

REDUCTION OF BUDGET ALLOCATIONS OF MARKET ENTITIES BY UNIFYING BUSINESS PROCESSES FOR A SINGLE PURPOSE

© 2020 G. N. Khubaev

Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the research is to develop methods and tools for assessing the economic feasibility of unifying business processes for one purpose.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) — проект 15-01-06324/15 «Моделирование производственных и управленческих процессов для экспресс-оценки и оптимизации ресурсоемкости товаров и услуг: формирование универсального методического и инструментального обеспечения».

The methodological basis of the research is economic theory, ideas and recommendations for improving the market economy contained in the works of Maurice Allais and Frederick Hayek, economic and mathematical methods and models.

Research result. Methodological and instrumental support for calculating the economic effect of the unification of business processes for one purpose has been created. The use of visualization is justified for *visual representation of business processes of a single purpose, *automated conversion of visual models into simulation models, *reduction of financial and labor costs for assessing the resource intensity and cost of business processes. Developed an original computer program for the comparative evaluation of the operations business processes one destination and proposed method of quantifying the linkage in the operations between the business processes to identify and eliminate duplication of processes and operations.

The research perspective is that the methodological and instrumental support for calculating the economic effect of the unification of business processes for one purpose created in the course of research allows market entities to purposefully reduce budget allocations and promote the growth of a socially sustainable economy.

Key words: business processes; unification; reengineering; simulation; automated synthesis; visualization; economic efficiency.

Введение. Напомним сначала, что «**субъекты рынка: 1) физические лица; 2) юридические лица; 3) государство**» [1]. При этом государство и местные бюджеты финансируют деятельность не только государственного аппарата и органов управления, но и значительной части учреждений науки, культуры, образования и здравоохранения. Однако в процессе сравнительного экономико-математического анализа и моделирования деловых процессов (ДП) в перечисленных предметных областях обнаружен значительный **разброс в структуре и количестве операций, в затратах времени, трудовых и финансовых ресурсов на выполнение ДП одного назначения** (см., например, [2–8]); при этом одновременно с увеличением численности исполнителей **любого** делового процесса (технологического или управленческого) **возрастают**, как правило, и **затраты материальных, энергетических и финансовых ресурсов**.

Не менее существенная разница в ресурсоемкости ДП одного назначения и у многих юридических лиц — в крупных торговых сетях, холдингах, у филиалов банков, на предприятиях схожей производственной направленности нефтегазового сектора и у множества других объектов в различных предметных областях, включая медицину, образование и т.д. Действительно, как показали наши

исследования, реализация проекта по реинжинирингу и унификации делового процесса одного назначения **только на одном предприятии и только с частичной унификацией обеспечила** существенную экономию бюджетных средств юридического лица, дала, судя по экономическим оценкам и по величине полученной исполнителем премии, весьма ощутимый **прямой экономический эффект** и позволила отказаться от дополнительного набора нескольких высококвалифицированных специалистов (см., например, [9]).

Да и физические лица — покупатели товаров и услуг вряд ли откажутся от сокращения расходной части своего бюджета, поскольку заинтересованы в минимизации расхода собственных бюджетных средств для обеспечения своей жизнедеятельности.

Получается, что все субъекты рынка заинтересованы в сокращении своих бюджетных ассигнований на реализацию процессов своего функционирования, поэтому, естественно, возникает ряд вопросов: Как получить количественное обоснование целесообразности и экономической эффективности **унификации** деловых (технологических и/или управленческих) процессов одного назначения? Какими методами и инструментальными средствами это можно осуществить? Какова величина экономии финансовых ре-

сурсов субъекта рынка при унификации ДП одного назначения? Причем, в отечественной и зарубежной литературе отсутствуют ответы на эти вопросы.

В статье на базе ранее выполненных исследований [10–20, 22] предложены оригинальная методика и инструментальные средства для выявления, оценки и обоснования возможности и экономической эффективности **унификации** деловых процессов одного назначения.

1. Почему субъектам рынка выгодна унификация ДП одного назначения. Для оценки на качественном уровне экономической полезности осуществления унификации ДП одного назначения проведем *содержательный анализ* наличия выгоды для субъектов рынка от реализации подобных проектов.

*Выгоды государства. Государство, оптимизировав бюджетные ассигнования за счет унификации технологических и управленческих процессов одного назначения, сможет направить «освободившиеся» финансовые ресурсы на другие требующие внимания нужды, например, в социальную сферу, обеспечивая субсидирование различных социальных выплат.

*Выгоды юридических лиц. Не меньшими возможностями для сокращения своих бюджетных ассигнований и для минимизации издержек производственной деятельности располагают и многие юридические лица — торговые сетевые компании («Перекресток», «Пятерочка», «Лента» и др.), крупные холдинги, банки с множеством филиалов, управляющие компании в ЖКХ и др.

Так, получив за счет унификации технологических и/или управленческих процессов *дополнительно* определенный объем финансовых ресурсов, *юридическое лицо* укрепит свои конкурентные рыночные позиции и сможет (по аналогии с действиями многих японских и китайских компаний) в процессе конкурентной борьбы снизить цены производимых товаров и предоставляемых услуг, обеспечивая *более высокий уровень конкурентоспособности* результатов своей производственной деятельности — товаров и услуг.

Действительно, как показывают исследования на реальных объектах, *прямой* экономический эффект от реинжиниринга и уни-

фикации ДП одного назначения может быть весьма значительным [9].

*Выгоды физических лиц. Что касается физических лиц, то можно *предположить*, что реальная, но *не всегда осознанная заинтересованность* населения страны, граждан — покупателей товаров и услуг **в унификации** государством и юридическими лицами всех технологических и управленческих процессов одного назначения *достаточно велика*, поскольку, во-первых, *государство* освободившиеся ресурсы сможет направить на материальную поддержку беднейших групп населения или на разовые доплаты бюджетникам, а во-вторых, что весьма вероятно, *юридические лица*, получив финансовую «подушку безопасности» в результате унификации своих ДП одного назначения, будут *гораздо чаще* использовать **ценовую конкуренцию**, то есть снижать цену товара или услуги, одновременно поддерживая (осознанно или нет) *рост социально устойчивой* экономики.

Вывод. Содержательный анализ ситуации на рынке товаров и услуг неожиданно показал, что унификация ДП одного назначения позволяет **всем** субъектам рынка сократить бюджетные ассигнования и оптимизировать свои расходы. Причем, по мере того, как *государство и юридические лица* будут реализовывать проекты *унификации и реинжиниринга* ДП, эти проекты и действия окажут *позитивное влияние* и на жизнедеятельность физических лиц, на население страны, на граждан — покупателей товаров и услуг.

2. Сравнительная количественная оценка экономического эффекта от унификации деловых процессов одного назначения.

*Используемые обозначения. Количество анализируемых деловых процессов обозначим буквой N , ($j \in N$), а количество операций в составе j -го ДП — n^j . Пусть $N = 100$. Отдельная i -я операция в составе j -го процесса — o^j_i . Себестоимость (трудоемкость, ресурсоемкость) j -го процесса — S^j , а себестоимость i -й операции j -го процесса — S^j_i . Изменение (прирост) себестоимости j -го ДП — ΔS^j . Первый, второй, ..., девятый децили: $DZ1, DZ2, \dots, DZ9$. Количество выполнений j -го делового процесса в течение месяца — $k^j_{мес}$, а года — $k^j_{год}$. Оценка себестоимости выполнения j -го делового процесса

$$S^{(j)} = \sum S_i^{(j)} \times n^{(j)}; (j \in N), (i \in n^{(j)}).$$

Количественная оценка годового эффекта от унификации j -го делового процесса

$$\Delta S_{год}^{(j)} = \sum \Delta S^{(j)} \times k_{мес}^j.$$

*Предлагаемая последовательность шагов.

Шаг 2.1. Выбор делового процесса для исследования. Предполагается, что этот процесс активно используется государством или юридическим лицом во многих учреждениях конкретного направления (в конкретной отрасли, конкретной предметной области).

Шаг 2.2. Формирование базы исходной информации, содержащей сведения о количестве выполнений этого ДП по дням месяца и/или по месяцам за предыдущий год в каждом из учреждений в рассматриваемой предметной области.

Шаг 2.3. Оценка статистических характеристик (вычисляются математическое ожидание, дисперсия, стандартное отклонение, коэффициент вариации, асимметрия, эксцесс), таблиц и гистограмм распределения значений количества выполнений ДП одного назначения в каждом из j , ($j \in N$) рассматриваемых учреждений в течение месяца — $k_{мес}^j$ и года — $k_{год}^j$.

Шаг 2.4. Осуществляется сравнительная количественная оценка состава операций по всем изучаемым ДП. Одновременно выполняется оценка взаимосвязи по операциям между ДП одного назначения с использованием программной системы [21].

Шаг 2.5. Определение затрат финансовых ресурсов на *однократное* выполнение всех операций каждого j -го ДП и себестоимости выполнения каждого из N ($j \in N$) ДП в целом. Для этого необходимо оценить *пооперационные* затраты времени, трудовых ресурсов (количество исполнителей ДП), величину заработной платы исполнителей, затраты материалов, их стоимость и стоимость используемых технических средств (для оценки величины амортизационных отчислений).

Шаг 2.6. Визуализация *каждого из анализируемых деловых процессов*. Визуализация позволяет осуществить **наглядное* представление деловых процессов одного назначе-

ния, **описать* концепции предметной области и **реализовать* последующий автоматизированный синтез имитационных моделей, что обеспечивает многократное *сокращение финансовых и трудовых затрат на выполнение процедур, связанных с оценкой себестоимости выполнения и ресурсоемкости деловых процессов* (см., например, [10–15]).

Шаг 2.7. Оценка статистических характеристик (математического ожидания, дисперсии, стандартного отклонения, коэффициента вариации, асимметрии, эксцесса), таблиц и гистограмм распределения затрат финансовых ресурсов [16–20, 23] на *однократное* выполнение каждого из сравниваемых деловых процессов одного назначения (по себестоимости *однократного* выполнения каждой операции делового процесса):

$$S^{(j)} = \sum S_i^{(j)} \times n^{(j)} (j \in N), (i \in n^{(j)}).$$

Шаг 2.8. Сортировка всех ДП по возрастанию затрат финансовых ресурсов на выполнение ДП (по возрастанию средней величины себестоимости ДП или по значению, которое соответствует затратам на выполнение ДП с вероятностью 0,8; 0,9; ...). Упорядоченную по себестоимости однократного выполнения совокупность ДП одного назначения делят на десять равных частей $n/10$, $2n/10$, ..., $9n/10$ — децилей: $DZ1$, $DZ2$, ..., $DZ9$.

Шаг 2.9. Определение средней себестоимости *однократного* выполнения ДП в первом дециле $DZ1$ — S^{DZ1}_{cp} .

Шаг 2.10. Вычисление разницы между затратами финансовых ресурсов на однократное выполнение ДП одного назначения в первом дециле $DZ1$ и в децилях $DZ2$, ..., $DZ9$.

$$\begin{aligned} \Delta S^{(11)} &= (S^{(11)} - S^{DZ1}_{cp}), \\ \Delta S^{(12)} &= (S^{(12)} - S^{DZ1}_{cp}), \dots, \\ \Delta S^{(91)} &= (S^{(91)} - S^{DZ1}_{cp}), \dots, \\ \Delta S^{(100)} &= (S^{(100)} - S^{DZ1}_{cp}). \end{aligned}$$

Шаг 2.11. Вычисление значений возможного годового сокращения бюджетных ассигнований (сокращения расходной части бюджета в течение года — *оценка «снизу», по минимуму*) в каждом из j , ($j \in N$) учреждений анализируемой предметной области (отрасли народного хозяйства и т.д.) путем

имитационного моделирования с использованием системы автоматизированного синтеза имитационных моделей:

$$\Delta S_{200}^{(j)} = \sum \Delta S^{(j)} \times k_{мес}^j$$

Шаг 2.12. Экспресс-оценка «снизу» (по минимуму) суммарной величины экономики финансовых ресурсов субъектами рынка (в результате оптимизации финансовых расходов) при **унификации** делового процесса одного назначения (из достаточно большой группы подобных ДП в странах мира и административно-территориальных образованиях). С этой целью выполняется имитационное моделирование *произведения* величины прироста себестоимости выполнения j -го ДП на фактическое распределение количества выполнений в течение года k_{200}^j анализируемого делового проекта в каждом из j , ($j \in N$) учреждений:

$$\Delta S_{общ} = \sum \Delta S_{200}^{(j)} \times k_{200}^j \quad (j \in N).$$

[Замечание. Для получения более точной оценки экономического эффекта от унификации ДП одного назначения *необходимо*: *выявить и ранжировать факторы — классификационные признаки, оказывающие основное влияние на рост себестоимости анализируемых ДП (см., например, [16, 22]); *выполнить сортировку всех N анализируемых процессов по возрастанию себестоимости выполнения (исходный вариант оценки себестоимости при фактическом количестве выполнений процессов и операций); *выполнить классификацию исходного множества ДП по выделенным признакам для получения квази-однородных, схожих по условиям реализации подмножеств; *отсортировать каждый класс по возрастанию значений себестоимости ДП; *рассчитать разность между средней себестоимостью по классу и средней себестоимостью в первом дециле этого класса; *получить величину экономического эффекта от **унификации** ДП в этом классе, умножив результат (вычисленное значение разности) на количество ДП в классе; *сложить значения экономического эффекта, рассчитанные по каждому классу для оценки экономического эффекта от **унификации** *всех* первоначально выбранных исследователем ДП одного назначения в конкретной предметной области.]

3. Оценка экономической целесообразности перманентного реинжиниринга и унификации деловых процессов одного назначения: предлагаемая последовательность шагов. После выявления резервов снижения себестоимости выполнения и, возможно, полной ресурсоемкости деловых процессов одного назначения **в условиях применения существующей технологии** целесообразно *выполнить анализ возможности и экономической обоснованности перехода к использованию *новых, менее ресурсоемких* процессов и технологий, *оценить **экономическую** целесообразность *реинжиниринга и унификации* выбранной группы деловых процессов одного назначения (на определенное время, в целом по стране или в нескольких административно-территориальных образованиях).

С целью минимизации себестоимости (ресурсоемкости) деловых процессов одного назначения реализуются следующие шаги.

Шаг 3.1. Выполняется поиск (в разных странах и административно-территориальных образованиях страны) процессов с одинаковым целевым назначением (с одинаковой целевой функцией) и со схожими условиями осуществления или со схожим функциональным назначением отдельных операций.

Шаг 3.2. Формируется база данных, включающая подмножество **альтернативных деловых процессов**, отличающихся составом, содержанием или временем выполнения и трудоемкостью (ресурсоемкостью) отдельных операций.

Шаг 3.3. Выполняется количественная оценка **степени взаимосвязи** по операциям между всеми существующими и проектируемыми процессами, включенными в базу данных [21], и **сравнительный анализ трудоемкости (себестоимости, ресурсоемкости)** одинаковых операций при выполнении процессов в разных странах и в разных административно-территориальных образованиях страны.

[Замечание. Если в базу данных включить *все* известные процессы с одинаковым целевым назначением, но с разными условиями осуществления, то в последующем, сформировав репрезентативную выборку и построив экономико-математические моде-

ли, можно *количественно оценить степень влияния условий осуществления* делового процесса на величину его ресурсоемкости.]

Шаг 3.4. Выполняют оценку себестоимости выполнения или ресурсоемкости каждой операции по всем процессам, включенным в сформированную базу данных (используются процессно-статистический метод учета затрат ресурсов [10] и метод пошагового уточнения значений затрат с оценкой характеристик распределения [11, 12]).

Шаг 3.5. Выполняется *оценка резервов снижения затрат ресурсов на реализацию* отдельных операций, различных подмножеств операций и процесса в целом. Для объективной *количественной* оценки *резервов снижения затрат трудовых и финансовых ресурсов в результате реализации проекта* реинжиниринга *определяют* степень влияния ресурсоемкости (трудоемкости, себестоимости) каждой операции на статистические характеристики распределения значений ресурсоемкости делового процесса.

Шаг 3.6. Выполняют: *сравнительную *количественную* оценку *разницы в затратах ресурсов* на выполнение *одинаковых операций*; *обоснованный (*оптимальный*) выбор подходящего процесса из множества сопоставимых (*по критерию минимума затрат ресурсов, например, труда, финансов и времени на получение конкретных результатов* или по критерию *минимума совокупной стоимости владения процессом* [17]); *разработку рекомендаций *по оптимизации численности персонала, реализующего деловой процесс*; *оценку *резервов снижения затрат ресурсов при выборе* (*по критерию минимума ресурсоемкости*) делового процесса по сравнению с анализируемым процессом (*существующим, включенным в созданную базу данных или проектируемым*); *сравнительный анализ эффективности возможных *вариантов реинжиниринга и унификации* выбранного делового процесса, включая, например, реализацию услуг населению.

Выводы. В процессе исследований *впервые:*

1. Разработана методика оценки экономической целесообразности *унификации* деловых процессов одного назначения, ориентированная на формирование базы данных, включа-

ющей сведения об *альтернативных* деловых процессах, отличающихся составом, содержанием или временем выполнения и ресурсоемкостью отдельных операций. При наличии такой базы данных можно осуществлять обоснованный (*оптимальный*) выбор подходящего делового процесса из множества сопоставимых (*по критерию минимума затрат финансовых ресурсов или минимума совокупной стоимости владения деловым процессом*) и *оценивать резервы* снижения затрат ресурсов *при выборе* конкретного делового процесса.

2. Обосновано использование визуализации для *наглядного представления деловых процессов одного назначения, *описания концепций предметной области, *автоматизированного преобразования визуальных моделей в имитационные модели, *сокращения *финансовых и трудовых затрат* на *оценку ресурсоемкости и себестоимости* выполнения деловых процессов. Создана оригинальная компьютерная программа для сравнительной оценки состава операций деловых процессов одного назначения и предложен метод количественной оценки *взаимосвязи по операциям* между деловыми процессами, позволяющий выявить и исключить дублирование процессов и операций.

3. В процессе исследований сформировано методическое и инструментальное обеспечение расчетов экономического эффекта от унификации деловых процессов одного назначения, позволяющее субъектам рынка целенаправленно сокращать бюджетные ассигнования, содействуя росту социально устойчивой экономики.

Литература

1. Большая экономическая энциклопедия. — М.: Эксмо, 2007. — 816 с.
2. Система поддержки принятия решений для контроля правильности исчисления налога на прибыль (СППР «Налоговый учет. 1.0») / А.Б. Паскачев, Ю.Д. Джамурзаев, Г.Н. Хубаев, О.В. Родина / Под ред. А.Б. Паскачева и Г.Н. Хубаева. — М.: Изд-во экономической-правовой литературы, 2004. — 120 с.
3. Моделирование деловых процессов в налоговых инспекциях / А.Б. Паскачев, Ю.Д. Джамурзаев, Г.Н. Хубаев, С.Н. Широкова / Под общ. ред. Т.В. Шевцовой,

Д. А. Чушкина. — М.: Изд-во экономико-правовой литературы, 2006. — 304 с.

4. *Родина О. В.* Налоговый учет: экономико-математические модели, методы и программные средства для оценки и минимизации затрат ресурсов на ведение и мониторинг: монография. — М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2011. — 144 с.

5. *Хубаев Г. Н., Родина О. В.* Математические методы при оценке налогового потенциала предприятий по значениям косвенных факторов // *Обозрение прикладной и промышленной математики*. — М.: Редакция журнала «ОП и ПМ», 2005. — Т. 12. — Вып. 2. — С. 555–557.

6. *Родина О. В.* Методика рейтинговой оценки налоговых органов по результатам внутреннего аудита // *Налоги и финансы*. — 2018. — №2. — С. 45–54.

7. *Хубаев Г. Н., Бастрыкина М. А., Калугян К. Х., Щербаков С. М.* Экспресс-оценка и минимизация ресурсоемкости деловых процессов в вузе // *Российский экономический интернет-журнал*. — 2017. — №4. — С. 69.

8. *Хубаев Г. Н., Широбокова С. Н., Бабеев М. С.* Сравнительный анализ ресурсоемкости процессов бухгалтерского учета в учреждениях высшего образования // *Российский экономический интернет-журнал*. — 2018. — №1. — С. 37.

9. *Хубаев Г. Н., Ким М. С.* Реинжиниринг и унификация процессов, связанных с авариями и катастрофами для уменьшения социальных и экономических потерь // *Sciences of Europe*. — 2018. — Vol. 3. *Economic Sciences*. — №26. — P. 16–21.

10. *Хубаев Г. Н.* Калькуляция себестоимости продукции и услуг: процессно-статистический учет затрат // *Управленческий учет*. — 2009. — №2. — С. 35–46.

11. *Хубаев Г. Н.* Имитационное моделирование для получения групповой экспертной оценки значений различных показателей // *Автоматизация и современные технологии*. — 2011. — №11. — С. 19–23.

12. *Хубаев Г. Н.* Оценка резервов снижения ресурсоемкости товаров и услуг: методы и инструментальные средства // *Прикладная информатика*. — 2012. — №2. — С. 84–90.

13. *Хубаев Г. Н., Калугян К. Х., Родина О. В., Щербаков С. М., Широбокова С. Н.* Универ-

сальное методическое и инструментальное обеспечение экспресс-оценки и оптимизации ресурсоемкости товаров и услуг // *Бюллетень науки и практики. Электронный журнал*. — 2016. — №12. — С. 286–299.

14. *Хубаев Г. Н., Широбокова С. Н.* Инструментарий преобразования IDEF3-моделей бизнес-процессов в UML-диаграммы // *Глобальный научный потенциал*. — 2015. — №2. — С. 87–96.

15. *Хубаев Г. Н., Широбокова С. Н.* Визуальное и имитационное моделирование для экспресс-оценки ресурсоемкости технологических и управленческих процессов // *Глобальный научный потенциал*. — 2014. — №6. — С. 60–66.

16. *Хубаев Г. Н.* Универсальный метод оптимизации состава характеристик объектов [Электронный ресурс] // *Бюллетень науки и практики*. — 2019. — Т. 5. — №5. — С. 265–275. — Режим доступа: <http://doi.org/10.33619/2414-2948/42/35>.

17. *Хубаев Г., Родина О.* Модели, методы и программный инструментальный оценки совокупной стоимости владения объектами длительного пользования (на примере программных систем) / Монография. — Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. — 370 с.

18. Система автоматизированного синтеза имитационных моделей на основе языка UML «СИМ-UML» / Авторы-правообладатели: Хубаев Г. Н., Щербаков С. М., Рванцов Ю. А. // *GeBIT 2015 (Ганновер, 2015)*. Каталог разработок российских компаний. — Ministry of Education and Science of the Russian Federation; МСП ИТТ. — 2015.

19. *Хубаев Г. Н., Щербаков С. М.* Система автоматизированного синтеза имитационных моделей на основе языка UML 2.0 (СИМ-UML 2.0) // *Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2016661676*. — М.: Роспатент, 2016.

20. Автоматизированный конвертер моделей IDEF0 в диаграммы деятельности языка UML «ToADConverter» («ToADConverter») / Авторы-правообладатели: Хубаев Г. Н., Широбокова С. Н., Ткаченко Ю. В., Титаренко Е. В. // *GeBIT 2015 (Ганновер, 2015)*. Каталог разработок российских компаний. — Ministry of Education and Science of the Russian Federation; МСП ИТТ. — 2015.

21. Хубаев Г.Н., Щербakov С.М., Аручиди Н.А., Лубянский В.К. Сравнительная оценка состава операций деловых процессов (СОСОП) // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2017614714. — М.: Роспатент, 2017.

22. *Khubaev G. N.* Method of isolating a desired subset of objects from a set of greater power [Electronic resource] // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration (Beijing, China 31 July 2019). — Beijing, 2019. — P. 50–57. — URL: <https://doi.org/10.34660/INF.2019.13.33962>.

23. *Khubaev G. N., Scherbakov S. M., Shirobokova S. N.* Conversion of IDEF3 models into UML-diagrams for the simulation in the SIM system-UML // European Science Review. — 2015. — №12. — P. 20–25.

References

1. Bol'shaja jekonomicheskaja jenciklopedija [The great economic encyclopedia]. — Moscow: Jeksmo, 2007. — 816 p.

2. Sistema podderzhki prinjatija reshenij dlja kontrolja pravil'nosti ischislenija naloga na pribyl' [The decision support System for controlling the correctness of calculating profit tax] (SPPR «Nalogovyj uchet. 1.0») / A. B. Paskachev, Ju. D. Dzhamurzaev, G. N. Hubaev, O. V. Rodina / In A. B. Paskachev and G. N. Hubaev (eds.). — Moscow: Izd-vo jekonomiko-pravovoj literatury, 2004. — 120 p.

3. Modelirovanie delovyh processov v nalogovyh inspekcijah [Modeling of business processes in tax inspections] / A. B. Paskachev, Ju. D. Dzhamurzaev, G. N. Hubaev, S. N. Shirobokova / In T. V. Shevcova, D. A. Chushkin (eds.). — Moscow: Izd-vo jekonomiko-pravovoj literatury, 2006. — 304 p.

4. *Rodina O. V.* Nalogovyj uchet: jekonomiko-matematicheskie modeli, metody i programmnye sredstva dlja ocenki i minimizacii zatrat resursov na vedenie i monitoring: monografija [Tax accounting: economic-mathematical models, methods and software for estimating and minimizing the cost of resources on maintenance and monitoring: monograph]. — Moscow: FGBOU VPO «RJeU im. G. V. Plehanova», 2011. — 144 p.

5. *Hubaev G. N., Rodina O. V.* Matematicheskie metody pri ocenke nalogovogo potenciala predpriyatij po znachenijam kosvennyh

faktorov [Mathematical methods in the assessment of the tax potential of the enterprises by the values of indirect factors] // Obozrenie prikladnoj i promyshlennoj matematiki [Review of applied and industrial mathematics]. — Moscow: Redakcija zhurnala «OP i PM», 2005. — Vol. 12. — Issue 2. — Pp. 555–557.

6. *Rodina O. V.* Metodika rejtingovoj ocenki nalogovyh organov po rezul'tatam vnutrennego audita [Method of rating assessment of tax authorities based on the results of internal audit] // Nalogi i finansy [Taxes and Finance]. — 2018. — №2. — Pp. 45–54.

7. *Hubaev G. N., Bastrykina M. A., Kalugjan K. H., Shherbakov S. M.* Jekspress-ocenka i minimizacija resursoemkosti delovyh processov v vuze [Rapid assessment and minimization of resource intensity in business processes in higher education] // Rossijskij jekonomicheskij internet-zhurnal [Russian economic Internet magazine]. — 2017. — №4. — Pp. 69.

8. *Hubaev G. N., Shirobokova S. N., Babeev M. S.* Sravnitel'nyj analiz resursoemkosti processov buhgalterskogo ucheta v uchrezhdenijah vysshego obrazovanija [Comparative analysis of the intensity of the processes of accounting in institutions of higher education] // Rossijskij jekonomicheskij internet-zhurnal [Russian economic online magazine]. — 2018. — №1. — Pp. 37.

9. *Hubaev G. N., Kim M. S.* Reinzhiniring i unifikacija processov, svjazannyh s avarijami i katastrofami dlja umen'shenija social'nyh i jekonomicheskikh poter' [Reengineering and unification of processes related to accidents and catastrophes to reduce social and economic losses] // Sciences of Europe. — 2018. — Vol. 3. Economic Sciences. — №26. — P. 16–21.

10. *Hubaev G. N.* Kal'kuljacija sebestoimosti produkcii i uslug: processno-statisticheskij uchet zatrat [Costing of products and services: process-statistical cost accounting] // Upravlencheskij uchet [Management accounting]. — 2009. — №2. — Pp. 35–46.

11. *Hubaev G. N.* Imitacionnoe modelirovanie dlja poluchenija gruppovoj jekspertnoj ocenki znachenij razlichnyh pokazatelej [Simulation to obtain the group expert estimation of values of various indicators] // Avtomatizacija i sovremennye tehnologii [Automation and modern technology]. — 2011. — №11. — Pp. 19–23.

12. *Hubaev G. N.* Ocenka rezervov snizhenija resursoemkosti tovarov i uslug: metody i

instrumental'nye sredstva [Estimation of reserves for reducing the resource intensity of goods and services: methods and tools] // Prikladnaja informatika [Applied informatics]. — 2012. — №2. — Pp.84–90.

13. *Hubaev G.N., Kalugjan K.H., Rodina O.V., Shherbakov S.M., Shirobokova S.N.* Universal'noe metodicheskoe i instrumental'noe obespechenie jekspress-ocenki i optimizacii resursoemkosti tovarov i uslug [Universal methodological and instrumental support for Express assessment and optimization of resource intensity of goods and services]// Bjul'ten' nauki i praktiki. Jelektronnyj zhurnal [Bulletin of science and practice. Electronic journal]. — 2016. — №12. — Pp. 286–299.

14. *Hubaev G.N., Shirobokova S.N.* Instrumentarij preobrazovanija IDEF3-modelej biznes-processov v UML-diagrammy [Tools convert IDEF3 models the business processes in UML diagrams]// Global'nyj nauchnyj potencial [Global scientific potential]. — 2015. — №2. — Pp. 87–96.

15. *Hubaev G.N., Shirobokova S.N.* Vizual'noe i imitacionnoe modelirovanie dlja jekspress-ocenki resursoemkosti tehnologicheskikh i upravlencheskich processov [Visual modeling and simulation for rapid assessment of resource production and management processes]// Global'nyj nauchnyj potencial [Global scientific potential]. — 2014. — №6. — Pp. 60–66.

16. *Hubaev G.N.* Universal'nyj metod optimizacii sostava harakteristik obektov [Universal method for optimizing the composition of object characteristics] [Jelektronnyj resurs] // Bjul'ten' nauki i praktiki [Bulletin of science and practice]. — 2019. — Vol. 5. — №5. — Pp. 265–275. — URL: <http://doi.org/10.33619/2414-2948/42/35>.

17. *Hubaev G., Rodina O.* Modeli, metody i programmnyj instrumentarij ocenki sovokupnoj stoimosti vladenija obektami dlitel'nogo pol'zovanija (na primere programmnyh sistem) [Models, methods and software tools for assessing the total cost of ownership of long-term objects (on the example of software systems)] / Monografija. — Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. — 370 p.

18. Sistema avtomatizirovannogo sinteza imitacionnyh modelej na osnove jazyka UML

«SIM-UML» [System of automated synthesis of simulation models based on the UML language «SIM-UML»] / Authors-copyright holders: *Hubaev G.N., Shherbakov S.M., Rvancov Ju. A.* // GeBIT 2015 (Gannover, 2015). Katalog razrabotok rossijskich kompanij [Catalog of developments of Russian companies]. — Ministry of Education and Science of the Russian Federation; MSP ITT. — 2015.

19. *Hubaev G.N., Shherbakov S.M.* Sistema avtomatizirovannogo sinteza imitacionnyh modelej na osnove jazyka UML 2.0 [Computer-aided synthesis of simulation models based on UML 2.0] (SIM-UML 2.0) // Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlja JeVM [Certificate of state registration of computer programs] №2016661676. — Moscow: Rospatent, 2016.

20. Avtomatizirovannyj konverter modelej IDEF0 v diagrammy dejatel'nosti jazyka UML [Automated Converter of IDEF0 models to UML activity diagrams] «ToADConverter» («ToAD-Converter») / Authors-copyright holders: *Hubaev G.N., Shirobokova S.N., Tkachenko Ju. V., Titarenko E. V.* // GeBIT 2015 (Gannover, 2015). Katalog razrabotok rossijskich kompanij [Catalog of developments of Russian companies]. — Ministry of Education and Science of the Russian Federation; MSP ITT. — 2015.

21. *Hubaev G.N., Shherbakov S.M., Aruchidi N.A., Lujanskij V.K.* Sravnitel'naja ocenka sostava operacij delovyh processov (SOSOP) [Comparative evaluation of operation of business processes (SOAP)] // Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlja JeVM [Certificate of state registration of computer programs] №2017614714. — Moscow: Rospatent, 2017.

22. *Khubaev G.N.* Method of isolating a desired subset of objects from a set of greater power [Electronic resource] // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration (Beijing, China 31 July 2019). — Beijing, 2019. — P. 50–57. — URL: <https://doi.org/10.34660/INF.2019.13.33962>.

23. *Khubaev G.N., Scherbakov S.M., Shirobokova S.N.* Conversion of IDEF3 models into UML-diagrams for the simulation in the SIM system-UML // European Science Review. — 2015. — №12. — P. 20–25.

Хубаев Георгий Николаевич — доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры Информационных систем и прикладной информатики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Khubaev Georgy Nikolaevich — Doctor of Economic Sciences, Candidate of Engineering Sciences, Professor, Professor of the Department of Information Systems and Applied Informatics, Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: gkhubaev@mail.ru

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА

УДК 371.315:57

10.17213/2075-2067-2020-6-234-244

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЫТ VS ИДЕЯ «ПЛАВИЛЬНОГО КОТЛА»: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

© 2020 г. Т. П. Матяш, Д. В. Матяш

*Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Цель исследования — изучить роль национального быта в практической реализации идеи слияния культур, которая в XX веке обозначена метафорой «плавильный котел».

Методологическую базу исследования представляют герменевтические теории (Х.-Г. Гадамер); сравнительно-исторический метод и метод социально-культурной реконструкции, позволившие выявить общие закономерности влияния национального быта на процесс слияния культур; идеи славянофилов, связанные с рассмотрением влияния национального быта на процесс слияния разных по религиозным основаниям культур и др.

Результаты исследования. Реконструкция идей славянофилов и их последователей дает возможность утверждать, что быт («плавильный котел») более долговечен, чем породившая его культура, что смысловые наполнения форм быта устанавливаются не юридическим законом, а являются отражением идеального мира культуры, непосредственно связанного с религиозными установками тех или иных народов, а потому быт имеет нравственно-религиозное содержание, с которым должно соотноситься не только внешнее поведение человека, но и его экзистенциальные состояния. Это придает понятию «национальный быт» социально-философское, а не только этнографическое, измерение. Национальный быт объединяет людей одной национальности, но обособляя их в этом объединении, становится своеобразным барьером для открытости людей другим культурам, без чего невозможно успешное осуществление процесса слияния культур. Это хорошо просматривается на примере существующих национально-этнических анклавов в Европе и Америке. Прозорливое предупреждение славянофилов, что внешнее заимствование быта не тождественно культурному слиянию, продемонстрировало свою истинность и в истории русской культуры, а его актуальность не утратила своей силы и в современном мире.

Перспективы исследования заключаются в продолжении теоретико-методологических исследований проблемы влияния национального быта на смешение культур на материале современных процессов взаимодействия культур.

Ключевые слова: быт; культура; герменевтика; дословность; философия славянофилов; идея «плавильного котла»; мультикультурализм; национальная идентичность.

NATIONAL LIFE VS THE IDEA OF A «MELTING POT»: SOCIO-CULTURAL ASPECT

© 2020 T. P. Matyash, D. V. Matyash

Don State technical University, Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to study the role of national life in the practical implementation of the idea of merging cultures, which in the twentieth century was designated by the metafora «melting pot».

Methodological base of research are hermeneutische theory (H.-G. Gadamer); the comparative-historical method and socio-cultural reconstruction, which allowed to reveal General regularities of influence of the national life in the process of merging cultures; ideas of the Slavophiles associated with the consideration of the impact of national life in the process of merging different religious bases, cultures, etc.

Research result. Reconstruction of the ideas of the Slavophiles and their followers gives you the opportunity to claim that life (melting pot) more durable than it gave rise to the culture that the semantic content of the forms of life are not legal by law and are otrajeny-eat the ideal world of culture, directly associated with the religious attitudes of certain people, and because life has a moral-religious content, which must comply not only the external behavior of the person and his existential condition. This gives the concept of «national life» a socio-philosophical dimension, not just an ethnographic one. National life unites people of the same nationality, but separating them in this Association becomes a distinctive barrier to people's openness to other cultures, without which it is impossible to successfully implement the process of merging cultures. This is well illustrated by the example of existing national and ethnic enclaves in Europe and America. The far-sighted warning of the Slavophils that external borrowing of everyday life is not identical with cultural fusion has also proved true in the history of Russian culture, and its relevance has not lost its force in today's world.

The research prospects consist in continuing theoretical and methodological research of the problem of the influence of national life on the mixing of cultures on the material of modern processes of interaction of cultures.

Key words: everyday life; culture; hermeneutics; verbatim; Slavophil philosophy; the idea of a «melting pot»; multiculturalism; national identity.

Введение. Увлеченность европейской и американской интеллектуальной и политической элиты идеей демократией, вера в ее способность решить практически все проблемы человечества породила в XX веке ставшую символом современной цивилизации идею «плавильного котла», получившую признание и распространение, прежде всего, в американской культуре. С величайшим оптимизмом Америка намеривалась сформировать американскую национальную идентичность путем культурного и биологического смешения мигрантов и иммигрантов

[2], представляющих разные этносы, религии, культуры, с коренными американцами, в большинстве своем англосаксами [3, 15]. Метафора «плавильный котел» исчерпывающим образом выражает суть идеи формирования американской национальной идентичности [4, 13, 20]. Американцы верили, что реализация этой идеи приведет к воцарению мира и благоденствия в стране, решит все этнонациональные, религиозные проблемы, в частности, связанные с борьбой меньшинств, прежде всего национальных, за свои права и др. Вера в успех реализации идеи

«плавильного котла» подпитывалась существованием реального опыта смешения европейских народов. Считалось, что таким же образом произойдет смешение американцев (по сути, англосаксов) с представителями всех культур и религий, и образуется новая раса людей, чьи потомки изменят мир.

На первый взгляд, некоторое культурное смешение в Америке произошло, о чем свидетельствует формирование единообразия стилей одежды, пищи и ее потребления, предпочтений в сфере развлечений и других общежитских практик. Произошло смешение музыкальных жанров. Так, негритянский блюз стал символом американской культуры, и его успешно исполняют белые музыканты. Наблюдающиеся столкновения между представителями разных культур и религий оправдывались оптимистической версией американских этнографов: надо спокойно пережить период становления национальной идентичности, которая завершится в третьем поколении мигрантов [2].

Оптимизм, связанный с верою в возможность «переплавки» народов Америки в новую американскую расу, потерпел крах в наши дни, когда мы наблюдаем, как нынешние и бывшие мигранты, ставшие уже гражданами США, пишут на стенах правительственных зданий: «Смерть Америке». Происходящий сейчас в Америке бунт мигрантов свидетельствует, что представители разных этносов, культур и религий не только не образовали новую американскую нацию, но сберегли и сохранили свои национальные и религиозные традиции, демонстрируя неприятие страны, принявшей их и уверовавшей в наличие у них желания слиться с американской культурой. Не состоялось претворение в жизнь и родившейся в Европе идеи «мультикультурализма», которая была смягченной и более реальной версией идеи «плавильного котла». Нежизнеспособность идеи «мультикультурализма» ясно продемонстрировали события во Франции, связанные с публикациями карикатур на пророка Мухаммеда. Кстати, камнем преткновения в реализации идеи «мультикультурализма» явился не только религиозный сепаратизм и фанатизм мусульман, но, как ни парадоксально, и абсолютизация Францией такой демократической ценности, как свобода слова.

Методология исследования. В статье используются основные принципы герменевтики Г. Гадамера, считавшего, что герменевтика не является методом социально-гуманитарного познания [10], а есть философия, задача которой состоит в отказе от процедуры объяснения и актуализации процедуры понимания, преодолевающей одностороннюю ориентацию на рациональное научное познание, присущее неокантианству и позитивизму. Понимание не есть метод познания, аналогичный естественнонаучным методам, требующим движения мышления исследователя по логике изучаемого объекта. Оно не есть знание, способное развиваться и переходить в некую более истинную форму вплоть до завершения познавательного процесса и обретения истины. Цель понимания — обнаружить смыслы в процессах общения, что предполагает сращивание живых традиций понимаемого и понимающего и является условием возможности их дальнейшего развития.

Наше обращение к процедурам понимания возможно в силу того, что быт есть некая первичная структура человеческого существования, онтологически нагруженная сознанием, делающим его способным к общению с теми, кто стремится понять его. Быт есть текст, но текст бессловесный, обретающий слово, когда высказывается через того, кто, существуя в сфере быта, знает его изнутри и владеет словом. Мы использовали идеи Ф. Гиренка, согласно которым русский бессловесный быт, «проговаривая» себя через философию славянофилов, стал словесным текстом, что и позволяет осуществить понимание его смыслов через тексты славянофилов. Понимание предполагает наличие двоякой открытости: тексты философии славянофилов должны быть открыты нам, а мы должны быть открыты им. Открытость предполагает доверие и духовную близость, что обеспечивается наличием у нас, понимающих, и у славянофилов, понимаемых, одного и того же религиозного опыта, а именно, православного, которым и был пронизан русский быт.

«Временной разрыв», существующий между философией славянофилов и нами, мы вслед за Х.-Г. Гадамером толкуем не как пропасть, мешающую пониманию, а как одну из продуктивных предпосылок понимания

прошлого, позволяющую рассматривать прошлое как такое событие, в котором коренится настоящее.

В процессе исследования использовались также сравнительно-исторический метод и метод социально-культурной реконструкции.

Результаты исследования. Излишний оптимизм по поводу успешной реализации идей «плавильного котла» и «мультикультурализма» есть в немалой степени следствие того обстоятельства, что эти идеи не прошли предварительного тщательного обоснования. Их авторы не изучили имеющийся в истории человечества опыт соединения, «сплавления» культур. А этот опыт был, ведь еще Екклесиаст говорил, что «нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1). Идеи «плавильного котла» и «мультикультурализма», попытки их реализации не новы, они не есть чисто американское и европейское изобретение. Например, в СССР накоплен опыт успешного мирного и добрососедского сосуществования различных национальных культур¹, что и является основным посылом идеи «мультикультурализма», но Европа в своей гордыне не обратилась к изучению этого уникального опыта.

Есть у России и опыт реализации так называемой идеи «плавильного котла», а также глубокие традиции аргументации *pro and contra*, но американские идеологи и культурологи «не заметили», а может, и не знали ничего ни об этом опыте, ни об его осмыслении. А зря. По-видимому, идея «плавильного котла» не стала бы столь радикальной и не вызвала бы такого оптимизма, если бы ее создатели были ознакомлены, например, с философией славянофилов, показавших на примере России, что национальный быт стал своеобразным барьером на пути слияния русской культуры с европейской.

История культурных заимствований свидетельствует, что легче и быстрее заимствуется быт как этнографический феномен. Это верно и по отношению к России. Нарядившись в немецкое и французское платье, причесавшись по-европейски, усвоив французский

этикет салонных бесед, выучив европейские языки, представители русской элиты сочли себя стопроцентными европейцами. Но европейцы ощущали своим культурным чутьем, что русские, перенявшие их быт и бытовые привычки, все же находятся в каком-то ином духовном измерении, подобны «путешественнику, изучающему страну и народ из окна железнодорожного вагона» (Ф. Ницше), и потому не спешили признать их европейцами. Христианская Европа XVII–XIX веков с осторожностью воспринимала попытки близких им по религии русских «европеизироваться», поэтому вызывает изумление, что та же Европа в XX веке безоговорочно признала возможность слияния со своей культурой представителей далеких от христианства религий и культур. Конечно, немаловажную роль здесь сыграла идея существования «общечеловеческих ценностей», явившаяся плодом охватившей Европу просвещенческой веры в то, что разумность есть сущностное свойство всех людей.

Славянофилы так не считали, а потому заговорили о быте, который объединяет только людей одной национальности, мешая слиянию разных культур. Быт заимствовать можно, но заимствование чужого быта, как считали они, пагубно для человека, и, прежде всего, для сохранения им своей духовной цельности. Так, заимствованный европейский быт и русские традиционно-бытовые культурные начала, связанные с православной религией, плохо сочетались в человеке, что порождало раздвоенность его сознания. Противоречивое сочетание заимствованного чужого быта и русского православного религиозного опыта отмечал Г. Флоровский в персоне Ф. М. Достоевского, который «по быту» был «порождением страшного града Петрова (то есть Европы — Ред.), а «по культуре — отпрыск Оптиной Пустыни» [17, с. 102]. Сам Ф. М. Достоевский признавал, что «Россия вовсе была не Европа, а только ходила в европейском мундире, но под мундиром было совсем другое существо. Разглядеть, что это не Европа, а другое существо, и приглашали славянофилы, прямо указывая, что

¹ Суть этого опыта обстоятельно изложена в докладе Генсека ЦК КПСС Ю. В. Андоропова (доклад прочитан на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1982 года) [1].

западники уравнивают нечто непохожее и не-соизмеримое» [7, с. 167]. Говоря о двойственности натуры Ф.М. Достоевского, Г. Флоровский, по сути, высказал свое убеждение в том, что заимствование иностранного быта не тождественно усвоению соответствующей культуры. Причину этого обстоятельства он видел в том, что быт и культура — разные феномены. Культура — это творческая стихия, и «ее нити перекрещиваются в неведомых тайниках человеческого творческого духа». Она мистична, «неосязаема и невещественна, а поэтому не поддается рассудочному анализу». Быт же — это «застывшая культура», и в нем угасают ее творческие силы [17, с. 102]. Другими словами, Г. Флоровский относил быт к сфере явлений этнографических, то есть явлений, принадлежащих предметно-вещественной сфере человеческого бытия, непосредственно связанной с удовлетворением потребностей в пище, одежде, жилище, отдыхе, развлечениях и т. д.

Славянофилы придерживались иного взгляда на сущность быта. С их точки зрения, представление о быте как «застывшей культуре» происходит от того, что живительная творческая сила культуры как бы «прячется» под формами русского быта, под вещественными формами которого скрываются невещественные живые творческие культурные смыслы, порожденные православным религиозным опытом. «Воздействие православия на народный быт состояло в культивировании внутреннего чувства, с которым должно было соотнобразовываться внешнее поведение» [5, с. 92–93]. Об этом же писал Д. Хомяков (сын А.С. Хомякова): «Быт (в широком смысле) особенно дорог потому, что он — отражение строя другого, высшего, идеального мира» [19, с. 177]. Национальный быт, а не невещественная, и потому неосязаемая культура, волнует сердце человека, заставляя его, живущего в пространстве быта иной культуры, тосковать по своему национальному быту. Даже бездомному Ф. Ницше был сердечно дорог быт. «Созерцание обстановки нашего детства, — писал он, — потрясает нас: беседка, церковь с могилами, пруд и лес — на все это мы смотрим, страдая... Здесь же все стоит еще столь тихо, столь вечно; лишь мы так изменчивы, так подвижны». Быт он называл «низшей культурой», но при этом писал, что

«возвратясь к созерцанию низшей культуры, мы понимаем, что высшая культура (культура, в которой господствует научный разум — Т. М.) отнюдь не увеличивает количества счастья» [11, с. 387–388].

Русский православный быт, как свидетельствуют биографии и автобиографии славянофилов, являлся органическим способом их жизни, а потому они не рассуждали о быте умозрительно, отстраненно от его конкретики, а проживая деятельную религиозную жизнь, открывали глубинные религиозно-нравственные основы быта. И это было в полном соответствии с учением св. Максима Исповедника (VI в.): «Познавать нравственное невозможно чисто умозрительно: нужна деятельная жизнь, предполагающая исполнение заповедей Божиих». Только тогда ум «преуспевает в благоразумии», научаясь различать добродетель и порок [14, с. 230].

Осознав, что особенность русского быта заключалась в его живом исхождении из чистого христианства, славянофилы заложили традицию рассмотрения быта не в сугубо этнографическом, а в социально-философском контексте. Тот факт, что быт, с одной стороны, представлен предметно-вещественно, а с другой — таит в себе скрытые смыслы породившей его культуры, проблематизирует культурное заимствование. Как правило, заимствуется утилитарно-практическое назначение предметов быта, вуалирующее живую «душу» культуры. «Ну, любит англичанин, — как писал А.С. Хомяков, — носить белый галстук. Он еще ходить не научился, а галстук нацепил. ... Нам-то он зачем. У них кучер на козлах сидит во фраке... *И нам это непонятно. Потому что мы вовне. Живой стороны их жизни не знаем* (курсив Т. М.). Для того чтобы носить фрак и любить белый галстук, нужно жить с конституцией. Нужно быть уже англичанином. Тогда только поймем, зачем носить белый галстук. Но мы — русские, и невозможно в нас вселить то чувство, тот лад и строй души, из которого развиваются лютеранство и аристократия, и родовое чванство и презрение к людям и народам» [Цит. по 5, с. 64]. Примечательно, что впервые услышав американский джаз, который уже вошел в культуру и быт американцев, М. Горький воспринял его как «дикий визг, свист, грохот, вой, рев, треск; врываются не-

человеческие голоса, напоминая лошадиное ржание, раздаются хрюканье медной свиньи, вопли ослов, любовное кваканье огромной лягушки; ... и, послушав эти вопли минуту, две, начинаешь невольно воображать, что это играет оркестр безумных, они сошли с ума на сексуальной почве, а дирижирует ими какой-то человек-жеребец, размахивая огромным фаллосом» [6]. Такое восприятие джазовой музыки М. Горьким не было полностью ангажировано только политическими целями критики буржуазной культуры. Он искренне описывал свое восприятие джаза, так как никогда не ощущал действия африканских ритмов, не был знаком с афроамериканским фольклором. Чтобы понять смысл джазовой импровизации, надо было иметь опыт жизни африканских племен.

Та же ситуация и с попытками иностранцев понять русскую культуру, освоив русский быт, который вплоть до начала XVIII века творился монастырями, осуществляющими живое, постоянное религиозное просвещение русского народа, формирующего «вековые обычаи без писаных кодексов, исходящие из Церкви»² [9, с. 189–190]. Религиозное просвещение, исходящее из монастырей, формировало, например, определенные правила трапезы: не класть руки на стол, не рассказывать смешные истории и не смеяться, не оставлять крошки хлеба на столе и не смахивать их на пол и т.д. П. А. Флоренский, как и И. В. Киреевский, также считал, что «быт» русского народа порожден христианской религией. «Быть в обычности христианской» — значит «ходить в законе Господнем», когда «дом истинного христианина называется Церковью», а «обеденный стол — тот же престол. Обед есть продолжение обедни или, точнее, завершение ее». Отсюда и бытовые установления русского крестьянина: «нельзя облакачиваться на стол, класть руки на него, смеяться нельзя. [Не ударять по столу: стол — подножие Христово.] Детям не дают кусков, чтобы они не обронили крошку на пол и чтобы на нее кто-нибудь не наступил. Нельзя щипать хлеб

или ломать одной рукой. Некоторые считают грехом резать хлеб ножом. Нельзя за столом ругаться, сквернословить, охальничать, даже болтать зря. — Есть надо благоговейно» [16, с. 416, 427]. Эти правила регламентировались не правовыми, гражданскими законами, а определялись тем, что «самая плоть русской души уже пронизана зачатком духовности, и острием ее выжжена некая точка, точка безусловности» [21, с. 386]. Очевидно, чтобы понять сполна скрытые смыслы бытовых правил, регламентирующих трапезу православного, иностранец должен иметь православный религиозный опыт. Иначе нельзя.

Органическая связь русского быта с православной религией делала быт крепким, пока был крепок в народе православный дух. Разрушение непосредственной изначальности религиозно-нравственных основ русского быта, начавшееся уже при жизни славянофилов, привело к коренным изменениям в нравах людей. В традиции, как писал И. В. Киреевский, почиталось, а не юридическим законом устанавливалось, «уважение к святине правды», порождающее ответственное отношение к слову, и, как следствие, немногословность [9, с. 16–17]. Это и понятно. Человеку, живущему традицией, не надо объяснять другим, почему он действует так, а не иначе. Он просто действует, ничего никому не объясняя и не требуя объяснений от других, ибо смысл действий изначально ясен и понятен всем. Поэтому-то Ф. Гиренок и считает, что быт формирует человека дословного. Дословный человек не есть личность, потому что личность всегда говорлива³ [5, с. 58–59]. С разрушением быта изменилось отношение человека к слову, так как появилась потребность объяснять свои действия другим. Слова вытесняли бессловесность и немногословность, свойственную быту. Выпав из традиции, они потеряли онтологическую связь с божественной святостью, стали пустыми и легкими даже при произношении клятвы или присяги. Началась борьба слов со словом, и эта борьба уходила в бесконечность,

2 И. В. Киреевский признавал, что при рассмотрении быта следует учитывать племенные особенности, которые, как почва, могут ускорять или замедлять рост семян православия, или совсем заглушать их рост. «Но самое свойство плода зависит от свойства семени», а не от почвы, в которую это семя попало [9, с. 190].

3 С нашей точки зрения, дословный человек есть личность, но отличная от западноевропейского понимания сути личности.

так как «невозможно изобрести слово, не знающее поражения». Не связанные со святыней правды слова обрели своих владельцев, которые могли их использовать на правах личной собственности как им угодно: льстить, врать, сквернословить и т.д. В потере словом онтологической укорененности И. В. Киреевский видел причину того, что русский крестьянин «лжет за копейку барыша, за стакан вина, лжет из боязни, лжет из выгоды, лжет без выгоды». [9, с. 74, 44, 54].

Сейчас часто употребляют выражение «быт заел», объясняя таким образом, например, распад семьи, тягу к алкоголю и др. Но здесь быт понимается не в его высоком смысле, а в его «низком» практически-утилитарном значении, содержание которого сводится к тяготам, связанным с зарабатыванием денег, приготовлением обедов, уборкой квартиры, необходимостью заниматься воспитанием детей и т.д.

Тема быта, которая «проговаривала» себя в философии славянофилов, помогает понять причины отторжения Западом философии славянофилов. Как известно, философию славянофилов на Западе не считают философией, и все потому, что славянофилы, замыкали свою мысль на традиции, на быт. Ф. Гиренок пишет, что любая «зацепившая» А. С. Хомякова мысль «уводила» его не в бесконечное странствование по пространствам метафизических спекуляций, «а в прошлое, к дословности быта и религиозного опыта» [5, с. 9–10, 55]. «Замыкание» мысли на традиции, на быт подпитывало мысль глубинными религиозными смыслами, такими, например, как «всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите» [1 Пет. 2. 17], «возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святого Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную». Такое единомыслие есть основа литургического общения, и наоборот [18, с. 195]. В пространстве русского быта истинно человеческое естество мыслилось не «самовластным, а предназначенным к участию в божественной жизни, которая достижима только во Христе» [8, с. 16]. Этим объясняется тот факт, что человек, живущий в традиции, склонен не к логически абстрактной мысли, а к мысли цельной, которую И. В. Киреевский назовет «верую-

щим мышлением». До конца же осознать суть цельности русского ума славянофилам помогли труды отцов Церкви, а потому И. В. Киреевский утверждал, что «коренной русский ум» сложился и воспитался учениями святых отцов Церкви [9, с. 188]. Славянофилы придали учению отцов Церкви о цельности духа философско-понятийную форму. Осознав специфику русской мысли, славянофилы поняли, что западноевропейская философская мысль иная: она замыкается только сама на себя, в ней одна мысль рождает другую, и так до бесконечности. Эта тема и станет одной из основных в критической оценке славянофилами западноевропейской философии.

Заключение. Осуществление американской идеи «плавильного котла» казалось состоявшимся, если брать во внимание внешние формы быта, такие как одежда, развлечения и другие виды повседневной жизни. Но, как мы показали, быт сложен, он двулоен. Например, негритянский блюз, будучи музыкальной импровизацией, в которой негритянская душа стенала, исторгая из себя крик протеста против рабства и угнетения, стал исполняться белыми музыкантами, не имеющими негритянского опыта переживания рабства. Блюз в их исполнении стал способом демонстрации виртуозной игры на саксофоне и других музыкальных инструментах. Исполняя блюз, душа негра плакала, тогда как белый слушатель восторгался виртуозностью импровизации. Перефразируя А. С. Хомякова, можно сказать: чтобы понять блюз, надо быть негром, иметь исторический опыт угнетения и унижения. Пытаясь сохранять свои традиции и следовать им, мигранты и иммигранты формируют этнические анклав, в каждом из которых преобладает один этнос. Родной быт согревает душу в чужой стране, объединяет мигрантов и иммигрантов. И это касается людей любой национальности, оказавшихся в силу разных причин за пределами своей Родины. Так, представители первой волны русской эмиграции, испытывая тоску по родному быту, первым делом строили православные Храмы, объединяясь в религиозно-православные общины, живя в них по обычаям предков, поэтому-то русские первой волны эмиграции не растворились

в западноевропейской культуре, сохранили русский цивилизационный код.

Влияние национального быта и традиций породило проблемы, связанные с укреплением союза социалистических республик в СССР, о чем говорил в 1982 году в своем докладе Генсек КПСС Ю. В. Андропов [1]. В результате политики партии, направленной на экономический и культурный прогресс всех наций и народностей, начался неизбежный рост национального самосознания. Советская идея «мультикультурализма» стала давать сбои, так как национальное самосознание, возвеличивание своего быта зачастую превращалось «в национальную кичливость или зазнайство, порождало тенденции к обособленности, неуважительного отношения к другим нациям и народностям». Для успешной реализации идеи сплоченности и дружбы народов в СССР, в отличие от политики французского президента Макрона, осуждались любые уничижительные и оскорбительные высказывания представителей одной нации или религии в адрес другой.

Быт более долговечен, чем породившая его культура. И. В. Киреевский отмечал, что и через сто пятьдесят лет после разрушения монастырей, формировавших основы православного быта, он продолжал существовать в русском народе. Главным разрушителем православного быта славянофилы считали либерализм. Поэтому-то К. Леонтьев, как известно, предпочитал социализм, который, как он пророчески предвидел, «подморозит» русскую культуру, отсрочит время ее либерального разложения. И действительно, социализм как бы пролонгировал некие православно-духовные традиции русского народа, правда, одев их в атеистическую форму. Это признает даже один из главных разработчиков либеральных реформ в России А. Чубайс. В полемике с другим «отцом» либеральных реформ П. Авеном он признает, что главная ошибка реформаторов заключалась в «непонимании того, чем русский народ отличается от других народов и чем Россия отличается от других стран», в забвении того, «что в России есть православие». При этом Чубайс подчеркнул, что речь идет не о православной Церкви, а о некоей глубинной ос-

нове русского менталитета, зародившегося еще в древне-православной традиции, согласно которой всеобщее выше индивидуального, частного. И потому в предложенной либералами дихотомии «Родина или свобода» русский народ выбрал Родину, а не свободу в ее либеральном смысле [12].

Итак, славянофилы показали, что невозможно осуществить «плавильный котел» из народов и племен разных бытовых традиций и религиозных верований, нельзя обольщаться внешним смешением быта, так как это смешение не тождественно культурному слиянию. По-видимому, можно говорить, что славянофилы оставили будущим поколениям в некоем роде завещание, содержащее предупреждение от чрезмерного оптимизма в отношении идеи слияния различных национальных культур, но с этим завещанием не пожела-ли ознакомиться авторы идеи «плавильного котла». Не учли этого завещания и русские младореформаторы 90-х годов XX века, хотя некоторые из них после неудачных реформ пришли, как видно из слов А. Чубайса, к коррелятивным идеям славянофилов. Но для народа и страны в целом было бы лучше, если бы русские младореформаторы знали об этих идеях до того, как ринулись ломать русский, уже ставший социалистическим, быт и традиции.

Литература

1. Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. — М.: Изд-во политической литературы. — 1982. — 64 с.
2. Брук С. И., Козлов В. И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. // Советская этнография. — 1970. — №6. — С. 3–20.
3. Вуд Г. Идея Америки. Размышления о рождении США. — М.: Весь Мир, 2016. — 432 с.
4. Геллнер Э. Национализм возвращается // Новая и новейшая история. — 1989. — №5. — С. 55–62.
5. Гиренок Ф. Патология русского ума (Картография дословности). — М.: Аграф, 1998. — 414 с.
6. Горький М. О музыке толстых [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://>

diletant.media/articles/28681833/ (Дата обращения: 10.11.2020).

7. *Достоевский Ф. М.* Политическое завещание. Сборник статей за 1861–1881 гг. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. — 480 с.

8. *Иоанн Мейендорф.* Византийское богословие. Исторические направления и вероучение. — М.: Когелет, 2001. — 431 с.

9. *Киреевский И. В.* Разум на пути к истине. — М.: Правило веры, 2002. — 661 с.

10. *Матяш Т. П., Матяш Д. В., Несмеянов Е. Е.* Объяснение, понимание, интерпретация. Учебное пособие. — Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2016. — 102 с.

11. *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // Ницше Ф. Соч. в двух томах. — Т. 1. — М.: Мысль, 1990. — 831 с.

12. Петр Авен vs Анатолий Чубайс: Родина или свобода? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://pyskue-ska3ku.livejournal.com/3249952.html>; <https://snob-ru.turbopages.org/snob.ru/s/entry/154564/> (Дата обращения: 9.11.2020).

13. *Согрин В. В.* Энциклопедия истории США. — М.: Весь Мир, 2018. — 480 с.

14. *Св. Максим Исповедник.* Вторая сощница о любви // Добротолюбие. — М.: АНО «Развитие духовности, культуры и науки», 2004. — Т. 3. — 557 с.

15. *Филиппенко А. А.* Иммиграционная политика США. Очерки истории. — М.: Весь Мир, 2018. — 232 с.

16. *Флоренский П. А.* Философия культуры. — М.: Мысль, 2004. — 683 с.

17. *Флоровский Г., прот.* Из прошлого русской мысли. — М.: АГРАФ, 1998. — 431 с.

18. *Хомяков А. С.* Работы по богословию. — М.: Медиум, журнал «Вопросы философии», 1994. — 476 с.

19. *Хомяков Д. А.* Православие. Самодержавие. Народность. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 576 с.

20. *Чертина З. С.* Плавильный котел. Парадигмы этнического развития США. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 2000. — 163 с.

21. *Эрн В. Ф.* Сочинения. — М.: Правда, 1991. — 575 с.

22. *Юдина Т. Н.* Миграция: словарь основных терминов. — М.: Изд-во РГСУ; Академический Проект, 2007. — 472 с.

References

1. *Andropov Ju. V.* Shest'desjat let SSSR [Sixty years of the USSR]. — Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury. — 1982. — 64 p.

2. *Bruk S. I., Kozlov V. I.* Jetnograficheskaja nauka i perepis' naselenija 1970 g. [Ethnographic science and population census 1970] // Sovetskaja jetnografija [Soviet Ethnography]. — 1970. — №6. — Pp. 3–20.

3. *Vud G.* Ideja Ameriki. Razmyshlenija o rozhdenii SShA [The Idea of America. Reflections on the birth of the United States]. — Moscow: Ves' Mir, 2016. — 432 p.

4. *Gellner Je.* Nacionalizm vozvrashaetsja [Nationalism returns] // Novaja i novejsaja istorija [New and recent history]. — 1989. — №5. — Pp. 55–62.

5. *Girenok F.* Patologija russkogo uma (Kartografija doslovnosti) [Pathology of the Russian mind (Cartography of verbatim)]. — Moscow: Agraf, 1998. — 414 p.

6. *Gor'kij M.* O muzyke tolstyh [About music of fat people] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <https://diletant.media/articles/28681833/> (Date accessed: 10.11.2020).

7. *Dostoevskij F. M.* Politicheskoe zaveshhanie. Sbornik statej za 1861–1881 [Political Testament. Collection of articles for 1861–1881]. — Moscow: Algoritm, Jeksmo, 2006. — 480 p.

8. *Ioann Mejendorf.* Vizantijskoe bogoslovie. Istoricheskie napravlenija i verouchenie [Byzantine theology. Historical trends and beliefs]. — Moscow: Kogelot, 2001. — 431 p.

9. *Kireevskij I. V.* Razum na puti k istine [Reason on the way to truth]. — Moscow: Pravilo very, 2002. — 661 p.

10. *Matjash T. P., Matjash D. V., Nesmejanov E. E.* Objasenie, ponimanie, interpretacija. Uchebnoe posobie [Explanation, understanding, interpretation. Textbook]. — Rostov-on-Don: Izdatel'skij centr DGTU, 2016. — 102 p.

11. *Nicshe F.* Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe. Kniga dlja svobodnyh umov [Human, all too human. Book for free minds] // Nicshe F. Soch. v dvuh tomah. — Vol. 1. — Moscow: Mysl', 1990. — 831 p.

12. Petr Aven vs Anatolij Chubajis: Rodina ili svoboda? [Peter Aven vs Anatoly Chubais: Motherland or freedom?] [Jelektronnyj

resurs]. — URL: <https://pyckue-cka3ku.livejournal.com/3249952.html>; <https://snob.ru.turbopages.org/snob.ru/s/entry/154564/> (Date accessed: 9.11.2020).

13. *Sogrin V.V.* Jenciklopedija istorii SShA [Encyclopedia of the history of the USA]. — Moscow: Ves' Mir, 2018. — 480 p.

14. *Sv. Maksim Ispovednik.* Vtoraja sotnica o ljubvi [The second centurion about love] // Dobrotoljubie. — Moscow: ANO «Razvitie duhovnosti, kul'tury i nauki», 2004. — Vol. 3. — 557 p.

15. *Filippenko A.A.* Immigracionnaja politika SShA. Oчерki istorii [Immigration policy of the USA. Essays on history]. — Moscow: Ves' Mir, 2018. — 232 p.

16. *Florenskij P.A.* Filosofija kul'ta [Philosophy of the cult]. — Moscow: Mysl', 2004. — 683 p.

17. *Florovskij G., prot.* Iz proshlogo ruskoj mysli [From the past of Russian thought]. — Moscow: AGRAF, 1998. — 431 p.

18. *Homjakov A.S.* Raboty po bogosloviju [Works on theology]. — Moscow: Medium, zhurnal «Voprosy filosofii», 1994. — 476 p.

19. *Homjakov D.A.* Pravoslavie. Samoderzhavie. Narodnost' [Orthodoxy. Autocracy. Narodnost']. — Moscow: Institut ruskoj civilizacii, 2011. — 576 p.

20. *Chertina Z.S.* Plavil'nyj kotel. Paradigmy jetnicheskogo razvitija SShA [Melting pot. Paradigms of ethnic development in the USA]. — Moscow: Institut vseobshhej istorii RAN, 2000. — 163 p.

21. *Jern V.F.* Sochinenija [Essays]. — Moscow: Pravda, 1991. — 575 p.

22. *Judina T.N.* Migracija: slovar' osnovnyh terminov [Migration: dictionary of basic terms]. — Moscow: Izd-vo RGSU; Akademicheskij Proekt, 2007. — 472 p.

Поступила в редакцию

17 сентября 2020 г.

Матяш Тамара Петровна — доктор философских наук, профессор Донского государственного технического университета. Специалист в области исследования онтологии, философии науки, философской антропологии, теории и истории культуры.

Matyash Tamara Petrovna — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Researcher, Don State technical University. Specialist in the field of ontology, philosophy of science, philosophical anthropology, theory and history of culture.

344038, г. Ростов-на-Дону, пер. Автомобильный, 32, кв. 134
32 Avtomobilny In., app. 134, 344038, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: tamara.matiash@yandex.ru

Матяш Дмитрий Владимирович — доктор философских наук, профессор Донского государственного технического университета. Специалист в области исследования философии науки, философской антропологии, теории и истории культуры, философской танатологии.

Matyash Dmitry Vladimirovich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Don State technical University. Specialist in the field of research of philosophy of science, philosophical anthropology, theory and history of culture, philosophical thanatology.

344103, г. Ростов-на-Дону, пер. Снеговой, 64
64 Snegovoy ln., 344103, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: matyashdv@mail.ru

УДК 316

10.17213/2075-2067-2020-6-245-253

ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

© 2020 г. М. А. Васьков*, А. В. Мирошниченко*, М. А. Поливина**

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

**Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Целью исследования является анализ фейковых новостей как фактора влияния на психическое здоровье российского населения.

Методологическую базу исследования представляет валеологический, психолого-педагогический и гуманистически ориентированный подход к психическому здоровью населения.

Результаты исследования. Фейковые новости в СМИ (как правило, наполненные информацией негативного характера) оказывают непосредственное влияние на психическое здоровье российского населения. Главной чертой российских СМИ является доминирование негативной информации в отборе материала с активным применением фейковых новостей. К основным последствиям фейковых новостей, носящих исключительно отрицательный характер влияния на психическое здоровье населения, относятся: психофизиологические, когнитивные, аффективные, установочные, поведенческие последствия.

Перспективу исследования составляет необходимость поиска механизмов информационно-психологической безопасности российского населения от негативного воздействия СМИ и фейковых новостей на психическое здоровье российского населения.

Ключевые слова: фейковые новости; фейк; психическое здоровье; психика; российское население; СМИ; психофизиологические; когнитивные; аффективные; установочные; поведенческие последствия.

FAKE NEWS AS A FACTOR OF INFLUENCE ON THE MENTAL HEALTH OF THE RUSSIAN POPULATION

© 2020 M. A. Vaskov*, A. V. Miroshnichenko*, M. A. Polivina**

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

**Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

The purpose of the study is to analyze fake news as a factor influencing the mental health of the Russian population.

The methodological base of the research is a valeological, psychological, pedagogical and humanistically oriented approach to the mental health of the population.

The results of the study. Fake news in the media (usually filled with negative information) has a direct impact on the mental health of the Russian population. The main feature of the Russian media is the dominance of negative information in the selection of material with the active use of fake news. The main consequences of fake news, which have an exclusively negative impact on the mental health of the population, include: psychophysiological, cognitive, affective, attitudinal, behavioral consequences.

The prospect of the study. *The prospect of the study is the need to search for mechanisms of information and psychological security of the Russian population from the negative impact of the media and fake news on the mental health of the Russian population.*

Key words: *fake news; fake; mental health; psyche; the Russian population; the media; psychophysiological; cognitive; affective; attitudinal; behavioral consequences.*

Введение. XXI век ознаменовался стремительным развитием информатизации, усилением влияния средств массовой информации (СМИ), реализующей, как минимум, три функции: информационную (оперативное информирование об окружающей среде); досуговую (обеспечение занимательного досуга); воспитательно-социализационную (обеспечение воспитания и социализации молодых поколений, а также социализации и ресоциализации других социальных групп) [1]. При этом, как подчеркивает Л.В. Куликов, СМИ являются «фактически главным институтом воспитания, формирования мировоззрения и массового сознания», которые, однако «не желают выполнять воспитательные функции и брать на себя ответственность в этом плане» [2, с. 2].

Трансформационные изменения традиционных моделей коммуникативных взаимодействий на уровнях «государство — СМИ — общество» демонстрируют, что данные функции не просто не реализуются в адекватном формате, но и имеют дисфункциональное значение по отношению к психическому и социальному здоровью населения [3, 4]. Это объясняется искажением в современной реальности истинности факта и фактической информации, ибо истинность фактической информации стала напрямую зависеть от того количества инвестиций, которые были вложены в ее создание, нежели от достоверности факта [5]. Как подчеркивает В.В. Дорофеева, в современных условиях тотальной «востребованности поиска мгновенных новостей» в СМИ «все более распространенным явлением становятся фейковые новости — полностью или частично выдуманная информация об определенных лицах, событиях, явлениях» [6, с. 777], причем информация, «трансформирующая человеческое сознание» [6, с. 775].

В свою очередь, трансформация сознания (психики) приводит к стагнации «в социаль-

ном, духовном, культурном, политическом, научном и технологическом развитии, то есть к отставанию во всех сферах жизни, уменьшению и потере конкурентоспособности» [2, с. 2].

Таким образом, влияние СМИ реализуется посредством психологического воздействия на разум и эмоционально-чувственную сферу личности, ибо СМИ, как свидетельствует опыт, способны как умственно просвещать, «обогащать личность», так и «духовно поработать, дезинформировать и запугивать население», «сеять недоверие и страх» [7, 8], причинять вред духовному, социальному и психическому здоровью [9].

В связи со сказанным выше целью данной статьи является анализ фейковых новостей как фактора влияния на психическое здоровье российского населения, и актуальность поставленной цели не вызывает сомнений.

В соответствии с заявленной целью, прежде всего, остановим взор на феномене фейковых новостей в СМИ.

Феномен фейковых новостей. Сегодня «фейковые новости» проникли во все сферы жизнедеятельности россиян, ими наполнены практически все СМИ, однако, несмотря на такую популярность использования приема фейка в новостных каналах, понятийное толкование фейка в рамках официальных словарей русского языка, лингвистики, психологии, социологии и политологии пока не представлено. Но мы встречаем понятие «фейк» в словаре компьютерных терминов, где дается такое определение: «Фейк (англ. fake /fek/) — подделка, фальсификация, обман» с целью искажения определенной информации [10].

Также трактовка категории «фейк» раскрыта в онлайн Викисловаре и интерпретируется как неологизм, имеющий жаргонный контекст: «что-либо лживое, не соответствующее действительности, поддельное, вводящее в заблуждение» [11]. Интересно, что

в Оксфордском словаре феномен «фейк» по смысловому содержанию связан с глаголами «убирать», «подметать» и заключает идею лживой информации, обмана, фальсификации, введения в заблуждение [12].

Если отталкиваться от того, что новость — это оперативное информационное сообщение о фактах, явлениях, событиях, имевших место в недавнем времени или происходящих в рамках текущего временного отрезка; это сообщение, представляющее психосоциальный, политический, социокультурный или экономический интерес для обществу «в своей свежести, то “фейковая новость” — это сообщение, стилистически созданное как настоящая новость, но ложное полностью или частично» [13, с. 89].

С.С. Распопова и Е.Н. Богдан дают такое определение фейковым новостям: «Это сфабрикованные новостные материалы, ложь в которых распознаваема и проверяема, хотя и способна ввести в заблуждение» [14, с. 48].

Согласно приведенной классификации А.П. Суходолова, выделены некоторые разновидности фейковых новостей по различным основаниям, в числе которых наибольшую опасность для сознания и психического самочувствия населения представляют:

— «новости» в зависимости от достоверности обстоятельств времени и места произошедшего явления, события («новости», преподносимые как текущие, но имевшие место в прошлом, или «новости», искажающие место произошедшего события);

— в зависимости от состава лиц, упоминаемых в «новости» (например, «новости», основанные на непроверенной информации или выставляющие второстепенных участников события как главного действующего лица);

— «новости» в зависимости от целей создания и распространения (например, «новости», создаваемые с целью дискриминации по полу, возрасту, расе, языку, социальному статусу, месту жительства, убеждениям, отношению к религии и пр. обстоятельствам; а также «новости» с целью нанесения морального или материального ущерба, с целью манипуляции);

— «новости» в зависимости от уровня восприятия достоверности информации («новости» с явным или сомнительным фейковым характером, а также мастерски сфаль-

сифицированные фейки, не порождающие сомнений) [13, с. 89–93].

В целом фейковые новости, как в своей статье, посвященной семантическому анализу феномена «фейковых новостей» совершенно справедливо замечает А.П. Суходолов, «органично вписываются в концепцию пост-правды». Эта концепция «описывает или обозначает обстоятельства, при которых объективные факты являются менее важными при формировании общественного мнения, чем призывы к эмоциям и личным убеждениям» [13, с. 94].

По нашему мнению, приведенный выше анализ фейковых новостей в современных условиях развития информационно-коммуникативных технологий объективно подтверждает явную опасность для психики и психического здоровья российского населения.

Далее, реализуя поставленную цель, нам необходимо остановиться на рассмотрении категории «психическое здоровье» с тем, чтобы затем перейти к непосредственному анализу фейковых новостей как фактора влияния на психическое здоровье российского населения.

Психолого-педагогический анализ психического здоровья.

Физиологическую основу психического здоровья составляет психика, которая определяется в валеологическом словаре как «системное свойство высокоорганизованной материи (мозга), заключающееся в активном отражении субъектом объективного мира, в построении субъектом неотчуждаемой от него картины этого и саморегуляция на этой основе своего поведения и деятельности» [15, с. 180]. При взгляде на это определение возникает вопрос относительно уместности утверждения построения субъектом объективной картины мира в условиях современной реальности, изобилующей фейковыми практиками, искажающими ее.

Термином «психическое здоровье» в этом же словаре валеологических и валеопсихологических терминов и определений обозначается «состояние душевного благополучия, характеризующееся отсутствием болезненных психических проявлений и обеспечивающее адекватную условиям окружающей действительности регуляцию поведения, деятельности» [15, с. 180].

С позиций гуманистического подхода, который зиждется на безусловном доверии к человеческой природе, общим принципом психического здоровья является стремление всякого человека стать и оставаться самим собой, невзирая на перипетии и трудности индивидуальной и общественной жизни [16].

Как известно, сочетание нормальной взаимосвязи между реальным и идеальным «Я» служит критерием психического здоровья личности. Считается, что наличие различий в этих системах дает импульс к развитию личности, но значительные различия в этой взаимосвязи — это показатель психического нездоровья [17].

Кроме того, весьма информативным показателем психического здоровья является уровень тревожности человека [17], который сегодня, в условиях т.н. информационной пандемии, возрос. Негативно настроенное население склонно изводить себя сомнениями, тревогами, неуверенностью, плохими предчувствиями, негативными ожиданиями и пессимизмом.

Фейковые новости являются своеобразным деструктивным триггерным механизмом, способствующим возникновению и развитию разнообразных психогенных расстройств или, выражаясь языком медицинской психологии, психогений — невротозов и реактивных невротоподобных состояний, возникающих как реакция на психотравмирующую ситуацию или событие, а также вызывающих страх, тревогу, напряженность [18, 19].

Основное следствие превалирования деструктивной информации в СМИ состоит в том, что у населения формируется установка на «пессимистический взгляд на происходящее, возникает безверие, снижается самооценка» [2, с. 7], что в свою очередь приводит к снижению настроения и появлению отрицательного психоэмоционального фона как субъективной реакции на такую «объективную картину мира».

В соответствии с проведенным анализом научной литературы в рамках данной проблематики авторы пришли к выводу о том, что фейковые новости в СМИ (как правило, наполненные информацией негативного характера), будучи фактором влияния на психическое здоровье российского народа, оказывают

непосредственное влияние на психику различных групп населения. Ибо, как показывает практика, их влияние имеет определенные последствия для психического здоровья.

Какие же это последствия влияния фейковых новостей для психического здоровья? Во-первых, это психофизиологические последствия, связанные с изменениями в психофизиологической сфере человека, к примеру, возникновение целого комплекса отрицательных эмоций возмущения, негодования, злости, фрустрации и раздражения при просмотре новостной ленты западных СМИ о событиях Второй мировой войны, основанных на фальсификации фактов, их умышленном искажении, может вызвать тахикардию (учащенное сердцебиение), реакцию кожных покровов.

Во-вторых, когнитивные последствия, изменяющие базовые знания, мышление человека. В качестве примеров, изменяющих менталитет, можно привести, во-первых, искажение, ложное описание новостей в соответствии с какой-то предвзятой идеей (сознательный отказ от стремления к истинному описанию настоящих событий); во-вторых, преимущество или выбор одних событий и преуменьшение, а то и просто замалчивание других (замалчивание фактов, их игнорирование — это вид умышленной фальсификации).

В-третьих, аффективные последствия, связанные с переживанием отрицательных эмоций, несущих психологическую травму и причиняющих душевную боль. Более того, в некоторых случаях эти эмоции способны разрушить жизнь. В качестве наглядного примера можно привести случай, когда в марте 2017 года в социальных сетях появилась информация о том, что жены военных, погибших на службе, всего лишь пытаются привлечь к себе внимание и получить 15 минут славы [20].

Современные СМИ, как справедливо замечает В.Е. Семенов, «явно и неявно действуют как средство невротизации» психики и стимулируют «агрессивные и порочные импульсы» у населения [1, с. 60]. Так, по мнению В.Е. Семенова, СМИ вносят определенный вклад в «увеличение количества убийств и самоубийств, алкоголизма, даже простого курения, а также нарастания всевозможных

сексуальных аномалий и разнообразных психических нарушений, включая сложные садомазохистские комплексы» [1, с. 60].

В-четвертых, установочные последствия, сопряженные с установками людей и формированием определенных мнений, убеждений, изменений образа мышления в нужном для манипуляторов — создателей фейковых новостей направлении. Как только какая-либо информация распространится в социальных сетях, становится очень трудно изменить мнение людей по этому поводу. Исследования показали, что даже при наличии фактов и доказательств многие люди неохотно меняют свое мнение, когда им предоставляется корректирующая информация, а попытки насильственно исправить неправильные верования и мнения только ухудшают ситуацию. И это действительно так, ведь многие люди даже тогда, когда узнают, что были неправы, отказываются это признавать [20].

Установки так или иначе накладывают отпечаток на наше мировосприятие и его интерпретацию. При этом психическое восприятие становится ригидным, поскольку у людей уже сформировано мнение по принципу первичности информации (согласно известному стереотипу первичности восприятия, гласящему, что первичное впечатление при получении информации кажется наиболее правдивым).

В-пятых, поведенческие последствия, являющиеся следствием измененных установок, что в свою очередь, влечет за собой формирование новых паттернов поведения. Так, например, фейковые новости могут способствовать формированию фактора «выученной беспомощности», которая базируется на личной неспособности принимать решения и осуществлять рациональные действия [21].

Фейковая новость работает на психологию восприятия, как манипуляция, поскольку известно, что фейковые новости оставляют в сознании неприятный осадок даже после того, как проверка фактов проведена и подделка разоблачена [22].

Фейк, создаваемый на основе манипуляции подлинной информацией со смещением акцентов и хронологической последовательности событий, завладевает вниманием порядка 40–50% целевой аудитории, в то время как фейк, строящийся на основе реальной

информации с большой долей выдуманных подробностей влияет на восприятие уже 80% целевой аудитории [23]!

Побочные, латентные эффекты фейковых новостей, оказывающие влияние на психику, по мнению Ю.М. Ершова, оказываются гораздо тяжелее их прямого воздействия, поскольку фейковым новостям «подвержены немногие слишком уж легковверные читатели. Побочный же эффект от фейковых новостей связан с загрязнением информационной среды и поражением базового доверия аудитории в целом к сообщениям СМИ» [24, с. 246].

В целом большая часть российского населения понимает и чувствует негативное влияние СМИ и фейковой информации. Ибо, как показывает проведенный анализ, главной чертой российских СМИ является доминирование негативной информации в отборе материала с активным применением фейковых новостей [25].

Заключение. Резюмируя, важно подчеркнуть, что последствия влияния фейковых новостей на психическое здоровье разнообразны и носят преимущественно негативный характер. Основными последствиями влияния фейковых новостей на психическое здоровье населения являются: психофизиологические, когнитивные, аффективные, установочные, поведенческие последствия.

В силу того, что в современном обществе информация играет важнейшую роль в жизни населения и СМИ таят в себе самый сильный потенциал отрицательного влияния на психику и психическое здоровье российского населения, необходимо уделять серьезное внимание подлинности самой информации. Нужно учитывать, что мобилизационная функция СМИ, помимо поднятия социально-политической активности, должна состоять еще в том, чтобы способствовать решению различных социально-психологических задач, транслировать образцы профилактики психического нездоровья и преодоления духовно-нравственного кризиса, духовно-этической люмпенизации общества. В этой связи российскому (гражданскому) обществу необходимо добиваться принятия Закона о нравственном контроле в сфере СМИ в рамках концепции «Доктрины информационной безопасности».

Литература

1. Семенов В.Е. Влияние современных российских средств массовой информации на нравственно-психическое здоровье людей // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. — 2006. — С. 59–62.
2. Куликов Л.В. Социально-психологические аспекты влияния СМИ на сознание // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. — 2011. — Вып. 1. — С. 3–12.
3. Гафиатулина Н.Х., Рачина А.В., Самыгин С.И. Информационная сетевая среда как фактор влияния на социальное здоровье российской студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2018. — №1. — С. 23–27.
4. Васьков М.А., Ковалев В.В., Гафиатулина Н.Х. Онлайн-образование в высшей школе России: основные акторы институционализации и социальные последствия // Гуманитарий Юга России. — 2020. — Т. 9. — №3. — С. 45–57.
5. Шарков Ф.И., Понеделков А.В., Васьков М.А. О роли политико-административных элит в инновационно-коммуникационном развитии современной России // Коммуникология. — 2019. — Т. 7. — №3. — С. 15–25.
6. Дорофеева В.В. Фейковые новости в современном медиапространстве // Вопросы теории и практики журналистики. — 2019. — Т. 8. — №4. — С. 774–786.
7. Радченко Л.Е. Влияние информации на нравственное, психическое здоровье и воспитание подрастающего поколения // Материалы Афанасьевских чтений. — 2016. — С. 215–223.
8. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., Gafiatulina N. Kh., Gluzman I.V., Polivina M.A., Gnatyuk M.A., Ramazanov R. O. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society // Revista Inclusiones. — 2019. — Vol. 6. — №2. — P. 296–305.
9. Vaskov M., Rezvanov A., Kasyanov V., Samygin S., Gafiatulina N., Zagutin D., Scherbakova L. Value orientations of russian youth in the system of managing the moral security of society (2018) [Electronic resource] // Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts. — 2018. — №2. — P. 134–140. — URL: <http://heraldnamsca.in.ua/index.php/hnamsca/article/view/309>.
10. Словарь компьютерных терминов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://computer.slovaronline.com/1187-FEYK>.
11. Викисловарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/фейк>.
12. The Oxford English Dictionary. — Oxford: Oxford University Press, 1989. — Vol. 20.
13. Суходолов А.П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиапространстве // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты. — 2017. — №1. — С. 87–106.
14. Распопова Е.С., Богдан Е.Н. Фейковые новости: природа происхождения // Вестник Челябинского государственного университета. — 2017. — Вып. 109. — С. 48–53.
15. Колбанов В.В. Валеология: основные понятия, термины и определения. — СПб., 2010. — 256 с.
16. Шувалов А.В. Психологическое здоровье человека // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. — 2009. — Вып. 4 (15). — С. 87–101.
17. Денисова Е.А., Кузьмичев С.А., Чапала Т.В., Мальшева И.В. Психология здоровья: электронное научное издание. — Тольятти, 2017. — 107 с.
18. Абакумова И.В., Мирошниченко А.В., Дмитриев Ю.Ю. Экспресс-диагностика социальной напряженности, агрессивности, враждебности пользователей интернет в контексте предупреждения и противодействия терроризма // Казанский педагогический журнал. — 2015. — №6-3 (113). — С. 167–170.
19. Miroshnichenko A.V. Psychological studies of information culture and peculiarities of value-value sphere among students working with information technologies // North-Caucasian Psychological Journal. — 2009. — №3. — P. 38.
20. Как фейковые новости влияют на нашу повседневную жизнь? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://fb.ru/post/psychology/2017/7/3/14656>.
21. Мирошниченко А.В., Алексеенко И.Н., Гаглоева Э.Н. Использование инновационных и дистанционных технологий в учебном процессе высшей школы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехни-

ческого института). Серия: Социально-экономические науки. — 2020. — Т. 13. — №4. — С. 22–30.

22. Гафиатулина Н.Х., Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии Covid-19. Монография. — Москва, 2020.

23. Красовская Н. Жизнь в эпоху постправды [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.pravda.ru/science/1473851-feik_seti/.

24. Еришов Ю.М. Феномен фейка в контексте коммуникационных практик // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — №52. — С. 245–256.

25. Ольховский К.А., Сулонов П.Е. Фейк в информационном дискурсе // Инновационный потенциал молодежи: социальная, экологическая и экономическая устойчивость. — 2018. — С. 199–202.

References

1. Semenov V.E. Vlijanie sovremennyh rossijskih sredstv massovoj informacii na npravstvenno-psihicheskoe zdorov'e ljudej [Influence of modern Russian mass media on moral and mental health of people] // Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ih reshenija [Health — the basis of human potential: problems and ways of their solution]. — 2006. — Pp. 59–62.

2. Kulikov L.V. Social'no-psihologicheskie aspekty vlijaniya SMI na soznanie [Sociopsychological aspects of the influence of mass media on consciousness] // Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Ser. 12. — 2011. — Issue 1. — Pp. 3–12.

3. Gafiatulina N.H., Rachipa A.V., Samygin S.I. Informacionnaja setevaja sreda kak faktor vlijaniya na social'noe zdorov'e rossijskoj studencheskoj molodezhi [Information network environment as a factor of influence on the social health of russian student youth] // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]. — 2018. — №1. — Pp. 23–27.

4. Vas'kov M. A., Kovalev V.V., Gafiatulina N.H. Onlajn-obrazovanie v vysshej shkole Rossii: osnovnye aktory institucionalizacii i social'nye posledstvija [Online education in the

higher school of Russia: the main actors of institutionalization and social consequences] // Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]. — 2020. — Vol. 9. — №3. — Pp. 45–57.

5. Sharkov F.I., Ponedelkov A.V., Vas'kov M.A. O roli politiko-administrativnyh elit v innovacionno-kommunikacionnom razvitii sovremennoj Rossii [On the role of political and administrative elites in the innovation and communication development of modern Russia] // Kommunikologija. — 2019. — Vol. 7. — №3. — Pp. 15–25.

6. Dorofeeva V.V. Fejkovye novosti v sovremennom mediaprostranstve [Fake news in the modern media space] // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Questions of theory and practice of journalism]. — 2019. — Vol. 8. — №4. — Pp. 774–786.

7. Radchenko L.E. Vlijanie informacii na npravstvennoe, psihicheskoe zdorov'e i vospitanie podrastajushhego pokolenija [Influence of information on moral, mental health and education of the younger generation] // Materialy Afanas'evskih chtenij [Materials of the Afanasiev's readings]. — 2016. — Pp. 215–223.

8. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., Gafiatulina N. Kh., Gluzman I.V., Polivina M.A., Gnatyuk M.A., Ramazanov R.O. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society // Revista Inclusiones. — 2019. — Vol. 6. — №2. — P. 296–305.

9. Vaskov M., Rezvanov A., Kasyanov V., Samygin S., Gafiatulina N., Zagutin D., Scherbakova L. Value orientations of russian youth in the system of managing the moral security of society (2018) [Electronic resource] // Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts. — 2018. — №2. — P. 134–140. — URL: <http://heraldnamsca.in.ua/index.php/hnamsca/article/view/309>.

10. Slovar' komp'juternyh terminov [Dictionary of computer terms] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://computer.slovaronline.com/1187-FEYK>.

11. Vikislovar' [Wiktionary] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/fejk>.

12. The Oxford English Dictionary. — Oxford: Oxford University Press, 1989. — Vol. 20.

13. Suhodolov A.P. Fenomen «fejkovyh novostej» v sovremennom mediaprostranstve

[The phenomenon of «fake news» in the modern media space] // *Evroaziatskoe sotrudnichestvo: gumanitarnye aspekty* [Eurasian cooperation: humanitarian aspects]. — 2017. — №1. — Pp. 87–106.

14. *Raspopova E. S., Bogdan E. N.* Fejkovye novosti: priroda proishozhdenija [Fake news: nature of origin] // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. — 2017. — Issue 109. — Pp. 48–53.

15. *Kolbanov V. V.* Valeologija: osnovnye ponjatija, terminy i opredelenija [Valeology: basic concepts, terminology and definitions]. — Saint-Petersburg, 2010. — 256 p.

16. *Shuvalov A. V.* Psihologicheskoe zdorov'e cheloveka [Psychological health of a person] // *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities]. — 2009. — Issue 4 (15). — Pp. 87–101.

17. *Denisova E. A., Kuz'michev S. A., Chapala T. V., Malysheva I. V.* Psihologija zdorov'ja: jelektronnoe nauchnoe izdanie [Psychology of health: electronic scientific publication]. — Tol'jatti, 2017. — 107 p.

18. *Abakumova I. V., Miroshnichenko A. V., Dmitriev Ju. Ju.* Jekspress-diagnostika social'noj naprjazhennosti, agressivnosti, vrazhdebnosti pol'zovatelej internet v kontekste preduprezhdenija i protivodejstvija terrorizma [Express-diagnostics of social tension, aggressiveness, hostility of Internet users in the context of prevention and counteraction of terrorism] // *Kazanskij pedagogičeskij zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal]. — 2015. — №6-3 (113). — Pp. 167–170.

19. *Miroshnichenko A. V.* Psychological studies of information culture and peculiarities of value-value sphere among students working with information technologies // *North-Caucasian Psychological Journal*. — 2009. — №3. — P. 38.

20. *Kak fejkovye novosti vlijajut na nashu povsednevnuju zhizn'?* [How does fake news affect our daily lives?] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://fb.ru/post/psychology/2017/7/3/14656>.

21. *Miroshnichenko A. V., Alekseenko I. N., Gagloeva Je. N.* Ispol'zovanie innovacionnyh i distancionnyh tehnologij v uchebnom processe vysshej shkoly [The use of innovative and remote technologies in the educational process of higher education] // *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* (Novocherkasskogo politehničeskogo instituta). Serija: Social'no-jekonomičeskije nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). Series: Social and economic sciences]. — 2020. — Vol. 13. — №4. — Pp. 22–30.

22. *Gafiatulina N. H., Kas'janov V. V., Samygin P. S., Samygin S. I.* Rossijskoe obshhestvo v uslovijah samoizoljicii. Social'nye jeffekty i posledstvija pandemii Covid-19. Monografija [Russian society in the conditions of self-isolation. Social effects and consequences of the Covid-19 pandemic. Monograph]. — Moscow, 2020.

23. *Krasovskaja N.* Zhizn' v jepohu postpravdy [Life in the post-truth era] [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.pravda.ru/science/1473851-feik_seti/.

24. *Ershov Ju. M.* Fenomen fejka v kontekste kommunikacionnyh praktik [The phenomenon of fake in the context of communication practices] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University]. — 2018. — №52. — Pp. 245–256.

25. *Ol'hovskij K. A., Suslonov P. E.* Fejk v informacionnom diskurse [Fake in information discourse] // *Innovacionnyj potencial molodezhi: social'naja, jekologičeskaja i jekonomičeskaja ustojchivost'* [Innovative potential of youth: social, environmental and economic sustainability]. — 2018. — Pp. 199–202.

Васьков Максим Александрович — доктор социологических наук, профессор АПП, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории теории и практики образования и развития лиц с особыми образовательными потребностями Южного Федерального университета.

Vaskov Maksim Aleksandrovich — Doctor of Sociological Sciences, Professor of APP, Chief Researcher of the Research Laboratory of Theory and Practice of Education and Development of Persons with Special Educational Needs, South Federal University.

344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Нагибина, 13
13 Nagibina st., 344038, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: mavaskov@sfedu.ru

Мирошниченко Александр Владимирович — кандидат психологических наук, заведующий кафедрой общей и педагогической психологии Южного Федерального университета.

Miroshnichenko Aleksandr Vladimirovich — Candidate of Psychological Sciences, Head of the Department of General and Educational Psychology, Southern Federal University.

344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Нагибина, 13
13 Nagibina st., 344038, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: akmrgu@mail.ru

Поливина Марина Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Армавирского механико-технологического института (филиала) Кубанского государственного технологического университета.

Polivina Marina Anatolyevna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, Armavir Institute of Mechanics and Technology (branch) of Kuban State Technological University.

352905, г. Армавир, ул. Кирова, 127
127 Kirova st., 352905, Armavir, Russia
E-mail: marina_polivina@mail.ru

УДК 1:3

10.17213/2075-2067-2020-6-254-263

ДЕТЕРМИНАНТЫ И САМОДЕТЕРМИНАНТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2020 г. М. Л. Крольман*, Е. С. Косарева**, С. А. Дементьев***

**Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Ростовский юридический институт МВД России, г. Ростов-на-Дону, Россия*

****Южно-Российский гуманитарный институт, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью статьи является социально-философская рефлексия детерминат и самодетерминат общественной жизни в российском обществе на основе социально-философской саморефлексии.

Методология исследования. В работе предлагается «неомарксистский» вариант социального детерминизма, в котором общественное сознание является практическим, складывается из отношений, которые поддерживает социальный класс с другими группами.

Результаты исследования. Введение в исследовательский дискурс и детерминант, и самодетерминант общественной жизни согласно позиции автора означает сохранение традиции социального детерминизма, несмотря на деконструктивизм социального постмодерна. Сложность исследовательской ситуации состоит в том, что в концептуальном самодвижении требуется выработать позицию взаимообусловленности, взаимозависимости общественной жизни на основе определения детерминант как объективированных результатов деятельности людей, а самодетерминант — как субъектного выбора моделей социального действия в рамках возможностей, трактуемых, как детерминанты общественной жизни. Авторы приходят к выводу, что на современном этапе в российском обществе отмечается возникновение новых связей и отношений как следствие информационной и индивидной революции в общественной жизни.

Перспективы исследования. Важным выводом можно считать введение в социально-философский дискурс детерминант и самодетерминант общественной жизни, и этот концепт может быть использован в дальнейших социально-философских исследованиях.

Ключевые слова: общественная жизнь; детерминанты и самодетерминанты; российское общество; совместная деятельность; модели социального действия.

DETERMINANTS AND SELF-DETERMINANTS OF PUBLIC LIFE IN RUSSIAN SOCIETY

© 2020 M. L. Krolman*, E. S. Kosareva**, S. A. Dementiev***

**Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

***Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia*

****South Russian Humanitarian Institute, Rostov-on-Don, Russia*

The purpose of the article is a socio-philosophical reflection of the determinants and self-determinates of social life in Russian society based on socio-philosophical self-reflection.

Research methodology. *The paper suggests a «neo-marxist» version of social determinism, in which social consciousness is practical and consists of the relations that a social class maintains with other groups.*

Research result. *Introduction to the research discourse of both determinants and self-determinants of social life according to the author's position means preserving the tradition of social determinism, despite the deconstructivism of social postmodernism. Research the complexity of the situation is that in the concept-movement is required to develop a position of interdependence, of vzaimozavisimost public life based on the definition of the determinant of the objectified results of human activity, and semideterminate — as the subject-choice models of social action within the possibilities that are treated as determinants of social life. The authors come to the conclusion that at the present stage in Russian society there is the emergence of new ties and relations, as a consequence of the information and individual revolution in public life.*

Prospects of the study. *An important conclusion can be considered the introduction of determinants and self-determinants of social life into the socio-philosophical discourse, and this concept can be used in further socio-philosophical research.*

Key words: *social life; determinants and self-determinants; Russian society; joint activity; models of social action.*

Актуальность. Российский социальный исследователь Ж. Т. Тощенко характеризует оценку состояния и тенденций общественной жизни в российском обществе как парадоксальную [10]. Согласно его позиции «разговор о парадоксе» обрел социально-практическое звучание, так как наблюдаемые абберации массового сознания сложно свести только к субъективному фактору. Реально мы являемся свидетелями социальной текучести и социальной турбулентности в рамках общественной жизни. Здесь нельзя ограничиться образными высказываниями: феномен общественной жизни многослоен, и под ним содержится противоречивость оценок и прогнозов, связанных с выбором теоретико-методологических подходов исследования. Но проблема состоит не только и не столько в этом. Общественная жизнь в российском обществе «парадоксальна», парадоксальность проявляется в поведении людей в социальных практиках, но, рассматривая конкретные формы парадоксов, нельзя надеяться на то, что найдена ключевая формула социально-философской рефлексии общественного развития. Например, относясь критически к ленинской формулировке общественного сознания как отражения общественного бытия, мы попадаем в достаточно противоречивую ситуацию «неожиданности

при анализе общественной жизни». Призыв разобраться с теоретико-методологическими основами парадоксальности в социальных феноменах является верным, но не содержит однозначных критериев оценки аналитической, объяснительной и прогностической способностей конкретных концептуальных схем.

Стало модным утверждать, что мы живем в эпоху позднего модерна или постмодерна, и общественная жизнь является «анахронизмом» социального модерна, что в контексте индивидуализации, атомизации, эксклюзии, расцвета «тусовочности» невозможно заявлять претензии на исследование общественного сознания по универсальным теоретическим принципам. Постмодерн «исчез» из поля теоретического интереса, перестал быть концепцией «парадигмального характера», но реально социальная мысль вынуждена признать, что мы живем в эпоху конца больших повествований, и цели социально-гуманитарного знания ограничиваются пределами теоретического допущения и ограничения.

В этом смысловом контексте общественная жизнь может восприниматься «сборочно», быть агрегатом разнонаправленных противоречивых явлений и выполнять роль рамочной схемы. Другими словами, для исследователя важным становится не позитив-

ное, претендующее на полноту понятия, а негативное, определяющее то, что не относится к сфере общественной жизни как социальной повседневности.

Таким образом, получается, что социально-гуманитарная мысль отстает от реальностей общественной жизни, и определенные в постмодерне понятия «нарративности», «смысловой неразрешимости», «релевантности» не могут служить ориентиром для исследования общественной жизни в российском обществе, содержат скептицизм, приводящий к социальной агностике, но соответственно постулируют гетерогенность, неоднородность общественного сознания и общественного поведения в качестве подступа к решению исследовательских проблем. По своей сути, постмодернизм является «провоцирующим», так как создает ситуации фрагментации общественной жизни, конструирует предпосылки отказа от исследования детерминант и самодетерминант его развития.

Это означало бы уход от научности и объективности, от языка, фиксирующего константы общественной жизни, и ставило бы под сомнение полезность социально-гуманитарного знания в качестве не только «интеллектуальной игры», но и формы социального самопознания. Социально-философская мысль пережила кризис самоопределения, так как в условиях ухода от марксистской детерминистской концепции признания принципов многомерности и междисциплинарности привели к «невыносимости» множества определений. Попытки выработать более или менее внятную социальную эпистемологию через признание типов контекстуализма сделали ясным, что социально-философская рефлексия ставит другие вопросы, связанные с различением философской проблематизации и социально-практических контекстов [8].

Иначе говоря, общественная жизнь является предметом социально-философской рефлексии при допущении его рассмотрения концептуально, на основе принятия теоретического выбора и уверенности в том, что исследование обладает прогностикой, является типологизацией по схеме инвариантности социальных событий и фактов. Общественная жизнь в российском обществе действительно может показаться гибридной, аморфной и па-

радоксальной, но, не имея принципиальных возражений против использования данных понятий, нужно принять за исходное детерминанты общественной жизни как определение взаимообусловленности явлений социальной жизни.

Актуально применительно к общественной жизни подчеркнуть установку на разграничения социоприродных и социальных процессов на понимание недопустимости естественнонаучных проекций и осознание методологической трудности, возникающей из классификации объективных и субъективных факторов общественной жизни. Понимание общественной жизни в качестве продукта деятельности людей делает возможным рефлексия социокультурных реальностей, которая проявляется и в восприятии социальной действительности, и в выборе конкретных социальных стратегий.

Методология. Из вышесказанного ясно: признавая обоснованность «недостаточности» объективизма и понимания того факта, что в современном мире не действуют правила «железных законов», ясно также и то, что социально-философская мысль не является конструктивной и плодотворной, если становится жертвой концептуального произвола. Следует подчеркнуть: уязвимость постмодернизма и состоит в том, что предлагается отказаться от концептуализации общественного сознания.

Не претендуя на теоретический ревайализм, связанный с возвратом к социальному детерминизму, мы не можем не сформулировать ситуацию следующим образом: раскрыв механизмы социально-философской детерминации, немецкий мыслитель К. Маркс подверг критике иллюзорно-сверхисторическую позицию [5]. Обоснование неприемлемости создания социально метафизических схем означало поиск социально-философских универсальностей, работающих в реальном измерении общественного сознания. Существенно новым было понимание социально-философских проблем не как проблем чисто философского сознания, а проблем практического смысла, связанного с социальной жизнедеятельностью людей.

Но здесь следует отметить, что марксистский подход упустил поворот к субъ-

ективизму: позиция философского радикализма, критика и ниспровержение иных социально-философских теорий привели марксизм к состоянию «тупикового одиночества» и превращения со временем в мертвую идеологическую схему. Интеллектуальная и культурная история Европы, как пишет Ф. Тернер, в этом отношении сохраняла традицию отражать внешнюю реальность [9], поэтому необходимо принять исходным поворот к субъективизму, к тому, что общественная жизнь является продуктом общественного опыта, чувственных впечатлений, и при согласии с И. Кантом о роли человеческого разума в организации общественного сознания возникает возможность обрести уверенность в социальном самопознании, реализации субъективной свободы в концептуальном выборе.

Однако, это не означает, что общественное сознание «конструируется» спонтанно, что детерминанты общественного сознания есть только дань сциентизму. Восприятие общественного сознания требует личной свободы исследователя, нахождения вне влияния неоспоримых законов и осознания социальной предопределенности. Так как общественное сознание — это результат социальной деятельности, основанной на взаимообусловленности социальных явлений, логически последовательным шагом можно считать композиментарность детерминант и самодетерминант общественного сознания.

В российской социально-философской теории до сих пор схематично конкурирует объективистский и субъективистский (социально-конструктивистский) подходы, и, не ориентируясь на сравнительный культурно-исторический анализ, нужно принимать такое деление как условное.

Позиции объективистов не совпадают полностью с отстаиванием марксистского детерминизма, а включают принятие других детерминант общественного сознания внеэкономического характера (фактор этатизма, исторического наследия, геополитической специфики). С другой стороны, субъективистов нельзя безоговорочно относить к конструктивизму. Для исследователей обоих направлений свойственно стремление занять позицию «золотой середины», рассматривать общественное сознание с учетом обоих фак-

торов, но при этом делать акцент на доминанту детерминизма или самодетерминизма.

Эта ситуация определяется осознанием ограниченности одностороннего универсализма, влиянием поворота к субъективизму, принятием неклассической философской методологии. Относительно марксистского детерминизма исследователи Э. Бальбар и И. Валерстайн писали «о Марксе за пределами Маркса» [2]. Признавая двусмысленность положения о зависимости общественного сознания от экономики, ученые делали акцент на характере социально-трудовых отношений, на исследовании институтов собственности и политической жизни. Результатом является «перманентная диалектика» практик и мыслей.

Таким образом, предлагается «неомарксистский» вариант социального детерминизма. В нем общественное сознание является практическим, складывается из отношений, которые поддерживает социальный класс с другими группами, но не в качестве обособленного внутриинституциональной системы, а социального субъекта, позиционирующего собственные социальные интересы и установки и через них воспринимающего общественные явления. Общественное сознание является конструктом социального позиционирования и социального восприятия. Такой подход позволяет отказаться от сверхдетерминированной диалектики и становится конструктом социальной деятельности.

В российской социально-философской мысли идеи Э. Балибара и Э. Валерстайна не получили развития, так как, вероятно, сложилась ситуация теоретической нетерпимости, в которой трудно было отстаивать позицию уверенности и избежать обвинения в ревизионизме. Общественное сознание «идеологизировалось», внимание стало уделяться, с одной стороны, у объективистов схемам исторической непреложности, цивилизационной специфики России, с другой — опологии философского либерализма, в которой детерминанты общественного сознания рассматривались сверхкритически, как фантомы, возрождающие традицию сверхчувственного общественного бытия.

Результаты исследования. В постсоветской школе критического марксизма основной

является мысль о том, что о структуре социума аргументируется известное ранее положение о периодизации общественного развития более сложное, чем сталинская «пятичленка» [3]. Важным является акцент на исследование противоречий пределов и объективно возможных путей снятия капитализма как «царства экономической необходимости». Выражая отношение к объективированным закономерностям как внешнему проявлению социальности, критические марксисты определяют свою исследовательскую задачу в качестве гуманизации общественной жизни, утверждая, что марксизм не является учением о железных закономерностях и за ним есть будущее, в котором аутентичное рассмотрение марксизма содержит последствием путь в свободу человека.

Таким образом, критический марксизм, пытаясь сохранить гуманистический преобразовательный пафос в учении, характеризует объективные закономерности как свободу личности в познании общественной необходимости. Другими словами, марксистская теория описывается как сохраняющая эвристический и объяснительный потенциал в познании детерминант общественного развития, которые являются объективными, так как определяются совокупностью социальных факторов и условий, создаваемых коллективным человеком, обществом.

Это положение можно рассматривать как воспроизводство традиций детерминизма, с той поправкой, что детерминизм общественного развития является результатом сознательной жизни людей. Самодетерминанты общественной жизни проявляются в следующем: из вариаций объективных условий индивиды выбирают то, что они могут присвоить и актуализировать. По такой классификации к самодетерминантам общественной жизни и общественного сознания относятся социальное позиционирование индивидов и определяемый осознанием своих позиций, оценкой жизненных шансов выбор индивидов. В результате доминирующими являются объективные закономерности, так как, повторяя известную мысль Маркса, критические марксисты говорят, что индивид не волен распоряжаться как угодно, а действует в условиях сложившихся социальных обстоятельств.

Обновленность марксистских позиций в провозглашенном подходе заключается в том, что российское общество, представляя сложную систему взаимосвязанных параметров, развивается по логике детерминант и самодетерминант, и можно говорить о переменности тенденций развития в зависимости от того, выступают ли на первое место объективные закономерности детерминанты или общественное развитие испытывает влияние самодетерминант, субъективного фактора, автономности от внешних обстоятельств.

Представленная трактовка социального развития российского общества позволяет сделать некоторые выводы о том, что в нынешнем российском обществе не действуют детерминанты рынка как господствующей системы. В большей степени работает конструкция нерыночных механизмов, сращенности власти и бизнеса, где не проявляется в чистом виде схема рыночных отношений, а детерминирующим фактором можно считать результаты властного (политического) влияния.

Трактовка российского общества как гибридного, переходного, связана с тем, что определяется неоднозначность детерминант, их проявление в специфическом виде, не имеющем нормативного аналога. Определить детерминанты общественной жизни и общественного сознания можно только учитывая парадоксальное противоречивое переплетение социальных обстоятельств. В общей форме ответ сводится к следующему: естественное развитие экономики до уровня онаучивания приводит к исключению вариантов жесткого детерминизма, социального фатализма, ставит преграду волевым (волеаристским) политическим решениям. Можно говорить о том, что критический марксизм, пытаясь доказать, что марксизм является единственно верной схемой развития российского общества, так как основывается на социальном познании экономики и занятого в ней индивида, содержит мощный потенциал познания и преобразования, поскольку избегает индетерминизма и, как следствие, погружение общества в социальный хаос.

Здесь уместно отметить, что критические марксисты признают теоретические трудности, связанные с переинтерпретацией марксистского наследия применительно к России. Повторя известное положение о том,

что советский социализм был результатом бюрократизации системы, абберации общественного сознания, которая представлялась эпифеноменом общественного бытия, авторы призывают рассматривать процесс возрастания духовного производства как самодетерминанты общественной жизни и общественного сознания. Согласно этому положению, которое подтверждается научно-технической и информационной революциями, можно говорить о новом детерминизме, «овердетерминизме», когда общественная жизнь и общественное сознание «неразделимы», проявляются как целостность общественного развития. Общественная жизнь становится сознательной, онаученной, в то время как общественное сознание содержит импульсы к практическому преобразованию общественной жизни в контексте интеллектуализации экономической деятельности, интеллектуального капитала индивида.

Ясно, что критические марксисты исходят из концепции желаемого будущего российского общества, из признания детерминизма как социальной разумности, проявляемой и в логике развития экономики, и во взглядах и настроениях людей. Естественно, что характеризует критический марксизм — это замыкание пределов социально-философской рефлексии в экономике и политике, где они основываются на пересмотрении известных положений марксизма о классах, диктатуре пролетариата, экономических отношениях. Детерминанты и самодетерминанты общественной жизни и общественного сознания описываются как факторы вне сферы социальной повседневности. Таким образом, утверждается, что российское общество нуждается в обновленном марксизме.

В работах П. В. Алексеева, посвященных социальной философии, утверждается следующее: экономический детерминизм пережил себя, так как мысль о том, что всякое явление в жизни человеческого общества должно объясняться условиями производства, ошибочна [1]. Экономический детерминизм — это крупнейшее направление в социальной философии, и нельзя его отождествлять в целом с марксизмом. Такой характер исследования только осложняет разграничение детерминант и самодетерминант общественной жизни и общественного сознания. Важно со-

хранить деление между базисом и надстройкой, общественной жизнью и общественным сознанием, чтобы определить не только их соотношение как факторов общественного развития, но и найти основания для роли человека как подлинной движущей силы истории. П. В. Алексеев соглашается с А. И. Ракитовым в том, что развитие общества во всей эпохе и при всех обстоятельствах в конечном счете определяется способом жизнедеятельности, производством материальных благ, типом культуры, состоянием сознания и самосознания, историческими решениями человека, наконец, типом общественных отношений и взаимодействий [7]. В данном отношении детерминанты и самодетерминанты общественного развития не содержат выделения главного фактора, признается, что верна теория факторов. Однако, современная социальная мысль ушла от подобной позиции, так как для социального самопознания важным является и признание того, что общественное развитие закономерно, но и вместе с тем деятельность людей, через которую осуществляется закономерность, есть форма самодвижения, где проявляется диапазон действий и возникают точки бифуркации. В зависимости от того, какой фактор становится значимым, социальное развитие, социальные изменения не попадают под логику объективных обстоятельств, являются выбором человеком одной из альтернатив общественного развития.

В социально-философском познании действуют три модуса: 1) объективный, который характеризует научную обоснованность выдвинутых положений; 2) субъективный, характеризующий человека как субъекта деятельности; 3) прогностический, связанный со сценарием будущего, логикой общественного развития. Детерминанты и самодетерминанты общественного развития основываются на самопознании, саморефлексии наиболее общих представлений гуманитарного знания. Основным смыслом разграничения детерминант и самодетерминант выражается в том, что предлагается системный анализ общественной жизни и общественного развития. В таком контексте детерминанты общественного развития в российском обществе связаны с социально-экономическими трансформациями, изменениями в социальной структуре общества,

новыми общественными группами и слоями. Очевидно, что известный закон марксизма о соотношении производительных сил и производственных отношений, так же как и схема социально-классовой борьбы, не проявляется полно, не может быть монополярной формой социально-философского самопознания.

В российском обществе результатом социальных трансформаций стали размывание социальной структуры, формирование промежуточных нестабильных социальных групп, неопределенность социальных интересов и отсутствие интегрирующих социальных взаимодействий. Детерминанты общественного развития по традиции относятся к сфере социально-экономических отношений. Самодетерминанты определяются как сфера социальной автономности, как логика присоединения или логика эксклюзии по отношению к господствующему классу. Однако, нельзя увлекаться современными зарубежными теориями по той причине, что в них содержится не действующая объяснительно-схематическая самодетерминант (детерминанты игнорируются только как свойства классической социальной философии).

Выражением этого становится построение множественности социальных теорий, которые связаны с моделированием закономерностей, стремлением соединить социально-философский рефлексивный подход с выработкой ценностных ориентиров, в результате на «выходе» возникает ситуация неопределенности и решения теоретической проблемы в расширении критериев детерминант и самодетерминант общественного развития. В российском обществе неизбежно встает вопрос о том, что социальное развитие должно содержать целью решение социальных противоречий, использование наиболее развитых форм товарной экономики и создание креатосферы (сферы социального творчества, культуры и искусства) как детерминант общественного развития.

Можно возразить по поводу того, что в этом контексте социальная философия превращается в социальное проектирование, и вместе с тем после этих замечаний не следует думать, будто есть необходимость по-новому формировать детерминистическую сферу общественного развития. В конечном счете, адекватное понимание детерминант

и самодетерминант общественного развития возникает при ситуации социальных альтернатив, когда собственно человек как субъект деятельности становится основным звеном общественного развития.

Данное состояние возникает не вследствие экономического автоматизма, а является преследованием идеальных целей лучшего общественного устройства. Иначе говоря, общество становится сферой самодетерминации по мере того, как ощущается более свободный социальный выбор. Детерминанты общественного развития воспроизводят «вынужденность», зависимость от социальных обстоятельств, но их осознание и понимание необходимо для того, чтобы не переступать пределы социально-разумного, не подвигать общество на недостижимые цели и формировать запрос на сбалансированный социальный выбор.

Самодетерминанты являются отражением гуманистического сдвига в социально-философской мысли, пониманием того, что факты, относящиеся к обществу, и социальные явления вообще следует объяснять исключительно на базе фактов об индивидах, результатах их решений. Вместе с тем не следует удовлетворяться объяснениями в духе методологического индивидуализма, допускать то, что можно смириться с незаконченными или половинчатыми объяснениями масштабных социальных явлений [4].

В социально-философском познании детерминант и самодетерминант общественного развития необходимо руководствоваться широкими социальными перспективами, описывать логику социальных трансформаций и новые реальности общественной жизни и общественного сознания. Нетрудно увидеть, что в российском обществе социальные взаимодействия носят позиционно-практический характер, что общественное развитие есть результат зависимости от наличных ситуаций и желаемого образа будущего. В системе методологического индивидуализма эти обобщения не могут быть описаны, так как отрицают коллективного социального субъекта и рассматривают в описании закономерности развития как плохую социальную предопределенность, отнимающую активность индивида. Таким образом, будучи стержнем общественного развития, стимулом струк-

турных и социально-психологических сдвигов, они образуют мощный контрфактор иррационалистическим тенденциям в общественном сознании [6].

Центральным вопросом социального детерминизма по традиции остается трактовка взаимодействия общества и природы, но такой взгляд слабо выражает специфику социальных процессов, хотя подчеркивает значение деятельности людей, сложность вопроса о социальных детерминантах, воспроизводит представление о законах общества по образцу естественнонаучных законов.

Десциентизация детерминистской теории в социально-философской мысли является сложным процессом, так как может привести к тупикам постмодернизма. Но нет альтернативы сохранению принципа детерминизма в общественном развитии, так как, несмотря на модность теорий типа синергетики, они испытывают взлеты и падения, а изучение детерминант и самодетерминант в общественном развитии российского общества является ответом на запрос, «в каком обществе мы живем и куда мы движемся». Чтобы не удовольствоваться суждением об «ускользающей» социальности, выдвижение на первый план детерминант и самодетерминант общественного развития связано с признанием многомерности общественно-взаимодействия и содержит гарантию невозврата к концептам «монофакторности». Современная «индивидуальная» революция определяет понимание детерминант и самодетерминант общественной жизни в единстве многообразных социальных значений.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что актуализируемая тема является индикатором новых подходов в социально-философской мысли. Сохраняя традицию детерминизма в рефлексии социальных явлений и процессов, следует принимать во внимание новые социальные реальности (индивидуальную, информационную, экологическую «революции»). Если социальная философия возвращается к сциентским проекциям, строит схемы детерминизма по аналогии с естественнонаучными, результатом является разрыв с процессностью и многомерностью общественной жизни.

Поэтому важным выводом можно считать введение в социально-философский дискурс детерминант и самодетерминант общественной жизни, отмечая, что для социальной философии важна не природная материя, не вещьественность, а формы и связи человеческой деятельности, детерминанты общественной жизни определяют совокупность социальных обстоятельств, которые люди в процессе своей деятельности воспринимают как готовые, сложившиеся, имеющие характер стабильных факторов. Под детерминизмом понимают сумму связей, систему отношений, имеющих состояние объективированности, взаимообусловленности с целью зафиксировать определенные закономерности общественной жизни. В традиционной философской мысли детерминанты ассоциировались с экономическими факторами, современное толкование детерминант общественной жизни определяется логикой совместной деятельности людей, включает интеллектуальное, духовное производство. В рамках субъектно-деятельностной концепции значимым становится соотношение детерминант и самодетерминант общественной жизни как связей и отношений, включающих измерение возможностей людей для социальной самореализации на основе субъективного выбора, субъективных самооценок, и, таким образом, можно говорить о «перевертывании» характера зависимости между общественной жизнью и общественным сознанием. Общественная жизнь теряет жесткие границы структурности и приобретает характер субъективно направленного действия. Общественное сознание становится самодетерминантой, движущей силой общественной жизни при условии ее интеллектуализации, онаученности как свидетельства усложнения форм социальной жизни и, с другой стороны, возрастающей способности людей поддержать собственные границы, формируя ответственных за свои действия социальных субъектов, рассматривающих детерминанты и самодетерминанты общественной жизни в качестве различных моделей общественной деятельности.

В российском обществе актуальной является проблема преодоления детерминизма «железных законов истории», и вместе с тем нельзя не признать, что альтернатива в виде методологического индивидуализ-

ма и запрета на осмысление социальной перспективности на основе детерминант и самодетерминант общественной жизни не может считаться безупречной в контексте запроса российского общества на социальное самосознание.

Литература

1. *Алексеев П. В.* Философы России начала XXI столетия: Биографии, идеи, труды. Энциклопедический словарь. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 695 с.

2. *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности [Пер. И. Глушенко и др.]. — М.: Логос-Альтера: Esse homo, 2003. — 267 с.

3. *Бузгалин А. В.* «Постиндустриальное общество» — тупиковая ветвь социального развития? // Экология и жизнь. — 2003. — №4. — С. 16–19.

4. *Бхаскар Р.* Общества // Социо-Логос: Пер. с англ., нем., франц. / Сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. — М.: Прогресс, 1991. — 233 с.

5. *Кемеров К. Е., Тиримов К. Х.* Хрестоматия по социальной философии. — М.: Академический Проект, 2001. — 571 с.

6. *Назаретян А. П.* Технология и психология: к концепции эволюционных кризисов // Общественные науки и современность. — 1993. — №3. — С. 82–93.

7. *Ракитов А. И.* Философия компьютерной революции. — М.: Политиздат, 1991. — 287 с.

8. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И. Т. Касавина. — М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010. — 712 с.

9. *Тернер Ф.* Европейская интеллектуальная история от Руссо до Ницше / Под ред. Р. Лофтхауса; пер. с англ. Т. О. Новиковой. — М.: Кучково поле, 2016. — 384 с.

10. *Тощенко Ж. Т.* Парадоксальный человек. — М.: Гардарики, 2001. — 398 с.

References

1. *Alekseev P. V.* *Filosofy Rossii nachala XXI stoletija: Biografii, idei, trudy. Jenciklopedicheskiy slovar'* [Philosophers of Russia at the beginning of the XXI century: Biographies, ideas, works. Encyclopedia]. — Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSP-JeN), 2009. — 695 p.

2. *Balibar Je., Vallerstajin I.* *Rasa, nacija, klass. Dvusmyslennye identichnosti* [Race, nation, class. Ambiguous identities]. — Moscow: Logos-Al'tera: Esse homo, 2003. — 267 p.

3. *Buzgalin A. V.* «Postindustrial'noe obshchestvo» — tupikovaja vetv' social'nogo razvitija? [«Post-industrial society» — a dead end branch of social development?] // *Jekologija i zhizn'* [Ecology and life]. — 2003. — №4. — Pp. 16–19.

4. *Bhaskar R.* *Obshhestva* [Society] // *Socio-Logos* / In V. V. Vinokurov, A. F. Filippov (eds.). — Moscow: Progress, 1991. — 233 p.

5. *Kemerov K. E., Tirimov K. H.* *Hrestomatija po social'noj filosofii* [Readings in social philosophy]. — Moscow: Akademicheskij Proekt, 2001. — 571 p.

6. *Nazaretjan A. P.* *Tehnologija i psihologija: k koncepcii jevoljucionnyh krizisov* [Technology and psychology: on the concept of evolutionary crises] // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity]. — 1993. — №3. — Pp. 82–93.

7. *Rakitov A. I.* *Filosofija komp'yuternoj revoljucii* [Philosophy of the computer revolution]. — Moscow: Politizdat, 1991. — 287 p.

8. *Social'naja jepistemologija: idei, metody, programmy* [Social epistemology: ideas, methods, programs] / In I. T. Kasavin (eds.). — Moscow: «Kanon+», ROOI «Reabilitacija», 2010. — 712 p.

9. *Terner F.* *Evropejskaja intellektual'naja istorija ot Russo do Nicshe* [European intellectual history from Russo to Nietzsche] / In R. Lofthaus (eds.). — Moscow: Kuchkovo pole, 2016. — 384 p.

10. *Toshhenko Zh. T.* *Paradoksal'nyj chelovek* [Paradoxical man]. — Moscow: Gardariki, 2001. — 398 p.

Поступила в редакцию

24 сентября 2020 г.

Крольман Марианна Львовна — кандидат философских наук, доцент кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Специалист в области философии права. Стаж научной работы — 7 лет.

Krolman Marianna Lvovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil law, Rostov State University of Economics (RSUE). Specialist in the field of research on Philosophy of Law. 7 years of research experience.

344113, г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 37
37 Kosmonavtov av., 344113, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: mkrolman@mail.ru

Косарева Елена Станиславовна — старший преподаватель кафедры иностранных языков Ростовского юридического института МВД России. Специалист в области лингвистического анализа романо-германских юридических текстов. Стаж научной работы — 10 лет

Kosareva Elena Stanislavovna — Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Specialist in the field of linguistic analysis of the Roman-Germanic legal texts. 10 years of research activities.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83
83 Eremenko st., 344015, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: kosarevaelena@mail.ru

Дементьев Сергей Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Южно-Российского гуманитарного института.

Dementiev Sergey Alexandrovich — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, South Russian Humanitarian Institute.

344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 108
108 Krasnoarmeyskaya st., 344082, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: s.a.dementiev2014@yandex.ru

УДК 101

10.17213/2075-2067-2020-6-264-274

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ НЕОЯЗЫЧЕСТВО: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ, ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ

© 2020 г. И. А. Левандина*, И. В. Липчанская**, С. И. Самыгин**

*Ростовский юридический институт МВД России, г. Ростов-на-Дону, Россия

**Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия

Цель исследования. Целью статьи является анализ современного положения российского неоязычества, а также основных теоретических и методологических проблем, возникающих при исследовании этого феномена. При этом особое внимание уделяется так называемому «славянскому неоязычеству».

Методология исследования базируется на сравнительно-аналитическом подходе к исследованию феномена неоязычества.

Результаты исследования. В статье показано, что современное отечественное неоязыческое движение представляет собой чрезвычайно пестрый по своему составу, идеологическим и вероучительным установкам феномен, что создает значительные теоретические и методологические трудности при его комплексном изучении.

Перспективы использования результатов исследования. Результаты исследования могут быть использованы в ходе дальнейших изучений феномена неоязычества, разработке учебных курсов для высшей школы, а также при принятии управленческих решений в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Ключевые слова: неоязычество; родноверие; англизм; викка; новые религиозные движения.

MODERN RUSSIAN NEO-PAGANISM: DEFINITION, CLASSIFICATION, MAIN TRENDS

© 2020 I. A. Levandina*, I. V. Lipchanskaya**, S. I. Samygin**

*Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

**Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

Purpose of the study. The purpose of the article is to analyze the current state of Russian neo-paganism, as well as the main theoretical and methodological problems that arise in the study of this phenomenon. At the same time, special attention is paid to the so-called «Slavic neo-paganism».

The research methodology is based on a comparative-analytical approach to the study of the phenomenon of neo-paganism.

Research results. The article shows that the modern domestic neo-pagan movement is an extremely variegated phenomenon in its composition, ideological and doctrinal attitudes, which creates significant theoretical and methodological difficulties in its comprehensive study.

Prospects for using the research results. The results of the study can be used in the course of further research on the phenomenon of neo-paganism, in the development of training

courses for higher education, as well as in making managerial decisions in the field of state-confessional relations.

Key words: *neo-paganism; rodnoverie; ingliism; wicca; new religious movements.*

Введение. Неоязыческое движение, бурно распространяющееся в последние годы по всему миру, в том числе и в нашей стране, уже довольно давно привлекает внимание исследователей. Особо пристально отечественные специалисты, как и следовало ожидать, анализируют российское неоязычество. К настоящему времени существует значительный объем научных публикаций, рассматривающих различные аспекты этого явления [1, 2, 3]. Однако, несмотря на впечатляющий объем проделанной работы, многие аспекты этой проблематики до сих пор остаются дискуссионными. Так, и по сей день предметом научных споров являются само определение понятия «неоязычество», используемая терминология, классификация неоязыческих групп и объединений. В предлагаемой статье проводится обсуждение и анализ обозначенных проблем, а также краткий обзор современного состояния российского неоязычества. Мы также уделим внимание проблемам, связанным с теми угрозами общественной безопасности, которые создают отдельные неоязыческие группировки.

Определение и терминология. Прежде всего, нам необходимо определить понятие «неоязычество» или «неоязыческое движение». Мы будем понимать под неоязычеством реконструкции (точнее, попытки реконструкции) политеистических верований, существовавших до принятия авраамических монотеистических религий. Специально оговоримся: хотя в абсолютном большинстве случаев речь идет о реконструкции дохристианских верований европейских народов, мы все же считаем необходимым расширить определение, включив в него, помимо христианства, также иудаизм и ислам. Мы делаем это потому, что в современном мире существуют неоязыческие объединения, ставящие перед собой именно такую программу — возвращение к доисламским и доиудейским религиозным представлениям. Например, к таковым относятся неотенгрианство, по-

лучившее некоторое распространение среди представителей тюркских мусульманских народов, в основном в Центральной Азии, а также среди башкир и татар, и движение израэлитов, представленное по большей части среди евреев Израиля.

Далее нам необходимо определиться и с терминологией, то есть уточнить, что конкретно мы будем подразумевать под «неоязычеством» вообще и «славянским неоязычеством» в частности. Это сделать необходимо, так как консенсус по этому вопросу в отечественной литературе еще не сложился, более того, некоторые авторы ставят под вопрос саму правомерность использования термина «неоязычество», поэтому вначале было бы уместно обсудить именно вопрос о правомерности терминологии.

По нашему мнению, такой термин, как «неоязычество», имеет полное право на использование в научной литературе. Возражения против использования этого термина, насколько можно судить, сводятся в целом к утверждению, что он воспринимается как оскорбительный самими последователями неоязыческих учений. Следовательно, как утверждают противники его использования, он не может присутствовать в научной литературе, которая должна пользоваться нейтральным языком. Однако мы полагаем, что это обстоятельство вряд ли может служить решающим аргументом в определении дальнейшей судьбы данного термина в научном языке. Здесь надо прежде всего принять во внимание причину, по которой сами последователи неоязычества выступают против того, чтобы их называли неоязычниками. Дело в том, что неоязычники против этого термина не потому, что он имеет какое-либо оскорбительное или уничижительное значение в обиходном языке, как, например, термин «секта» (но даже и в случае с последним мы не считаем это достаточной причиной для пересмотра научной терминологии).

Возражения, выдвигаемые неоязычниками, имеют идеологический и мировоззрен-

ческий характер. Конкретно: неоязыческие группы считают себя наследниками и носителями дохристианской традиции, которая будто бы существует непрерывно с древних времен и до наших дней. Следовательно, приставка «нео», по их убеждению, равнозначна отрицанию их верования и, значит, делигитимизации их доктрин. На последнее обстоятельство стоит обратить особое внимание. В последние годы многие неоязыческие объединения прикладывают немалые усилия для того, чтобы получить и официальное признание в качестве зарегистрированных «традиционных» религиозных объединений, и признание со стороны широких слоев общества. Основным аргументом здесь как раз и служат указания на собственную «аутентичность», что, разумеется, невозможно сделать, не принимая допущения о существовании непрерывной традиции. Кроме того, отечественные неоязыческие группы стремятся заручиться если не поддержкой, то хотя бы благожелательным нейтралитетом со стороны существующих в нашей стране организаций, представляющих религии народов, действительно сохранивших в непрерывной передаче дохристианские религиозные верования. К числу таковых относятся, например, марийцы или народы крайнего Севера. В последние годы отечественные неоязыческие организации, как мы могли наблюдать, созывали конференции, громко обозначившиеся как конференции последователей традиционных религий, к участию в которых приглашались наряду с неоязычниками и представители традиционных марийских или шаманистских религиозных объединений.

Однако же, и в этом сходятся все без исключения академические исследователи религий, претензии неоязычников на наличие непрерывной религиозной преемственности полностью лишены каких-либо оснований. Нет ни единого заслуживающего доверия документального подтверждения существования непрерывной передачи религиозных верований с дохристианских времен и до наших дней. Более того, даже попытки реконструкции дохристианских верований населявших нашу страну славянских племен сталкиваются с неразрешимыми трудностями. Таким образом, любая попытка практиковать дохристианские религиозные цере-

монии, жертвоприношения, любые другие культовые действия предполагает изрядный элемент фантазии, воображения, религиозного творчества. Аналогично обстоит дело и со славянской мифологией, и с пантеоном богов: ни один миф не сохранился до наших дней, и о славянском пантеоне наука имеет в целом достаточно смутные и обрывочные представления. Но без сколько-нибудь тщательной проработки мифологии и ритуала никакая полноценная жизнь религиозной общины не возможна [4, 5].

Обобщая сказанное, мы с неизбежностью приходим к следующему выводу: отказ академического исследователя от термина «неоязычество» отнюдь не будет свидетельствовать об академическом нейтралитете. Наоборот, исследователь в таком случае даже против своего желания займет вполне определенную позицию. И эта позиция будет ничем иным, как проявлением солидарности с необоснованными претензиями адептов неоязычества на аутентичность и, более того, санкционированием и «освящением» этих притязаний своим научным авторитетом.

Подводя итог нашему обсуждению правомерности использования термина «неоязычество», сформулируем вывод: нет никаких разумных оснований отказываться от этого термина, который, несмотря на все дискуссии, является все же наиболее распространенным в научной среде. Мы полностью согласны в этом вопросе с таким видным исследователем современного русского неоязычества, как В. А. Шнирельман, и многими другими авторами. Добавим, что В. А. Шнирельман отмечает и такой существенный момент, характерный для неоязыческих попыток реконструкции: все современные неоязычники — городские жители, весьма далекие от мировоззрения и образа жизни древних земледельцев, которым они пытаются подражать: «Речь идет об общенациональной религии, искусственно создаваемой городской интеллигенцией из фрагментов древних дохристианских локальных верований и обрядов с целью “возрождения национальной духовности”» [6, с. 37]. И заметим от себя по этому поводу, что неоязыческие общины, как правило, сосредоточены в крупных городах — столицах или административных центрах.

Попробуем теперь определить границы такого явления, как неоязычество. Здесь мы тоже можем констатировать отсутствие единого исследовательского подхода (хотя разногласий здесь в целом меньше, чем в первом случае). Основная «линия водораздела» проходит, как нам представляется, между конфессиональными (конкретно — христианскими) и светскими авторами, причем первые зачастую склонны понимать неоязычество весьма широко, относя к неоязыческим и неиндуистским группам, и группы движения «нью эйдж», и другие [7].

Такой подход христианских авторов вполне объясним: в самом деле, в христианской традиции принято называть «язычниками» последователей всех неавраамических религий. Соответственно, последователи неиндуизма, необуддизма и т.д. вполне могут именоваться при таком подходе «неоязычниками». Убедительность этой позиции придает тот факт, что сам термин «неоязычество», как производный от «язычества», восходит в конечном счете к христианской традиции, так как «язычество» — христианский по своему происхождению термин. Однако в этом случае, как мы считаем, происходит неоправданное расширение охвата, так как в число неоязыческих попадают практически все новые религиозные движения, за исключением имеющих библейское происхождение. Это существенно снижает эвристические возможности, так как не позволяет выделить специфику различных групп неорелигиозных образований, и в частности, тех, которые по уже сложившейся традиции именуются неоязычниками, если так можно сказать, «в узком смысле». Возможно, такой расширенный охват необходим для конфессиональной публицистики, для апологетических целей (здесь мы не считаем себя вправе выносить какие-либо суждения), но в светской науке это вряд ли будет разумным подходом.

Основные течения в современном российском неоязычестве. Итак, определившись с понятийным аппаратом и терминологией, охарактеризуем современное состояние неоязычества в нашей стране, сосредоточившись на так называемом славянском неоязычестве. Но прежде всего отметим, что спектр неоязыческих групп, действующих в России,

относительно не ограничивается теми, кто реконструирует дохристианские верования славян. Палитра отечественных неоязыческих групп и движений очень разнообразна, и сегодня в российских городах можно встретить представителей едва ли не всех течений неоязычества, существующих в современном мире. Действительно, неоязычество на протяжении последних десятилетий переживает заметный подъем, который охватил практически весь западный мир. И несмотря на то, что неоязычникам в целом свойственна тяга к реконструкции доавраамических верований собственных народов, поиску корней собственной национальной идентичности, этот подъем не мог не затронуть и нашу страну, вылившись в создание разнообразных групп, воспроизводящих группы неоязычников запада.

Какие же это группы? Предположительно, в силу отсутствия сколько-нибудь достоверной статистики, мы можем считать наиболее многочисленными группы последователей кельтского и германо-скандинавского неоязычества. В числе первых самыми многочисленными, судя по приблизительным оценкам, являются последователи движения викка. Викка или викканство — новое религиозное движение, появившееся в пятидесятые годы XX века и распространенное в англо-американском культурном ареале. Вероучение виккан не представляет собой стройной и обязательной для всех адептов системы взглядов и может варьироваться от сообщества к сообществу. Но, тем не менее, мы можем говорить и о некотором единстве этого довольно размытого движения, так как в его вероучении и культовых практиках наличествует общее ядро, восходящее к идеям его основателя Дж. Гарднера. В самом кратком изложении его доктрину можно охарактеризовать как попытку синтеза элементов западного эзотеризма с собственными представлениями основателя о дохристианской религии западноевропейцев, будто бы сохранившейся, несмотря на преследования инквизиции, в сообществе посвященных — «ведьм». Характерной особенностью викканства является важная роль женщин в этом движении, что напрямую вытекает из поклонения женскому божеству, занимающему центральное место в викканском пантеоне. Женщины-«ведьмы», как правило, возглавля-

ют викканские «ковены» — общины адептов, среди которых также преобладают женщины. Отечественные виккане, как и их западные единомышленники, в большинстве не политизированы и придерживаются весьма либеральных взглядов в вопросах морали, охотно принимая в свои ряды представителей ЛГБТ-сообщества. В силу этого виккане стоят несколько особняком по отношению к другим течениям отечественного неоязычества. Особенно резко ценности виккан контрастируют с установками адептов славянского неоязычества, которые, как правило, являются носителями ультраконсервативных патриархальных взглядов и зачастую придерживаются крайне правых политических убеждений. В целом же, несмотря на относительно большую численность виккан по отношению к другим течениям западного неоязычества, их абсолютное количество в нашей стране крайне незначительно и едва ли превышает несколько тысяч практикующих адептов.

Разнообразные группы последователей германо-скандинавского неоязычества, присутствующие в нашей стране, насколько можно судить, охотнее следуют скандинавскому, а не германскому варианту этого неоязыческого течения. В отличие от своих западноевропейских единомышленников отечественные последователи в целом демонстрируют большую приверженность правым и ультраправым политическим взглядам. Так, в этой среде заметной популярностью пользуется фигура Варга Викернеса — рок-исполнителя и ультраправого активиста, отбывшего длительное тюремное заключение за убийство на почве политических разногласий. В то же время нам не следует, как это иногда встречается в литературе, априори считать всех отечественных неоязычников этого направления носителями ультраправых взглядов, и как следствие, людьми, потенциально опасными для общества. Это — довольно пестрое течение, в котором можно встретить как политических радикалов, так и вполне аполитичных людей, привлеченных исключительно эстетической составляющей движения или увлекающихся рунической магией. Характерной чертой этого сообщества, отличающей его от аналогичных западных групп, является и крайне незначительный процент людей, воспринимающих мифологию и богов гер-

мано-скандинавского пантеона, так сказать, всерьез, стремящихся установить с богами мистический контакт или апеллирующих в общении с единомышленниками к личному религиозному опыту. Германо-скандинавское неоязычество в отечественном варианте — явление, скорее, «политическое» и эстетическое, с изрядной составляющей реконструкторского движения, нежели собственно религиозное. Абсолютная численность адептов этого неоязыческого течения, даже с учетом людей, проявляющих к нему интерес исключительно на «теоретическом» уровне и не поддерживающих связей ни с одной практикующей общиной, также крайне незначительна в масштабах нашей страны.

Наряду с перечисленными выше, в нашей стране представлены еще меньшие, иногда буквально микроскопические по своему составу группы неоязычников, придерживающихся самых разнообразных убеждений, вплоть до реконструкции религии Древнего Египта. Характерной особенностью всех упомянутых нами течений является ярко выраженная в последние годы виртуализация, то есть перемещение активности на просторы интернета, в основном в социальные сети. Группы соответствующей тематики в наиболее популярных социальных сетях могут насчитывать в некоторых случаях десятки тысяч участников. Однако эти, на первый взгляд, внушительные цифры мало что говорят о действительной численности приверженцев. По многочисленным свидетельствам, для абсолютного большинства участников этих групп следование неоязыческим взглядам ограничивается общением в мессенджерах и социальных сетях, что не позволяет рассматривать таких людей как действительно идентифицирующих себя с конкретными религиозными течениями. Подобная идентификация, сколь бы минимальной она ни была, во всяком случае предполагает хотя бы спорадическое участие в совместных ритуальных практиках.

Наиболее многочисленными, что ожидается, являются последователи так называемого славянского неоязычества, то есть течения, стремящегося, по утверждениям самих неоязычников, реконструировать дохристианские верования русского и ближайших к нему народов — украинцев и белору-

сов. Отметим, что, исходя из современных знаний о генезисе русского народа, подобная реконструкция заранее обречена на провал. Русский народ как общность формируется позже, в дохристианские времена мы имеем дело с разрозненными родоплеменными сообществами. Однако неоязычники, как правило, не принимают во внимание или прямо отвергают подобные аргументы [8]. Мы вновь вынуждены констатировать невозможность в настоящее время оценить хоть сколько-нибудь точно численность adeptов. Отсутствие достоверной статистики отчасти объясняется нерешенностью вопроса о том, кого именно следует считать неоязычником. Помимо практикующих adeptов, входящих в организованные сообщества и более-менее регулярно участвующих в жизни общины и коллективных религиозных ритуалах, есть множество неоязычников-индивидуалистов, не принадлежащих ни к каким общинам, и довольно значительное количество людей, разделяющих эти убеждения, но не практикующих ни индивидуальных, ни коллективных ритуалов. Последние чаще всего выступают в качестве потребителей соответствующей сувенирной продукции, в больших количествах изготавливаемой как самими общинами, так и частными производителями, преследующими исключительно коммерческие интересы, посещают ежегодные фестивали и праздники, организуемые неоязыческими сообществами, поддерживают контакты с единомышленниками в социальных сетях.

Современное российское так называемое славянское неоязычество чрезвычайно пестро как по своему организационному составу, так и по своим идеологическим взглядам. Для построения классификации групп отечественного славянского неоязычества мы предлагаем обратиться к групповой самоидентификации различных ветвей этого движения [9]. Действительно, к настоящему времени внутри этого движения уже довольно четко просматриваются групповые идентичности: adeptы различных ветвей проводят границы между своими единомышленниками и «чужаками», причем эти границы закрепляются в том числе и публичными декларациями. При этом «чужаки», как правило, определяются в качестве «ложных» неоязычников, не имеющих якобы никакого отношения к не-

оязычеству «подлинному». Но здесь мы полностью согласимся с В. А. Мартиновичем: в науке отсутствуют какие-либо критерии, позволяющие разграничить «подлинное» и «неподлинное» неоязычество [10].

Итак, что же представляют собой эти течения? В настоящее время наиболее крупными из них являются группы, идентифицирующие себя в качестве «родноверов» и «староверов». Есть и более мелкие течения, опирающиеся на иную самоидентификацию, однако они, как нам представляется, являются слишком малочисленными и разнообразными для того, чтобы их можно было объединить в какую-либо однородную группу.

«Родноверы» тоже, в свою очередь, являются довольно неоднородным течением (правда, в настоящее время внутри этого направления заметны интегративные тенденции). Общим для них является стремление к «чистой» реконструкции славянского язычества с использованием сохранившихся источников, во-первых, и с опорой на личную религиозную интуицию, во-вторых. «Родноверы», как правило, отрицательно воспринимают как тенденции к религиозному синкретизму, так и попытки выстроить мифологию и вероучение, исходя исключительно из собственных, неverified представлений о славянской мифологии (что не мешает им, как мы сказали, также прибегать к религиозному творчеству). «Родноверы» являются, пожалуй, наиболее известным и узнаваемым течением внутри славянского неоязычества, так что зачастую в общественном мнении и в средствах массовой информации происходит отождествление родноверия со всем неоязыческим движением вообще. Несмотря на наличие внутри этой группы отдельных индивидуумов и небольших сообществ, разделяющих радикально националистические взгляды, в последние годы явно выражена тенденция крупных родноверческих объединений к приобретению положительного имиджа в глазах общественности и к легализации своего статуса в качестве законопослушных зарегистрированных религиозных объединений.

Движение, использующее в качестве самоназвания термин «староверы», возникло около тридцати лет назад благодаря деятельности А. Ю. Хиневича, жителя Омска (риту-

альное имя — Патер Дий Александр). Другие самоназвания, используемые в этом течении, — «православные», «православные староверы», «православные староверы-инглинги», «инглинги», «ингляне» и т.п. (по трактовке самих «староверов», самоназвание «православные» якобы исконно принадлежало язычникам и образовано от выражения «славить Правь», а затем было «похищено» христианами). «Староверы» вполне последовательно отличают себя от «родноверов», и наоборот. Для «староверов» — последователей инглинизма характерен религиозный синкретизм и безудержное мифотворчество, а также приверженность «альтернативной истории» и лженаучным идеям в целом [11]. Этому движению также присущи резкая антихристианская направленность и ярко выраженный расизм, что неоднократно приводило «староверов» к конфликтам с законом. Так, созданная А. Ю. Хиневичем религиозная организация «Древнерусская инглистическая церковь православных староверов-инглингов» была запрещена, а сам основатель подвергался уголовному преследованию. Также попало под запрет и основное вероучительное сочинение этой организации — «Славяно-арийские веды». Тем не менее, религиозные группы, имеющие организационную и вероисповедную связь с запрещенной «церковью», действуют в нашей стране и в настоящее время [12, 13].

Особо важно отметить, что влияние идеологии «староверов» не ограничивается собственно кругом адептов. «Староверы» весьма активны в интернете — созданные ими группы и паблики в социальных сетях могут насчитывать десятки тысяч подписчиков, что в несколько раз превосходит количество участников официальных групп всех наиболее крупных объединений «родноверов», вместе взятых. С идеологией «староверов» также тесно связаны взгляды ряда популярных в неоязыческом движении лиц, также высказывавших радикальные взгляды, и сочинения которых также были запрещены как экстремистские — например, А.В. Трехлебова (ритуальное имя Ведаман Ведагор), Н.В. Левашова. Кроме того, популяризации идеологии староверов со всеми ее, мягко выражаясь, проблемными элементами способствует достаточно широкая акцепта-

ция элементов их идеологии различными группами, относящимися к движению «нюнэйдж». Таким образом, можно заключить, что движение «староверов» к настоящему времени приобрело значительную популярность и представляет собой, по меньшей мере, социально проблемное явление.

Заключение. Таким образом, мы можем прийти к выводу: современное отечественное неоязычество представляет собой чрезвычайно пестрое по своим верованиям и идеологическим установкам явление, что существенно затрудняет его анализ, типологизацию, выработку релевантного понятийного аппарата и терминологии. Среди отечественных неоязыческих групп присутствуют придерживающиеся радикальных взглядов, что создает вызовы общественной безопасности [14], но, тем не менее, нет никаких оснований рассматривать в качестве потенциально проблемных все без исключения направления отечественного неоязычества. Это обстоятельство вызывает необходимость дальнейшего тщательного исследования неоязыческих групп: было бы одинаково недопустимо как проглядеть тревожные тенденции и позволить им укрепиться в неоязыческой среде, так и подвергнуть необоснованному давлению социально непроблемные группы, члены которых являются законопослушными гражданами, реализующими свое конституционное право на свободу совести.

Литература

1. Астанов С. Н. Антропология неоязычников-родноверов // Человек и религия: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 14–16 марта 2013 г., Минск, Республика Беларусь / Под ред. С. Г. Карасевой, С. И. Шатравского. — Минск, 2013. — С. 456–463.
2. Шнирельман В. А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. — М.: Изд-во ББИ, 2012. — 195 с.
3. Эгильский Е. Э., Касьянов В. В., Самыгин С. И. Современное славянское неоязычество: сущность, предпосылки, перспективы [Электронный ресурс] // Национальное здоровье / National Health. — №2. — 2018. — Режим доступа: <http://www.national-zdorov.ru/>

userfiles/file/ntjykoh2uwbxnggrscyeq3w8p3kuwoqym.pdf (Дата обращения: 30.11.2020).

4. *Kasyanov V.V., Belikova N.Y., Krotov D.V., Samygin S.I., Merzakanov S.A.* Religious orientations of modern youth and the national policy // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. — 2020. — Vol. 1100 AISC. — P. 601–613.

5. *Белов М. Т., Гафиатулина Н. Х., Самыгин С. И.* Управление религиозными ориентирами в сознании современной молодежи // *Экономические проблемы России и региона. Ученые записки. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)*. — Ростов-на-Дону, 2019. — С. 186–193.

6. *Шнирельман В. А.* Перун, Сварог и другие: русское неоязычество в поисках себя // *Неоязычество на просторах Евразии: Сборник / Под ред. В. А. Шнирельмана*. — М.: Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 2001. — 177 с.

7. *Кузнецов М. Н.* Российское неоязычество. История, идеи и мифы. — Рязань: Зерна Слово, 2018. — 176 с.

8. *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. — СПб.: Евразия, 2004. — 480 с.

9. *Кавыкин О. И.* «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/kavikin_.pdf (Дата обращения: 30.11.2020).

10. *Мартинович В. А.* Проблематика целостного восприятия феномена неоязычества // *Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования. Монография / Под ред. Р. В. Шиженского*. — Н. Новгород: Мининский Университет, ООО «Типография “Поволжье”», 2016. — С. 167–168.

11. *Эгильский Е. Э.* Мифология истории в верованиях новых религиозных движений [Электронный ресурс] // *Актуальные проблемы науки и техники. 2017. Материалы нац. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону, 15–17 мая 2017 г. Донской гос. техн. ун-т*. — Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2017. — 388 с. — Режим доступа: <https://ntb.donstu.ru/conference> (Дата обращения: 30.11.2020).

12. *Эгильский Е. Э., Касьянов В. В., Самыгин С. И.* Современное неоязычество

и «альтернативная наука» // *Национальное здоровье*. — 2018. — №3. — С. 178–182.

13. *Гафиатулина Н. Х., Касьянов В. В., Самыгин П. С., Самыгин С. И.* Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии Covid-19. Монография. — Москва, 2020.

14. *Шнирельман В. А.* Неоязычество и национализм (восточноевропейский ареал) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://static.iea.ras.ru/neotlozhka/114-Shnirelman.pdf> (Дата обращения: 30.11.2020).

References

1. *Astapov S. N.* Antropologija neojazychnikov-rodnoverov [Anthropology of the neopagans-rodnovers] // *Chelovek i religija: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 14–16 marta 2013 g.* [Man and Religion: materials of the International Scientific and Practical Conference, 14–16 March 2013], Minsk, Respublika Belarus' / In S. G. Karaseva, S. I. Shatravskiy (eds.). — Minsk, 2013. — Pp. 456–463.

2. *Shnirel'man V. A.* Russkoe rodnoverie: neojazychestvo i nacionalizm v sovremennoj Rossii [Russian rodnoverie: neo-paganism and nationalism in modern Russia]. — Moscow: Izdvo BBI, 2012. — 195 p.

3. *Jegil'skij E. Je., Kas'janov V. V., Samygin S. I.* Sovremennoe slavjanskoe neojazychestvo: sushhnost', predposylki, perspektivy [Modern Slavic neo-paganism: essence, prerequisites, prospects] [Elektronnyj resurs] // *Nacional'noe zdorov'e / National Health*. — №2. — 2018. — URL: <http://www.national-zdorov.ru/userfiles/file/ntjykoh2uwbxnggrscyeq3w8p3kuwoqym.pdf> (Date accessed: 30.11.2020).

4. *Kasyanov V.V., Belikova N.Y., Krotov D.V., Samygin S.I., Merzakanov S.A.* Religious orientations of modern youth and the national policy // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. — 2020. — Vol. 1100 AISC. — P. 601–613.

5. *Belov M. T., Gafiatulina N. H., Samygin S. I.* Upravlenie religioznymi orientirami v soznanii sovremennoj molodezhi [Management of religious landmarks in the consciousness of modern youth] // *Jekonomicheskie problemy Rossii i regiona. Uchenye zapiski. Rostovskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet*

(RINH) [Economic problems of Russia and the region. Scientific notes. Rostov State University of Economics (RSUE)]. — Rostov-on-Don, 2019. — Pp. 186–193.

6. *Shnirel'man V.A.* Perun, Svarog i drugie: russkoe neojazychestvo v poiskah sebja [Perun, Svarog and others: Russian neo-paganism in search of itself] // Neojazychestvo na prostorah Evrazii: Sbornik [Neo-paganism in the expanses of Eurasia: A collection] / In V.A. Shnirel'man (eds.). — Moscow: Biblejsko-Bogoslovskij institut sv. apostola Andreja, 2001. — 177 p.

7. *Kuznecov M.N.* Rossijskoe neojazychestvo. Istorija, idei i mify [Russian neo-paganism. History, ideas and myths]. — Rjazan: Zerna-Slovo, 2018. — 176 p.

8. *Klejn L.S.* Voskresenie Peruna. K rekonstrukcii vostochnoslavjanskogo jazychestva [The Resurrection of Perun. Towards the reconstruction of East Slavic paganism]. — Saint-Petersburg: Evrazija, 2004. — 480 p.

9. *Kavykin O.I.* «Rodnovery». Samoidentifikacija neojazychnikov v sovremennoj Rossii [Self-identification of neo-pagans in modern Russia] [Elektronnyj resurs]. — URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/kavykin_.pdf (Date accessed: 30.11.2020).

10. *Martinovich V.A.* Problematika celostnogo vosprijatija fenomena neojazychestva [Problematics of holistic perception of the phenomenon of neo-paganism] // Jazychestvo v sovremennoj Rossii: opyt mezhdisciplinarnogo issledovanija. Monografija [Paganism in Modern Russia: experience in interdisciplinary research. Monograph] / In R. V. Shizhenskiy (eds.). — N. Novgorod: Mininskij Universitet,

OOO «Tipografija “Povolzh'e”», 2016. — Pp. 167–168.

11. *Jegil'skij E. Je.* Mifologija istorii v verouchenijah novyh religioznyh dvizhenij [The history of Mythology in the beliefs of new religious movements] [Elektronnyj resurs] // Aktual'nye problemy nauki i tehniki. 2017. Materialy nac. nauch.-prakt. konf. Rostov-na-Donu, 15–17 maja 2017 g. Donskoj gos. tehn. un-t [Actual problems of science and technology. 2017. Materials of the National Scientific and practical Conference. Rostov-on-Don, May 15–17, 2017 Don State Technical University]. — Rostov-on-Don: DGTU, 2017. — 388 p. — URL: <https://ntb.donstu.ru/conference> (Date accessed: 30.11.2020).

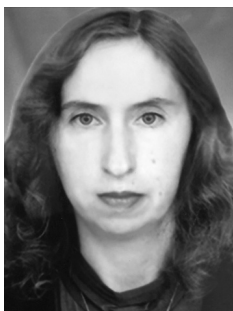
12. *Jegil'skij E. Je., Kas'janov V. V., Samygin S. I.* Sovremennoe neojazychestvo i «al'ternativnaja nauka» [Modern neo-paganism and «alternative science»] // Nacional'noe zdorov'e [National Health]. — 2018. — №3. — Pp. 178–182.

13. *Gafiatulina N. H., Kas'janov V. V., Samygin P. S., Samygin S. I.* Rossijskoe obshchestvo v uslovijah samoizoljatsii. Social'nye jeffekty i posledstvija pandemii Covid-19. Monografija [Russian society in the conditions of self-isolation. Social effects and consequences of the Covid-19 pandemic. Monograph]. — Moscow, 2020.

14. *Shnirel'man V.A.* Neojazychestvo i nacionalizm (vostochnoevropejskij areal) [Neo-paganism and nationalism (Eastern European area)] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://static.iea.ras.ru/neotlozhka/114-Shnirelman.pdf> (Date accessed: 30.11.2020).

Поступила в редакцию

20 октября 2020 г.

Левандина Ирина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России. Специалист в области статистики, менеджмента, экономической теории, профессиональной этики и служебного этикета, проблем отчуждения и идентичности человека, миграционных процессов, духовно-нравственных проблем современной молодежи. Стаж научно-педагогической работы — 9 лет.

Levandina Irina Alexandrovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Socio-economic Sciences, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Specialist in statistics, management, economic theory, professional ethics and official etiquette, problems of alienation and human identity, migration processes, spiritual and moral problems of modern youth. The experience of scientific and pedagogical work is 9 years.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83
83 Eremenko st., 344015, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: levandina@rgkiu.ru

Липчанская Ирина Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Сфера научных интересов: элитология, проблемы генезиса научной элиты, исследования в сфере философии и методологии науки. Стаж научной работы — 18 лет.

Lipchanskaya Irina Vladimirovna — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Philosophy and Cultural Studies of Rostov State University of Economics (RSUE). Research interests: elitology, the genesis of the scientific elite, research in the field of philosophy and methodology of science. Experience of scientific work — 18 years.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 Bolshaya Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: lipiv@list.ru.

Самыгин Сергей Иванович — профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Samygin Sergey Ivanovich — Professor, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Personnel Management and Sociology, Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 Bolshaya Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: darya.maksimovich@gmail.com

УДК: 316.7(075.8)

10.17213/2075-2067-2020-6-275-281

ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРОЯВЛЕНИЯ

© 2020 г. А. В. Матецкая

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Цель исследования. *Статья посвящена изучению предпосылок десекуляризации в российском обществе и основных проявлений этого процесса.*

Методология исследования *основывается на концепциях модернизации, секуляризации и десекуляризации, применяются методы сравнительного и исторического анализа.*

Результаты исследования. *Процесс десекуляризации начинается задолго до распада СССР, отправной точкой этого процесса можно считать ограниченную легализацию религии, осуществленную государством в годы Великой Отечественной войны. Однако десекуляризация в советский период не сводилась лишь к разрешению традиционным религиозным организациям функционировать на законных основаниях, хотя и в очень узких пределах. Она включала обращение к религиозной проблематике в сфере культурного творчества и культурной деятельности, а также оживление религиозных и мировоззренческих исканий в советском обществе в 60–80-е годы XX века. Позднесоветское и постсоветское возрождение религии не возникло внезапно, но представляло собой развитие и разрастание десекуляриционных тенденций, начавшихся в советском обществе еще в середине XX века, несмотря на продолжавшуюся политику ограничения религиозной деятельности и атеистического воспитания.*

Перспективы использования результатов исследования. *Результаты исследования могут использоваться в дальнейшем изучении религиозной динамики российского общества.*

Ключевые слова: *религия; социология религии; культура; секуляризация; десекуляризация; Русская православная церковь; нетрадиционная религиозность.*

DESECULARISATION IN RUSSIAN SOCIETY: PREREQUISITES AND MANIFESTATIONS

© 2020 A. V. Matetskaya

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Purpose of the study. *The paper is devoted to the study of the preconditions for desecularization in Russian society and the main manifestations of this process.*

The research methodology *is based on the concepts of modernization, secularization and desecularization.*

Results of the study. *The process of de-secularization began long before the collapse of the Soviet Union, and its starting point was the limited legalization of religion, which was carried out by the state during the Great Patriotic War. However, desecularization in the Soviet period was not limited to allowing traditional religious organizations to operate legally, albeit within very narrow limits. It also included a later reference to religious issues in the sphere of cultural*

creativity and cultural activity and a revival of religious and ideological quests in Soviet society in the 1960s-80s. The late-Soviet and post-Soviet religious revival did not occur all of a sudden, but was a development and expansion of the desecularisation processes which had begun in Soviet society in the mid-20th century, despite the continuing policy of restricting religious activity and atheistic education.

Prospects for the use of the results of the study. *The results of the study can be used in the further study of religious dynamics in Russian society.*

Key words: *religion; sociology of religion; culture; secularization; desecularization; Russian Orthodox Church; non-traditional religiousness.*

Введение. Во второй половине XX века происходит осознание ограниченности доминирующей в социологии религии парадигмы секуляризации. Исследователи столкнулись с фактом сохранения и даже активизации религиозности практически во всем мире [1, 2]. Наиболее заметными проявлениями религиозного возрождения стали политизация ислама, активизация глобальной миссионерской деятельности протестантских, в основном неопятидесятнических деноминаций; возникновение в результате иммиграции в секулярных европейских обществах заметного мусульманского меньшинства; возрождение религии в странах бывшего социалистического лагеря; развитие новой или альтернативной религиозности и/или духовности [3]. Реальность пришла в противоречие с теорией, основанной, как оказалось, не только на фактическом, но и на идеологическом фундаменте. Концепция секуляризации была подвергнута критическому осмыслению [4]. В результате возник ряд новых теоретических подходов и понятий, а концепция секуляризации оказалась не столько отвергнутой, сколько уточненной.

Теоретический аспект. Понятие десекюляризации было предложено П. Бергером [5], одним из наиболее влиятельных теоретиков секуляризации, пересмотревшим свои позиции. Несмотря на то, что понятие десекюляризации стало довольно употребительным, оно не имеет общепринятого определения и зачастую используется как интуитивно ясное. Карпов справедливо отмечает: «Удивительно мало усилий прикладывалось до сих пор к тому, чтобы концептуализировать десекюляризацию и эвристически использовать это тео-

ретическое понятие в сравнительных исследованиях возрождения религий в современном мире. Более того, сам термин “десекуляризация” использовался редко и по большей части без прояснения его значения, как если бы это понятие было самоочевидным» [6, с. 115]. Основываясь на идеях Бергера, Карпов понимает десекюляризацию как реакцию на секуляризационные изменения (как «контрсекуляризацию»), но при этом отмечает, что и понимание секуляризации не единообразно.

Обращаясь к работе Х. Казановы о публичной религии [7], он выделяет вслед за ним три аспекта секуляризации, которые не всегда скоординированы между собой. Во-первых, секуляризация как дифференциация, отделение религии от других социальных институтов и главное — от государства. Во-вторых, секуляризация как уменьшение влияния религии, ее ослабление, упадок традиционных практик. В-третьих, приватизация религии. Если десекюляризация — это реакция на секуляризацию, то можно выделить три ее направления: «(а) сближение между некогда секуляризованными институтами и религиозными нормами, (b) возрождение религиозных верований и практик и (c) возвращение религии в публичную сферу. В данном случае важно отметить, что контрсекуляризационные процессы могут быть слабо связаны или совсем не связаны друг с другом, так же как и вышеупомянутые секуляризационные тенденции» [6, с. 124].

К выделенным возможным направлениям десекюляризации Карпов добавляет также десекюляризацию в сфере культуры, в пространстве смыслов. Секуляризация проявлялась как раз в том, что в смысловом и символическом пространстве современ-

ных обществ религия занимала все меньше места, теснимая научным мировоззрением, светской философией, светскими идеологиями, светским искусством, светской моралью и т.д. Если использовать выражение теолога Х. Кокса [8], секуляризация вела к профанизации жизни, человек эпохи модерна был обитателем «профанного града», он не был врагом религии, он просто в ней не нуждался для ориентации в мире. То, что последствия «профанизации» культуры (т.е. выветривания из нее религиозного духа) оказались преувеличенными, не говорит о том, что этот процесс вообще не имел места. Реакцией на секуляризацию культуры является возвращение в культурное пространство религиозных идей, образов и символов.

Концепция секуляризации не была отброшена в результате критики, но была скорректирована: вышеперечисленные аспекты секуляризации наблюдаемы в тех обществах, где секуляризация имела место. Ю. Хабермас, говоря об уточнении «тезиса секуляризации», отмечал: «Споры по поводу социологического тезиса о секуляризации привели к пересмотру, прежде всего, прогностических утверждений. С одной стороны, религиозная система стала более дифференцированной и в значительной степени утратила другие функции. С другой стороны, нет глобальной связи между модернизацией общества и растущей утратой значения религии, которая была бы настолько тесной, что мы могли бы рассчитывать на исчезновение религии» [9].

Парадоксальность современной религиозной ситуации в мире в целом и в отдельных государствах заключается в одновременном протекании как секуляризационных, так и десекуляризационных процессов.

Отечественный вариант десекуляризации. Десекуляризация является реакцией на секуляризацию, а секуляризация, как и модернизация, вариативна. Осознание множественности моделей секуляризации стало одним из аспектов уточнения секуляризационной парадигмы. Отечественная модель секуляризации значительно отличалась от западной модели и в европейском, и в американском ее вариантах. Можно сказать, что до начала социалистических преобразований российская секуляризация развивалась в форме, сходной

с европейской, хотя и не тождественной ей. Но формирование советского государства и советской власти, основанных на специфической идеологии (такой тип идеологии будет позже назван политической религией), создало для секуляризации иные условия. Победившая идеология не допускала существования религии, видя в ней пережиток прошлого и мировоззренческого соперника, от которого было необходимо избавиться. Европейская модель секуляризации подразумевала стихийный процесс отделения религии от других институтов, нарастающий мировоззренческий плюрализм и приватизацию религии. Советская модель подразумевала подавление религии и в перспективе — ее уничтожение. Советская власть не ограничивалась идейной борьбой с религией, хотя и это было важно и являлось государственным делом. Подавление религии включало: лишение религиозных организаций собственности, преследование и нередко физическое уничтожение духовенства и активных мирян, сведение к минимуму возможностей для религиозного образования и религиозной социализации в семье, устранение религии из каких-либо позитивных смысловых контекстов, агрессивное навязывание атеистического мировоззрения, сведение деятельности религиозных организаций только к исполнению религиозных обрядов и т.д.

При всем размахе антирелигиозной борьбы значительная часть населения сохранила религиозные верования, хотя верующие были почти лишены возможности участвовать в богослужениях, не говоря уже о других возможных формах активности за пределами собственно совершения ритуалов. Наиболее стойкие верующие образовали религиозное подполье, рискуя ради веры не только благополучием, но и жизнью. Публичное же пространство, как и официальная культура, были полностью очищены от влияния традиционных религий — их место заняла победившая тотальная идеология.

Изменение отношения советского государства к религии произошло в годы войны, когда власти понадобилось мобилизовать все ресурсы для достижения победы, в том числе и моральные ресурсы. Н. Митрохин отмечает: «Последовавшее после 1943 года сталинское “религиозное возрождение” дало

возможность воссоздания деятельности ряда традиционных для Российской империи религиозных общин. Однако государство тщательно контролировало границу между легализованной религиозностью старших по возрасту, малообразованных социальных групп и советизированным «образованным классом». Кроме того, оно жестко разделило религиозную деятельность на санкционированную (то есть узкий круг зарегистрированных религиозных организаций, официально подконтрольных Совету по делам РПЦ и Совету по делам религиозных культов) и нелегальную» [10]. Несмотря на крайне ограниченный характер этого «возрождения», именно оно послужило началом десекуляризации. Традиционные религии, в первую очередь, Русская православная церковь (как наиболее крупная религиозная организация в советском обществе), получили возможность контролируемого, зависимого, но все же легального существования. Церковь была восстановлена как социальный институт и использовалась советским государством для решения внутривнутриполитических и внешнеполитических задач. Тем не менее, религиозность продолжала оставаться для советских граждан запретной деятельностью, особенно религиозность, не связанная с дозволенными формами религиозной активности. Необходимость скрывать религиозную принадлежность порождала «гиперприватизацию» религии [11]. По-прежнему ограниченные возможности для религиозного образования и получения информации о религии, почти полное отсутствие религии в публичном пространстве вели к снижению культурного уровня большинства верующих. Но нарастающий кризис официальной идеологии, постепенное смягчение репрессивности режима способствовали оживлению духовных и религиозных поисков, что служило предпосылкой дальнейшего развития десекуляризационных процессов, уже не связанных напрямую с государственной политикой. Десекуляризация не ограничивалась восстановлением запрещенных или уничтоженных религиозных практик, но подразумевала также появление новых форм религиозности и духовности. Одним из важных факторов, стимулирующих религиозный и мировоззренческий поиск, был

рост уровня образования советских людей. Средой распространения религиозных идей стала советская интеллигенция, численность которой увеличивалась в результате распространения высшего образования. В первую очередь в этой среде распространялись и старые, и новые религиозные идеи и практики.

Культура и религия. В 60-е годы XX века в развитии советской культуры возникают новые тенденции, связанные с ростом интереса к культурному наследию и укреплению исторической памяти. Символической точкой отсчета этого процесса можно считать основание в 1965 году «Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры». При этом в других национальных республиках подобные общества возникли даже раньше, что приводило представителей российской творческой интеллигенции к сетованиям по поводу того, что именно российское культурное наследие находится в наиболее тяжелом положении.

В 60-е годы возникает, по выражению Корминой и Штыркова, идеология советского ретроспективизма [12]. Если в более ранний период существования советского режима было принято подчеркивать разрыв с прошлым, новизну создаваемого социалистического общества, то теперь становится необходимым говорить о связи настоящего с прошлым.

Историческое прошлое превращается в источник для укрепления коллективной идентичности и мировоззренческого поиска. Памятники религиозной культуры — уцелевшие храмы, религиозное искусство становятся объектом изучения, восстановления и музеефикации. Знакомство с ними считается важным элементом воспитания. При этом рецепция религиозного наследия имеет целью не религиозное обращение, а формирование культурного и образованного человека, помнящего о своих корнях. Однако знакомство с религиозным наследием часто становилось превращенной и легитимной формой интереса к религии как таковой. Легитимация интереса к религиозному наследию позволила использовать религиозную проблематику в литературе, искусстве и кино, что в свою очередь приводило к расширению представ-

лений о религии в советском общественном сознании, хотя атеизм, превратившийся в атеизм научный, продолжал оставаться доминирующим элементом советской идеологии.

Кормина и Штырков отмечают: «Религия, пока в виде объектов, возвращается в советскую публичную сферу, но только в новом статусе: как часть советского сакрального — культуры — и во многих контекстах культуры национальной (национальной святости). Ответственными за эту сферу были особые специалисты, именуемые деятелями и работниками культуры. Деятели — это публичные интеллектуалы, такие как академик Д. С. Лихачев, создававшие своими текстами советский канон, работники — профессионалы, работавшие в учреждениях культуры, прежде всего в домах культуры и музеях, и занимавшиеся пропагандой и воплощением идеологического канона» [12, с. 14].

Нетрадиционная религиозность и духовность. Важной составляющей десекуляризации в советский период было распространение среди интеллигенции различных видов новой религиозности и паранаучных идей, нередко имевших квазирелигиозный характер. Составляющими элементами этого пестрого комплекса идей и верований были восточные религии (прежде всего, индуизм и буддизм), наследие европейского и российского мистицизма и эзотеризма, интерес к НЛЮ, парапсихологии, феноменам типа «снежного человека», ко всему «таинственному и необычному», не имеющему объяснения в рамках «современного научного знания». Часто подобные идеи разделялись представителями официальной науки, а также культурной и политической элитой.

Интерес к нетрадиционной духовности в советском обществе практически совпал хронологически с возникновением движения Нью Эйдж и всплеском нетрадиционной религиозности в западных обществах. Советская нетрадиционная религиозность была не столько результатом культурного заимствования, сколько следствием сходной исторической ситуации: повышения уровня жизни и образования и мировоззренческого кризиса, связанного с недоверием не только к политическим идеологиям, но и к традиционным формам религии.

Заключение. Начало десекуляризации российского общества было связано со смягчением репрессивной антирелигиозной политики в годы Великой Отечественной войны. В советской десекуляризации можно выделить три аспекта. Во-первых, это институциональное восстановление и легализация подавляемых ранее религиозных организаций. Во-вторых, проникновение религиозных идей, образов и символов в официальную советскую культуру в результате нового подхода к религиозному наследию — оно стало восприниматься как элемент национального культурного наследия, которое следовало изучать, сберегать и передавать следующим поколениям. Парадоксальным образом секуляризация религиозного наследия посредством превращения его в культурную ценность способствовала десекуляризации, поскольку легитимировала присутствие религии в публичном пространстве и в светском образовании. В-третьих, распространение альтернативной духовности и новых религиозных течений. В постсоветский период все эти тенденции получили дальнейшее развитие, а десекуляризация приобрела гораздо больший масштаб.

Литература

1. Гафиатулина Н. Х., Самыгин С. И. Религиозные установки как элемент управления ценностными ориентациями современной молодежи // Экономические проблемы России и региона. Ученые записки. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). — Ростов-на-Дону, 2019. — С. 217–225.
2. Kasyanov V. V., Belikova N. Y., Krotov D. V., Samygin S. I., Merzakanov S. A. Religious orientations of modern youth and the national policy // Advances in Intelligent Systems and Computing. — 2020. — Vol. 1100 AISC. — P. 601–613.
3. Белов М. Т., Гафиатулина Н. Х., Самыгин С. И. Управление религиозными ориентациями в сознании современной молодежи // Экономические проблемы России и региона. Ученые записки. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). — Ростов-на-Дону, 2019. — С. 186–193.
4. Shakhbanova M. M., Velikorodnaya I. V., Starostin A. M., Tishkin D. N., Samygin S. I. The

factors of escalation of ethno-political tension in the south of Russia // Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Ser. «Contributions to Economics». — Switzerland, 2020. — P. 405–415.

5. *Berger P.L.* The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Ed. Peter L. Berger. — Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Company, 1999.

6. *Карпов В.* Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2012. — №2 (30). — С. 114–164.

7. *Casanova J.* Public Religions in the Modern World. — Chicago: The University of Chicago Press, 1994.

8. *Кокс Х.* Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. — СПб.: Восточная литература, 1995. — 262 с.

9. *Habermas J.* A postsecular world society? An interview with Jürgen Habermas (2010). [Electronic resource]. — URL: <https://tif.ssrc.org/2010/02/03/a-postsecular-world-society/>.

10. *Митрохин Н.* Советская интеллигенция в поисках чуда: религиозность и паранатура в СССР в 1953–1985 годах [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. — 2020. — №3 (163). — Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/163_nlo_3_2020/article/22225/.

11. *Шшиков А.* Некоторые аспекты десекуляризации в постсоветской России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2012. — №2 (30). — С. 165–177.

12. *Кормина Ж., Штырков С.* «Это наше исконно русское и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. — СПб.: Издательство Европейского университета, 2015. — 280 с.

References

1. *Gafiatulina N.H., Samygin S.I.* Religious attitudes as an element of management

of value orientations of modern youth] // *Jekonomicheskie problemy Rossii i regiona. Uchenye zapiski. Rostovskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet (RINH)* [Economic problems of Russia and the region. Scientific notes. Rostov State University of Economics (RSUE)]. — Rostov-on-Don, 2019. — Pp. 217–225.

2. *Kasyanov V.V., Belikova N.Y., Krotov D.V., Samygin S.I., Merzakanov S.A.* Religious orientations of modern youth and the national policy // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. — 2020. — Vol. 1100 AISC. — P. 601–613.

3. *Belov M.T., Gafiatulina N.H., Samygin S.I.* Upravlenie religioznymi orientirami v soznanii sovremennoj molodezhi [Management of religious landmarks in the consciousness of modern youth] // *Jekonomicheskie problemy Rossii i regiona. Uchenye zapiski. Rostovskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet (RINH)* [Economic problems of Russia and the region. Scientific notes. Rostov State University of Economics (RSUE)]. — Rostov-on-Don, 2019. — Pp. 186–193.

4. *Shakhbanova M.M., Velikorodnaya I.V., Starostin A.M., Tishkin D.N., Samygin S.I.* The factors of escalation of ethno-political tension in the south of Russia // Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Ser. «Contributions to Economics». — Switzerland, 2020. — P. 405–415.

5. *Berger P.L.* The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Ed. Peter L. Berger. — Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Company, 1999.

6. *Karpov V.* Konceptual'nye osnovy teorii dsekuljarizacii [Conceptual foundations of the theory of desecularization] // *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad]. — 2012. — №2 (30). — Pp. 114–164.

7. *Casanova J.* Public Religions in the Modern World. — Chicago: The University of Chicago Press, 1994.

8. *Koks H.* Mirskoj grad: sekuljarizacija i urbanizacija v teologicheskom aspekte [Mirsky Grad: Secularization and Urbanization in the theological aspect]. — Saint-Petersburg: Vostochnaja literatura, 1995. — 262 p.

9. *Habermas J.* A postsecular world society? An interview with Jürgen Habermas (2010).

[Electronic resource]. — URL: <https://tif.ssrc.org/2010/02/03/a-postsecular-world-society/>.

10. *Mitrohin N.* Sovetskaja intelligencija v poiskah chuda: religioznost' i paranauka v SSSR v 1953–1985 godah [Soviet intelligentsia in search of a miracle: religiosity and paranauka in the USSR in 1953–1985] [Elektronnyj resurs] // *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. — 2020. — №3 (163). — URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/163_nlo_3_2020/article/22225/.

11. *Shishkov A.* Nekotorye aspekty desekularizacii v postsovetsoj Rossii [Some aspects of desecularization in post-Soviet Russia] //

Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za ru-bezhom [State, religion, Church in Russia and abroad]. — 2012. — №2 (30). — Pp. 165–177.

12. *Kormina Zh., Shtyrkov S.* «Jeto nashe iskonno russkoe i nikuda nam ot jetogo ne det'sja»: predystorija postsovetsoj desekularizacii [«This is our native Russian and we can't get away from it anywhere»: prehistory of post-Soviet desecularization] // *Izobrenie religii: desekularizacija v postsovetsoj kontekste* [The Invention of Religion: Desecularization in a post-Soviet context]. — Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta, 2015. — 280 p.

Поступила в редакцию

14 октября 2020 г.

Матецкая Анастасия Витальевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии религии и религиоведения Южного федерального университета.

Matetskaya Anastasia Vitalyevna — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Southern Federal University.

344065, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепроvский, 116
116 Dneprovsky ln., 344065, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: tojgar@mail.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 316.1

10.17213/2075-2067-2020-6-282-293

*Посвящается светлой памяти профессора
Анатолия Владимировича Лубского*

**ДИССЕРТАЦИЯ
КАК НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА:
РЕАЛИЗАЦИЯ АЛГОРИТМА ЗАМЫСЛА СОИСКАТЕЛЯ**

© 2020 г. *А. В. Дятлов, В. В. Ковалев*

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Цель исследования состоит в том, чтобы раскрыть алгоритм написания текста диссертации как особого научно-квалификационного жанра.

Методологическая база исследования основывается на теоретическом наследии А. В. Лубского. В качестве опорных выступают разработанные им понятия «методологический конструкт», «концепция как замысел», «концепция как результат».

Результаты исследования. Авторы предлагают одну из возможных моделей написания текста диссертационной работы. Для нее характерны следующие особенности: 1) четкое определение последовательности каждого из фрагментов; 2) нелинейный порядок написания структурных компонентов текста; 3) алгоритмичность процесса создания текста диссертации; 4) решение проблемы внутренней целостности диссертации через разработку эмпирических индикаторов. Данный подход основан на представлении, что диссертация есть не просто способ выразить идеи и обосновать их, используя арсенал методических средств социологии, это еще и своего рода научный тренинг. Итогом этого процесса должен стать не только качественный текст, но и подготовка профессионального ученого высокой квалификации.

Перспективы дальнейших исследований авторы видят в создании более детализированного учебно-методического пособия, разработанного для аспирантов и их научных руководителей. В нем планируется расширить изложенные в тексте данной статьи идеи и сопроводить их соответствующими примерами. Также мы планируем сделать больший акцент на эмпирических разделах диссертационной работы.

Ключевые слова: диссертация; методологический конструкт; концепция диссертации; профессиональная культура; профессиональное мастерство; соискатель ученой степени; научный руководитель.

THESIS AS A SCIENTIFIC QUALIFICATION WORK: STEP-BY-STEP SCENARIO OF WRITING A TEXT

© 2020 A. V. Dyatlov, V. V. Kovalev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The aim of the study is to reveal the algorithm of writing the dissertation text as a special scientific qualification genre.

The methodological base of the research is based on the theoretical heritage of A. V. Lubsy. The concepts developed by him are «methodological construct», «concept as an idea», «concept as a result».

Research result. The authors suggest one of the possible models for writing the text of a dissertation work. It is characterized by the following features: 1) clear definition of the sequence of each of the fragments; 2) non-linear order of writing the structural components of the text; 3) algorithmicity of the process of creating the text of the dissertation; 4) solving the problem of internal integrity of the dissertation through the development of empirical indicators. This approach is based on the idea that a dissertation is not just a way to express ideas and justify them using the arsenal of methodological tools of sociology, it is also a kind of scientific training. The result of this process should be not only a high-quality text, but also the training of a highly qualified professional scientist.

The authors see **prospects for further research** in the creation of a more detailed training manual developed for graduate students and their supervisors. It is planned to expand the ideas presented in the text of this article and accompany them with relevant examples. We also plan to put more emphasis on the empirical sections of the dissertation work.

Key words: dissertation; methodological construct; dissertation concept; professional culture; professional skills; degree applicant; scientific supervisor.

Введение. У авторов есть, как минимум, две причины для написания данной статьи.

Первая причина — снизить напряженность при обсуждении диссертаций на этапе «предварительной защиты» на заседании соответствующей кафедры. Как правило, диссертационный текст представляет собой результат долговременных усилий соискателя ученой степени и его научного руководителя (консультанта). Вместе с тем само обсуждение готовой работы нередко превращается в острое и бескомпромиссное противостояние позиций и подходов, которые между рецензентами принципиально невозможно согласовать. Если это касается аспекта так называемой «точки зрения на проблему», то для любого научного обсуждения подобная ситуация в норме вещей. Однако часто противоречия происходят из других источников: принципиально *иного* понимания диссертации как

«научно-квалификационного жанра». Поскольку любой диссертационный совет обладает своими особенностями, сложившимися в рамках научной школы, из представителей которой он в основном сформирован, то условием принятия диссертации к защите является соответствие конвенционально выработанным в данном сообществе стандартам. Такая практика основывается на убежденности, что внешние требования, в первую очередь, методологического характера, выступают необходимым условием, способным обеспечить искомые ожидания научного результата максимально высокого качества. Представленный ниже текст рассматриваем как предложение к началу дискуссии, результатом которой может стать выработка наиболее общих представлений по критериям качества диссертационной работы, а заодно и научной технологии его написания.

Вторая причина — в области памяти, научной и человеческой. 10 июня ушел из жизни Анатолий Владимирович Лубский. После себя он оставил беспрецедентное по масштабам наследие: свои идеи, труды и учеников. Наш долг, человеческий и научный, сохранить все это, не растерять, не снизить ту высокую планку, которая им была установлена для вхождения в мир науки, творчества на научном поприще. Профессор А. В. Лубский определил методологические ориентиры, на основе которых в течение длительного времени осуществлялась работа Диссертационного совета по социологическим и философским наукам в Ростовском государственном (позднее Южном федеральном) университете. Наша задача сейчас — сохранить научную преемственность.

Эта статья адресуется соискателям и аспирантам, их научным руководителям (консультантам), а также нашим коллегам, чья деятельность в той или иной форме связана с представлением работ в Диссертационный совет по социологическим наукам. В ней будут затронуты наиболее актуальные, с нашей точки зрения, вопросы, касающиеся правил написания и критериев оценки кандидатских и докторских диссертаций.

Основная часть. С чего начинается любая диссертация? Опыт руководства аспирантами и соискателями подсказывает, что она начинается с весьма тривиального: желаний указанных субъектов стать обладателями определенной степени кандидата или доктора наук, т. е. с личной мотивации. Но мотивация, если она не подкреплена знанием о том, как подготовить текст диссертации, останется всего лишь нереализованным или неправильно реализованным импульсом. Работа над диссертацией — это специфический вид научного ремесла, которому необходимо учиться, как и любой другой ремесленной деятельностью. Наука, безусловно, нуждается в интеллектуальной одаренности, подкрепленной вдохновением и ежедневной рутинной работой, но даже всего этого — личной заинтересованности и наличия соответствующих способностей — может оказаться недостаточно, чтобы написать хорошее диссертационное исследование. Кому-то из соискателей станет довольно общих указаний и самой поверх-

ностной корректировки его труда, но в большинстве случаев обучение научному ремеслу занимает не один год. Диссертация относится к особому жанру, работа в рамках которого подчинена строгим правилам и оценивается как успешная лишь в случае согласованности с установленными научным сообществом квалификационными требованиями. Залогом этого является соблюдение ряда правил. Исходный принцип, базовый постулат, в соответствии с которым далее будет излагаться текст статьи, состоит в том, что диссертация должна писаться в строго определенном порядке, разделенном на несколько этапов. Выполнение одного этапа следует считать условием перехода к следующему. В диссертации нет чего-то важного или неважного, более значимого или малозначительного. Каждый ее логический фрагмент должен венчаться достижением результата, отражающего целостный характер диссертации как разновидности научно-квалификационного жанра. Если соискатель не справился с каким-то отдельным этапом работы, то это неизбежно отразится на качестве всего последующего исследования.

Прежде чем мы перейдем к характеристике разных текстуальных фрагментов диссертации, кратко определим ее главные компоненты. Она подразделяется на следующие части: **Введение**, включающее в себя концепцию диссертации как замысел и концепцию как результат [1], **Основную часть**, состоящую из глав и параграфов, и **Заключение**. Как уже было сказано, каждый из выделенных разделов имеет свою очередность при написании текста. Но при этом нельзя забывать, что диссертация должна обладать внутренним единством, а это легко потерять при любом искусственном разделении работы на фрагменты. Преодоление этой опасности — важнейшее умение, которое отражает приобретенную способность к научному ремеслу. Оно зависит от многого, и об этом будет сказано в соответствующих текстуальных частях статьи.

Отвечая на поставленный в начале основной части статьи вопрос, отметим, что любая диссертация начинается с научной идеи. Не с названия, которое можно менять вслед за изменениями в тексте, не с объекта и предмета, о существовании которых соис-

катель научной степени может и не догадываться, не с оглавления, которое невозможно составить сразу из-за сложностей, связанных со структурированием проблемы. Именно с идеи.

Идея лежит в основе любого научного творчества. Она характеризуется особенной формой дуалистичности. С одной стороны, идея обеспечивает целостность научного результата, оформляя в строгие рамки направления эвристического поиска, с другой, исключает его завершенность, подчеркивая бесконечность процесса познания, невозможность достижения какого-то идеала, устраивающего всех ученых [2]. Оба этих аспекта как нельзя лучше подходят к работе над диссертацией. В идее отражается некая полезность предлагаемого текста, что помогает выстроить актуальность. Идея связывает красной нитью объект, предмет, цель, гипотезу, структуру работы и усложняется за счет новых смысловых граней в новизне и тезисах, выносимых на защиту. Если редуцировать, не искажая понятия, то идею можно определить в качестве главной мысли реализуемого научного проекта. Эта мысль, пронзая диссертацию от введения до заключения, должна быть концептуализирована посредством совершения операций с базовыми понятиями и эмпирически обоснована.

Если у соискателя нет идеи, то работу над текстом диссертации следует отложить. Игнорирование этого требования потенциально содержит в себе две угрозы, способные серьезно ухудшить качество полученного результата: «безыдейная» диссертация может оказаться либо имитацией научной работы, либо не иметь внутреннего единства. В первом случае текст сразу надо отбраковывать, и маловероятно, что он когда-то окажется принятым к защите. Вторая угроза для работы не столь фатальна, поскольку отсутствие внутренней целостности «всего лишь» выступает показателем дефицита должной рефлексии в процессе написания текста. Такую диссертацию еще можно «спасти», внеся в нее соответствующие изменения, но это излишний труд и время, которое будет потрачено нерационально. Более продуктивно — подойти к работе над диссертацией по всем правилам на самом начальном этапе, чтобы избежать неожиданных сложностей в ходе

предварительной (кафедральной) защиты. Идея обеспечивает нам ясное понимание того, «что» и «зачем» мы делаем на разных промежутках подготовки диссертационного исследования, помогая реализовывать научную рефлексию над текстом.

После того как четко сформулирована идея диссертации, наступает первый этап работы собственно над самим текстом. Он был назван А. В. Лубским «концепция как замысел». Его компоненты включают в себя тему, актуальность, степень научной разработанности, объект и предмет исследования, цель и задачи, гипотезу и структуру диссертации.

В самом начале творческого пути тему допустимо сформулировать только ориентировочно. Если есть осмысленная идея, то, возможно, глобальных корректировок не произойдет, но на практике такое встречается крайне редко. На наш взгляд, наиболее идеальная конструкция темы представляет собой формулировку объекта исследования, а через двоеточие — его предмета. Поэтому тема, определенная однажды, не один раз еще может измениться. Лишь одно применительно к этой стадии — нужно сказать четко и определенно: тема должна соответствовать паспорту специальности. Следовательно, первостепенная задача соискателя ученой степени — ознакомиться с этим документом самым внимательным образом.

После темы необходимо определиться с объектом исследования, отложив на время в сторону актуальность и степень научной разработанности. Под объектом в социологии понимается часть социальной реальности, на которую направлен когнитивный интерес социолога [3]. Здесь крайне важно понимать, какая область социологии интересна соискателю ученой степени и где он видит актуализированную для социума проблему. Это очень ответственный момент исследования, который должен быть четко и безошибочно отрефлексирован. Без явно выраженного интереса научное творчество немислимо. Проблемой необходимо в хорошем смысле «заболеть». Поэтому фразы соискателя вроде «дайте мне тему» должны вызвать настороженность у научного руководителя, прежде всего, в контексте опасений относительно того, будет ли такая диссер-

тация когда-нибудь полностью завершена. Определение объекта — это начало поиска научной проблемы. Объект следует сформулировать максимально кратко. Если он получается слишком обобщенным, то допустимо придать ему уточняющие социальные характеристики, которые покажут основания его концептуальной взаимосвязи с предметом. Точное и согласованное с идеей и темой определение объекта укажет на то направление, по которому следует идти для прояснения предметной области диссертации.

«Предмет диссертационного исследования — это фрагмент объекта или ракурс его изучения...» [4, с. 43]. Определить предмет исследования едва ли возможно без тщательного изучения объекта. Его не выявить с чистого листа посредством так называемого «чистого разума». Он должен быть тем полем в социологии, которое другим социологом еще не вспахано (либо «пахалось» давно или не должным образом). Понять наличие научных лакун представляется возможным лишь в процессе изучения сложившегося вокруг объекта исследования научного дискурса. Поэтому в этой части написания диссертации ломается линейная логика работы, т.к. от объекта и **Введения** в целом следует перейти к параграфу 1.1, который в любой диссертации имеет стандартное название «Теоретические подходы к исследованию...» или «Изучение дискурсивного пространства...». Задача этого параграфа состоит в том, чтобы найти в объекте ту его умозрительно выделяемую часть, которая не получила должного внимания в сложившейся традиции изучения вопроса, то есть предмет исследования. Очевидно, что предмет надо строго соотносить с темой и идеей диссертации. Поиск предмета исследования позволяет четко понять характер научной проблемы, решение которой должно обеспечить прирост нового знания. Поэтому логичным завершением параграфа 1.1 выступает не только выход на предметное пространство, но и уточнение научной проблематики, на решение которой будет направлено основное содержание текста диссертации.

Определившись с проблемой и сформулировав рабочий вариант предмета исследования, далее соискатель может перейти к написанию актуальности выбранной темы диссертации.

Актуальность нельзя считать простой отпиской, ритуальной частью текста. Через актуальность приходит понимание основного круга вопросов, которые будут рассматриваться в диссертации. По своей сути эта часть работы является расширенной постановкой проблемы. В первую очередь надо показать, на какую социально значимую проблему нацелено исследование (социальная актуальность). Ее не нужно придумывать искусственно. Социальная реальность обеспечивает научное сообщество актуальными проблемами каждый день, наслаивая новые на нерешенные старые. Заявляя о своих намерениях исследовать что-то значимое, социолог демонстрирует *общественную полезность предполагаемой им работы*. Игнорирование этого требования ставит под сомнение социальную ценность исследования, превращая его в схоластический продукт. Следующая логическая часть — научная актуальность. Ее роль имеет троякий характер. Во-первых, показать, что проблема ранее в науке не решалась. Во-вторых, решалась, но неправильно. В-третьих, решалась, но социальная ситуация изменилась, и требуется новое решение. Для констатации актуальности подойдет любой из трех предложенных вариантов. Но, важно заметить, что не все социальные проблемы могут стать предметом научного интереса, в том числе социологии, поэтому, оценивая научный аспект актуальности, необходимо показать, что решение заявленной социальной проблемы возможно посредством именно тех ресурсов, какие имеются в арсенале социолога.

После завершения работы над актуальностью соискатель имеет, помимо нее самой, также идею, тему, объект и предмет исследования, а кроме того, параграф 1.1 в качестве основы для написания степени разработанности научной литературы. Самое время сформулировать цель исследования. Однако, как показывает практика, с этим у соискателей ученой степени большие проблемы.

Наиболее распространенная ошибка при ее формулировке — подмена цели предметом. Осуществляется это посредством нехитрой комбинации, когда перед предметом ставятся слова «исследовать» или «изучить», обозначающие реализацию интеллектуальных операций с предметной областью диссертации.

Здесь наиболее подходящее место, чтобы разъяснить соискателю ученой степени разницу между этими двумя аспектами концепции. Предмет представляет из себя проблемные направления исследования, умозрительно выделенные внутри объекта. Они формулируются кратко, тезисно, отражаясь практически буквально в названиях эмпирических подразделов диссертации. Внутреннее единство основных направлений предмета исследования обеспечивается соотнесенностью с идеей. Цель содержательно связана с предметом, опять же, посредством идеи, но означает не направления исследования, а его желаемый результат, который ученый хотел бы достичь в завершающей стадии работы.

Фундаментальная сложность при определении цели непроизвольно подталкивает соискателя ученой степени к упрощению концептуализации проблемы, отчего страдает, в первую очередь, качество диссертационной работы. Отсутствие цели, по сути, выдает непонимание общей картины того, чем он занимается. Как следствие, диссертация разбивается на ряд фрагментов, не имеющих между собой четкой связи. И даже если в завершении работы эти фрагменты удастся как-то образом «склеить», готовый результат во многом оказывается имитационным, т.к. не происходит синергии смыслов: изолированные содержательно результаты не обогащают друг друга качественно новым знанием. А между тем, именно ради этого нового знания и пишется любая диссертация.

Решить эту проблему на стадии разработки концепции не так-то просто, даже при наличии четко осознаваемой идеи. Главная трудность состоит в том, что исследователь, особенно молодой и начинающий, на этом этапе работы над диссертацией еще не владеет методологическим инструментарием и не имеет дифференцированных представлений о предмете исследования. Не обладая представлением о глубине и масштабах проблемы и не располагая инструментами для ее решения, исследователь сталкивается с затруднениями при определении желаемого результата. В связи с этим мы рекомендуем цель пока сформулировать гипотетически. Проверить ее приемлемость можно в процессе написания параграфа 1.2, который в традиции нашей социологической школы принято

называть «Методологический конструкт исследования...» (далее по тексту прописывается предметное поле диссертации).

Понятие «методологический конструкт» введено в научный оборот А. В. Лубским. Оно было неоднозначно оценено коллегами ростовской социологической школы и в какой-то степени вызвало непонимание среди других социологических коллабораций. Неприятие мотивировалось опасениями относительно того, что новое понятие станет избыточным по смыслу и трудоемким с точки зрения его использования в научной деятельности. Невзирая на это, термин занял базовое место в методологическом инструментарии ростовских ученых, превратившись в визитную карточку и узнаваемый маркер Диссертационного совета, возглавляемого Ю.Г. Волковым. Однако сейчас возникают опасения совсем иного порядка, что может произойти упрощение исследовательской работы, снижение профессиональной научной культуры, и, как следствие, тех требований, которые предъявляются к соискателям ученой степени. В связи с этим мы считаем необходимым написать краткую апологию методологическому конструкту, отмечая не столько его содержательные аспекты, сколько тот потенциал, которым он обладает, чтобы обеспечить исследователя необходимым инструментарием для написания качественной диссертации.

Методологический конструкт нельзя назвать чем-то принципиально новым, что прежде совсем не было известно теории познания. Но это и не продукт псевдоинтеллектуальной игры в виде нового наименования старого научного инструментария. Он создан на двух основаниях: методологии и операционализации понятий [5]. При этом в качестве методологии понимается в узком смысле слова теоретическая платформа под выстраиваемую научную концепцию.

На этом следует остановиться немного подробнее. Начинающие ученые нередко делают серьезную ошибку, допуская в диссертациях методологический винегрет. Это происходит, когда при характеристике едва ли не каждого базового понятия используется отдельный теоретический подход, нередко противоположный тому, который применялся в отношении предыдущего понятия. Очевидно, в таких случаях ставится цель показать

свою глубокую компетентность в теории социологии. Однако диссертация — не место, где демонстрируется начитанность. Методологическая непротиворечивость необходима для создания концептуальной стройности, и игнорирование этого правила ведет к утрате внутреннего единства в работе. Каждая теория содержит определенный вектор, обращенный в эмпирическое пространство с неким императивно-аналитическим посылом. Выбранный подход не только отвечает на вопрос «как будет изучаться предмет диссертационной работы?», но и одновременно содержит в себе уже сложившуюся традицию изучения, которая неизбежно поставит соискателя в жесткие рамки когнитивных возможностей. Попросту говоря, то, что изучается в рамках структурного функционализма, недопустимо исследовать с применением постмодернизма. И если таких взаимно противоположных теорий окажется много, то автор сам себя поставит в тупик в процессе выбора исследовательского маршрута при решении эмпирических задач.

Это требование, прежде всего, относится к кандидатским диссертациям, т.к. молодые ученые чаще всего не обладают необходимым уровнем профессиональной культуры и научного мастерства. Иное дело — диссертация на соискание ученой степени доктора наук. В них полипарадигмальный подход с надлежащим применением обещает выход на более высокий уровень научной продуктивности.

Таким образом, первую часть методологического конструкта можно назвать внутренне непротиворечивой моделью исследования, включающей в себя теоретические установки на изучение предметного пространства диссертации.

Второе основание методологического конструкта сформулировано как операционализация ключевых понятий [6]. Этот смысловой аспект соискателями также часто понимается формально или неправильно. В лучшем случае соискатель полагает, что если он даст определения понятийному аппарату, то методологический конструкт построен. При этом не принимается во внимание, что в теории познания, помимо определения, выделяются такие операции, как обобщение, ограничение, деление, класси-

фикация, сложение, описание [7]. Любая из указанных операций способна иметь не меньшее значение, чем определение. Вопрос выбора известных в логике операций с понятиями зависит от поставленной проблемы, а также от предмета и избранных методов исследования. Но, по нашему мнению, в числе обязательных должны быть использованы определение, деление и классификация. Без них не представляется возможным раскрыть соотношение между понятиями, а именно на этом основана их операционализация как процесс построения теоретической модели, ориентированной на предметное пространство исследования.

По своей сути операционализация понятий означает процедуру установления связи между концепцией исследования и эмпирическими методами, необходимыми для изучения предметной области диссертации. А.В. Лубский предложил оригинальный способ осуществления операций с понятиями, позволяющий перед началом работы над эмпирическими разделами диссертации построить концепцию. Данный способ можно назвать «принципом матрешки». В первую очередь операции проводятся с понятием, отражающим объект исследования. Выбираются те виды операций, которые лучше и полнее позволяют установить концептуальную связь с предметом. Затем выделяются другие понятия, содержательно характеризующие предметное пространство. Каждое из них последовательно будет уже с все меньшим содержательным объемом, но не в общем смысле, а относительно связи научной идеи с разрабатываемой концепцией. При таком подходе достигается редукция понятийного аппарата, позволяющая переводить сложные категории в измеряемые социологическими методами количественные характеристики предмета исследования. Цементирующим раствором становится идея диссертации. Именно ее четкое понимание обеспечивает сохранение логической связи между всеми компонентами концепции, а следовательно, и отражающими их содержательный объем понятиями. Если операционализация проведена правильно, то любую концепцию окажется возможным изобразить в форме кругов Эйлера. На их пересечениях можно будет легко увидеть ту социаль-

ную проблематику, которая была заявлена автором в актуальности темы исследования. Это даст возможность окончательно определиться с темой, объектом, предметом, целью, задачами и одновременно выйти на понимание того, какие эмпирические методы лучше всего использовать для исследования предметного пространства, решения задач и достижения поставленной цели.

Завершающим этапом операционализации понятий должно стать определение индикаторов, необходимых для «...сбора и систематизации эмпирического материала» [8, с. 43–44]. Эмпирический индикатор чаще всего понимается соискателем ученой степени формально, вне всякой связи с предметом исследования и без какой-либо возможности использовать его как инструмент для количественных измерений. Как правило, это проистекает от столь же формального отношения к операционализации понятий, когда фактически не происходит установления связи между концептуальной моделью и эмпирическими методами, нет той самой последовательной редукции понятийного аппарата, которая является когнитивным маршрутом для формирования прочной спайки между теоретической и практической частями исследования. Индикатор тоже не может быть продуктом «чистого разума» и определяться априори. Его выбор предстает результатом упорядоченной последовательности интеллектуальных усилий, подчиненных четко определенной исследовательской логике. Кроме того, ошибка в выборе индикаторов имеет место также из-за элементарного незнания его определения.

Определимся, что под этим термином применительно к диссертации по социологии мы будем понимать характеристику предмета исследования, которую можно измерить посредством количественных показателей.

После установления индикаторов далее соискателю надлежит выбрать методы. Их следует отбирать таким образом, чтобы они имели соответствующий потенциал для сбора эмпирической информации в рамках определенного в концепции предметного поля. Правильный выбор методов обеспечивает исследователя эффективным инструментом для достижения поставленной цели. Данный вопрос очень сложный, и его полно-

ценное разъяснение требует слишком большого текстуального пространства, но нельзя не отметить, что избранный метод должен быть посильным соискателю ученой степени и адекватным выведенным индикаторам. Если соискатель не располагает достаточным объемом ресурсов, например, чтобы провести всероссийский опрос с масштабной выборкой, то ошибка при выборе методического арсенала способна привести к формализации или даже фальсификации полученных результатов. Адекватность заявленным индикаторам означает допустимость применения конкретного метода к сформулированному предмету исследования.

Итак, методологический конструкт — это расположенная на внутренне непротиворечивой методологической платформе теоретическая модель исследования, выстроенная посредством операционализации понятий с применением редукционистского подхода, нацеленного на обеспечение внутреннего единства теоретической и эмпирической частей диссертации. Его использование позволяет рассматривать диссертацию в качестве реализованного социологического проекта, где теория и практика представляют собой органически целостное содержание.

Созданием методологического конструкта завершается работа над первой главой диссертации. Параллельно этому соискатель должен быть готов закончить написание той части **Введения**, которое было определено в виде концепции как замысла. Как видно, работа над концепцией во **Введении** пишется одновременно с теоретико-методологической главой. После того как первая глава завершена, необходимо в окончательной редакции прописать предмет и цель исследования. Это обязательное условие, поскольку без его соблюдения у соискателя не будет четкой картины относительно того, как структурировать по главам и параграфам эмпирические разделы диссертации. Дифференциация предмета исследования обеспечивает возможность отразить ее в структуре диссертации, а ясная формулировка цели не позволяет потерять целостность эмпирической части и понимания того, чем работа должна завершиться.

Итак, структура работы определяется сразу после написания теоретико-методологической главы. Каких-то жестких рекомен-

даций по оглавлению нормативные документы министерства науки и высшего образования и ЮФУ не дают. В традиции нашей социологической школы текст диссертации структурировать на две или три главы, разбитые, соответственно, на три или два параграфа. В большинстве случаев «двуглавые» диссертации пишутся при наличии т. н. двойного объекта. Они предполагают включение в первую главу двух подразделов с характеристикой дискурсивного пространства. Третья же позиция традиционно занимает методологическим конструктом. Эмпирическая глава при таком подходе делится на три подраздела, отражающих определенный тип исследовательских операций: первый — анализ социальной ситуации по предмету исследования; второй — собственное социологическое исследование предметного пространства; третий — предлагаемые рекомендации, принятие которых поспособствует решению социальной проблемы, выделенной в рамках предметного поля диссертации.

Трехглавые диссертации имеют несколько иную структуру. Загонять ее в тесные когнитивные рамки едва ли продуктивно, но общие пожелания высказать следует. Первая глава — теоретико-методологическая, состоит из дискурсивного пространства по объекту исследования (первый параграф) и методологического конструкта (второй параграф). Вторая глава — собственное эмпирическое исследование, где выделение двух параграфов отражает композицию предмета диссертационной работы. Для повышения достоверности и репрезентативности рекомендуем собственное исследование дополнять эмпирическими данными, полученными другими социологами. Третья глава — прогнозы, оценки, социальные риски, решения, предложения и т. п., конкретная конфигурация которых обусловлена спецификой социальной ситуации, решаемой проблемой и постановкой цели.

Определив структуру диссертации, легко изложить решаемые задачи. Они должны с зеркальной точностью отражаться в параграфах, что покажет их функциональную направленность как этапов достижения цели.

Завершается первый этап работы над **Введением** выдвижением гипотезы. Опыт обсуждения диссертаций показывает, что не «проходило» практически ни одной ра-

боты, в которой гипотеза была бы принята с первого раза. Критика ее давно стала правилом хорошего тона. Подобная ситуация сложилась по двум причинам. Во-первых, безошибочно гипотезу сформулировать крайне сложно. Во-вторых, в науке есть несколько подходов к ее конструированию, представляющих особенность научных школ.

Сложность формулировки связана с тем, что она производна от всего предыдущего процесса работы над диссертацией. Если где-то совершена системная ошибка, это неизбежно скажется на качестве гипотезы. Помимо этого, она должна обладать таким свойством, как проверяемость. То есть автору необходимо закладывать в нее такое предположение, которое может быть верифицировано с применением выбранных им социологических методов либо с использованием арсенала методов математической статистики через соответствующую модель.

Дополнительной трудностью, порождающей разногласия среди рецензентов, выступает отсутствие согласованности среди ученых относительно конструкции гипотезы. В теории, а также в установках научных руководителей (консультантов) можно встретить самые разнообразные модели, которые различаются количеством, объемом, масштабностью и т. п. Предложим свой вариант решения проблемы. По нашему мнению, для всей работы должна быть одна гипотеза, но ее нельзя сводить лишь к проводимому социологическому исследованию. Наиболее оптимальный объем — от четверти до трети страницы. Меньший не позволит отразить содержание основных вопросов, а больший способен привести к появлению несущественных деталей и проблемам цельности ее восприятия. Гипотеза как выдвинутое предположение должна объединять теоретическую модель, социальную проблему, собственное эмпирическое исследование. В ней необходимо подчеркнуть социальную значимость объекта, выявленные проблемы в предметном поле и заявить, что предлагаемая идея способствует решению выявленных проблем в предмете исследования. Также гипотеза должна быть подтверждена, иначе работа теряет социальную ценность.

Дальше начинается работа над второй и третьей (при наличии) главами диссертации. На этом этапе автор создает свою

собственную «кухню» или, если угодно, творческую лабораторию, куда мы считаем нецелесообразным вмешиваться со своими рекомендациями. Единственное, что следует сказать однозначно и категорично: диссертация не может получить высокой оценки, если ее эмпирическая часть окажется выписанной только с применением вторичного анализа заимствованного материала. Собственное исследование считаем обязательным!

В завершение работы над текстом диссертации пишется **Заключение** и та часть **Введения**, которая определена в виде концепции как результата.

Заключение оставим на усмотрение авторов, т.к. его качество отражает уровень исследовательского мастерства соискателя, начинающего уже потихоньку мечтать о получении ученой степени. Что касается завершающей части **Введения**, то оно включает в себя теоретико-методологические основы и эмпирическую базу исследования, новизну, положения, выносимые на защиту, теоретическую и практическую значимость, а также апробацию.

Теоретико-методологические основы — это обоснование тех социологических подходов, которые избраны для представления непротиворечивой теоретической модели исследования. В ней необходимо сделать краткую рефлексию на то, каким образом эти подходы оказали помощь в разработке концепции и для решения какого рода задач они применялись. В *эмпирической базе* следует изложить все методы, которые использовались автором в целях изучения предметного поля: вторичного характера и собственного социологического исследования. *Тезисы новизны*, как и *положения, выносимые на защиту*, нужно строго согласовать с прописанными ранее задачами. Они должны соответствовать им по количеству и быть единообразными по содержанию. В тезисе обосновывается прирост нового знания при решении определенной задачи, а в положении подробно раскрывается содержание этого нового знания. Оптимальный объем тезиса — 4–6 строк, а положения — от половины до трех четвертей страницы. *Теоретическая и практическая значимость* включают в себя обоснование того, какое значение полученные в диссертации результаты могут иметь для науки

и общества, что органически закольцовывает все структурные компоненты **Введения** в единое целое: от декларируемой актуальности до подтверждения научной и социальной полезности итогов исследования. И, наконец, *апробация* означает, что результаты, достигнутые автором при работе над диссертацией, получили признание в научном сообществе как достойные публикации.

Заключение. Предложенный текст представляет из себя попытку изложить алгоритм написания диссертации, ее пошаговый сценарий. Это не просто формальное описание составных частей в заданной последовательности, а попытка заглянуть в исследовательскую мастерскую молодого ученого. Данная статья обращена, в первую очередь, к аспирантам и соискателям кандидатской степени. Сообразно этому предложенный порядок выполнения исследовательских операций отражает их усредненный уровень научной культуры и мастерства. Мы учитывали в своей работе, что большинство молодых специалистов недостаточно подготовлены к научной работе. У многих из них отсутствует общая картина того, как следует трудиться на научном поприще. Между тем существующие рекомендации по написанию текстов диссертаций, написанные строго академично, как правило, понятны докторам наук с высоким уровнем методологической подготовленности и едва ли в состоянии помочь начинающим ученым. Нами предложен принципиально иной подход к объяснению процесса написания текста. Диссертация в таком понимании — не просто способ выразить идеи и обосновать их, используя арсенал методических средств социологии. Это еще и своего рода научный тренинг. На каждом этапе ее создания диссертант учится мыслить концептуально, овладевает навыками научной работы, применяет эвристический подход. Итогом этого процесса должен стать не только качественный текст, но и подготовка профессионального ученого высокой квалификации. В дальнейшем, после защиты диссертации, он освободится от жестких квалификационных рамок и сможет в более свободной форме проявлять свой творческий потенциал. Но эти творческие усилия уже будут принадлежать специалисту, способному

самостоятельно и без внешних ограничений устанавливать внутри себя необходимые рамки: этические, научные, культурные.

Ведя диалог с потенциальными соискателями, мы одновременно обращались к их научным руководителям и рецензентам. Нами было предложено несколько определенных основных понятий, из которых складывается концепция диссертации, некоторые из них в науке вызывают споры, допускают неясные или двойственные толкования. Вряд ли можно рассчитывать на абсолютный консенсус между всеми заинтересованными сторонами, но публичную декларацию предложенной точки зрения рассматриваем, как шаг в этом направлении.

И, наконец, данной статьей мы заявляем верность тем традициям высокой методологической культуры, которые складывались на протяжении длительного времени вокруг диссертационного совета по социологическим и философским наукам, и намерены поддерживать их в своей дальнейшей работе.

Литература

1. Лубский А. В. Как не следует писать диссертацию, или зачем надо разрабатывать концепцию диссертационного исследования // Гуманитарий Юга России. — 2015. — №1. — С. 204–217.

2. Лезгина М. Л. Идея как форма научного познания // Философия права. — 2013. — №5. — С. 21–25.

3. Мартишина Н. И. Объект и предмет исследования (о том, как защитить диссертацию) // Омский научный вестник. — 2001. — №12. — С. 212–216.

4. Лубский А. В. Методология научного исследования. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. — 55 с.

5. Лубский А. В. Методология социального исследования. — М.: Инфра-М, 2017. — 154 с.

6. Лубский А. В. Методология региональных социально-гуманитарных исследова-

ний. — Ростов-на-Дону: СКГЦ ВН ЮФУ, 2009. — 341 с.

7. Курбатов В. И. Логика. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. — 512 с.

8. Лубский А. В. Методология региональных исследований. — М.: Инфра-М, 2019. — 223 с.

References

1. Lubsckij A. V. Как не sleduet pisat' dissertaciju, ili zachem nado razrabatyvat' koncepciju dissertacionnogo issledovanija [How not to write a dissertation, or why it is necessary to develop the concept of dissertation research] // Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]. — 2015. — №1. — Pp. 204–217.

2. Lezgina M. L. Ideja kak forma nauchnogo poznaniya [Idea as a form of scientific knowledge] // Filosofija prava [Philosophy of law]. — 2013. — №5. — Pp. 21–25.

3. Martishina N. I. Obekt i predmet issledovanija (o tom, kak zashhitit' dissertaciju) [Object and subject of research (on how to defend a dissertation)] // Omskij nauchnyj vestnik [Omsk scientific Bulletin]. — 2001. — №12. — Pp. 212–216.

4. Lubsckij A. V. Metodologija nauchnogo issledovanija [Methodology of scientific research]. — Rostov-on-Don: Izd-vo JuFU, 2015. — 55 p.

5. Lubsckij A. V. Metodologija social'nogo issledovanija [Methodology of social research]. — Moscow: Infra-M, 2017. — 154 p.

6. Lubsckij A. V. Metodologija regional'nyh social'no-gumanitarnyh issledovanij [Methodology of regional social and humanitarian research]. — Rostov-on-Don: SKGC VN JuFU, 2009. — 341 p.

7. Kurbatov V. I. Logika [Logic]. — Rostov-on-Don: Feniks, 2001. — 512 p.

8. Lubsckij A. V. Metodologija regional'nyh issledovanij [Methodology of regional research]. — Moscow: Infra-M, 2019. — 223 p.

Поступила в редакцию

30 сентября 2020 г.

Дятлов Александр Викторович — доктор социологических наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Dyatlov Alexander Viktorovich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

346500, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 346500, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: avdyatlov@yandex.ru

Ковалев Виталий Владимирович — доктор социологических наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Kovalev Vitaliy Vladimirovich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

346500, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 346500, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: vitkovalev71@gmail.com